

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА АРХИТЕКТУРНОГО
ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РИСУНКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА
ПРОБЛЕМЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

БРЕСТ 2014

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БРЕСТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КАФЕДРА АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ И РИСУНКА

**АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА.
ПРОБЛЕМЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Под общей редакцией доктора архитектуры, профессора В.Ф. Морозова

УДК 725.945(476.6)(476.7):796.5
ББК 85.11

*Рецензенты: С.А. Сергачёв, доктор архитектуры, профессор
В.В. Трацевский, кандидат архитектуры, доцент*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Морозов Валерий Францевич, доктор архитектуры, профессор Белостокской политехники, г. Белосток, Республика Польша

Устинович Ежи Романович, доктор наук, профессор, заведующий кафедрой «Архитектура локальных культур» Белостокской политехники, г. Белосток, Республика Польша

Морозова Елена Борисовна, доктор архитектуры, профессор, заведующая кафедрой «Архитектура производственных объектов и архитектурные конструкции» БНТУ, г. Минск

Панченко Татьяна Александровна, кандидат архитектуры, и.о. заведующего кафедрой архитектурного проектирования и рисунка БрГТУ, г. Брест

В сборнике научных трудов V Международной научно-практической конференции содержатся материалы, рассматривающие вопросы сохранения и культурно-туристического использования архитектурного наследия Прибужского региона.

Сборник предназначен для специалистов в области архитектуры и смежных областей знаний, преподавателей, научных и инженерно-технических работников, аспирантов, студентов.

УДК 725.945(476.6)(476.7):796.5
ББК 85.11

Бакша Е.Б.

ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕНОВАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ Г. БРЕСТА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ

В сложившейся экономической и градостроительной ситуации крупных городов Республики Беларусь остро стоит проблема промышленных территорий и промышленных сооружений как составляющих промышленных территорий, многие из которых в прошлом проектировались на окраине города, но по мере роста оказались окружены плотной городской застройкой. В настоящее время производственное функционирование многих предприятий, расположенных в городе, становится нецелесообразным, т.к. они устаревают технологически, физически и морально. О необходимости реконструкции промышленных зон и предприятий, высокой интенсивности использования данных территорий в городах говорится в Указе Президента Республики Беларусь от 05.05.2010 №234 (глава 3 «Стратегия развития производственных территорий»)[4].

Современные тенденции развития городов и Градостроительная политика Республики Беларусь, направлены на уплотнение городской застройки, ее рациональное использование. Одним из выходов из сложившейся ситуации является использование резервов пустующих и нерационально используемых промышленных территорий города и промышленных сооружений, составляющих промышленной площадки, за счет выноса промышленных функций за городскую черту и реконструкции и реновации промышленных объектов.

Реновация (лат. *renovatio* — обновление, возобновление, ремонт) — это процесс улучшения существующей структуры и замены более не актуальных архитектурных объектов из-за физической или моральной непригодности [1]. Реновация, благодаря созданию зон стабильности архитектурного пространства на основе сложившихся психологических факторов его восприятия, гармонично включает в городскую среду промышленную застройку и ее отдельные фрагменты [3, с. 7].

Использование внутренних территорий, архитектурно-пространственная и функциональная организация которых на сегодняшний день не соответствует их градостроительной значимости и потенциалу, обычно не предполагает реновацию и восстановление предприятий.

На территории г. Бреста прослеживается неоднородность сети промышленных сооружений и предприятий в структуре города. Основная их часть (крупные заводы) располагается в виде непрерывной цепи в восточной и северо-восточной части города. Отдельные комплексы находятся на периферии города, частично вклиниваясь в его жилую структуру. Некоторые локальные промышленные образования рассредоточены непосредственно внутри городской застройки. Все эти комплексы отличаются по времени постройки, по типу производства, а следовательно, и по виду сооружений. Существующие комплексы, занимая огромные участки города, имеют весьма разряженную застройку – плотность ее лишь местами увеличивается. В результате многие территории пустуют, заброшены и не освоены, их с учетом современной рыночной экономики и рентабельности эффективнее использовать под иные функции, а основную функцию предприятия вынести на периферию города с модернизацией производства.

Актуальность проведения реновации, внедрения альтернативных функций обуславливают ряд причин:

- **экономические** – внутренние территории промышленных объектов, функциональная и архитектурно-пространственная организация которых не соответствует требованиям градостроительной системы города, направлениям развития города, в практике строительства подвержены сносу объекта со строительством на его территории нового с иным функциональным назначением или «консервирование» объекта и прилегающих территорий, что значительно повышает затраты на проведение различных видов работ (снос объекта, расчистка территории, работы по демонтажу сооружения, охрана объекта и прилегающих территорий и др.);

Рисунок 1 – Заброшенные корпуса ОАО «Цветотрон» по ул. Карьерной, г. Брест

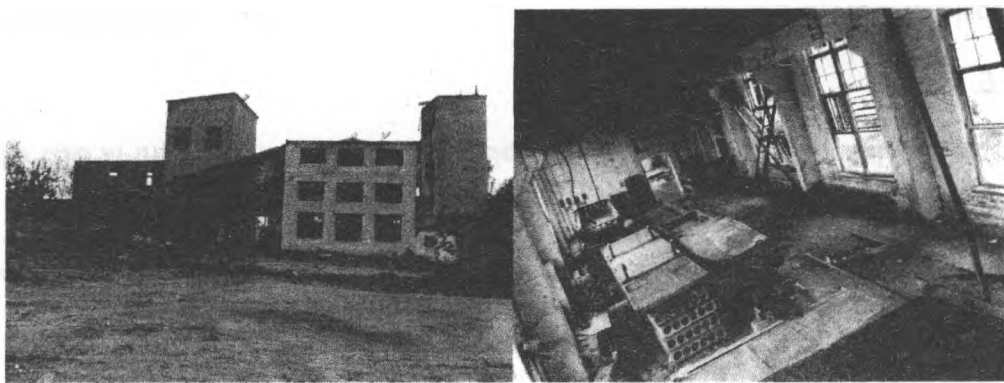

Рисунок 2 – Цементный завод по ул. Зубачева, г. Брест (рекомендован к сносу в 2012 г.)

- **технологические** – производственное оборудование и технологический процесс в целом постоянно модернизируются и ориентированы на новые типы промышленных сооружений с иным объемно-планировочным решением, которое не соответствует по различным критериям уже существующим объектам, вследствие чего реконструкция промышленного здания с модернизацией технологического процесса становится нецелесообразной;

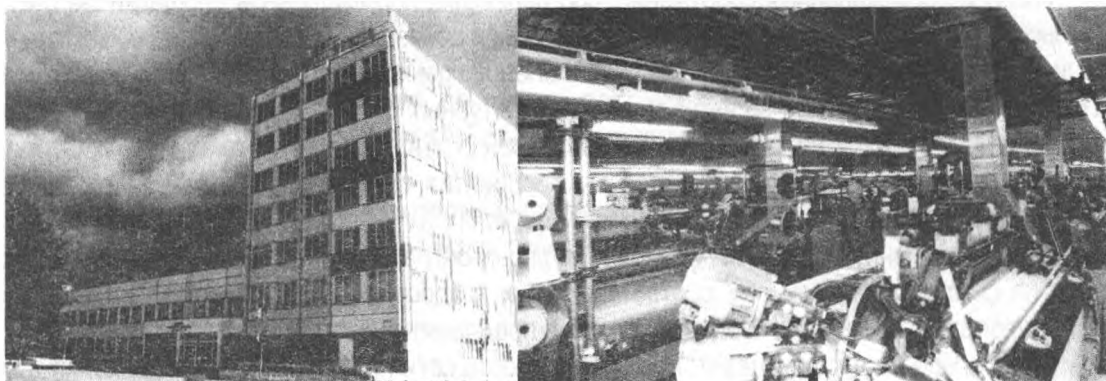

Рисунок 3 – ОАО «Ковры Бреста» по ул. Я. Купалы, г. Брест

- **социальные** – современная застройка города основана на развитии общего уровня культуры общества, создании более комфортных условий труда, развитии новых форм обслуживания, расширении номенклатуры объектов культурно-бытового и административного назначения и подавляет ранее доминирующую промышленную, как следствие, превращает ее в депрессивную застройку, изолированную от социальной среды города, и требует её пересмотра. Характерным примером является формирующийся торгово-административный центр вдоль главной магистрали ул. Московской микрорайона Восток. На данной территории исторически сформировался восточный промышленный узел, ранее являющийся центром тяготения трудовых ресурсов, но на сегодняшний день он не отвечает предъявляемым производственным и экономическим требованиям;

Рисунок 4 – Панорама застройки по ул. Московская, г. Брест

- **исторические** – доминирующее количество промышленных предприятий было построено на территории крупных городов РБ в середине XX в. по типовым проектам и не несут исторической ценности на сегодняшний день. Включение в планировочную структуру г. Бреста промышленных предприятий, которые были запроектированы на периферии для других градостроительных условий, привело к несоответствию размещения их функциональных зон относительно зонирования окружающей застройки. Ярким примером является восточный промышленный узел, который на сегодняшний день окружен плотной застройкой;

Рисунок 5 – Электромеханический завод по ул. Московская, г. Брест (сравнительный анализ застройки начала 1980-х и современного представления)

- **эстетические** – промышленные объекты зачастую имеют невыразительную архитектуру, безликие монотонные фасады производственных корпусов, тянущиеся вдоль основных городских магистралей и жилых улиц и, как правило, они огорожены серыми бетонными заборами, что негативно влияет на эстетику и архитектурный силуэт застройки. В связи с возросшими требованиями к архитектурным объектам, формирующим городскую среду, их низкий эстетический уровень является существенной причиной для проведения архитектурной реновации;

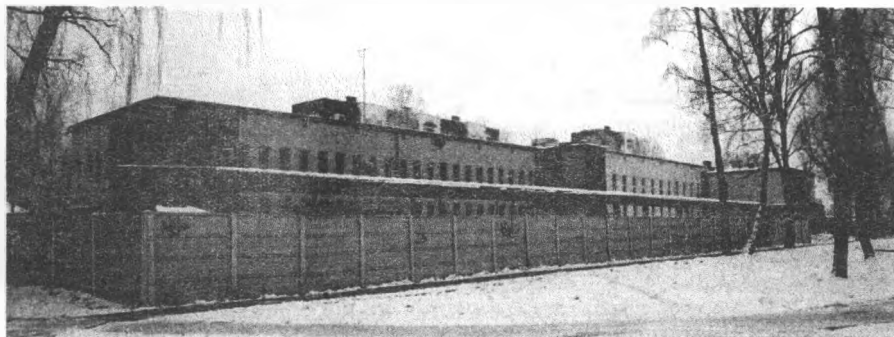

Рисунок 6 – ОАО "Цветотрон" по ул. Карьерная, г. Брест

- **экологические** – производственные предприятия, находящиеся в структуре крупного города, оказывают негативное воздействие на экологическую ситуацию (выброс вредных веществ в атмосферу, водные ресурсы, почву) и не отвечают экологическим нормам. По статистическим данным государственного учреждения "Республиканский центр радиационного контроля и мониторинга окружающей среды" экологическая обстановка в городе оценивается как одна из наиболее благополучных среди белорусских городов (количество выбросов загрязняющих веществ в воздух от стационарных источников по данным 2012 г. (в тысячах тонн): г. Минск – 30,9, г. Гродно – 11,5, г. Гомель – 11,3, г. Могилев – 6,5, г. Витебск – 3,7, г. Брест – 2,9), основными источниками загрязнения касательно промышленных объектов выявлены предприятия теплоэнергетики и ряд предприятий, имеющих выпуски сточных вод.

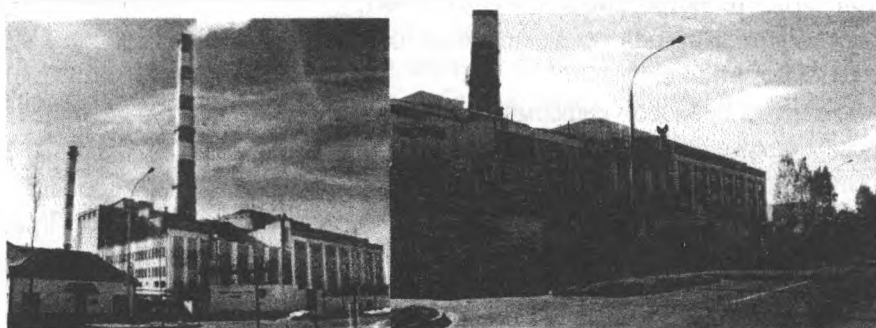

Рисунок 7 – Предприятие «Брестские тепловые сети» по проспекту Машерова, г. Брест

Исследуемая территория г. Бреста насчитывает большое количество промышленных предприятий, которые с учетом современной рыночной экономики и рентабельности эффективнее использовать под иные функции, а основную функцию с последующей модернизацией производства предприятия вынести за городскую черту. Новые промышленные предприятия строятся на периферии г. Бреста, формируя крупнейшую свободную экономическую зону страны, благодаря уникальному географическому положению на границе ЕС и СНГ, с инженерно-транспортной инфраструктурой, способной обеспечить практически любые производства, включая энергоемкие.

Проект генерального плана развития города Бреста, разработанного унитарным предприятием «БЕЛНИИПГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА» (объект №57.08 «Генеральный план г. Бреста. Корректировка») предполагает развитие производственной отрасли на территории формирующейся СЭЗ «Брест» в виде трех основных участков: «Козловичи», «Аэропорт», «Заводской» [5].

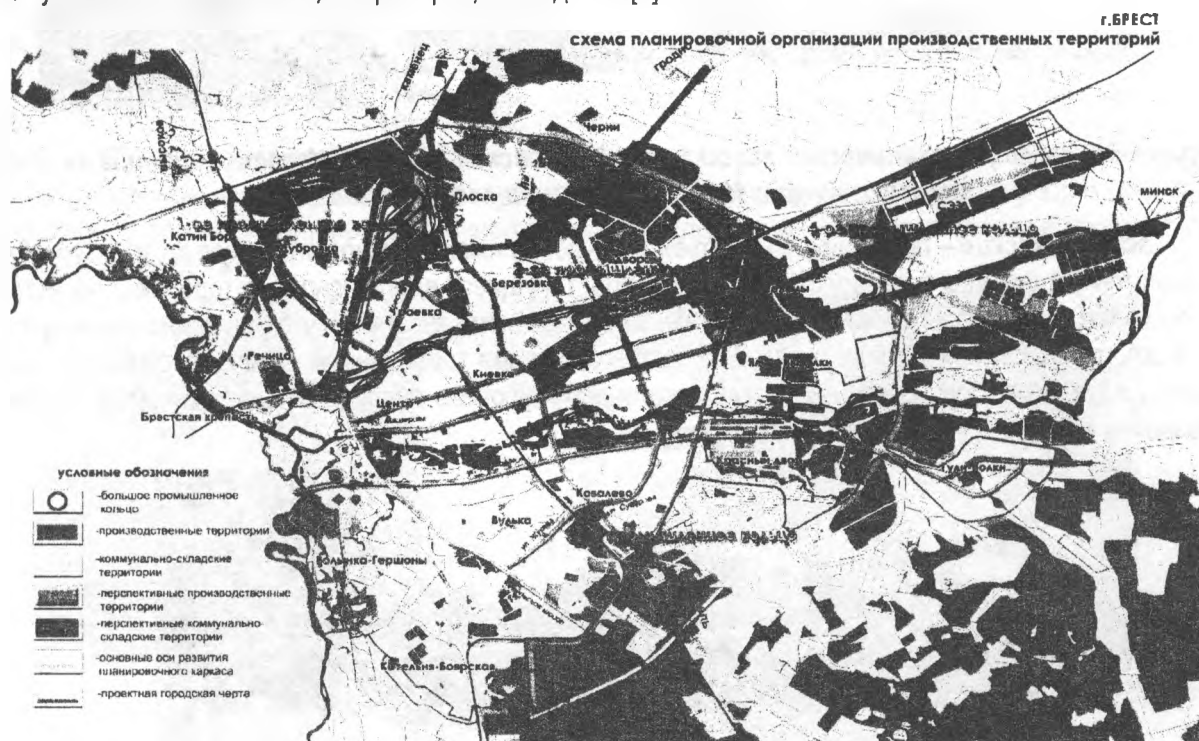

Рисунок 8 – Схема планировочной организации производственных территорий, г. Брест

Учитывая возможности развития промышленной отрасли города и анализ основных факторов реновации промышленных объектов можно говорить об актуальности данного направления архитектурной и строительной деятельности для уплотнения городской застройки и адаптации производственных зданий к динамической структуре г. Бреста.

Список цитированных источников

1. Российская архитектурно-строительная энциклопедия [Электронный ресурс] / Гл. ред. Е.В. Басин — Электрон. дан. — М.: Информационный сервер ООО «ВНИИНТПИ», 1996. — Режим доступа: <http://gosstroyvniintpi.ru/rase.htm>, свободный. — Загл. с экрана
2. Мамлеев, О.Р. Реновация исторических производственных зданий и их адаптация в городской среде // Архитектура. Строительство. Дизайн. – 2001. – №1.
3. Сысоева, О.И. Реконструкция промышленных объектов: учебное пособие / Архитектурный факультет. – Мн.: БНТУ, 2005. – 134 с.
4. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2003-2014 [Электронный ресурс] :база данных правовых документов Республики Беларусь. — Электрон. дан. (1 файл, 32 записи, 107 Кб). — Мн. — Режим доступа: <http://www.pravo.by/main>, свободный — Загл. с экрана.
5. Научно-проектное республиканское унитарное предприятие «БелНИИПградостроительства» [Электронный ресурс] //Архитектура / Брест<http://realt.onliner.by/tag/minsk>, Проекты: «Генеральный план г. Бреста. Корректировка» – Мн. - Режим доступа:<http://www.igup.by/ru> свободный. — Загл. с экрана.

ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Одной из исторических особенностей организации природоохранной деятельности на территории Брестской области, в том числе деятельности по созданию особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и объектов, является непоследовательность этого процесса, отсутствие в нем на протяжении длительного исторического периода времени целенаправленности и системности, что вызвано частой сменой государственной принадлежности территории. Власти каждого государства по-разному относились к природным богатствам нашей малой родины и не всегда заботились об их надлежащей охране. Необходимо учитывать также, что осознание важности природоохранной деятельности и понимание особой роли природоохранных территорий в деле охраны окружающей среды происходили в обществе постепенно, по мере возрастания масштабов хозяйственной деятельности.

Первые сведения о государственной форме охраны природы на территории Брестской области относятся к XI-XII вв. В это время был образован один из первых в Европе охотничьих заповедников – Беловежская пуца, где особое внимание уделялось охране зубра. Позже, в XVI в., когда территория области находилась в составе Великого княжества Литовского, был принят ряд нормативных актов, направленных на охрану лесной растительности, водоемов, отдельных видов животных. Однако эти мероприятия не носили комплексного или специального природоохранного характера. Они являлись составной частью мер по использованию природных ресурсов и имели целью предотвратить несанкционированное пользование определенными природными ресурсами со стороны тех или иных лиц. Так, в "Уставе на волоки", принятом в 1557 г., определялся порядок использования панских водоемов с целью рыбной ловли. В 1567 г. был издан Статут (Устав), направленный на охрану лесов (запрещалась вырубка леса без билета, предусматривались иные охранные меры). В связи с массовым уничтожением бобров принимались меры по их охране. В Ординации королевских пущ, составленной в 1641 г., давалось подробное их описание. Все великокняжеские леса делились на лесничества, в которых выделялись пуцы, охотничьи отступы и участки – кватеры. Для каждого лесничества был составлен особый устав, в котором предусматривался порядок использования и охраны лесов, иных природных объектов.

Новый этап в организации природоохранной деятельности начинается в XIX в. во время нахождения территории Брестской области в составе Российской империи. Так, в 1802 г. для усиления охраны зубров Беловежская пуца была объявлена заповедником, а в 1820 г. в ней была запрещена рубка лесов. В целях борьбы с браконьерством в конце XIX в. было принято решение о запрете для местного населения, проживающего на расстоянии до 15 километров от пуцы, иметь оружие. В 1861 г. Лесным департаментом были установлены правила охоты в государственных лесах, устанавливались сроки запретов на охоту, предусматривалось наказание за разорение птичьих гнезд, принимались меры по охране водо- и почвозащитных лесов. Охранными были объявлены леса по берегам рек Припять, Бобрик, Случь, Щара и др. В 1893 г. был принят закон, запрещающий рубки в этих лесах. В 1903 г. по инициативе Минского лесоохранного комитета в лесной даче Судче Пинского уезда на площади 137,5 га был создан один из первых заказников на территории современной Беларуси.

В 1934 г., в период нахождения основной части территории Брестской области в составе Польши, был принят Статут по охране природы, в соответствии с которым на территории Беловежской пуцы был создан Народный парк площадью 4640 га и 9 резерватов по охране сосновых боров, пихты белой, лесных болотных массивов, линнеи северной, плюща обыкновенного, зубров и лисиц. Общая их площадь составила 2650 га. Также создавались резерваты по охране бобра, лося, медведя в бассейнах рек Щара и Жигулянка. Зубр, бобр, лось, медведь, дрофа, стрепет и ряд других животных были взяты под особую охрану.

Начало формированию системы природоохранных территорий Брестской области было положено в 1960–70-х годах XX в. К этому времени (с июля 1944 г.) возобновила свою деятельность в качестве заповедника Беловежская пуца. Был издан ряд постановлений и инструкций по охране и воспроизводству важнейших ресурсов природы. В 1960 г. был создан Государственный комитет Совета Министров БССР по охране природы (в настоящее время Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды). Создава-

лись специальные природоохранные структуры в системе управления водным, лесным хозяйством, при геологических службах. В 1961г. в республике был принят Закон "Об охране природы", а с 1962 г. начали издаваться многочисленные нормативные акты, направленные на рациональное использование и охрану природных ресурсов. В качестве примера можно привести принятое в ноябре 1968 г. Постановление Совета Министров БССР "О Государственных гидрологических заказниках республиканского значения".

В 1970-80-е годы проводилась значительная работа по расширению заповедно-заказного фонда в республике в целом и по отдельным областям. Так, уже в 1980 г. на территории Брестской области существовали заповедно-охотничьи хозяйства Беловежская пуца и Телеханское площадью 95,9 тыс. га, 9 заказников площадью 90,9 тыс. га. Под охраной находились 4 парка, 7 ценных насаждений (дубравы, островные ельники, участки леса с карельской березой), 14 старых и редких деревьев. Были взяты под охрану 40 видов исчезающих и редких растений. Общая площадь, занятая под заповедники, заказники, памятники природы, составляла в начале 1990-х годов 187,6 тыс. га, или 5,18% от территории области.

В 1979 г. основана Красная книга БССР, которая затем дважды (в 1993 и 2006 гг. была дополнена и переиздана (Красная книга Республики Беларусь). В настоящее время на территории области встречается 98 видов растений, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь (из 180 таких видов), 9 видов грибов (из 17), 15 видов лишайников (из 17). Охраняется также 126 видов животных, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь.

Важнейшим событием в деле организации особо охраняемых природных территорий стала разработка и утверждение правительством республики "Схемы рационального размещения особо охраняемых природных территорий", а также принятие ряда законов: Закона Республики Беларусь "Об охране окружающей среды" (1992), Закона Республики Беларусь "Об особо охраняемых природных территориях и объектах" (1994), Закона Республики Беларусь "Об охране и использовании животного мира" (1997). Результатом проводимой на основании указанных нормативных актов работы явилось то, что государственный природно-заповедный фонд республики включает: Березинский биосферный заповедник (80,9 тыс. га); три национальных природных парка – Беловежская пуца (153 тыс. га), Браславские озера (71,5 тыс. га), Припятский (65,0 тыс. га); 87 государственных заказников республиканского значения, из которых 12 – ландшафтные, 19 – гидрологические, 56 – биологические. Основная часть заказников находится на территории лесхозов (свыше 500 тыс. га, что составляет 10% от всех лесов республики). Кроме того, в зоне радиационного загрязнения создан Полесский радиационно-экологический заповедник.

На территории Брестской области в настоящее время, по данным Областного комитета природных ресурсов и охраны окружающей среды, размещается один национальный природный парк "Беловежская пуца", 17 заказников республиканского значения, 27 заказников местного значения, 31 памятник природы республиканского, 47 – местного значения (таблица). Общая площадь особо охраняемых территорий области, по данным того же комитета, составляет 459,1 тыс. га, или 14% от всей площади области.

Однако достоверно известно, что еще в 2005 г. площадь одного только нацпарка "Беловежская пуца" была увеличена с 86317,8 до 152962 га. И только с учетом данной поправки, не ставя под сомнение остальные данные в сводке комитета, процент ООПТ возрастает уже до 16,03%. Почему же областной комитет приводит такие устаревшие данные? Возможно, потому, что в мировой практике давно научно обосновано оптимальное соотношение площади ООПТ к общей площади региона, которое составляет порядка 8%. А некоторые ученые даже эту цифру считают завышенной.

Таблица 1 – Перечень ООПТ Брестской области. В соответствии с данными [3]

ООПТ области	Площадь	Количество
Национальный парк	86317,8	1
Заказники республиканские	327337,4	17
Заказники местные	43319,66	27
Памятники республиканские	455,9693	31
Памятники местные	1659,46	47
Итого	459090,3	123
Площадь области, тыс. га	3279,1	
Процент ООПТ	14,0005	

Действующим в настоящее время законодательством сильно ограничена, а в отдельных случаях полностью запрещена любая хозяйственная деятельность на территории ООПТ, что является вполне логичным и закономерным. Следовательно, для экономики любого региона завышенный пресс ООПТ будет достаточно ощутим. И, имея уже более 16% территории под особой охраной, не станет ли в будущем тенденция к постоянному ее расширению тяжелой ношей для экономики и населения Брестчины?

Вернемся к статистике. Как следует из данных таблицы 1, наибольший процент территории занимают многочисленные заказники – по области их насчитывается более 40. Между тем, некоторые из них давно утратили свои природоохранные функции ввиду изменившихся обстоятельств. В качестве примера приведем самый крупный биологический заказник республиканского значения «Барановичский» – его площадь составляет 32800 га. Был создан для обеспечения естественных условий произрастания лекарственных растений еще в 1978 году. Согласно Положению о заказнике перечень охраняемых лекарственных растений включает 8 видов. Там же приводится конкретный перечень запретных форм хозяйственной деятельности: осушение, рубки леса и т.д. В реальности, запретные мероприятия, исходя из специфики местных условий и биологических особенностей указанных лекарственных растений, в большинстве случаев не могли повлиять на ценопопуляции указанных растений. В отношении химических воздушных загрязнителей топографические границы «Барановичского» выделены неудачно. Заказник по конфигурации вытянут с юго-запада на северо-восток. Именно в этом направлении по середине заказника параллельно проходят три дороги трансевропейского сообщения – с самым интенсивным движением транспорта по территории Брестской области. Среди охраняемых растений заказника в наибольшей мере используется черника, хотя биологические урожаи ее здесь сравнительно невысоки. Отмечено, что ягодники и грибные места «Барановичского» интенсивно используются населением окружающих территорий, в т.ч. г. Барановичи. В период созревания даров леса ежедневный пресс на уголья заказника составляет около 4 тыс. человек.

Другой пример. Биологический заказник местного значения «Брестский», создан в 1990 г. для сохранения в естественном состоянии мест обитания животных, занесенных в Красную книгу Республики Беларусь. Главной чертой «Брестского» является то, что это второй по счету среди заказников Беларуси, созданный в черте города. Его общая площадь составляет 315 га. Предпосылкой для его создания явилась незастроенность земель, на которых он образован, по причине нереализованности проектов, разработанных в 1970-х годах: речной порт и водно-зеленый диаметр левобережья Мухавца. Но, в силу реалий последних лет, практически вся территория заказника подверглась мощной трансформации со стороны города. Новая атомагистраль с мостом через р. Мухавец и другой сопутствующей инфраструктурой почти полностью уничтожила западную его часть. Далее, строительство гребного канала радикально изменило левобережье Мухавца на значительном протяжении. Наконец, восточная часть заказника (район Вычулки) уже давно подверглась интенсивной жилищной застройке с прокладкой дорог и других коммуникаций (кстати, во многих случаях – с грубейшими нарушениями водоохранного законодательства при попустительстве местных властей).

Можно продолжить список подобных ООПТ, утративших свои функции в связи со спецификой изменившихся реалий сегодняшнего дня. Но данная проблема, на наш взгляд, находится в компетенции Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды, а также его региональных структурных подразделений. Давно назрела необходимость масштабной инвентаризации ООПТ Брестской области для принятия разумных решений по оптимизации их территорий, приведению к общепринятым в мировой практике стандартам и широкому использованию в сфере экологического и исторического туризма.

Список цитированных источников

1 Пузаченко, Ю.Г. Заповедники России – гарант сохранения самовосстановительного потенциала природы. Концептуальные положения / Ю.Г. Пузаченко // Заповедное дело: Науч.-метод. записки. – 1996. – Вып. 1. – С. 8 – 22.

2 Михальчук, Н.В. Особо охраняемые природные территории Брестской области / Н.В. Михальчук, В.Т. Демяничук. А.В. Грибко [и др.] – Брест: Облтипография, 1997. – 164 с.

3 Брестский областной комитет природных ресурсов и охраны окружающей среды. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.priroda.brest.by/content/osobo-ohranyaemye-prirodnye-territorii>. – Дата доступа: 15.04.2014.

Вавренюк И.И.**АРХИТЕКТУРА СИНАГОГ И ИУДЕЙСКИХ МОЛИТВЕННЫХ ДОМОВ БРЕСТА (1921-1939)**

Архитектура брестских синагог и молитвенных иудейских домов является малоизученной темой в современной истории. Эту проблему затрагивали в своих работах Зонненберг Х. [1], Лиходедов В. [2], Локотко А. И. [3], Розенблат Е.С. [4], Соболевская О. [5] и другие. На данный момент нет ни одного специального исследования, посвящённого иудейским молитвенным домам либо Большой синагоге, некогда объединявшим иудеев Брест-Литовска, Бреста-над-Бугом, Бреста. Составить мнение об архитектуре синагог и иудейских божниц города можно в основном по архивным документам Государственного архива Брестской области.

Первые иудейские храмы появились в Берестье после привилея Витовта евреям 25 сентября 1411 г. Количество синагог и иудейских молитвенных домов в Бресте увеличилось, а со временем появилась «чудо-синагога», которая славилась во всей Европе, а сам город стал столицей евреев ВКЛ [1, с. 17 - 25]. Синагога оставалась на территории старого города до 1842 г., пока в связи со строительством крепости город не перенесли на новые территории [1, с. 95]. По истечении нескольких лет гласные города решили приступить к постройке синагоги в центре нового города. Составленный план был послан в Петербург на разрешение императору, который по религиозным христианским соображениям несколько изменил его. К постройке приступили в 1851 г. Казённые 8 000 рублей и поступившие со всех сторон пожертвования, составившие крупную сумму, не были достаточны для постройки, вследствие чего она продолжалась до 1862 г. При разрушении синагоги нашли в стене замурованную гранитную плиту с надписью: «Вельможа Сауль Самуиль Юдичь выстроил женскую галерею синагоги въ память супруги своей Двойры и т.д.». Плита эта была замурована в коридоре синагоги нового города [1, с. 93].

В 1841 г., перед началом ликвидации еврейской недвижимости на территории, где должна была разместиться крепость, брестской еврейской общине принадлежали синагога и 12 молитвенных школ, в 1843 г. - синагога и 18 бейс - медрашей на 8 147 человек еврейского населения. В самом городе уже находились здания 11 молитвенных школ и синагога, ещё один бес - мидраш возвышался на Кобринском форштадте [6, с. 293]. В 1889 г. в городе было уже две синагоги и 32 иудейских молитвенных дома [7, с. 656].

Сильный пожар 1895 г. не пощадил Главную (Большую) синагогу, которая была позже отстроена на том же месте [1, с. 93]. В период Первой мировой войны и оккупации в Главной синагоге, частично разрушенной, располагались беженцы [8, с. 26].

Большая синагога в Бресте-над-Бугом была лишь одним из множества молитвенных иудейских домов и синагог города. Согласно данным Государственного архива Брестской области, в 1926 г. в городе было 47 синагог и иудейских молитвенных домов (божниц) [9, л. 2 – 2об.], а в 1934 г. - Большая синагога и 29 божниц – «Зелёная», «Фишель», «Кобринская», «Новая», «Хайе - Одом», «Карлинер», «Слонимер», «Братство святое» и др. [10, л. 4 -5]. Количество синагог и иудейских молитвенных домов изменялось под воздействием следующих факторов: государственной политики Польского государства, пауперизации еврейского населения, антисемитизма и др. Уменьшение количества синагог и божниц было продиктовано, в первую очередь, материальными проблемами иудейской общины. Давление со стороны польских властей по соблюдению санитарно-гигиенических, противопожарных и строительных норм, увеличение налогов, оформление новых документов приводили к тому, что божницы начинали функционировать нелегально.

Синагоги и божницы условно можно разделить:

I. По времени постройки: 1) построенные ранее 1921 г.; 2) построенные в 1921 – 1939 гг.;

II. По характеристике материала: 1) каменные; 2) деревянные; 3) смешанные.

Если точно можно утверждать, что Большая синагога была построена в XIX веке (1851 – 1862), то датировка постройки остальных иудейских молитвенных домов и синагог города затруднена в силу отсутствия архивных документов.

Располагались синагоги и божницы преимущественно в центральной части города по улицам Домбровской, Длинной, Листовского, Широкой, Тополёвой, Петровской, Николаевской, Госпитальной. Размещение синагог и божниц на территории города определялось расселением иудеев в определённых районах города, сложившееся исторически по мере переноса города с территории Старого города на 2 фор-

штадта, диктовалось ритуальными традициями, определялось требованиями военных и гражданских властей, диктовалось материальными возможностями и духовными потребностями гмины города, демографическим развитием иудеев региона, наличием различных течений иудаизма. Территориальное обособление евреев диктовалось глубоко традиционным жизненным укладом евреев, их представлением о комфортности жизненного пространства и субботними законами эрува, не позволявшими преодолевать большие расстояния в праздник шаббат [11, s. 61 - 71]. Изоляции проживания в определённых районах города (геттоизации) не наблюдалось. Компактное проживание иудеев в центральных районах города следует рассматривать как результат процесса сохранения языковой и культурной идентичности евреев.

В 1921 г. город Брест по условиям Рижского мирного договора вошёл в состав Польского государства. Вплоть до 1939 г. первое место по численности в поликонфессиональном и полиэтническом населении занимали евреи (44 – 57,55%) [12, с. 135 - 148]. В сборнике «Еврейский мир», изданном в Париже, брестская еврейская община была названа одной из главных еврейских общин Польши [13, с. 379].

Конфессиональная жизнь города была очень насыщенной. У иудеев Бреста в 1921 – 1939 гг. были многочисленные синагоги и молитвенные дома, которых по количеству в городе было больше, чем культовых построек других конфессий. Молитвенные иудейские дома (божницы) – это дома собрания иудейской диаспоры, дома науки, дома молитвы [14, s. 188]. Синагоги и молитвенные дома как места, где хранилась и оберегалась традиция, как своеобразные временные «малые храмы» должны были объединять евреев до их возвращения обратно и восстановления Храма в Иерусалиме. Они имели различные названия, которые отражали направление иудаизма и многофункциональность здания: школа или шул, бейт-гамидраш (бес - мидраш, мидраш, дом учения талмудического), божница (дом молитвы, бейт тфила), молитвенный дом (клаус, клойз), штибл (домик), синагога - резиденция для цадигов, темпл (храм). Синагога и молитвенный дом (божница) – это разные здания по своему функциональному назначению и архитектуре [15, s. 122 - 125]. В 1921-1939 гг. принято было называть иудейские молитвенные дома божницами [16, s. 187]. Название божницы отражало как специфику общины, так и характер самого здания. Как правило, божницы называли по региональному признаку, по имени владельца (мецената, духовного авторитета) или согласно определённой религиозной традиции.

Иудаизм рассматривался еврейской общественностью в Западной Беларуси как основополагающий элемент еврейского национального самосознания. Синагога являлась одним из важнейших объединяющих факторов для еврейского населения Польши, играла существенную роль в культурной жизни диаспоры. Сосредоточение синагог на культурно-образовательной и благотворительной деятельности позволило сохранить единство евреев. Консолидация препятствовала размыванию и денационализации диаспоры, способствовала её единению, позволяла поддерживать преемственность поколений и сохранять национальные традиции. Приоритетным направлением в практической деятельности синагоги в области культуры стало финансирование еврейских учебных и просветительских учреждений, оказание материальной помощи культурным организациям и товариществам, семьям раввинов и пр. Консолидации еврейской диаспоры вокруг синагоги способствовало проведение публичных культурных мероприятий (чтения Торы, Талмуда, лекции и др.). Взаимодействие и сотрудничество между синагогой и культурно-просветительскими организациями было особенно плотным и действенным в культурно-просветительской и благотворительной областях. При этом еврейские культурно-просветительские организации опирались на авторитет и материальные возможности иудаизма.

Особенностью архитектурного облика города было наличие в центральной части планировочной структуры города Главной (Большой) синагоги. Она являлась уникальным сооружением: внутри – прямоугольный объём, минимальный декор фасадов, шатровая крыша. Данные о планировке неоднозначны: одни исследователи считают, что это было восьмигранное в плане здание [17, с. 80 - 81], другие – шестигранное [18, с. 71]. Ориентированный на восток зал молитвы был прямоугольным в плане, вмещал до 5 000 человек [19, с. 222]. Согласно иудейской традиции главный зал разместили с востока, а женскую часть – с запада. Во время молитвы иудеи поворачивались лицом в направлении к Иерусалиму [20, s. 47]. Монолитные колонны поддерживали галерею для арон кодеш (святой ковчег, место хранения свитков Торы). Женская галерея находилась в помещении на возвышенности. Вход на женскую галерею был через отдельную внутреннюю дверь. На фасаде находились два ряда арочных окон и одни двери. Инскрипции (надписи), как внутренние, так и внешние, были выполнены на иврите, который считался у иудеев священным языком. Синагога была оштукатурена. Под крышей располагался стилизованный карниз с сухариками. Декорация боковых фасадов имела балюстрады.

Что касается внутреннего устройства, то в Большой синагоге, которая по всем характеристикам являлась хоральной, существовали следующие иудейские атрибуты: арон кодеш, бима (возвышение, с которого в течение службы читают Тору), тива (амуд) (специальный пюпитр между бимой и арон кодеш), стулья или скамьи для молящихся, шкафы для молитвенников и других книг. Конкретного свода правил в отношении строительства и декорирования синагог не существовало. Многочисленные традиции опирались на священные тексты ТАНАХа, Талмуда, преданий - мидрашей, нововведения духовных лидеров, раввинов. По воспоминаниям жительниц города Раисы Андреевны Ширнюк и Лидии Максимовны Шийко, Главную синагогу в 1921 – 1939 гг. отличала скромность убранства. Стены синагоги были лишь побелены. Всё компенсировал потолок, украшенный шикарными росписями по ветхозаветным сюжетам [21, с. 12].

Еврейские общины придавали особое значение строительству и декорированию синагог и молитвенных домов, всегда вкладывая в их образ важный символический смысл. Архитектура была разнообразной, что обуславливалось многими причинами:

во-первых, влиянием различных культурных наследий, художественных стилей, получивших распространение на территории региона;

во-вторых, влиянием различных религиозных течений;

в-третьих, материальным достатком общины.

Согласно ограничениям, которые налагались властями, синагоги и божницы не могли быть выше жилых домов и иметь богатый декор; они по большей части занимали «островное» положение в окружении значительно более низкой и бедной застройки. Согласно сохранившимся данным Государственного архива Брестской области [22], можно охарактеризовать их архитектуру следующим образом. Основную эстетическую нагрузку несли главные фасады зданий, боковые оставались аскетически простыми, практически без каких-бы то ни было элементов декора. Для архитектуры брестских божниц были характерны безбашенные постройки просторного объёма с высокой крышей сложной конфигурации. В божницах наблюдалось сочетание традиционных элементов синагогиального строительства с чертами гражданской архитектуры. Все божницы города принадлежали к так называемому общегражданскому типу. Они были практически растворены в рядовой застройке города. И только специфическая иудейская символика являлась композиционным акцентом здания, выделявшим его на фоне преобладавшей одно-, двух-, реже трёхэтажной застройки города. Опознавательными знаками божниц были каменные скрижали, венчающие главный фасад и ассоциирующиеся с образом горы Синай, на которой Моисей получил эти каменные таблички с десятью заповедями, а также шестиугольная звезда – Маген - Давид, которую часто водружали на шпиль купола или включали в оконный переплет витража, или как элемент портика. Арки олицетворяли развернутый Свиток Торы, который давал духовную пищу и оберегал евреев, как в жизни, так и в синагоге. Такая система обрамлений, помимо настенных таблиц включала окна и двери. Живопись и резьба выражены были в мотивах растительных и символических (лев и др.), что предписывалось религиозной традицией [23, с. 36 - 39].

Божницы города являлись многофункциональными зданиями. Можно выделить два их типа: общественные, частные. Общественные обычно размещались в отдельных зданиях, так как для зажиточных евреев было очень престижным отдать общине дом или оставить общине его по завещанию. Частные божницы зачастую размещались в жилом доме (или его части), были практически растворены в рядовой застройке города. Частные лица по меркантильным причинам были очень заинтересованы содержать божницу. Иногда за возможность иметь божницу разворачивались целые баталии. Так, в 1931 г. иудей Мойша Шафран обратился в магистрат города с просьбой о разрешении строительства божницы имени Эйен Яков, на что городская власть дала следующий ответ: «В налоговой книге от 1913 г. по улице Широкой, 149 в строительном блоке № 23 фигурирует деревянное здание еврейской школы. Но участок на момент обращения не отделён забором от соседей и на участке предполагаемой застройки обнаружен деревянный подвал 7,25 м на 14,37 м». В строительстве отказано, так как участок не ограждён, маленького размера и на нём стоит деревянный хлев соседа Ицко Чапрака. В ходе длительного расследования выяснили, что Ицко самовольно изменил размер своего участка, захватив часть соседнего, ранее принадлежавшего божнице. А во время определения границ города в 1923 г. Ицко Чапрак дал неверные данные. Чем закончилась эта история, архивы нам не говорят. Но до нас дошло описание плана строения божницы. В конструкции была предусмотрена стена, которая делила строение на две части с печью и камином посередине. Стена эта отделяла женскую часть зала и имела два отверстия выше роста человека. Бимы не было запроектировано [24, л. 1 - 7].

Детективная история случилась со строительством божницы имени Вандера Мейер-Шаи по ул. Ст. Батория, 104. Участок принадлежал еврейской гмине, которая получила разрешение на строительство божницы 25.7.1935 г. и создала Комитет строительства божницы имени Вандера Мейер-Шаи в Бресте (ул. Пилсудского, 7). Но сосед Цейтлис Нута-Лейб, который имел только право прохода через участок, построил деревянную будку на участке божницы и подал жалобу городским властям на гмину. Разбирательство усугублялось взаимными обвинениями, жалобами, поиском свидетелей и даже дракой. В результате до 1939 г. божница так и не была построена, а деньги, выделенные Комитету на строительство, таинственно исчезли [25, л. 2 - 9].

Община Бреста старалась сохранять и ремонтировать ранее построенные здания божниц, а не строить новые, что было обусловлено пауперизацией иудеев и политикой польских властей. Строительство требовало больших капиталовложений. Значимые средства необходимы были и на содержание зданий. Иудейская гмина выделяла средства только на синагоги, но не на божницы. Поступления от членов гмины не были большими и под воздействием мирового экономического кризиса, миграции, антисемитизма сокращались. В 1937 г. в гмине значилось 2 838 человек, которые внесли в 93 620 злотых [26, л. 1- 108], в 1938 г. - 2 212 иудеев (94 015 злотых) [27, л. 1 - 85], в 1939 г. - 2 148 человек (82 895 злотых) [28, л. 1 - 84]. Осложняло процесс строительства новых культовых построек огромное количество документов, часть из которых необходимо было заверять в Варшаве. Строительство новых божниц скорее было исключением. Так, 22 мая 1937 г. по ул. Длинной, 65-а было начато строительство новой иудейской божницы [29, л. 4]. Но окончания строительства так и не произошло в связи с началом Второй мировой войны. Единственная иудейская божница, построенная в изучаемый период в городе на территории иудейского кладбища, – кладбищенская [30, л. 1].

Процесс документального оформления строительства синагоги (божницы) был многоступенчатый и начинался с одобрения городскими властями. Для одобрения городским магистратом строительства требовались следующие документы:

- ситуационный план с границами соседей,
- документ владения земельным участком,
- проект строительства, заверенный архитектором [31, л. 1].

Но одобрение городскими властями не означало разрешения на строительство. Так, в 1931 г. еврейская гмина собрала все необходимые документы для строительства божницы «Белостокской» по ул. Петровской, 116-а, но в строительстве ей было отказано по следующим причинам: участок якобы не соответствовал требованиям гигиены и общественной безопасности, так как 1) запроектировано деревянное строение; 2) участок 25,80 x 21,20 м находится в глубине строительного блока и не имеет фронтона на улице; 3) проезд всего один – длиной 43,75 м [31, л. 1 - 3]. Следующим этапом было оформление финансовых документов на строительство. Третий этап – строительство под надзором специальной комиссии, работу которой необходимо было оплачивать.

А если иудейская гмина планировала провести ремонт или реконструкцию синагоги (божницы), то количество документов сокращалось в разы. Так, молитвенный дом имени Шамы Апольского по ул. Длинной, 58 был отстроен на фундаменте разрушенного ранее молитвенного дома по проекту 1928 г. [32, л. 1]. В 1938 г. в молитвенном доме по ул. Домбровского, 62/64 был сделан ремонт деревянной стены в связи с её значительным разрушением [33, л. 3]. По улице Длинной, 109-а находился молитвенный дом «Ассиро». Городская комиссия в декабре 1931 г. обследовала и составила соответствующий акт, согласно которому можно судить о строении. Согласно сохранившемуся акту обследования городской комиссией, строение было поделено поперечной перегородкой на две части, из которых меньшая состояла из двух комнат: одна из них – кухня, вторая (большая) - непосредственно божница размерами 7,75 x 7,75 м. В божнице стояла большая кафельная печь с камином. Внутри все стены на высоту 1 м от пола были влажные из-за недостатка изоляции фундамента. Две стены имели наклон и поэтому под потолком были скреплены металлическими скобами. Балки под потолком были новыми. Внутри здания всё было оштукатурено и побелено. Суфиты были оклеены бумагой и побелены. Снаружи здание было окрашено в жёлтый цвет. Сени были сделаны из дерева. Комиссия сделала вывод о непригодности использования божницы в связи с несоответствием здания требованиям безопасности [34, л. 1 - 2]. Но, тем не менее, вплоть до 1939 г. божница продолжала функционировать.

В 1924 г. на участке еврейской гмины №11 находилась божница «Раввинская», также отремонтированная для нужд верующих [35, л. 1]. По ул. Ст. Батория, 105-а к 1929 г. была отстроена божница «Эйн Яков». Причём в документах отмечалось, что открыта она была с Согласия № 591 Гродненского губернатора 30 марта 1898 г. Во время Первой мировой войны она была сожжена, а потом отстроена [36, л. 3].

Политика полонизации привела к усилению контроля за деятельностью иудейских религиозных гмин. Она нашла своё выражение в постоянном присутствии на собраниях, лекциях и других мероприятиях, проводимых иудеями в культовых зданиях, представителей полиции. Для того, чтобы провести в божнице собрание, необходимо было обратиться заранее письменно к городским властям от старосты божницы с просьбой о разрешении с обещанием приложения протокола проведения собрания. Так, например, после получения соответствующего разрешения было проведено собрание 21.11.1931г. в помещении божницы имени Бобровского (ул. 3-го Мая, 52) с целью отчёта старого правления божницы и выборов нового. 22.06.1931 г. прошли выборы в духовное правление в Большой синагоге, 26 октября 1930 г. – в божнице «Файрела» на углу Кривой и Белостокской [37, л. 1 - 20]. После всех мероприятий необходимо было в трёхдневный срок сдать письменный отчёт на польском языке в полицейское управление.

Ни одна деревянная божница до наших дней не сохранилась. Почти все они были сожжены в годы Второй мировой войны. Советская власть не пощадила и каменные божницы и синагоги. До наших дней дошло лишь несколько строений. Ни в одном из этих зданий сейчас не собирается иудейская община города. Они используются не по назначению. Архитектурно-стилистические особенности строений утрачены.

На основе изученного материала можно сделать ряд выводов.

Синагоги и молитвенные иудейские дома центра Полесского воеводства – Бреста-над-Бугом (1921-1939) являются интереснейшим и важнейшим объектом изучения. Они представляют многомерность еврейской культуры на этнических белорусских землях, являются бесценными источниками информации о региональных традициях, укладе и условиях жизни евреев, отражают мировоззренческую специфику еврейских религиозных групп. Архитектура синагог должна рассматриваться как особое явление, которое сформировалось под влиянием комплекса политических, социальных, культурных, экономических факторов. Планировка и архитектура имели свою религиозно и экономически обусловленную характерную структуру и эстетику. Отношение к синагогам определялось: 1) конфессиональной политикой польских властей в целом; 2) отношением к евреям как демографически доминирующему народу в значительной части городских поселений Западной Беларуси, активному населению в экономической, культурной и политической жизни страны; 3) антисемитизмом.

Список цитированных источников

1. Зоненбергъ, Х. История города Брест-Литовска. 1016-1907. По достоверным источникам и правдоподобным умозаключениям / Х. Зоненбергъ. – Брест-Литовск, 1907. – 104 с.
2. Лиходедов, В. Синагоги: Еврейская жизнь. Фотоальбом / В. Лиходедов. - Мн.: «РИФТУР», 2007. – 240 с.
3. Локотко, А.И. Архитектура европейских синагог / А.И. Локотко. - Мн.: Ураджай, 2002. – 156 с.
4. Розенблат, Е.С. Жизнь и судьба Брестской еврейской общины. XVI-XX вв./ Е.С. Розенблат. – Брест, 1993. – 84 с.
5. Соболевская, О.А. Евреи Гродненщины: жизнь до Катастрофы / О.А. Соболевская. – Донецк: Норд-Пресс, – 2005. – 375 с.
6. Сабалеўская, В. “Як сьлімак у шкарлупіне...” Культура штодзённага жыцця берасьцейскіх габрэяў у першай палове XIX ст. / В. Сабалеўская // АРСНЕ. – 2011. – №3. – С. 270 – 300.
7. Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского. Издатели Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ. – СПб.: Типо-Литография И.А. Ефрона, 1891. – Том. IV.– 940 с.
8. Блейзер, М. Наше наследство: синагоги СНГ в прошлом и настоящем. – М.:Мосты культуры Иерусалим: Гешарим, 2002.- 174 с.
9. Переписка с поветовыми старостами, городскими магистратами и др. об утверждении планов на постройку синагог и молелен, о выборе членов управления гмин и др., с приложением списков парафий и синагог // ГАБО. - Фонд 1. – Оп. 10. – Д.2390.
10. Список учреждений и предприятий с указанием их местонахождения в г. Бресте // ГАБО. - Фонд 93. – Оп. 1 – Д. 3079.
11. Po zydowsku... Tradycje judaistyczne w kulturze i literaturze / Pod red. Daniela Kalinowskiego. – Slupsk, 2005.
12. Вавренюк, И.И. Демографические процессы еврейского населения Полесского воеводства (1921-1939) / И.И. Вавренюк // Тирош –труды по иудаике. – М., 2011. – Вып. 11. – С.135-148.

13. Еврейский мир. – Париж., 1939. – Т.1. – 924 с.
14. Bergman, E. Architektura synagog // Studia z dziejow Żydow w Polsce. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1995. – Tom I: Materiały edukacyjne dla szkół średnich i wyższych. – S.188.
15. Wilczyk, W. Niewinne oko nie istnieje // Atlas sztuki, Korporacja haiart. – S.122-125.
16. Bergman, E. Architektura synagog / E. Bergman // Studia z dziejow Żydow w Polsce. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 1995. – Tom I: Materiały edukacyjne dla szkół średnich i wyższych.
17. Брест: Энциклопедический справочник. – Минск: Издательство «Белорусская советская энциклопедия имени Петруся Бровки», 1987. – 408 с.
18. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора, Белорус. Сов. Энцикл.; редкол.: С.В. Марцелов (гл.ред.) [и др.] – Мн.: БелСЭ, 1990. – 424 с.
19. Брест в 1919-1939 гг.: документы и материалы / Сост. А.Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е.С. Розенблат. – Брест: Альтернатива, 2009. – 308 с.
20. Klugman, A. Żyd – co to znaczy? / A. Klugman. – Warszawa: Wydawnictwo Wiedza Powszechna, 2003. – 223 s.
21. Сарычев, В. Большая синагога / В. Сарычев // Вечерний Брест. – 2006, 26 мая. – С.12.
22. Дело о недвижимом имуществе еврейской гмины (синагоги) по ул. Переца, 57b // ГАБО. Фонд. 5. – Оп. 3. – Д. 3204; Дело о недвижимом имуществе еврейской синагоги по ул. Мещанской, 54a // ГАБО. Фонд. 5. – Оп. 3. – Д.3203.
23. Вавренюк, И.И. Архитектура иудейских молитвенных домов Бреста-над-Бугом (1921-1939) / И.И. Вавренюк // III Международная научно-практическая Интернет – конференция студентов и аспирантов «Энергия науки» (Ханты – Мансийск) / Отв. ред. А.С. Змановская, И.С. Балов [Электронный ресурс]. – Ханты-Мансийск: Изд. Югорского гос.университета, 2013. - 1 электрон. опт.диск – С. 36-39 (14 247 п.зн.)
24. Дело о недвижимом имуществе еврейской гмины по ул. Яна Собесского, 149 // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3209.
25. Дело о недвижимом имуществе еврейской религиозной гмины (молитвенный дом по ул. Стефана Батория, 104 // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3206.
26. Список жителей еврейской гмины города Бреста, которые заплатили налог в 1937 г. // ГАБО. - Фонд 370. - Оп. 1. - Д. 8
27. Список евреев, уплативших взносы на нужды еврейской религиозной гмины в Бресте за 1938 г. // ГАБО. - Фонд 370. - Оп. 1. - Д. 13.
28. Списки жителей еврейской гмины за 1939 г. // ГАБО. - Фонд 370. - Оп. 1. - Д. 17.
29. Дело о недвижимом имуществе еврейской религиозной гмины в Бресте, ул. Домбровского, 92 // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3200.
30. Дело о недвижимом имуществе еврейской религиозной гмины // ГАБО. – Фонд 5. - Оп. 1. - Д. 1927.
31. Дело о недвижимом имуществе еврейской гмины в Бресте по ул. Стефана Батория, 116a // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3207.
32. Дело о недвижимом имуществе еврейской гмины (молитвенный дом) по ул. Длинной, 58 // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3197.
33. Дело о недвижимом имуществе правления еврейского молитвенного дома ул. Домбровского, 62/64 // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3196.
34. Дело о недвижимом имуществе еврейской религиозной гмины в Бресте по ул. Длинной, 109-a // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3198.
35. Дело о недвижимом имуществе еврейской религиозной гмины в Бресте, ул. Домбровского, 92 // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3200.
36. Дело о недвижимом имуществе еврейской религиозной гмины (молитвенного дома в Бресте по ул. Ст. Батория, 105 а) // ГАБО. - Фонд 5. - Оп. 3. - Д. 3205.
37. Заявления религиозных общин о выдаче им разрешений о проведении собраний // ГАБО. - Фонд 1. - Оп. 3. - Д. 1272.

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ РЕСТАВРАЦИИ ОДНОГО ИЗ БРЕСТСКИХ ОБЪЕКТОВ

По прошествии времени архитектор-реставратор обязательно подвергает переосмыслению свои работы, работы коллег и объекты, к которым приходилось, пусть даже косвенно, приложить свою руку. И не факт, что, как и у врача, у реставратора в шкафу не окажется скелет. Возрождение гарнизонного крепостного храма началась в «лихие 90-е», когда белорусская реставрация находилась на грани выживания. Одна за другой закрывались областные проектные реставрационные мастерские. В большинстве реставрационных школ господствовали антинаучные принципы нескольких направлений «целостной реставрации». Возможно, тогда это было оправдано? Поскольку почти все памятники архитектуры обладают утилитарными свойствами, т.е. имеют стены и крышу. А заказчик, за редким исключением, не пойдет на реставрацию ради реставрации. Статья написана не для того, чтобы подвергнуть сомнению профессионализм, тогда еще молодой, брестской школы реставрации и компетентность ДзІНАС, согласовавшего проект, а ради анализа опыта одной из предыдущих реставрационных работ в крепости и избегания ошибок в разработке концепции и ожидаемом «возрождении» Брестской крепости – «Брест-2019».

Венецианская Хартия – кодекс чести реставраторов всего мира, както повсеместно не приживается на просторах бывшего Советского Союза. Хартия 1964 года - один из основополагающих договоров реставраторов. Этот документ имеет значение приблизительно такое же, как и клятва Гипократа в медицине. Проанализируем реставрацию гарнизонной церкви в свете статей Хартии.

СТАТЬЯ 9

Реставрация должна являться исключительной мерой. Ее цель – сохранение и выявление эстетических и исторических ценностей памятника. Она основывается на уважении подлинности материала и достоверности документов. Реставрация прекращается там, где начинается гипотеза; что же касается предположительного восстановления, то любая работа по дополнению, сочтенная необходимой по эстетическим или техническим причинам, должна зависеть от архитектурной композиции и нести на себе печать нашего времени. Археологические и исторические исследования памятника должны всегда предшествовать и сопровождать реставрационные работы.

СТАТЬЯ 11

Наслоения разных эпох, привнесенные в архитектуру памятника, должны быть сохранены, поскольку единство стиля не является целью реставрации. Если здание несет на себе отпечатки многих культурных пластов, выявление более раннего пласта является исключительной мерой и может быть произведено при условии, если удаленные элементы не представляют интереса, если композиция после этого свидетельствует о высокой исторической, археологической или эстетической ценности, если состояние сохранности раскрываемого памятника признано удовлетворительным. Суждение о ценности таких элементов и решение о возможности их устранения не могут зависеть единственно от автора проекта.

Немного из истории Николаевского гарнизонного храма. До строительства главной доминанты Цитадели на этом месте находился костел Святой Троицы старейшего в Бресте монастыря августинцев, перестроенный (по архивным изысканиям И. Лавровской) из жилого дома каноника брестского Александра Звежа в 1672 году. В 1852 году начинается реконструкция костела в пятиглавый православный храм. Автор - Константин Андреевич Тон (нем. Thon; 26 октября (6 ноября) 1794 — 25 января (6 февраля) 1881) — русский архитектор, разработавший т. н. «русско-византийский стиль» храмового зодчества, который получил широкое распространение в правление благоволившего ему Николая I. Среди наиболее известных построек — храм Христа Спасителя и Большой Кремлёвский дворец. Ректор Императорской Академии художеств. Брат архитекторов Александра и Андрея Тонов. Старый фундамент не выдерживает нагрузки. Здание разбирается. Второй проект храма выполняет Давид Иванович Гримм (22 марта (3 апреля) 1823 — 9 (21) ноября 1898) — выдающийся российский архитектор, один из создателей «русского стиля», академик архитектуры. Исследователь средневекового зодчества Кавказа. Автор проектов культовых зданий в Херсонесе (Севастополь), Тифлисе, Копенгагене, Женеве, Ницце, Вифлееме (церковь во имя св. Марии), различных сооружений в Санкт-Петербурге и его окрестностях, а также в Ливадии, Житомире, Воронеже, Рязанской губернии.

Рисунок 1 - Праздник Бородинского полка. Император Александр III в Брестской крепости. 1886 год

Храм по проекту размещается на месте костела, но перпендикулярно продольной оси последнего, согласно православным канонам. Гарнизонная церковь строится в неовизантийском стиле, она приземиста, чтобы не служить ориентиром для артиллерии. Крипты костела и подвалы монастыря августинцев, по-видимому, не были демонтированы, что дало в последние годы почву для разговоров о подземных ходах из Николаевской церкви. В Первую мировую войну здание не пострадало. Несмотря на приказ из Санкт-Петербурга, отступающие русские войска, уничтожившие крепость и город, не тронули ни одно культовое здание в Бресте. После войны город отошел ко Второй Речи Посполитой. Польский гарнизон в крепости нуждался в гарнизонном костеле. Ответственный за строительство государственных колоний по Бресту-над-Бугом, уполномоченный Министерства военных дел и Министерства общественных работ Польши – варшавский архитектор Юлиан Лисецкий маскирует церковь под костел. Он попросту надевает на храм новый фасад. Позже при натурных исследованиях брестские реставраторы (научный руководитель С.В. Олесевич) найдут в раскрытых ими проемах аутентичные столярные изделия и сдвоенные колонны на фасадах периода строительства церкви, что позволит восстановить облик объекта Д.И. Гримма. Осенью 1939 года город переходит к Советскому Союзу, в костеле размещают гарнизонный клуб. Поврежденное в войну и послевоенные года (когда крепость фактически была разобрана на строительный материал) здание подвергается девастации до консервации 1974 года.

Рисунок 2 - Костел Св. Казимира в межвоенный период

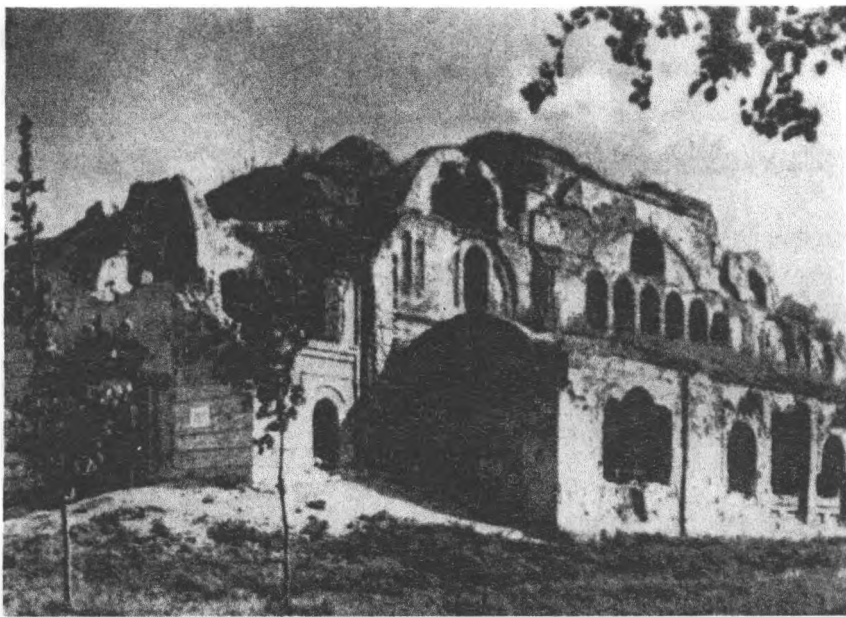

Рисунок 3 - Руины гарнизонного клуба в послевоенный период

«Авторская поверхность» (термин академика Дмитрия Сергеевича Лихачева) - аутентичная поверхность памятника (экстерьера, интерьера), которой определяется художественная ценность памятника архитектуры. Именно та грань, на которой Мастер в поисках творимой им красоты остановился, чтобы ее воплотить. Теоретически реставрировать можно лишь такой памятник архитектуры (как произведение искусства), ветхость или поврежденность которого, не уничтожили полностью «авторской поверхности». В противном случае речь может идти лишь о современной интерпретации авторского замысла, что разумеется не одно и то же. «Авторская поверхность» - самое дорогое, «ценное» в памятнике. Таким образом, в реставрацию попал объект, фрагментарно сохранивший авторскую поверхность гарнизонного костела Святого Казимира архитектора Юлиана Лисецкого. И по принципам Венецианской Хартии при реставрации Свято-Николаевской церкви необходимо было сохранить ее. К тому же, авторская поверхность архитектора Давида Гримма тоже сохранилась фрагментами и при восстановлении храма не была оставлена для экспозиции. При натурных исследованиях интерьера, архитектором М. Жминько были обнаружены замурованные в устои междунэфной аркады сдвоенные чугунные византийские колонны. Колонны были полностью раскрыты, не сохранив авторскую поверхность костела. Выразительная костельная колоннада в апсиде, не противоречившая догматам православия, была демонтирована. Единственным элементом, напоминающим, что здание некогда было костелом, остался балкон амвона с лестницей внутри устоя.

Рисунок 4 - Незаконченный «макет храма в натуральную величину» в Цитадели

Но брестские реставраторы, находившиеся в период восстановления храма в начале своей эволюции, не одиноки, на смену нам, сейчас, пришли профессионалы из «Белокаменной». К сожалению, предстоящая «реставрация» настенной живописи в интерьерах храма, затеянная московскими художниками-реставраторами Студии военных художников имени М.Б. Грекова, навсегда закроет аутентичные особенности интерьеров. Логичнее всего, зрелищнее и дешевле было провести консервацию интерьеров, а не ждать с нетерпением новодела в стиле «Аля-Васнецов». Тем более, что «макет храма в натуральную величину», разработанный брестскими реставраторами, все еще не закончен. Восстановление храма близится к концу, методично уничтожая творение выдающегося российского архитектора.

Список цитированных источников

1. Венецианская Хартия. 14 мая 1964 года.
2. Восстановление памятников культуры: Проблемы реставрации / Под ред. Д.С. Лихачева. – М., 1981.
3. Лихачев, Д.С. Декларация прав культуры. Эскизы / Сост. Г.Н. Фурсей, Г.Р. Некрасов, М.Н. Чирятъев. - СПб: Олимп, 2006.
4. Квитницкая, Е.Д. Монастыри Бреста XVII–XVIII вв. // Архитектурное наследство № 27. М., 1979. № 27.
5. Лихачев, Д.С. Русская культура. М., 2000.
6. Реставрация памятников архитектуры. Подъяпольский С.С., Бессонов Г.Б., Беляев Л.А., Постникова Т.М. М., 2000.

УДК 72.035.5(476.7)|18||19|

Воробей А. В.

АНАЛИЗ АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНОЙ ПЛАСТИКИ ОКОННЫХ ОБРАМЛЕНИЙ ЖИЛЬЯ ГОРОДА БРЕСТА

Введение. В данной статье рассматриваются элементы пластического оформления оконных проемов жилых зданий города Бреста второй половины XIX – начала XX века. Результатом работы является проведение типизации оконных обрамлений.

Основная часть. Архитектура второй половины XIX - начала XX столетия имеет важное значение в истории архитектуры Беларуси. Обуславливается это тем, что архитектурный облик исторических центров большинства белорусских городов сформирован именно архитектурой данного периода. Важным фактором является и то, что здания, возведенные в период со второй половины XIX и до начала XX века, включены в панораму как центральных, так и периферийных улиц городов и сохраняют свое планировочное, градостроительное и социальное значение, определяя своеобразный облик частей города.

1850 – 1910-е годы характеризуются интенсивным расширением строительной деятельности. Так же этот временной отрезок является важным с точки зрения истории архитектуры в силу того, что со второй половины XIX века начинают развиваться и получают свое распространение кардинально новые, отличные от предыдущих течения в архитектуре.

Архитектура данного периода в Бресте представлена в основном так называемым архитектурно-ретроспективным стилем. Большинство зданий данного направления архитектуры были выполнены при помощи лицевого кирпича без оштукатуривания.

Кирпичная архитектура получила широкое развитие во второй половине XIX столетия в Германии, благодаря развитию технологических приемов изготовления кирпича, связанных с применением машинного обжига.

Российская империя несколько отставала от западных стран в развитии техники кирпичного производства, поэтому при возведении зданий и сооружений, выполненных с применением лицевого кирпича без оштукатуривания пользовались выписанным заграничным облицовочным материалом [1].

В 1868 году при Брест-Литовской крепости начала действовать первая в Российской империи печь овальной формы системы Гофмана [2], после чего профилированный кирпич красного либо охристого цветов самой разной конфигурации начинает использоваться в строительстве жилых домов [3].

В сумме было обследовано 34 дома, построенных в «кирпичном стиле». В результате обследования путём системного сравнительно-исторического и историко-типологического анализа [6,7] были выявлены общие черты объектов исследования и на основе этого созданы типологические ряды пластического оформления оконных обрамлений фасадов зданий.

В кирпичной архитектуре встречаются три основных вида обрамления оконных проемов карнизами:

- карнизы и наличники окон полностью выступают из плоскости стены как каменные архивольты и наличники классической римской архитектуры и Возрождения;
- карнизы углублены в стену, как готические арки и пилястры;
- обрамления частично углублены в стену, частично выступают из плоскости стены, как мы видим это в большинстве обрамлений немецкого Ренессанса [4].

В данной статье приведен анализ только нескольких, наиболее хорошо сохранившихся, претерпевших наименьшее количество изменений, а также наиболее выразительных с архитектурной точки зрения домов.

Рассмотрим способы архитектурного оформления оконных проемов с полуциркульным арочным завершением.

Жилой дом по улице Карла Маркса, 11.

Оконные проемы второго этажа ризолита имеют профилированное полуциркульное завершение (Рис.1). Наружное декоративное обрамление арочного проема выполнено в виде сандрика, выделяющего дугу арки (архивольт) за пределы плоскости стены. Сам же архивольт опирается на опоры-пилястры. Архивольт и пилястры, на которые он опирается, рустованы. Подоконное пространство от межэтажного до подоконного карнизов так же имеет архитектурное оформление. Подоконный карниз поддерживается двумя прямоугольными пилястрами, между которыми расположена декоративная прямоугольная ниша.

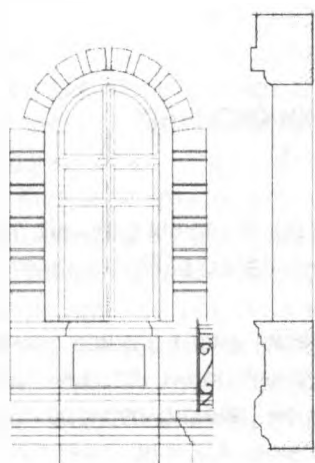

Рисунок 1

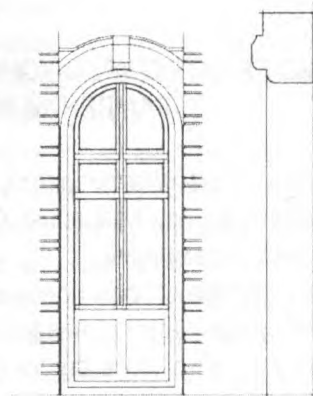
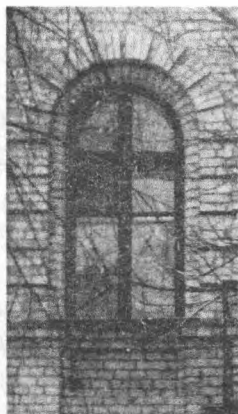
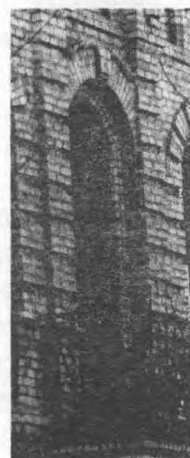

Рисунок 2

Дверной проем балконной двери ризолита (Рис. 2) имеет аналогичное оконному профилированное полуциркульное завершение. Наружные декоративные обрамления арочного проема выполнены в виде сандрика, выделяющего дугу арки (архивольт) за плоскость стены. Сандрик имеет замочный камень и завершен профильным карнизом из одного ряда лекального кирпича.

Оконные проемы центральной части здания (Рис. 3) имеют такое же профилированное полуциркульное завершение, как и оконные проемы ризолитов. Декоративное обрамление арочного проема выполнено в виде сандрика, выделяющего дугу арки (архивольт) за плоскость стены. Архивольт опирается на опоры-пилястры и имеет в завершении карниз из одного ряда профилированного кирпича. Сандрики-архивольты и широкие опоры-пилястры соседних окон, опирающиеся на них, создают имитацию аркады по всей центральной части фасада здания. Со стороны оконных проемов это обрамление имеет зубчатое очертание. Пространство под окнами декорировано геометрической фигурой перевернутого треугольника, выступающего из плоскости стены.

Теперь рассмотрим способы архитектурного оформления прямоугольных оконных проемов на примере следующих домов.

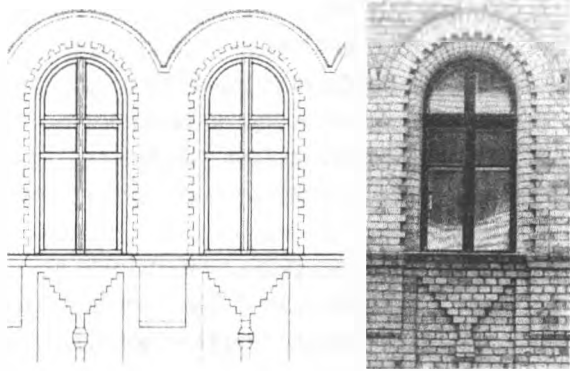

Рисунок 3

Жилой дом по улице Дзержинского, 26.

Оконный проем (Рис. 4) обрамлен наличниками с зубчатыми очертаниями. Горизонтальная оконная перемычка из кирпича располагается в плоскости стены. По уровню нижней грани перемычки наличники имеют импосты, на которые опираются лопатки, поддерживающие треугольный фронтон сандрика. Пространство от подоконного, до межэтажного карнизов так же имеет архитектурное оформление, выполненное в виде выступающей за плоскость стены плиты с декорированной нишей.

Следующий оконный проем (Рис. 5) так же обрамлен наличниками с зубчатым очертанием. Горизонтальная оконная перемычка из кирпича выполнена в плоскости стены. По уровню нижней перемычки наличники имеют импосты, на которые опираются лопатки с расположенным на них сегментным фронтоном (Ренессанс). Подоконные пространства имеют архитектурные оформления в виде выступающей за плоскость стены прямоугольной плиты, декорированной нишей.

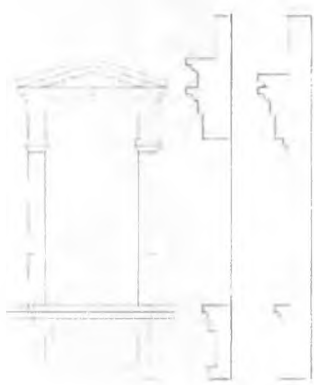

Рисунок 4

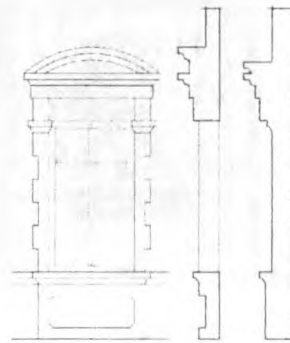

Рисунок 5

Этот оконный проем (Рис.6) обрамлен, как и два предыдущих, аналогичными наличниками с зубчатым очертанием. Горизонтальная оконная перемычка из кирпича выполнена в плоскости стены. По уровню нижней грани перемычки наличники имеют импосты, на которые опираются лопатки с фигурным фронтоном. Следует ответить, что сандрики с подобным завершением больше не встречаются. Подоконное пространство так же имеет архитектурное оформление, представленное в виде выступающей за плоскость стены прямоугольной плиты, декорированной нишей.

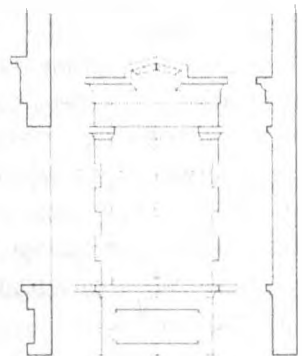
Последними в этой статье мы рассмотрим способы архитектурного оформления оконных проемов имеющих лучковые завершения.

Наиболее распространенные типы обрамления оконных проемов с лучковым завершением в жилой застройке города Бреста встречаются в архитектурном оформлении фасадов жилых домов по ул. Комсомольской, 30 и ул. Пушкинской, 25.

Жилой дом по ул. Комсомольской, 30.

Рисунок 6

Все оконные проемы первого этажа жилого дома имеют лучковые завершения (Рис.7). В отличие от оконных проемов второго этажа они образованы лучковыми сандриками, завершенными простым карнизом. Лучко-

вый сандрик выступает из плоскости стены и завершается карнизом из трех рядов кирпича. Обналичка окна отсутствует, ее заменяют небольшие консоли с овальным нижним завершением, поддерживающие низ сандрика. Громоздкие кирпичные консоли-пилястры выполнены в псевдорусском стиле следует рассматривать как декоративное оформление простенков (ампир). Подоконное пространство от цоколя до подоконного карниза имеет более пластичное архитектурное оформление, чем подоконное пространство окон второго этажа. Высокий подоконный карниз поддерживает две пилястры, выполненные из лекального кирпича и имеющие профилированную поверхность. Декоративная подоконная ниша обрамлена внутри лекальным кирпичом со сложной конфигурацией.

Оконные проемы второго этажа (Рис. 8) здания так же имеют лучковые завершения. Наружное декоративное оформление проема выполнено в виде сандрика с треугольным фронтоном. Сандрик имеет нижнюю часть в виде лучковой арки, а верхняя его часть горизонтальна. Лучковый сандрик украшен замковым камнем. Сандрик венчает треугольный фронтон, выполненный из лекального кирпича. Оконные наличники-пилястры имеют декор в виде продолговатых ниш с овальными завершениями и выступающими элементами аналогичного абриса. Лучковый сандрик и наличники выступают за пределы плоскости стены. Пространство от подоконного, до межэтажного карнизов невелико, но так же имеет архитектурное оформление. Подоконный карниз вместе с наличниками-пилястрами поддерживается

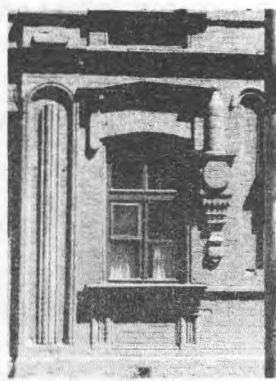

Рисунок 7

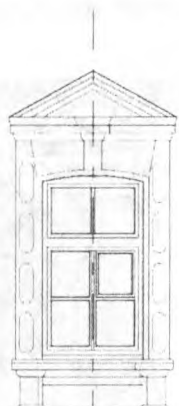

Рисунок 8

двумя пилястрами-пьедесталами с импровизированной капителью из ряда лекального кирпича. Между пилястрами расположена декоративная прямоугольная ниша.

Жилой дом по ул. Пушкинская, 25.

Оконные проемы почти всего жилого дома имеют лучковое завершение (Рис. 9). Наружное декоративное оформление проема выполнено в виде сандрика, который завершен карнизом. Нижняя часть сандрика выполнена в виде лучковой арки, а верхняя часть имеет горизонтальное завершение массивным карнизом. Оконные наличники-пилястры стилизованы под дорический ордер – имеют стилизованную капитель и пояс, выполненные из лекального кирпича. Все решение оконного обрамления достаточно просто и лаконично. Сандрик и пилястры выступают из плоскости стены.

Подоконное пространство от подоконного до межэтажного карнизов так же имеет лаконичное архитектурное оформление. Подоконный карниз вместе с пилястрами поддерживается двумя пьедесталами. Сам подоконный карниз состоит из двух рядов кирпича. Пространство между пилястрами-пьедесталами оформлено прямоугольной декоративной нишей. Сандрики призваны отводить дождевую воду от проема, но в композиции здания имеют тектоническое значение, подчеркивая ритм чередующихся окон и простенков [5].

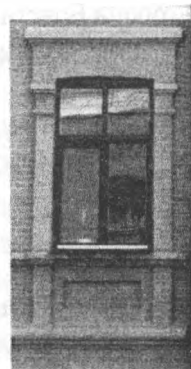
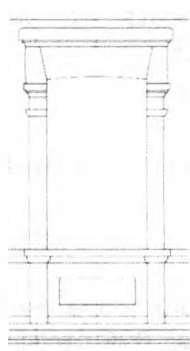

Рисунок 9

Вывод. В результате анализа было определено, что оконные обрамления соответствуют принятым на тот период архитектурным решениям. Наиболее часто встречаются первый и третий типы оконного обрамления:

-карнизы и наличники окон полностью выступают из плоскости стены как каменные архивольты и наличники классической римской архитектуры и Возрождения;

-обрамления частично углублены в стену, частично выступают из плоскости стены, как мы видим это в большинстве обрамлений немецкого Ренессанса [4].

В жилых домах применены следующие оконные проемы:

- оконные проемы с полуциркульным арочным завершением;

- оконные проемы в лучковом арочным завершением;

- прямоугольные оконные проемы.

Список цитированных источников

1. Дуров, А. Архитектурные формы. Каменные, кирпичные и деревянные. Пособие при проектировании для инженеров, студентов и техников / А. Дуров. – М. , 1904.

2. Залеская, Г.Л. Развитие архитектуры производственных построек в контексте формирования оборонительных объектов на приграничных территориях Беларуси XIX- начала XX веков: материалы 2-ой Международной конференции. 2012.

3. Ширяева, Л.А. Особенности архитектурного декора брестской эклектики / Л.А. Ширяева // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристическое использование: сборник научных трудов III Международной научно-практической конференции, Брест 29-30 мая 2012 года / БрГТУ. – Брест, 2012.

4. Бартенев, И.А. Очерки истории архитектурных стилей / И. А. Бартенев, В. Н. Батажкова. – М.: Изд-во «Изобразительное искусство», 1983

5. Трацевский, В.В. Классические архитектурные формы / В.В. Трацевский, И.А. Колосовская, И.К. Чиж. – Мн.: Вышэйшая школа, 2008.

6. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. - 4-е изд. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.

7. Методика архитектурного анализа. Указания для выполнения практического упражнения по курсу истории архитектуры / Ю.Н. Герасимов. – Москва, 1977.

УДК 728.1

Гарник М.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛАНДШАФТА И ИНТЕРЬЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

В основе формирования современного интерьера лежит концепция о взаимообусловленности внешней среды и внутреннего пространства архитектурного объекта – функционального процесса, архитектурной композиции – ландшафтными особенностями местности.

Актуальность данной темы обусловлена необходимостью исследования взаимосвязи архитектурной среды с природным окружением, в частности, при создании интерьеров современных общественных зданий.

Поиск художественной выразительности архитектурного объекта и его оптимальных параметров на основе достижения единства функционального содержания и архитектурной формы - одна из основных задач творческой деятельности современного архитектора. Эти положения справедливы в равной степени как для решения градостроительных, объёмно-пространственных задач, так и для пространственного формирования интерьеров.

Рынок услуг и материалов насыщен современными технологиями, которые способствуют воссозданию живой природной среды в интерьере общественных зданий. Однако принципы, приёмы, правила рационального использования средств создания интерьера в гармонии с окружающей природной средой и отвечающего своему основному функциональному назначению, исследованы недостаточно.

Известно достаточно много научных работ, посвященных исследованию архитектуры общественных зданий и ландшафтного дизайнера как отдельных аспектов теории и практики архитектуры В то же время

мало исследованы особенности взаимосвязи и влияния ландшафта на архитектурно-планировочные решения дизайна современных интерьеров общественных зданий.

Основные факторы, влияющие на формирование объектов ландшафтного дизайна, исследованы в работах Н.Я. Крыжановской, в которых разработаны рекомендации по созданию ландшафтных объектов в городской среде - малых садов, в том числе зимних садов и садов на крышах [1].

Тему ландшафтного дизайна архитектурной среды, объекты ландшафтного дизайна – сады на крышах, зимние сады, вертикальное озеленение исследовали Г.И. Шемсединов, В.А. Щурова [2].

А.Ю. Заславская [3] в своей работе выявила особенности и этапы развития органического подхода в архитектуре, определила новые приёмы архитектурного формообразования и пространственной организации архитектурных объектов конкретной природной среде.

Особенности ландшафтных компонентов в структуре деловых центров освещены в научной работе М.В. Лазаревой [4]. В.А. Нефедовым исследованы особенности ландшафтного дизайна в соответствии с подходом устойчивого развития архитектурно–природной среды [5].

В рамках предложенной С.К. Саркисовым модели взаимосвязи групп средств оптимальности [6] можно обозначить область воздействия ландшафтного дизайна на экологическую систему архитектурной среды как области на стыке средств, компенсирующих (пополнение природных средств), воспроизводящих (регулирование оптимальных параметров окружающей среды), разграничивающих (разделение отдельных функциональных зон), снижающих и предупреждающих (сокращение вредного воздействия антропогенных факторов на окружающую среду).

В современных условиях активной урбанизации, роста городов и промышленных центров, концентрации и увеличения плотности застройки использование озеленения, адаптации приемов ландшафтной архитектуры в формировании интерьеров различных помещений обусловлено физиологическими и психологическими потребностями человека и ориентировано на сохранение баланса искусственной и природной среды.

В этой связи, с целью улучшения качества интерьерной среды общественных зданий, в зарубежной практике появилась новая сфера деятельности – «фитозергономика» (от греческого «фитон» - растение, «эргон» - работа, «номос» - закон) - новое перспективное направление современной архитектурной науки и практики. Термин введён в связи с выделением особого объекта исследования в системе «человек - машина - среда» для реализации комплексного подхода к изучению этой системы. Фитозергономика возникла на стыке нескольких наук: биологии, медицины, эргономики, психологии, дизайна, ландшафтного дизайна, архитектуры. Синтезируя достижения этих наук, фитозергономика решает практические задачи оптимизации трудовой деятельности человека с учётом комплекса действующих факторов (антропологических, психофизиологических, экологических, эстетических и других). Особое внимание уделяется достижению комфортных условий в процессе труда, снижению утомляемости.

Адаптация приёмов ландшафтного дизайна, в качестве средства регулирования экологических качеств интерьеров общественных зданий, реализуется на основе ряда принципов. Один из них - принцип максимального соответствия средств ландшафтного дизайна функции интерьерного пространства – обеспечение перехода к устойчивому существованию архитектурной среды конкретного назначения.

К числу не менее важных принципов относится принцип ресурсной эффективности - выбор способов наиболее эффективного использования природных ресурсов (территории, воды, материальных и энергетических ресурсов).

С точки зрения экономической эффективности возрастает значение такого принципа ландшафтного дизайна, как минимизация затрат на последующее поддержание состояния элементов ландшафтного дизайна в интерьере.

В решении интерьерных архитектурных пространств общественных зданий на основе приемов ландшафтного дизайна, отмечается приоритетное использование природных материалов в сочетании с искусственными. Характер внедрения подходов ландшафтного дизайна в оформлении интерьерных пространств во многом определяет степень достижения композиционного единства интерьера здания с внешней средой. Приёмы ландшафтного дизайна целесообразно ориентировать преимущественно на увеличение природных составляющих в структуре объектов архитектуры.

Приём природного дополнения архитектурных форм может быть применён при необходимости смягчить контраст вертикальной поверхности стен здания с горизонтальной плоскостью основания за счёт создания переходных композиционных элементов из различных форм растительности.

Приём аппликации в виде наложения поверхности из растительности на каркас и фасад здания расширяет трактовку вертикального озеленения за счёт использования различных вариантов размещения растений.

Акцентирование основных путей подхода к зданию предполагает концентрацию средств ландшафтного дизайна.

Приём создания ландшафтных композиций на покрытии здания находит все более широкое распространение в международной практике, выходя за рамки стран с относительно тёплым климатом. Растительность на крыше составляет одну из дополнительных возможностей для моделирования и имитации природного ландшафта.

Приём смягчения зрительного восприятия значительной массы объекта за счет применения различных способов озеленения позволяет гармонизировать масштаб сооружения в окружающей среде.

Особенности функционального назначения общественных зданий, приёмы ландшафтного дизайна должны обеспечивать функционально необходимое разграничение интерьерного пространства и его максимально художественную выразительность.

Поскольку в искусственной среде человек проводит 2/3 своей жизни, изолированность от природы должна быть компенсирована созданием в помещениях элементов флора - и фитодизайна, учитывая положительное влияние растений на эмоциональное состояние человека. Также важны санитарная и гигиеническая функция растений. Доказано, что растения поглощают пыль, очищают воздух помещений, способствуют увлажнению и ионизации воздуха, снижая его температуру, но что особенно ценно – подавляют и уничтожают много вредных микроорганизмов.

Особое распространение в озеленении интерьеров получают микроландшафтные фрагменты. В основу композиции микроландшафтного фрагмента должна быть положена специальная идея, выраженная в имитации природного ландшафта, составленного из растений, микрорельефа, камней, деревьев и покрытия, при этом создаётся определённая картина среды.

Наиболее целесообразным является создание таких микроландшафтных фрагментов в атриумах. Атриум в настоящее время, как правило, является пространственным ядром большого многофункционального комплекса. Вид, открывающийся в атриум из окружающих его помещений, должен восприниматься со всех точек.

Флора- и фитодизайн составляют новое направление в формировании архитектурной среды с использованием растений путём их органического объединения с элементами предметного дизайна. В формировании фитосреды интерьеров используются как искусственные, так и натуральные растения.

Основным компонентом такой среды являются фитокомпозиции. Они представляют собой подбор наиболее декоративных, экологически устойчивых в микроклиматических условиях интерьера и обладающих высокой степенью антимикробной активности видов тропических и субтропических растений и формирования из этих видов фитокомпозиций с направленным эмоциональным воздействием. Фитокомпозиции снижают зрительное, нервное, умственное, физическое утомление, улучшают состав воздуха производственных помещений.

Формирование фитосреды в интерьерах зависит от общего архитектурно-художественного замысла и их функционального назначения.

Размещение растений в интерьерах как один из элементов общей художественной композиции должно подчиняться главному условию - масштабности. Кроме того, флора - и фитокомпозиции могут проявляться главным акцентом в интерьере при его композиционном решении полностью или визуальным фоном для декоративной структуры, малых архитектурных форм или органичным дополнением архитектурно-пространственного решения интерьера.

Обращение к компонентам природы как средству оптимизации среды заключается в грамотном структурировании пространства и обеспечении его устойчивого учёта потребностей человека и создания условий для различных форм его досуговой деятельности.

Список цитированных источников

1. Крижанівська, Н.Я. Основи ландшафтного дизайну. – К.: Ліра-К, 2009. – 218 с.
2. Основи дизайну архітектурного середовища.: Підручник. – Тімохін В.О., Шебек Н.М., Малік Т.В. [та ін.] – К.: КНУБА, 2010. – 400 с.

3. Заславская, А.Ю. Особенности органического подхода в архитектуре конца XX- начала XXI века: дис. канд. арх. наук: 18.00.01. – М., 2008. – 191 с.
4. Лазарева, М.В. Ландшафтный компонент в структуре делового центра: дис. кандидата арх. 18.00.04/ Московский архитектурный институт. – М., 2008. – 173 с.
5. Нефедов, В.А. Ландшафтный дизайн и устойчивость среды. – СПб.: 2002. – 295 с.
6. Современные проблемы урбозологии / Сост. С.К. Саркисов. – М., 1992. – 37 с.
7. Лазарев, А.Г. Ландшафтная архитектура. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 282 с.
8. Саймондс, Д.О. Ландшафт и архитектура. – М.: Стройиздат, 1965. – 194 с.
9. Горбачев, В.Н. Архитектурно-художественные компоненты озеленения городов.- М.: Высш. Шк., 1983. – 207 с.
10. Завадская, Л.В. Вертикальное озеленение. – М.: Изд. Дом МСП, 2005. – 128 с.
11. Кингсбери, Н. Основы озеленения сада. – М.: Кладезь-Букс, 2003.- 2007с.
12. Теодоронский, В.С. Объекты ландшафтной архитектуры / В.С. Теодоронский, И.О. Боговая. – М.: МГУЛ, 2003. – 300 с.
13. Титова, Н.П. Сады на крышах. – М. ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2002. – 112 с.
14. Планування і забудова міських і сільських поселень: ДБН 360 - 92 **.
15. ПРОЕКТУВАННЯ ВИСОТНИХ ЖИТЛОВИХ І ГРОМАДСЬКИХ БУДИНКІВ: ДБН В.2.2-24:2009.
16. ГРОМАДСЬКІ БУДИНКИ ТА СПОРУДИ: ДБН В.2.2-9-2009.

УДК 72.036:69.056.53

Годун А.И.

ПАНЕЛЬНЫЙ ДОМ – ЖИЛЬЕ XXI ВЕКА?

Мы часто говорим о неблагополучии окружающей среды, считая, что главная опасность исходит от загрязненного атмосферного воздуха, воды, почвы, продуктов питания. В жилище человек проводит 80-90% своего времени. Жилище – это не только укрытие от неблагоприятных воздействий природы, но и мощный фактор, воздействующий на человека и в значительной степени определяющий состояние его здоровья.

Проектируя здания, сооружения, города и системы городов, архитектор принимает решения, от которых во многом зависит уровень психофизиологического состояния человека, его здоровье и благополучие. Возможно ли как-то уменьшить негативное влияние современного города на окружающую среду? Поиск ответа на этот вопрос тревожит нас постоянно.

Строительные и отделочные материалы, используемые в квартире, бывают очень опасны для здоровья. Так, за последние несколько десятков лет в быт прочно вошло много новых материалов – от прессованных плит на синтетических смолах до пластика и искусственных ковровых покрытий. А они выделяют множество активных органических соединений, вовсе не безвредных для здоровья. Даже широко распространенные линолеумные покрытия врачи-гигиенисты рекомендуют использовать лишь там, где человек бывает не очень часто. Особенно неблагоприятны для комнатной среды относительно дешевые пластиковые стенки, древесноволокнистые и древесностружечные прессованные плиты. А ведь они почти полностью вытеснили дерево из наших жилищ и офисов. А уж когда изготовление стружечно-прессованных изделий идет с нарушением технологий, то фенольные испарения за самое короткое время могут привести к серьезному отравлению. Конечно, для помещений нет ничего лучше, чем цельная древесина, хотя она и стала нынче существенно дороже. Куда хуже состоят дела с домами, целиком состоящими из бетона – панельными.

Недавние исследования показали, что стены домов из бетона, шлакоблоков, полимербетона радиоактивны (безопасным для здоровья считается уровень радиоактивности до 50 мк Рн/ч). Содержащиеся в этих материалах, пусть в микроскопических количествах, радий и торий постоянно распадаются с выделением радиоактивного газа радона. Существенно снижает содержание радона в воздухе регулярное проветривание комнат. Не стоит заставлять вещами вентиляционные отдушины на кухне, в ванной и туалете. Выделение из стен радона и летучих органических полимеров уменьшается благодаря штукатурке, плотным бумажным обоям. Моющиеся обои с полимерной поверхностью экологически тоже не безвредны, но содержание в комнате радона и летучих полимеров они снижают почти в 10 раз. Бетонные плиты

таят в себе ещё одну опасность: в новых домах они активно поглощают влагу из воздуха. Это известно многим новосёлам. А сухость комнатного воздуха вызывает не только неприятные ощущения, но и заболевания верхних дыхательных путей. Ведёт к ломкости волос и шелушению кожи. В сухом воздухе легче происходят разряды статического электричества.

Дома повышенной этажности вызывают особую тревогу своим воздействием на организм человека. Такие дома построены, как правило, из экологически наиболее опасных стройматериалов – бетона, блочных конструкций. Для этих построек характерны нестабильный воздухообмен, недостаточная вентиляция, неравномерность нагрева помещений на верхних и нижних этажах, высокая концентрация загрязнений природной среды. Загрязнённость воздушной среды в таких зданиях в 2-4 раза выше, чем загрязнённость атмосферного воздуха. При толщине стен кирпичного здания 10 см концентрация озона внутри него уменьшена по сравнению с наружным воздухом в 60-95 раз, а в здании из железобетона – в 250 раз.

Следует вспомнить о достоинствах панельных домов:

1. Удобство, быстрота и низкая себестоимость постройки. Панельный дом – единственный тип многоквартирного сооружения, который можно построить в очень сжатые сроки. Так, если мы внезапно столкнёмся с проблемой перенаселения и нехваткой жилищ, как это однажды уже случилось в СССР, всегда можно вернуться к строительству панельного дома. Дорогие стройматериалы для этого использовать не нужно, а серьёзные технологии при возведении такого строения не применяются.

Ещё одним фактором, удешевляющим строительство панельного строения, – скорость. Поскольку возведение такого здания происходит быстро, то строительная фирма не несёт больших убытков, связанных с арендой земли, зарплатами строителям, необходимостью охранять стройплощадку и пр. Так, на строительство многоквартирного панельного дома будет уходить совсем немного времени: получить жилище в таком доме получится примерно спустя 8-10 месяцев или, в крайнем случае, через год. Для сравнения: на возведение монолитного дома уйдёт полтора-два года, а кирпичный дом того же размера появится лишь через три года. Кроме того, строительство «панелек» не будет зависеть от поры года: строятся такие дома одинаково эффективно и зимой, и летом.

2. Дешевизна квартир в панельных домах. Естественно, построенные быстро и недорого квартиры, будут отличаться доступностью. Тем не менее, сегодня жильё в таких домах приобретают только люди с низким и средним уровнем дохода. Конечно, дешевизна жилища – очень серьёзный аргумент в его пользу, но всё же и мы сегодня всё больше готовы отдать ради комфорта. На доступность квартиры в панельном доме влияет не только скорость и низкая себестоимость строительства, но и площадь: обычно такое жилище уступает в размерах аналогичному в монолитном доме, и, следовательно, квартира в панельном здании обходится в среднем на 30-40% дешевле.

3. Ещё одним незначительным преимуществом панельных домов является снабжение города квартирами вторичного рынка. Как известно, построенные ещё давно, во времена СССР, панельные дома, очевидно, находятся в центре города, а также в спальных и престижных районах. Многим жителям это будет очень удобно, особенно в крупных городах с активным развитием урбанизации.

Что касается недостатков панельных домов, то они известны каждому:

1. Холод. В панельных домах холодно. Для изготовления панелей требуется большое количество цемента. Человек в таком доме со всех сторон окружен железобетонными панелями. Бетон пористый по своей структуре. Он очень гигроскопичен, впитывает влагу из воздуха. Поэтому бетонные стены всегда холодные. Кроме того, цемент выделяет в воздух вещества, неблагоприятные для дыхания. Даже при возведении кладки рекомендуется любыми путями минимизировать количество раствора внутри квартир. Учитывая суровые зимы, с которыми наши люди привыкли сталкиваться, проблема холода в панельном доме стоит очень остро. Даже если батареи нагреваются до чуть ли не раскалённого состояния, как следует обогреть помещение в таком здании трудно.

2. Крыша. Не имеющая чердака, она в панельных домах часто протекает. Да, многие дома построены с двускатной крышей, однако она не решает проблем протекания межпанельных швов. Можно, конечно, за дополнительную плату заделать эти швы, однако никто не хочет нести дополнительных расходов.

3. Квартиры в панельных домах, построенных во времена СССР, отличаются несколькими проблемными местами: совсем небольшие кухни и совмещённые санузлы – следствия снижения площади жилищ в панельных домах. Также сюда относятся смежные комнаты, трудность перепланировки и небольшие лестничные клетки. Если жить в таком доме долгие годы, то такие недостатки, конечно же, становятся привычными. Однако от холода и протекания ни одна «закалка» не убержёт.

4. Минусом панельных домов до сих пор является отсутствие возможности разместить подземный паркинг с лифтом, который связывает парковку с жилой зоной. Жильцы жалуются на низкие потолки в таких домах. Фасады панельных домов быстро теряют товарный вид (облезает краска).

5. В углах стыков панелей всегда повышенный радиационный фон за счет выделения радиоактивного изотопа радона. Насколько сильно проявляется это, зависит от использованного для изготовления материала панелей сырья. При добросовестности контроля в технологическом процессе уровень превышения над естественным фоном не бывает более чем двухкратный, что укладывается в официальные ПДН. Увы, известны случаи недобросовестного контроля, когда из-за этой проблемы шли под слом только что построенные дома целиком, в Новосибирске лет 10-12 назад под слом пошел целый новый микрорайон.

6. Что касается срока службы, у панельных домов он составляет всего лишь 40 лет. Кирпичные же дома рассчитаны на 100 лет.

Кроме этого, на здоровье человека влияют и другие факторы. По оценкам некоторых специалистов, есть квартиры, где концентрация загрязняющих веществ в 100 раз выше, чем на улице. Виной тому новые строительные и отделочные материалы, предметы быта, на вид комфортабельные и уютные, синтетические моющие и чистящие средства. Мы с радостью заполняем квартиры клееной мебелью, покрываем паркет лаком, застилаем полы линолеумом и синтетическими паласами. В результате в воздухе комнат может обнаружиться более 100 видов органических соединений, вызывающих раздражение верхних дыхательных путей, неприятное ощущение в глазах, насморк, хроническую головную боль, тошноту и другие расстройства. Современная мебель изготавливается с использованием карбамидоформальдегидных смол, чрезвычайно вредных для здоровья: они вызывают конъюнктивиты, аллергический насморк, трахеиты, бронхиты, астму, заболевания эндокринной системы и почек. Процесс выделения вредных веществ из новой мебели очень длительный и может продолжаться до 12 лет. Не добавляют нам здоровья и полихлорвиниловые смолы, содержащиеся в линолеумах. Стены из бетона, шлакобетона и полимербетона – источник радиации, пусть и в микродозах, но постоянной.

Поэтому неспроста появилось мнение, что выгоднее было бы полностью снести старые панельные дома, например как в Москве, и на их месте поставить современные. Однако мнение это неоднозначно. Первая и самая главная проблема, которая возникает при сносе домов, – экономическая. Как утверждают ученые и экономисты, снос дома, вывоз и утилизация отходов составляют сегодня порядка 60-80 % первоначальной стоимости дома. Поэтому только для сноса морально устаревшего жилья, которое на сегодняшний день насчитывается в республике, понадобится порядка 6-8 млрд. долл. США. А потом предстоит новое строительство, которое сегодня дешевым никак не назовешь, особенно в Минске. По оценкам специалистов, для строительства новых домов понадобится еще 12-14 млрд. долл. В итоге на снос старого жилья и строительство нового понадобится ни много ни мало примерно 20 млрд. долл. Таких свободных денег сегодня в республике нет.

Таков классический панельный дом: масса проблем и трудностей в уплату за дешевизну, быстроту и доступность. Сегодня, конечно же, придумана масса способов улучшения панельных домов. Так, благодаря обшивке фасадами панелей с применением специальных герметиков, панельное строение становится более холодостойким и перестает пропускать влагу. Также панельные дома, построенные в последнее время, являются более комфортными и способными к перепланировке, при сохранении большинства достоинств. Однако будущее панельного строительства всё равно под вопросом.

Панельный дом – популярный тип многоквартирного строения, появившийся во времена СССР. Дешёвый и простой, мгновенно строящийся и доступный, он, увы, приносит больше проблем, чем удобств. Сегодня, когда возможно строительство улучшенных панельных зданий, у них появляется второй шанс. Однако следует заметить, что даже такой дом уступает монолитному или кирпичному. Строго говоря, строительство всегда являлось показателем развития и жизнеспособности экономики. Однако новостройки в нашем городе продолжают строить по устаревшим, разработанным полвека назад технологиям. Рядом с современными зданиями вырастают панельные дома. Благодаря внешней отделке они практически не отличаются от монолитно-каркасных, но жить в таком доме не столь уютно и даже... вредно для здоровья. Между тем дефицит жилья — особенно дешевого жилья! — никуда не исчез. Можно ли решать эту проблему за счет панельного домостроения или следует отдать предпочтение более современным технологиям?

С точки зрения формирования архитектурного облика города панельные коробки не оставляют никакого простора для полета фантазии. Невозможно создать хороший облик района, имея в арсенале лишь унифицированные формы. Можно, конечно, сделать и из них «конфетку», выкрасив дома в разные цвета,

но у подобной «конфетки» будет слишком дорогая «обертка»: через несколько лет дом придется перекрашивать. Оплата дорогостоящего ремонта ляжет на плечи жильцов.

Что касается дизайна и внутреннего комфорта, при планировании панельного дома существует множество ограничений: можно спланировать несколько комнат три на шесть или — с небольшими вариациями — нечто подобное другой серии. В то же время более технологичные варианты позволяют максимально использовать застраиваемые участки с учетом пожеланий будущих жильцов — с одной стороны, и свободно планировать внутренние пространства — с другой.

В Москве сносят не только 5-этажные, но и 9-этажные панельные дома. На их месте строят новые — современные, красивые, комфортные, экономичные. В Казани к ветхому жилью причисляют и отдают под снос даже «сталинки». В Тольятти уже лет 15 не разрешается строить панельные дома на улицах — только внутри кварталов. В Чувашии панельное домостроение вообще запрещено как недолговечное, устаревшее и не украшающее архитектурный облик. Мы же стремимся любыми способами увеличить количество квадратных метров сдаваемого жилья, но в случае с панельными домами это происходит за счет качества. Если бы мы сегодня отказались от строительства панельных домов — это был бы идеальный вариант. Но переход на новые технологии требует финансовых вложений. Некоторые фирмы попросту не хотят тратить деньги на переподготовку специалистов и на приобретение нового оборудования. Получается, что сиюминутную выгоду строительные компании ставят выше интересов людей.

Дома, построенные 45 лет назад, уже исчерпали свой срок службы. И с каждым годом их число растет. Сейчас остро стоит вопрос либо об их ремонте, либо о сносе. Лет через 10–20 придется сносить полгорода. Зачем же строить некомфортное и недолговечное жильё? Сегодня, принимая решение о возведении панельных зданий, строительные фирмы выступают в роли скупых, которые платят дважды. Увы, расплачиваться придется людям, которые будут жить в этих домах, и государству, тратящему огромные деньги на замену ветхого жилья...

Список цитированных источников

1. Экология жилища и здоровье человека / А.П.Дубров. — 1995.
2. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.zagorodna.com/ru/stati/pliusy-i-minusy-panelnyh-i-monolitnyh-domov.html>
3. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://nsportal.ru/ap/nauchno-tehnicheskoe-tvorchestvo/library/vliyanie-stroitelnykh-i-otdelochnykh-materialov-na-zdor>
4. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.nb.by/publications/archive/2008/3/*2086/

Grycel E. J.

ARCHITEKTURA OKRESU REALIZMU SOCJALISTYCZNEGO W PRZESTRZENI MIEJSKIEJ BIALEGOSTOKU I GRODNA

Wstęp

II wojna światowa, z całym ogromem zniszczeń, które przyniosła, postawiła architektów i urbanistów przed nieoczekiwaną szansą. Paradoksalnie dała im sposobność wprowadzenia w życie postulatów ruchu nowoczesnego głoszących wiarę w możliwość stworzenia zupełnie nowego modelu miasta, odpowiadającego wymogom współczesnego społeczeństwa i uwzględniającego przemiany, jakie w nim zaszły. Wiarę tą wspierało dodatkowo przekonanie o niskiej wartości, zarówno użytkowej, jak i estetycznej XVIII- i XIX-wiecznej zabudowy.¹ W wyniku działań wojennych duża część tej właśnie historycznej tkanki miejskiej uległa zniszczeniu, co dało

¹ Idee te, w sposób chyba najbardziej radykalny, znalazły swe odbicie w studialnych pracach Le Corbusier'a. W trakcie Międzynarodowej Wystawy Sztuki Dekoracyjnej i Przemysłowej, która odbyła się w 1925 r. w Paryżu, zaprezentował on plan przebudowy Paryża, tzw. Plan Voisin, którego jednym z głównych założeń było wyburzenie dużej części historycznego centrum miasta i wzniesienie na to miejsce osiemnastu gigantycznych wieżowców powiązanych między sobą drogami szybkiego ruchu. To radykalne rozwiązanie nie miało wówczas, na szczęście, żadnych szans na realizację. Jednak idea przetrwała i po roku 1945 kuszący swym futurystycznym rozmachem obraz, miał się urzeczywistnić, pod różną postacią i z różnym skutkiem, w miastach na całym świecie.

możliwość zrealizowania w praktyce modernistycznych koncepcji. Oczywiście tylko tam, gdzie udało się przekonać do tego konserwatorów zabytków.

Tymczasem w Europie Środkowej i Wschodniej, która znalazła się w strefie wpływów Związku Radzieckiego, proces odbudowy miast przebiegał swym własnym torem. Wbrew coraz bardziej popularnym hasłom głoszonym przez modernistów, zwrócono się ku tradycyjnym zasadom kształtowania przestrzeni miejskiej, opartym na doktrynie realizmu socjalistycznego. Do zniszczonych zabytków podchodzono w specyficzny sposób. Jak pisze Andrzej Basista: „Komunistyczna rzeczywistość nie okazała się łaskawa dla zabytków, których koszt odbudowy, ratowania, czy też prostej konserwacji przekraczał propagandowe korzyści, jakie reżim mógł dzięki nim osiągnąć.”²

Chcąc zrozumieć przyczyny tego stanu rzeczy, należy cofnąć się o kilkadziesiąt lat do początków państwa radzieckiego. Wielka Rewolucja Październikowa i przemiany, które po niej nastąpiły zaangażowały wszystkie ugrupowania rosyjskich artystów awangardowych. Zadeklarowali oni swoje współczestnictwo w kreowaniu i utrwalaniu nowej rzeczywistości. Artysta, podobnie jak chłop i robotnik miał być budowniczym nowego ustroju. Awangardowa sztuka, a więc i architektura, miała odzwierciedlać radykalne przemiany społeczno-polityczne, wpływać na zmianę i rozwój upodobań estetycznych społeczeństwa. Wszystkie środowiska awangardowe nie tylko poparły rewolucję komunistyczną, ale czynnie ją współtworzyły. Problemy rewolucji niejednokrotnie wręcz skłaniały artystów do określonej aktywności twórczej, generowały pomysły i problematykę tej sztuki. Tak było między innymi z rosyjskim konstruktywizmem.

Początkowe poparcie ze strony komunistycznych władz, z czasem zaczęło się jednak przeradzać w ostrożny dystans, a następnie w niechęć. Nie próżnowali też zwolennicy tradycyjnej działalności artystycznej, negując sztukę awangardową jako niezrozumiałą i nieprzystawalną dla mas, a jednocześnie zbyt eksperymentalną, by dotrzeć do świadomości przeciętnego odbiorcy. Doprowadziło to do przyjęcia przez Związek Radziecki w roku 1934 doktryny realizmu socjalistycznego, jako obowiązującej we wszystkich dziedzinach sztuki.

Białystok i Grodno – modelowe miasta polsko-białoruskiego pogranicza

Proces formowania się nowej przestrzeni miejskiej, a w jej ramach nowej architektury, warto jest prześledzić na przykładzie Grodna i Białegostoku – dwóch modelowych miast wschodniego pogranicza. Już od XVIII wieku łączyły je więzy szczególne i nie zawsze było to tylko zwykłe sąsiedztwo. W tych związkach było kilka istotnych okresów:

- patronatu ze strony Grodna:

Historia Grodna rozpoczyna się na Górze Zamkowej nad wysokim brzegiem Niemna już w wieku XI. W ciągu następnych stuleci miasto szybko zyskuje na znaczeniu, stając się w XIV wieku jednym z ważniejszych ośrodków politycznych i gospodarczych Wielkiego Księstwa Litewskiego. Jednak dopiero II połowa wieku XVI to początek jego prawdziwej świetności. W tym czasie, aż do końca wieku XVIII, Grodno należy do grona trzech najważniejszych miast Rzeczypospolitej Obojga Narodów.

Białystok w sposób znaczący pojawia się na kartach historii dopiero w wieku XVIII, kiedy staje się główną siedzibą magnackiego rodu Branickich. Sam ośrodek miejski wyrasta przy zespole pałacowo-ogrodowym, pełniąc wobec niego funkcje służebne.

W wieku XVIII Wilno i Grodno rozciągają nad Białymstokiem swoisty kulturowy patronat.

- wspólnego, w miarę równomiernego rozwoju:

Po zatwierdzeniu II rozbioru Polski (1793), a następnie abdykacji króla Stanisława Augusta Poniatowskiego (1795) – obydwie te wydarzenia miały miejsce w Grodnie, miasta znalazły się w granicach Cesarstwa Rosyjskiego. Od 1801 r. Grodno jest stolicą guberni grodzieńskiej. W roku 1807 Białystok zostaje stolicą obwodu białostockiego i jest nią aż do roku 1842, kiedy to wraz z całym obwodem zostaje włączony do guberni grodzieńskiej. Wiek XIX to okres burzliwego rozwoju przemysłowego. Pomimo nieznaczącej przewagi, jaką niewątpliwie dają funkcje administracyjne pełnione przez Grodno, to właśnie Białystok rozwija się nieco bardziej dynamicznie.

- rywalizacji:

Po wybiciu się Polski na niepodległość, Białystok zostaje stolicą województwa białostockiego, do którego w roku 1921 przyłączony zostaje powiat grodzieński. Obydwie miasta rywalizują, w pokojowy rzecz jasna sposób, o miano lokalnego centrum duchowego i kulturowego (funkcja centrum administracyjnego zarezerwowana jest dla Białegostoku). Za Grodnem przemawia wielowiekowa tradycja, przeszkodą jest jednak „rosyjskość miasta”. Białystok to z kolei wielki ośrodek przemysłu włókienniczego, no i przede wszystkim (przynajmniej w oczach polskich władz) miasto w większym stopniu „polskie”.

² Basista A.: *Betonowe Dziedzictwo. Architektura w Polsce czasów komunizmu*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa – Kraków 2001, s. 159

Jak widać historia na trwałe splótła losy obydwu miast. Przez większą część swych dziejów wzrastały w identycznym środowisku narodowo-etnicznego pogranicza, co w efekcie doprowadziło do powstania porównywalnej przestrzeni miejskiej. To pokrewieństwo i „kresowy” charakter, nie wynikał z niepowtarzalności ich architektury, która byłaby przeniesieniem kulturowego wielogłosu w świat materialny, a więc zbudowany. Możemy raczej mówić o charakterystycznej drobnostkowości, niewielkiej skali poszczególnych elementów tkanki miejskiej, dużym znaczeniu tradycyjnych materiałów budowlanych, a w końcu też i o czynniku ludzkim, które to decydowały o specyfice Białegostoku i Grodna.

Po II wojnie światowej te dwa dotychczas żyjące w swoistej symbiozie organizmy miejskie, znalazły się w dwóch odmiennych państwach – Białystok został ostatnim (obok Lublina) dużym ośrodkiem miejskim na polskiej „ścianie wschodniej”, a Grodna weszło w skład Białoruskiej SRR, odzyskując przy okazji, utraconą na rzecz Białegostoku, rangę miasta obwodowego. Mniej więcej w połowie drogi między nimi pojawiła się granica, która po roku 1989 stała się granicą między dwoma ideologiami społeczno-politycznymi i dwoma odmiennymi systemami gospodarczymi.

Idea społecznego egalitaryzmu w przestrzeni miasta

W kilka lat po zakończeniu II wojny światowej rozpoczął się proces formowania nowej przestrzeni miejskiej Białegostoku i Grodna oparty na doktrynie realizmu socjalistycznego. Zgodnie z jego zasadami nastąpił powrót do tradycyjnych zasad kształtowania miasta, odzwierciedlający zniesienie podziału klasowego oraz niwelację różnic pomiędzy dzielnicami śródmiejskimi a przedmieściami. Ulica i plac miejski, obudowane skoncentrowaną, reprezentacyjną zabudową, miały uzyskać szczególną rolę społecznego i kompozycyjnego tła dla wielkich zgromadzeń, pochodów i festynów.

W przypadku Grodna, jednym z podstawowych działań podjętych w pierwszych latach po wojnie było stworzenie nowego planu urbanistycznego. Zgodnie z przyjętymi w nim założeniami, centralną część miasta miał wyznaczać kwadrat Placu Sowieckiego, czyli historyczny Stary Rynek. Południowa pierzeja placu, w której do wybuchu II wojny światowej mieścił się pałac Radziwiłłów, została ostatecznie zniesiona w celu stworzenia otwarcia widokowego na Niemen. Powstała w ten sposób wolna przestrzeń uzyskała rangę miejskiego bulwaru wysadzanego drzewami, łączącego przestrzeń placu z nadbrzeżem rzeki. Rangę miejsca podkreślał monumentalny szereg socrealistycznych kamienic³, które stworzyły zwarte pierzeje ulic Mostowej i Krupskiej. Zająły one miejsce eklektycznych kamienic z przełomu XIX i XX wieku, które bądź to ucierpiały w trakcie działań wojennych, bądź to zostały rozebrane tuż po wojnie, jako „budynki o niskiej wartości użytkowej i estetycznej”.

Pierwszy powojenny plan odbudowy centrum Białegostoku powstał natomiast w latach 1945-1946. Zakładał on podkreślenie znaczenia ulicy Lipowej - jednej z najbardziej reprezentacyjnych ulic miasta, odbudowę ratusza rozebranego przez wojsko radzieckie oraz stworzenie nowej obudowy rynku. W zburzonym w 80% śródmieściu Białegostoku powstały na początku lat 50. zwarte pierzeje III- i IV-kondygnacyjnych kamienic, najczęściej z usługami w parterach, sytuowanych kalenicowo w stosunku do ulicy, z funkcją mieszkaniową dostępną od strony wewnątrz kwartałów. Wnętrza te projektowano w sposób skromny, ba, ascetyczny nawet. Cały nacisk położono na wystrój i formę fasady zewnętrznej. Jej monumentalny charakter podkreślały boniowania parteru, pilastry, wydatne gzymsy wieńczące i międzykondygnacyjne oraz stylizowane attyki. Zgodnie z tym zasadami powstała większość zabudowy mieszkaniowej w centrum miasta w rejonie ulic Lipowej, Malmeda, Białówny, Sienkiewicza i Liniarskiego. W chwili obecnej obszar ten uważany jest przez mieszkańców za swego rodzaju namiastką miejskiej „starówki” i, co ciekawsze, niewiele osób zdaje sobie sprawę, że budynki uznawane przez nich za dużo starsze mają dopiero pół wieku. Na początku lat 50. zrodziła się też idea stworzenia nowego założenia urbanistycznego w bezpośrednim sąsiedztwie centrum miasta, tzw. „Alei Pochodów” (obecnie ulica M. Skłodowskiej-Curie) – szerokiego ciągu komunikacyjnego zaplanowanego na potrzeby organizacji pierwszomajowych marszów. Na jego zamknięciu zaplanowano siedzibę Komitetu Wojewódzkiego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej, tzw. Domu Partii.

Architektura stała się tym samym bardzo ważnym orężem w ręku animatorów nowego porządku społecznego. Miała przekazywać treści socjalistyczne, idee kształtujące świadomość i światopogląd obywateli. Wygląd zewnętrzny budowli miał większe znaczenie, niż tylko estetyczne, miał wyrażać idee społeczne, wzbudzać poczucie siły i trwałości państwa ludowego, jego masowego kolektywnego charakteru, jego demokratyzmu i humanizmu, ideę prawdziwej wolności i wszechstronnych możliwości, który daje ono człowiekowi.

³ Budynki powstały według projektów typowych, inspirowanych akademickim klasycyzmem. Do ważniejszych obiektów w ramach tego kompleksu należy hotel „Niemen”.

Grodno - Pałac Kultury Włókienników

W roku 1958 oddano do użytku Pałac Kultury Włókienników w Grodnie. Na miejsce jego lokalizacji wybrano zachodnią pierzeję Placu Sowieckiego w bezpośrednim sąsiedztwie kościoła Farnego, tzw. Fary Witoldowej⁴, kościoła Jezuitów i pałacu Stefana Batorego. Budynek powstał według projektu typowego⁵, wzorowanego na miejskich pałacach klasycystycznych. Wysoki podcień od strony wejścia głównego, wsparty na korynckich kolumnach w tzw. wielkim porządku, nadał obiektowi tak pożądanym monumentalny charakter. Efekt ten spotęgowano umieszczając na osi wejścia symetrycznie rozplanowaną klatkę schodową, która łączyła trzy kondygnacje budynku. Na pierwszej z nich znajdował się westybul, foyer, sale klubowe i pomieszczenia administracyjne, na drugiej - sala widowiskowa na 400 miejsc z foyer oraz sala taneczna, a na kondygnacji ostatniej sala wykładowa na 120 miejsc.

Obiekt w sposób neutralny wpisał się w przestrzeń Placu Sowieckiego, z czasem stając się nieodrodną jego częścią. Jest dziełem godnym uwagi głównie jako przykład powojennej architektury socrealistycznej wkomponowanej w historyczny kontekst i architektoniczny symbol społecznego egalitaryzmu, jaki zapanował w miastach tej części Europy. Tuż obok obiektów sakralnych, miejskiego pałacu i mieszczkańskich kamienic – świadków minionych epok, pojawił się oto dom kultury dla zwykłych robotników.

Zgodnie z socrealistyczną doktryną zagadnienia związane z budową nowego ustroju miały być przedstawiane w sposób realistyczny i bardzo dosłowny. Tak miała wyglądać socjalistyczna treść. Pojęcie narodowej formy miało z kolei oznaczać zindywidualizowanie sposobu przekazu treści socjalistycznych w odniesieniu do poszczególnych narodów, znalezieniu charakterystycznego dla tradycji danego kraju stylu, w celu wykorzystania go jako nośnika nowych idei. W architekturze zazwyczaj narodową formę oznaczało nawiązywanie do sztuki ludowej poprzez stosowanie elementów folklorystycznych, bądź do stylów tzw. postępowych okresów historycznych, za jakie uważano renesans (humanizm), a zwłaszcza klasycyzm (oświecenie), głównie w wydaniu akademickim. Stąd też elementy tego ostatniego stylu, które uznane zostały za nośnik lokalnej, grodzieńskiej tradycji i jako takie na kilkanaście lat stały się obowiązującym językiem wypowiedzi architektonicznej. Cóż z tego, że w Grodnie rzeczywiście zachowało się wiele klasycystycznych budynków o wysokich walorach architektonicznych. Wystarczy tu wspomnieć dom przy ulicy Zamkowej 16, czy dom vice-gubernatora Maksimowicza przy ulicy Orzeszkowej. Zarówno budynek Pałacu Kultury Włókienników, jak i opisany w dalszej części dom handlowy przy ulicy Sowieckiej, powstały w oparciu o projekty typowe.⁶ Poszukiwanie jakichkolwiek analogii z miejscowymi realizacjami z XVIII, czy XIX wieku, jest więc bezcelowe.

Z Pałacem Kultury Włókienników wiąże się jeszcze jedno istotne wydarzenie. W momencie powstania obiektu, czyli w roku 1958, w jego bezpośrednim sąsiedztwie mieścił się kościół p.w. Wniebowzięcia N.M.P., tzw. Fara Witoldowa. Był to jeden z najstarszych zabytków na terenie Grodna, ufundowany w końcu XIV wieku przez Wielkiego Księcia Litewskiego Witolda, później wielokrotnie przebudowywany i niszczone. W okresie międzywojennym Oskar Sosnowski przywrócił mu pierwotny gotycki charakter. Opinie co do wartości rekonstrukcji Sosnowskiego były od samego początku podzielone. Wszelkie wątpliwości definitywnie „rozstrzygnęły” władze radzieckie, które w połowie lat 60. XX wieku podjęły decyzję, o rozbiórce obiektu. W uzasadnieniu stwierdzono, że kościół swoim charakterem nie pasuje do przestrzeni Placu Sowieckiego, zakłócając ponad to układ komunikacyjny centrum. Można się jednak domyślać, że Fara stanowiła zbyt dużą, dosłownie i w przenośni, konkurencję dla nowopowstałego Pałacu Kultury, przez co musiała zniknąć z pejzażu tej części miasta. Ten fragment pierzei Placu Sowieckiego po dziś dzień jest pusty, a o historii miejsca świadczą jedynie fragmenty niszczonej fundamentów.

W tym miejscu wypada też wspomnieć o jeszcze jednym obiekcie.

⁴ Kościół został ufundowany przez Wielkiego Księcia Litewskiego Witolda w 1392 r. Później był wielokrotnie niszczone i przebudowywany.

⁵ Autorem projektu był arch. I. Rożyn.

⁶ W myśl dość mgliście sformułowanych założeń, sztukę realizmu socjalistycznego powinna cechować przede wszystkim ideowość. Rozumiano ją jako wyrażone przez temat i sposób przedstawienia zaangażowanie dzieła po stronie "walki o socjalizm". Z postulatem tym wiązała się zasada "typowości", czyli przedstawiania nie tego, co istnieje w rzeczywistości jako fakt jednostkowy, lecz jego uogólnionego sensu. Stąd już tylko krok do „typowości” w architekturze, której poszczególne dzieła powinny wyrażać nie indywidualną myśl projektanta, lecz ogólne założenia obowiązującego stylu.

Grodno - dom towarowy przy ulicy Sowieckiej

Z północnej części Placu Sowieckiego wybiega ulica, która niegdyś nosiła nazwę Dominikańskiej. Obecnie jest to ciąg pieszy, który łączy wspomniany plac, czyli historyczne centrum miasta, z XVIII-wieczną częścią Grodna zwaną Horodnicą. W miejscu, gdzie kończy się ulica Sowiecka stoi dom towarowy pochodzący z przełomu lat 50. i 60. XX wieku.⁷ Ze względu na pełnioną funkcję, a może po to by podkreślić rangę nowej architektury, budynek został wycofany kilkanaście metrów z pierzei ulicy. Uzyskane dzięki temu przedpole, pozwala zwyktemu przechodniowi lepiej ogarnąć, a co za tym idzie, również i docenić monumentalny charakter czterokondygnacyjnej bryły. Obiekt, tak jak i Pałac Kultury Tkaczy, powstał w oparciu o projekt typowy. Podobny jest również trójosiowy podział elewacji frontowej: część środkowa, najszersza, zaakcentowana została wtopionymi kolumnami zestawionymi w wielkim porządku. Pola między nimi przeprute zostały oknami - dużymi witrynami na pierwszej i drugiej oraz mniejszymi oknami na trzeciej i czwartej kondygnacji. Mimo tych kompozycyjnych podobieństw, bryła domu handlowego robi wrażenie dużo cięższej, bardziej monumentalnej, całkowicie dominując w tej części ulicy Sowieckiej.

Dla porównania przedstawione zostaną obiekty z terenu Białegostoku, które powstały mniej więcej w tym samym okresie, co realizacje grodzieńskie.

Białystok - siedziba Komitetu Wojewódzkiego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej

Siedziba Komitetu Wojewódzkiego Polskiej Zjednoczonej Partii Robotniczej, czyli tzw. Dom Partii, to najbardziej monumentalny obiekt, który powstał w omawianym okresie w Białymstoku. Jego forma architektoniczna jest charakterystyczna dla początkowego okresu socrealizmu czerpiącego jeszcze z tradycji przedwojennego monumentalizmu gmachów publicznych. Szczególnie monumentalnie prezentuje się rzut gmachu, złożony z poprzedzonego kolumnadą korpusu głównego, zespolonego z wydłużonymi skrzydłami za pomocą łączników opartych na planie wycinka koła. Dzięki tak skomponowanej architekturze siedziba Domu Partii jest jedną z najlepszych tego typu realizacji w stylu realizmu socjalistycznego w Polsce.⁸ We wnętrzu zachowały się oryginalne klatki schodowe oraz aula ze zdobionymi drzwiami, balkonikami i drewnianymi mozaikami w kształcie radzieckiej gwiazdy. Budynek usytuowany został przy jednym z boków kwadratowego placu (obecnie Plac Uniwersytecki), zamykając jednocześnie panoramę tzw. Alei Pochodów. Z jego okien można było obserwować tłumy ludzi uczestniczące w pierwszomajowych manifestacjach, a dla przeciętnych mieszkańców stał się on wkrótce symbolem powagi i potęgi nowej władzy socjalistycznej.

Białystok - zabudowa przy ulicy Suraskiej i Rynku Kościuszki

W bezpośrednim sąsiedztwie Placu Uniwersyteckiego znajduje się ulica Suraska, która łączy wspomniany już Plac Uniwersytecki z Rynkiem Kościuszki – centralnym punktem miasta. W latach 50. XX w. otrzymała ona obudowę, z jednej strony w postaci stosunkowo powściągliwych w swym wyrazie estetycznym budynków mieszkalnych, a z drugiej – obiektów użyteczności publicznej w stylu realizmu socjalistycznego. Do najciekawszych, a jednocześnie najbardziej reprezentatywnych dla nowego stylu architektonicznego, należą z pewnością Dom Prasy przy ulicy Suraskiej oraz dwa domy towarowe w południowej pierzei Rynku. Te dwa ostatnie wyróżniają monumentalne fasady z ciężkim, boniowanym cokołem, symetryczną dyspozycją kolejnych kondygnacji z powtarzalnym rytmem okien i pilastrów oraz zwieńczeniem w postaci ażurowej attyki z tralkami. Nieco bardziej oszczędna jest kompozycja elewacji Domu Prasy. W tym przypadku również został zastosowany podział na część cokołową, wyższe kondygnacje oraz zamknięcie w formie attyki. Detal architektoniczny w postaci pilastrów i plicin nie jest jednak tak silnie wyeksponowany, co sprawia, że gra światła i cienia jest dużo mniej zauważalna, a tym samym budynek nie wydaje się być aż tak monumentalny, jak jego sąsiedzi.

Kolejnym, nie mniej ciekawym przykładem nowej socrealistycznej architektury (tym razem w stylu silnie historyzującym) są kamienice mieszkalne zlokalizowane we wspomnianej już południowej oraz zachodniej pierzei Rynku. Charakterystycznymi elementami, które nieco później, bo w latach 70., pojawiły się na ich fasadach są dekoracje w postaci mozaik i sgraffito. Ukazano na nich motywy roślinne, kompozycje geometryczne, herby nawiązujące do symboliki historycznej oraz sceny rodzajowe. Złagodziły one pewną monotonię płaskich elewacji kamienic, nadając im tym samym niepowtarzalny charakter.

⁷ Grodno. *Encyklopedyczny Sprawocznik*, Mińsk, „BSE”, 1989, s.395

⁸ Patrz: Wicher S. *Życie architektury*, Białystok, SARP, 2009, s.110

Podsumowanie

Wykorzystywanie architektury do celów politycznych, znane z różnych okresów dziejów ludzkich, nie jest pomysłem XX wieku. Jednak to właśnie wtedy sztuka kształtowania przestrzeni, jak nigdy przedtem na tak szeroką skalę, stała się jednym z istotnych instrumentów sprawowania władzy. Jako ta najbardziej społeczna ze sztuk, posiadała olbrzymie możliwości oddziaływania na życie zbiorowe, ułatwiając kreowanie pożądanych zachowań. Diagnoza ta dotyczy przede wszystkim architektury socrealistycznej, której głównym zadaniem było stworzenie odpowiedniego tła dla wielkich zgromadzeń i demonstracji, ale również zaakcentowanie sprawiedliwości dziejowej, która nastąpiła wraz z nadejściem komunizmu. Warto zauważyć, że nowopowstałe siedziby związane z nauką, kulturą, czy techniką często określano mianem pałacu (patrz – Pałac Kultury Włóknienników) i taką formę architektoniczną im nadawano.

Porównując architekturę tego okresu z terenu Białegostoku i Grodna, można zauważyć pewne zbieżności jeżeli chodzi o architekturę mieszkaniową – budynki tego typu charakteryzowała stosunkowo prosta, zwarta forma o oszczędnym detalu architektonicznym. Występował w ich klasyczny podział na część cokolową, część środkową i zwieńczenie w postaci spadzistego dachu, czasem ukrytego za attyką. W realizacjach białostockich, na budynkach wzniesionych w najbardziej reprezentacyjnej części miasta, w latach 70. wykonano mozaiki i sgraffito. Co ciekawe, mniej więcej w tym samym okresie mozaiki pojawiły się na niektórych wielorodzinnych budynkach mieszkalnych również i w Grodnie. Były to jednak nowe bloki w stylu modernistycznym usytuowane poza ścisłym centrum miasta, a zastosowane dekoracje plastyczne charakteryzowały się dużą skalą i wykorzystaniem białoruskich motywów ludowych.

W architekturze użyteczności publicznej tych zbieżności zauważyć można nieco mniej. Zgodnie z obowiązującym w socrealizmie pojęciem narodowej formy, zindywidualizowanie sposobu przekazu treści socjalistycznych miało polegać na znalezieniu stylu charakterystycznego dla tradycji danego kraju, w celu wykorzystania go jako nośnika nowych idei. Grodzieński socrealizm w dużej mierze czerpał z akademickiego klasycyzmu, podczas gdy realizacje białostockie w widoczny sposób inspirowane były monumentalnym międzywojennym modernizmem gmachów publicznych. Pewnym wytłumaczeniem tego faktu może być to, że autorami nowych budynków w Grodnie byli architekci z Mińska lub Moskwy (często były to projekty typowe), podczas gdy w Białymstoku najważniejsze obiekty zaprojektował architekt Stanisław Bukowski wychowany w tradycji przedwojennej szkoły warszawskiej i wileńskiej.

Władze i mieszkańcy Grodna postrzegają socrealizm jako jeden z ważnych elementów spuścizny historycznej. Tymczasem w Białymstoku wciąż trwa dyskusja, czy obiekty z tego okresu (nawet te najwybitniejsze) można uznać za zabytki, a tym samym, czy w ogóle warto jest je chronić w niezmienionej formie. Coraz częściej jednak, gdy starsze pokolenie przestaje postrzegać tę architekturę poprzez pryzmat minionego ustroju politycznego, a młodsze pokolenie ma o tym ustroju jedynie mgliste pojęcie, ocena architektury socrealizmu przestaje już być tak jednoznacznie negatywna. Dużo łatwiej zauważane są jej pozytywne aspekty, takie jak chociażby utrzymanie tradycyjnego modelu kształtowania miasta z ulicą i placem jako podstawowymi jego elementami oraz powrót do ciągłości historycznej w architekturze. Co więcej, dla części społeczeństwa staje się ona ważnym świadkiem tamtego okresu i istotnym elementem wspólnego dziedzictwa kulturowego.

Literatura:

1. Basista, A. *Betonowe Dziedzictwo. Architektura w Polsce czasów komunizmu*. – Warszawa – Kraków: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2001
2. *Grodno. Encyklopedyczny Sprawocznik*. – Mińsk: BSE, 1989. – S.395.
3. Jodkowski, J. *Grodno*, Nakładem księgarni Józefa Zawadzkiego w Wilnie. – Wilno, 1923.
4. Kaczorowski, B. *Grodno: Historia i zabytki*, Warszawska Oficyna Wydawnicza, Warszawa: Gryf, 1991.
5. Ковкель, И.И. *Гродно* / И.И. Ковкель, Я.Н. Мараш. – Польша. – Минск, 1987.
6. Кудряшов, В.И. *Гродно*. – Минск, 1960.
7. Grycel, J. *Architektura z ideologią w tle. Architektura mieszkaniowa Grodna w drugiej połowie XX wieku*. [w:] *Tendencje w kształtowaniu zabudowy mieszkaniowej współczesnych miast*. Białystok: Dział Wydawnictw i Poligrafii Politechniki Białostockiej, 2005.
8. Grycel, J. *Współczesna architektura mieszkaniowa polsko-białoruskiego pogranicza na przykładzie Białegostoku i Grodna*: Rozprawa doktorska wykonana pod kierunkiem prof. dr hab. inż. arch. Dariusza Kozłowskiego / Wydział Architektury Politechniki Krakowskiej. – Kraków, 2007
9. Wicher, S. *Życie architektura*. – Białystok: SARP, 2009.

*Foto 1 – Socrealistyczny blok mieszkalny,
ul. Mostowa, Grodno
Fot.: Autor*

*Foto2 – Socrealistyczny blok mieszkalny, oko-
lice Placu Sowieckiego, Grodno
Fot.: Autor*

*Foto 3 – Pałac Kultury Włóknienników, Plac Sowiecki,
Grodno
Fot.: Autor*

*Foto 4 – Dom towarowy, ul. Sowiecka, Grodno
Fot.: Autor*

*Foto 5 – Zabudowa przy Placu Sowieckim, Grodno
Fot.: Autor*

**Foto 6 – Dom Partii, Plac Uniwersytecki,
Białystok**

Fot.: Autor

Foto 7 – Dom Prasy, ul. Suraska, Białystok

Fot.: Internet

**Foto 8 – Dom Towarowy, Rynek Kościuszki,
Białystok**

Fot.: Autor

**Foto 9 – Dom Towarowy „Nowy”, Rynek
Kościuszki, Białystok**

Fot.: Autor

**Foto 10 – Kamienica mieszkalna, ul. Lipowa,
Białystok**

Fot.: Autor

**Foto 11 – Kamienica mieszkalna, Rynek
Kościuszki, Białystok**

Fot.: Autor

ВОПРОСЫ ВОССОЗДАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Введение. В последнее время в республике начался процесс воссоздания деревянных замков. Замками на территории Беларуси называются оборонительные сооружения, представляющие собой замкнутый комплекс, состоящий из оборонительных, жилых, хозяйственных и других построек. Такого типа оборонительные сооружения возводились на белорусской земле в XIII–XVIII веках. К сожалению, деревянных замков у нас в стране не сохранилось, несмотря на то, что это был весьма распространённый для нашей территории тип замков. Деревянные замки были возведены в Бресте, Минске, Орше, Радошковичах, Пинске, Гомеле, Глуске, Могилеве, Мозыре и в других местах. Так как замковое зодчество определяло большую часть монументальной архитектуры средневековья, воссоздание такого вида построек имеет большое значение для нашей республики. Целями и задачами такого воссоздания являются:

1. Изучение оборонительной архитектуры Беларуси.
2. Воссоздание замков как типичных памятников деревянного зодчества XIII – XVIII вв.
3. Воссоздание замков как центров мест и древних городов.

Замковое зодчество Беларуси по использованию строительных материалов делится на деревянное и каменное. Часто эти два вида замкового зодчества существовали параллельно с одинаковым подходом к решению оборонительных задач. Элементы каменного и деревянного зодчества иногда одновременно использовались при возведении одного и того же замка [1, с. 51].

Военное искусство любой страны должно обязательно идти в ногу с военным искусством окружающих эту страну государств. Поэтому оборонительные сооружения белорусских земель должны были соответствовать наступательному оружию соседних с Беларусью государств. Исследователь М.А. Ткачѳ делит оборонительные сооружения XI – первой половины XIII века на две основные группы по степени влияния оборонительных сооружений государств, соседствующих с рассматриваемым регионом. Это – оборонительные сооружения Полоцкой земли, которые похожи на оборонительные сооружения восточных районов Руси, укрепления Новгородской земли, Смоленщины, Среднего Поднепровья и частично Прибалтики подчиняются при своём возведении природному рельефу. В связи с влиянием природных особенностей М.А. Ткачев выявляет островные и мысовые типы укреплений. Оборонительные сооружения Понемонья и Туровской земли, как и Волыни, где городища правильной круглой формы, свидетельствуют о тесных культурных связях с западнославянским миром – Польшей и Чехией. К середине XIII века на землях Беларуси наблюдается процесс нивелировки местных особенностей планировочной организации оборонительных комплексов. В Полоцке – круглые укрепления, а в Понемовье – круглые с концентрическими кругами [2, с. 13].

В XIV – XVII веках на территории современной Беларуси системы оборонительных сооружений, бывшие «детинцы», модернизируются согласно потребностям времени и военной науки. Происходит вытеснение употребляемого названия «детинец» и «град» словами «замок» и «место». Местом называли большие торгово–ремесленные центры, которые были размещены на старых торговых путях. Центр обороны места получил название «замок». Постепенно замками стали называть все виды укреплений в Беларуси. В «больших местах», таких как Полоцк, Витебск и других, было по два замка – «Горний» и «Дольний» [2, с. 43]. «Горний» замок возводился на возвышенности и представлял собой укрепления старого типа (до XV века). Высота и крутизна холма, на котором строили данный тип замка, являлась дополнительным препятствием для врагов. «Дольний» замок строили в низине. Это были замки феодалов, опоясанные крепостными стенами с башнями, более позднего типа (XVI).

Методика воссоздания деревянного замка:

1. План сооружения.
2. Форма и конструкция ограды (тыновая или венчатая).
3. Форма, конструкция и количество башен (проезжая, подзорная, отдельно стоящая; Шестигранная, прямоугольная, восьмигранная).
4. Усиление ограды (тын, надолбы, частик, чеснок, рагульки).
5. Форма, конструкция, количество остальных сооружений, находящихся на территории крепости (церковь, жилые постройки и т.д.).

Для белорусского зодчества XVI –XVII вв. характерно распространение крепостей с геометрически правильными планами, с прямоугольными и восьмигранными башнями. Общий характер построения плана и конструктивные особенности башен имели общие черты в замках Туровли и Суши, Мирского замка. По мнению В.А. Чантурии, полное представление о белорусских деревянных замках даёт уникальный

графический документ – «чертёж» города Витебска 1664 года [1, с.51]. А, по мнению исследователя замковой архитектуры Беларуси М. А. Ткачёва, на примере другого белорусского замка – Радашковичского – можно судить о приёмах строительства и обороны средневековых деревянных замков.

Насыпной вал часто имел скрытые под землёй деревянные конструкции, придававшие валу устойчивость. Польские и чешские укрепления также имели деревянные устройства, находящиеся под землёй. Польские конструкции состояли из нескольких рядов брёвен, не связанных между собой. Чешские конструкции представляли собой решётчатый каркас из бревен, укрепленных в некоторых случаях каменной кладкой. Насыпали валы часто из грунта, полученного при отрывании рва. Валы были несимметричны. Наружная сторона делалась более крутой и часто обмазывалась глиной. На вершине вала размещали узкую горизонтальную площадку для деревянных стен, окружавших замок или город. Размеры валов делали различными – 4 – 16 м в высоту.

Наиболее характерными типами оград в деревянных замках были тыновые и венчанные. Тыновые ограды состояли из полисада с бойницами или с банкетом. Венчанные делали из срубов (городней), прислонённых один к другому. Длина срубов определялась размером находящегося под рукой леса, а ширина – толщиной стены, необходимой для помещения на ней войск и свободного действия. Высота стен из дерева зависела от разных обстоятельств: от важности укрепляемого пункта, от положения ограды относительно местного горизонта и пр. Толщина венчатых стен была от 2 до 6 м. Этого размера хватало для помещения стрелков, а метательные машины располагались в башнях [3, с.6].

Башни назывались в древние времена вежами, столпами, кострами (от слова *castrum* – замок). Форма башен обычно была прямоугольной, реже восьмигранной или шестигранной. Башни усиливали стены и служили для внешней и внутренней обороны. Конструкция башен была в несколько этажей. В зависимости от функции разделяли проезжие и подзорные башни. Проезжие башни служили для сообщения. Подзорные башни – для наблюдения за отдалённой местностью, соответственно такие башни были выше из-за находящихся наверху караулен. В стенах башен существовали отверстия для стрельбы и окна. В плане местонахождения башни устанавливали по углам и на длинных прямоугольных участках ограды. Выступали башни из ограды на 2 – 3 м [3, с.10]. Но иногда башни в Беларуси устанавливали в центре территории замка. Такие башни назывались отдельно стоящие.

Исследователь А.В. Ополовников выделяет ещё несколько пунктов, подходящих для применения при воссоздании деревянных замков [4, с. 161].

- 1) время постройки;
- 2) стиль;
- 3) назначение;
- 4) тип;
- 5) размеры;
- 6) вид строительного материала;
- 7) принадлежность к определённой архитектурной школе.

Из всех перечисленных пунктов не анализировались последние два. Строительный материал – это в основном хвойные породы, такие как ель и сосна. Инструмент, которым обрабатывали дерево, был топор. Так как вплоть до петровской эпохи плотники не знали слово «строить», они не строили, а «рубили». Пилёных досок не было, потому что пилы вошли во всеобщее употребление в послепетровские времена. До этого времени деревья раскалывали клиньями на несколько частей, которые затем обтёсывали топором. Для покрытия крыш, особенно криволинейных, употребляли лемех или гонт [5, с.8]. Все перечисленные особенности в использовании и обработке строительного материала необходимо учитывать при воссоздании утраченного деревянного замка

Брестский замок. «Городом» называлось всякое жилое место, окружённое оборонительной оградой. «Детинец» - от слова «девать», «деть», т.е. укрывать. При возникновении угрозы в детинец прятали самое дорогое – детей, жён, стариков. Внутреннее пространство города было очень просторным по сравнению с числом жителей. В случае опасности в граде за крепостными стенами могли укрыться жители близлежащих посадков [1, с 6].

Брест известен, исходя из летописных источников, с 1019 г. Городом Брест стал называться лишь с 1099 года. Территория древнего города размещалась на острове. Город находился в месте слияния правого притока рек Вислы, Муховца и реки Буг. Первоначально территорию города образовывали древние оборонительные укрепления, входящие в крепостные сооружения детинца. Оборонительные укрепления этого времени были представлены:

- 1) насыпным оборонительным валом;
- 2) рвом, заполненным водой с южной стороны;
- 3) деревянной оградой.

Территория древнего детинца была треугольной формы и имела площадь около 1 га. Детинец связывался мостом с территорией посада, который находился напротив детинца на острове. Брестское городище существовало в XI – XII веках, детинец основан на рубеже X – XI веков. Брестский деревянный замок построен в XII веке как укрепление для торговых караванов. Замок перестраивался в XIII веке. В 1276 – 1288 гг. построена каменная башня – донжон, возведена церковь святого Петра. Брестская каменная башня – донжон была высотой 20 м, толщина стен – 1,3 м. Стояла она внутри крепостных стен, что подтверждается многочисленными планами города, и имела четырёхугольную форму.

Схема размещения посада и замка была следующая: град – торг – посад. Торговая площадь находилась между замком и палисадом, напротив ворот замка. От неё радиально расходились важнейшие улицы посада [6, с.217]

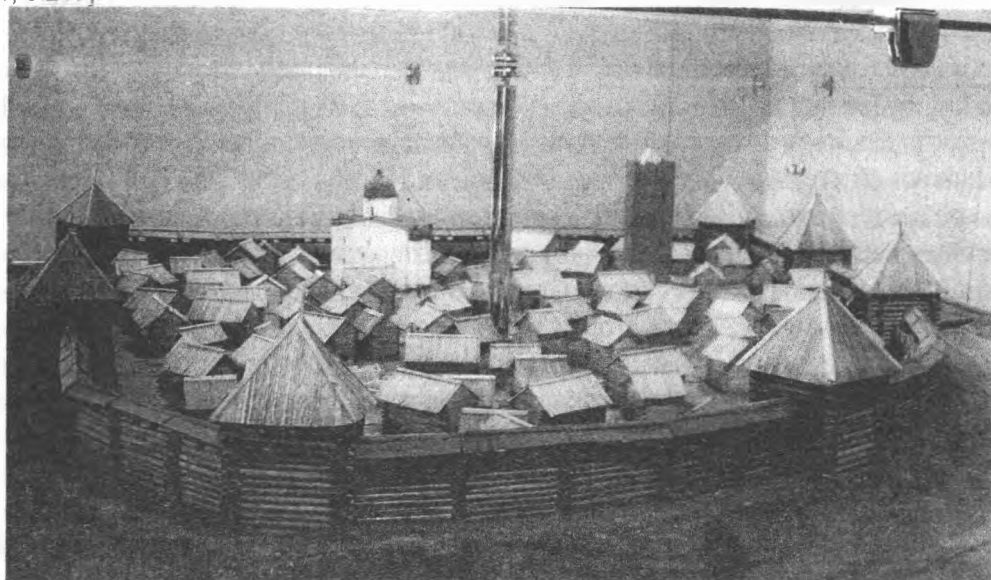

Рисунок 1 – Реконструкция брестского деревянного замка

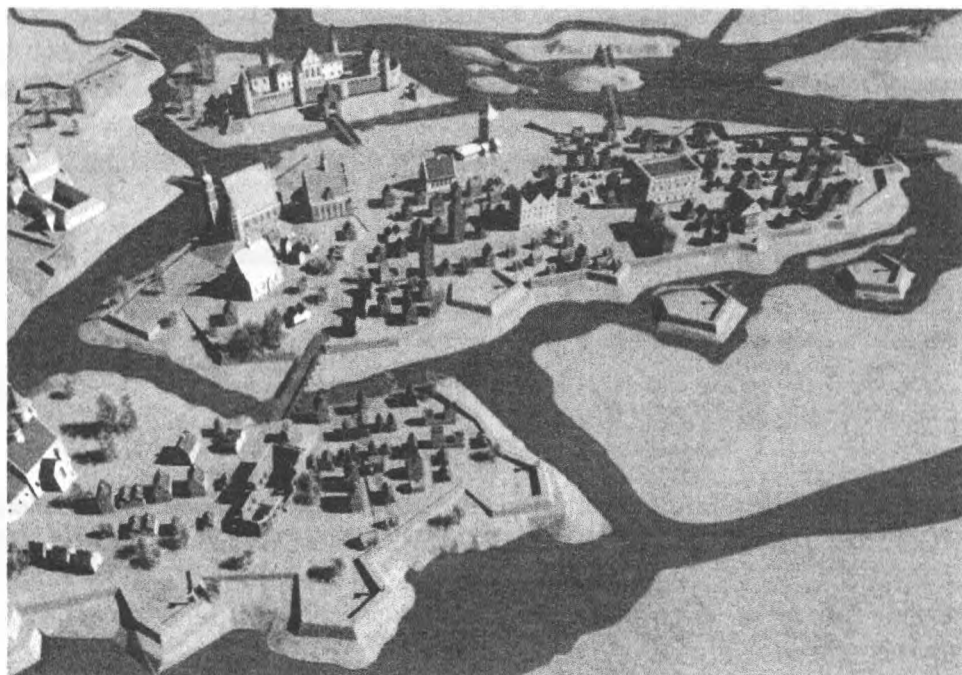

Рисунок 2 – Реконструкция брестского замка согласно инвентарю 1566 г.

Вывод. К тысячелетию города Бреста стартовал проект «Брест 2019». В рамках этого проекта разрабатывается сложный комплексный проект переустройства Брестской крепости. Планируется использование крепости не только в виде музея, но и в виде парка, культурного и туристического центра, научно-исследовательского университета. Пока осуществляется работа по созданию общего архитектурного плана, хотелось бы предложить концепцию регенерации территории Госпитального острова и включении этой территории в общий план. Сейчас на территории Волынского укрепления расположен музей «Бере-

стве», где экспонируются найденные в результате археологических раскопок остатки древнего детинца. Экспозиция включает 28 жилых зданий и относится к XI - XIII векам. На месте древнего детинца существовало несколько редакций Брестского замка (рис. 2.). Первоначальная редакция была деревянной (рис. 1). Предлагаю воссоздать именно деревянный замок, который оборонял древний город до XV века. Воссоздание именно этой редакции оборонительного сооружения уместно, так как:

1. Имеющиеся постройки (дома, улицы) будут составлять с воссозданным деревянным замком целостный архитектурный ансамбль определенной исторической эпохи.

2. При проведении работ по воссозданию крепостного вала и дальнейшему возведению стен замка будет возобновлен исторически сложившийся контур застройки, располагавшейся вокруг детинца.

3. Возможно проведение дальнейшего воссоздания сооружений, находящихся внутри крепостных стен (Башни - донжона, церкви святого Петра).

4. Возможно воссоздание древнего посада с организацией города мастеров.

Таким образом, будет воссоздан средневековый город, который выступит не только как археологический объект, но и дополнит существующие фортификационные сооружения Бреста. Воссозданный замок именно в предлагаемой редакции послужит отправной точкой для создания целостного многогранного представления об истории города Бреста.

При воссоздании деревянных замков, помимо найденных описаний и изображений, нужно учитывать и то, каким образом обрабатывалось дерево, из которого строился замок; как и из каких материалов строили крыши построек, находящихся на территории замка; какие строительные приемы использовались при возведении оборонительных сооружений. Важно не просто грамотно воспроизвести бывшую постройку, но и суметь восстановить образ сооружения. А образ рождается тогда, когда новое сооружение транслирует нам образ эпохи, чувства и эмоции, которые переживали наши предки.

Список цитированных источников

1. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии / В.А. Чантурия. – Минск: Выш.шк., 1977. – 320 с.
2. Ткачоў, М.А. Абарончыя збудаванні заходніх зямель Беларусі XIII – XVIII стст. / М.А. Ткачоў. – Минск: Навука і тэхніка, 1978 – 147 с.
3. Яковлев, В.В. Эволюция долговременной фортификации / В.В. Яковлев. - Москва: Государственное военное издательство наркомата обороны Союза СССР, 1931. – 166 с.
4. Ополовников, А.В. Реставрация памятников народного зодчества / А.В. Ополовников. – Москва: Стройиздат, 1974. – 392 с.
5. Красовский, М. Курс истории русской архитектуры / М. Красовский. – Петроград: Товарищество Р Голике и А. Вильборг, 1916 – Часть 1: Деревянное зодчество – 405 с.
6. Лакотка, А.І. Нацыянальныя рысы беларускай архітэктуры / А.І. Лакотка – Минск: Ураджай, 1999 – 366 с.

УДК 624.011

Дранец И. Л.

РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КЛЕЕНОЙ ДРЕВЕСИНЫ В МАЛОЭТАЖНЫХ ЖИЛЫХ ЗДАНИЯХ С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И ТРЕБОВАНИЙ ТКП EN 1995-1-1 (ЕВРОКОД 5)

Целью настоящей работы является анализ основных тенденций строительства жилых домов с материалами из клееной древесины.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЖИЛИЩА. ОСНОВНЫЕ ТИПЫ ЗДАНИЙ

Основные критерии для жилища: назначение по времени и характеру проживания; объемно-планировочные решения; конструктивные решения; материал конструкций.

По времени и характеру проживания жилище подразделяется на: постоянное, временное, сезонное.

По объемно-планировочным решениям: одноквартирные, блокированные, секционные, коридорные, галерейные, двухуровневые квартиры.

По этажности делятся на: малоэтажные; среднеэтажные; многоэтажные; высотные.

По типу конструктивного решения подразделяются на: каркасные; панельные; каркасно-панельные; объемно-блочные; монолитные; из штучных материалов.

В основном, в качестве материалов ограждающих конструкций применяются: дерево, бетон, железобетон, металл, силикатные материалы, керамические материалы.

По способу деревянные стены применяются чаще заводского изготовления и подразделяются на: брусчатые; щитовые; каркасные.

ЖИЛОЙ ДОМ ИЗ КЛЕЕНОГО БРУСА

Брусья для стен заготавливают на заводе со всеми пазами и шипами. Таким образом, стены из клееного бруса менее трудоемки, чем из обычных брусьев, расход древесины заметно снижается.

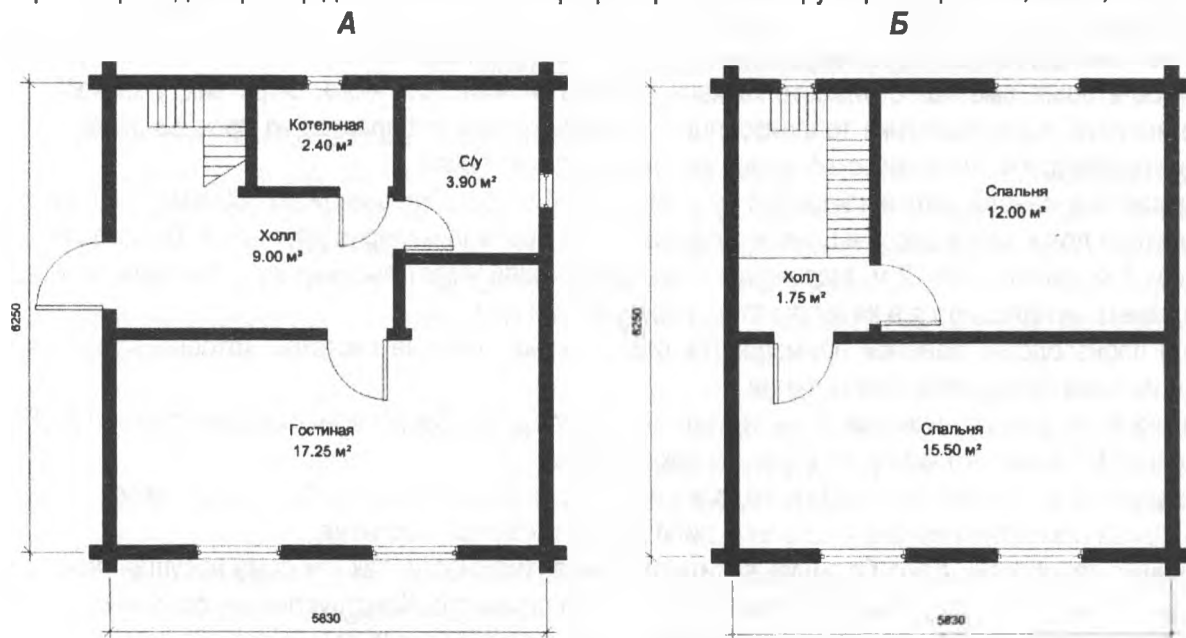
Для районов строительства Республики Беларусь толщина клееного бруса, используемого для наружных стен без дополнительного устройства утепления, должна составлять не менее 260 мм. Если предусматривается дополнительное утепление наружных стен, то толщина клееного бруса должна быть не менее 150 мм. Толщина клееного бруса для внутренних стен должна приниматься не менее 150 мм [2, с.7]. Брусья укладывают друг на друга. Профилированные клееные брусья плотно соединяются при сборке, поэтому нет необходимости вкладывать утеплитель в пазы между ними. Профиль брусьев рассчитывается так, что дождевая вода не попадает между ними. Это предохраняет конструкцию от возникновения очагов гниения.

Есть и еще одна технологическая особенность: при склеивании в брус подбираются ламели с взаимно противоположным направлением древесных волокон (годовых колец), за счет этого достигается повышенная прочность бруса по сравнению с цельным.

Строительство из клееного бруса ведется преимущественно по типовым проектам, однако вариантов существует огромное количество; строительство из клееного бруса осуществляется путем крепления панелей в готовые пазы, что делает сборку быстрой и одновременно прочной.

Стены из этого материала отличаются герметичностью, их не продувает ветер, также им не грозит промерзание, что достигается благодаря высокой плотности сочленения деталей стены – результат точной профилировки. Такие стены делают дом теплым и позволяют обойтись без утеплителя, что значительно снижает общую стоимость постройки. Сам по себе клееный брус достаточно плохо воспламеняется, а если покрыть его специальной огнеупорной краской, то вероятность пожара сведется к минимуму.

На рис.1 приведен пример дома из клееного профилированного бруса размерами 6,25 x 5,83 м.

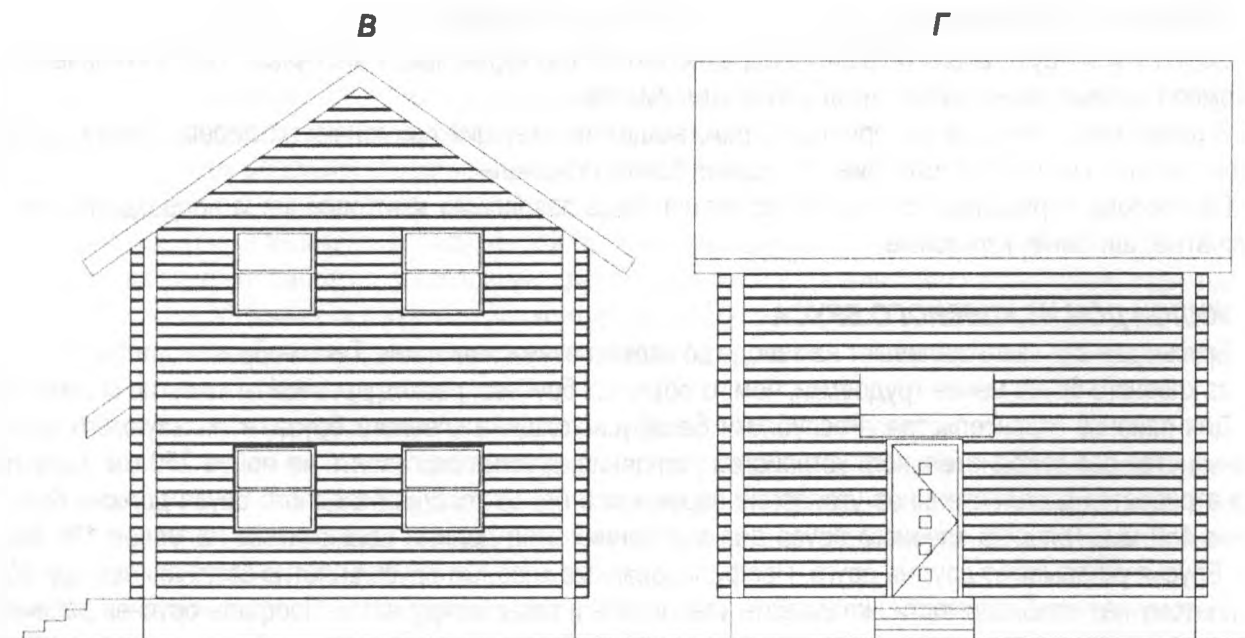

Рисунок 1 - А-план 1-го этажа; Б- план 2-го этажа; В-фасад фронтальный; Г-фасад боковой

ЖИЛЫЕ ДОМА ИЗ ДЕРЕВЯННЫХ МАССИВНЫХ ПАНЕЛЕЙ

В последнее время в зарубежной практике строительства малоэтажных жилых домов очень широко используют деревянные массивные панели из накрест слоистой клееной древесины типа CLT.

Высота массивных деревянных панелей равняется высоте этажа, а длина может достигать 16 м. Что же касается толщины панелей перекрытия, то она определяется из условия прочности. Использование таких деревянных панелей позволяет значительно сократить сроки монтажа деревянных домов, уменьшить их сметную стоимость по сравнению с домами, возводимыми из кирпича и других кладочных материалов [2, с.14].

Не нужно забывать о том факте, что в результате кризиса снизилась цена на земельные участки, что также способствует увеличению строительства частных домов. Этот и другие факты дают основание утверждать – строительство малоэтажных домов на сегодняшний день пользуется большой популярностью.

На сегодняшний день существует ряд преимуществ технологий строительства каркасных домов (строительство дачи, строительство деревянного дома) перед строительством другого типа. Во-первых, сроки монтажа каркасных деревянных домов значительно меньше, чем строительство домов другим способом. Во-вторых, сметная стоимость каркасного дома значительно ниже. В-третьих, у каркасного дома более высокие характеристики теплоизоляции. Каркасный дом собирается из прочных панелей, позволяющих производить строительство домов высотой до пяти этажей.

Массивные панели изготавливаются из древесины 4-5 сорта толщиной до 300 мм, из которых вырезаны детали дома. Слои досок в панели располагаются перпендикулярно друг другу. Высота панелей составляет 3 м, длина – до 12 м. Массивная панель из дерева имеет высокие конструктивные показатели. Такие панели используются в качестве стен, перекрытий и крыш.

Для производства панелей применяются специальные клеевые системы, которые являются более эффективными по времени прессования.

Возведение дома производится на строительной площадке. Время монтажа дома площадью 250 кв. м составляет 4-5 дней, что является хорошим показателем.

Снаружи стены дома могут иметь отделку из искусственного камня, либо обшиты деревом. Кровля – натуральная цементно-песчаная черепица либо другой материал покрытия.

Данные технологии дают большие архитектурные возможности, так как сама несущая панель позволяет делать дома как современного дизайна, так и классического. Конструктивные особенности деревянной панели предоставляют значительную свободу архитектурно-планировочным решениям.

Технология панельного деревянного домостроения дает возможность строить дома различного функционального назначения. Европейские нормы допускают строительство по данной технологии до 5 этажей. Срок эксплуатации таких зданий около 100 лет и более при регламентированной нормами эксплуатации.

Применяя в качестве строительного материала натуральный деревянный массив, строительство домов по такой технологии обеспечит высокий уровень прочности и благоприятный микроклимат. Немаловажной особенностью этой технологии в сравнении с другими – исключение возможности усадки.

На рис.2 приведен пример дома из деревянных массивных панелей с размерами 8,00 x 8,00 м .

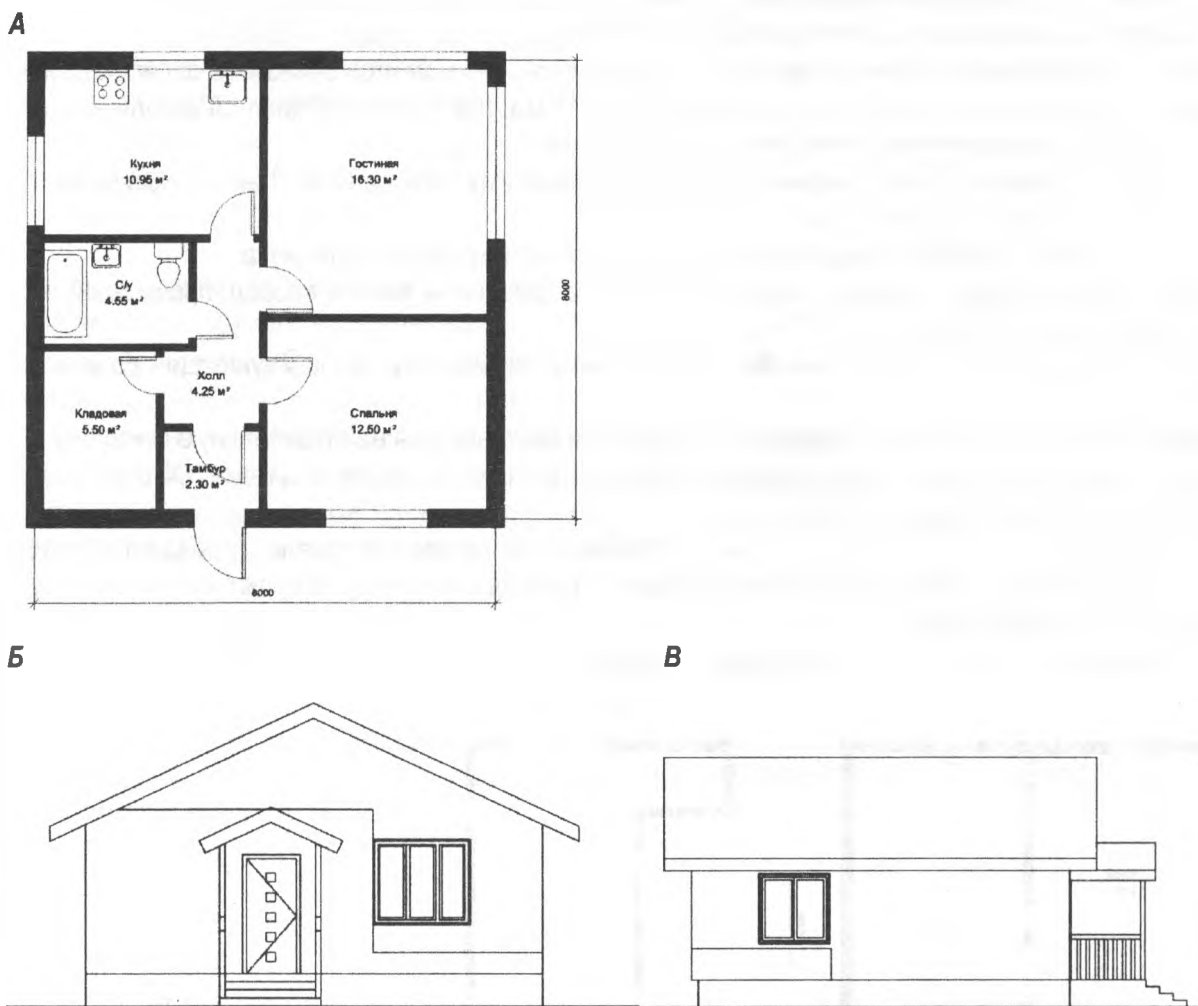

Рисунок 2 - А-план 1-го этажа; Б-фасад фронтальный; В-фасад боковой

ДОМА ИЗ КАРКАСНЫХ ДЕРЕВЯННЫХ ПАНЕЛЕЙ

На сегодняшний день существует ряд преимуществ технологий строительства каркасных домов (строительство дачи, строительство деревянного дома) перед строительством другого типа. Во-первых, сроки монтажа каркасных деревянных домов значительно меньше, чем строительство домов другим способом. Во-вторых, сметная стоимость каркасного дома значительно ниже. В-третьих, у каркасного дома более высокие характеристики теплоизоляции. Каркасный дом собирается из прочных панелей, позволяющих производить строительство домов высотой до пяти этажей.

Впервые технология каркасных домов появилась на территории Канады. Непродолжительный теплый период года, суровая погода, отсутствие других строительных материалов в данной местности, кроме дерева, заставили эмигрантов того времени освоить технологию каркасного строительства. Даже сейчас встречаются постройки тех времен. Конечно, они видоизменялись не один раз, но одно оставалось неизменным – это деревянный каркас.

Одно из важных условий сохранности деревянного каркаса - это защита от влаги и дереворазрушающих насекомых. При использовании качественных материалов и современных технологий можно поддерживать удовлетворительное состояние каркасного дома до 150 лет. В нашем регионе строительство каркасных домов появилось относительно недавно.

Наружная стеновая панель представляет собой многослойную конструкцию, у которой высокие прочностные и теплоизоляционные свойства.

В основе наружной панели – рама, состоящая из стоек и крепежных элементов. По наружной стороне крепится влагостойкая плита (OSB-3). По плите OSB устанавливается обрешетка, по которой выполняется наружная отделка. Пространство между стойками заполняется теплоизоляционными материалами. Для фиксации основного слоя теплоизоляции к стойкам устанавливаются бруски в горизонтальном положении, между которыми укладывается дополнительный слой теплоизоляции. По горизонтальным брускам укладывается пароизоляционная пленка и крепится обрешетка под чистовую отделку.

В основе внутренней панели – рама, состоящая из стоек и элементов обвязки. В зависимости от назначения стеновая панель может быть толщиной 95 и 145 мм. Шаг стоек подбирается исходя из конструктивных расчетов и привязывается к материалу «чистовой» отделки.

Конструкция панели перекрытия аналогична конструкции стеновой панели. Панель перекрытия так же собирается из деревянных элементов.

После монтажа панелей перекрытия к нижней поверхности крепится обрешетка.

Строительный материал каркаса изготавливается из древесины хвойных пород, прошедшей процесс технической сушки и острожку.

Внутри конструкции стеновых панелей вмонтированы все инженерные коммуникации до «чистовой» отделки.

Стеновая панель собирается в заводских условиях и поставляется на строительную площадку в готовом виде. Готовность панели: рама, элементы обвязки, утеплитель между стойками, OSB-3, пароизоляционная пленка, горизонтальный брусок.

Все материалы, которые используются при производстве каркасных панелей, проходят строгий контроль с помощью автоматизирования. Для изготовления каркаса их строго отбирают, сортируют и сушат в камерах до 15 % влажности.

На рис. 3 приведен пример дома из каркасных деревянных панелей с размерами 6,00 x 6,00 м .

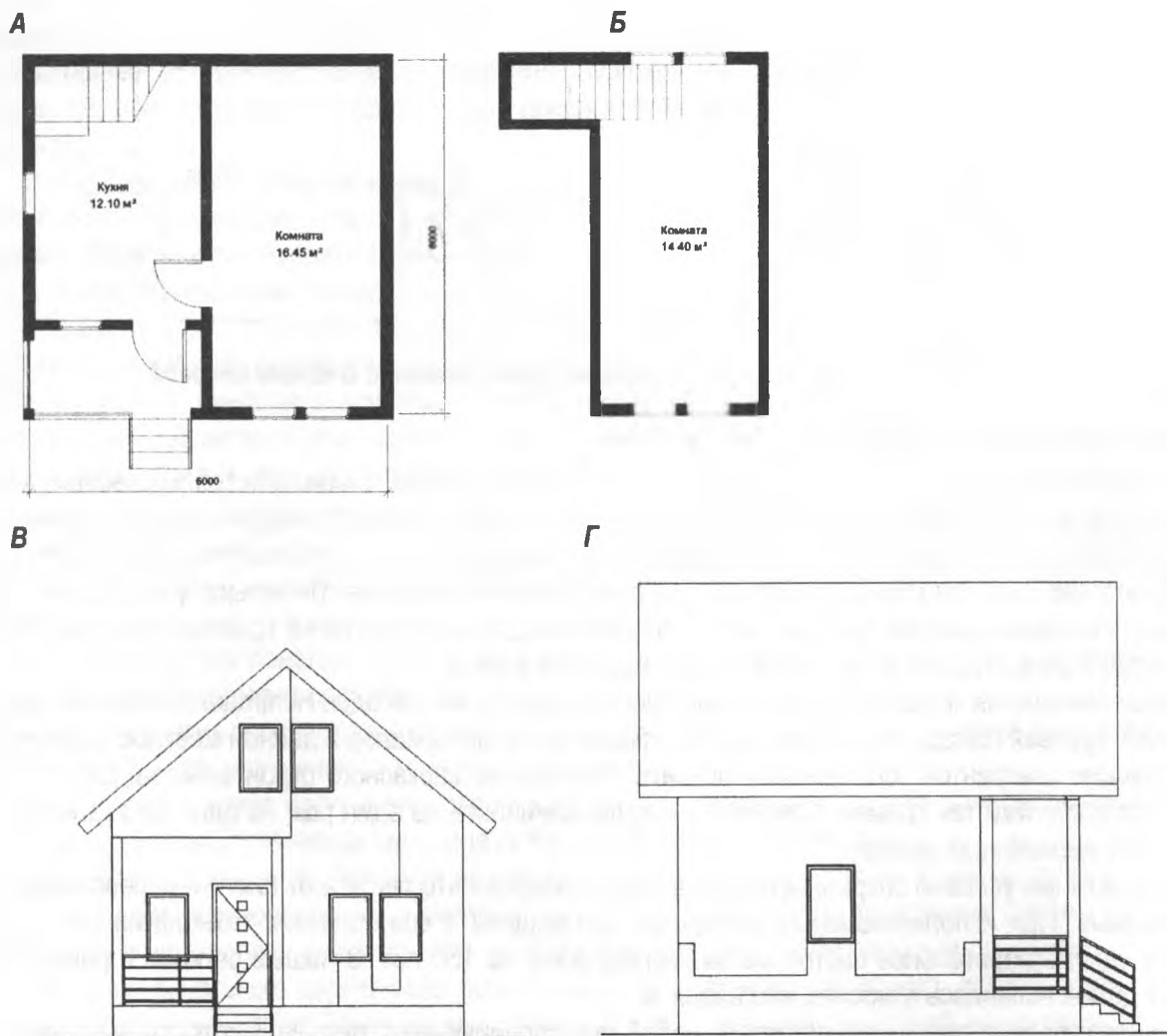

Рисунок 3 - А-план 1-го этажа; Б- план 2-го этажа; В-фасад фронтальный; Г-фасад боковой

Выводы

1. Учитывая, что в последние годы в Республике Беларусь немалую долю в массовом малоэтажном строительстве жилья занимает строительство по индивидуальным проектам, использование малоэтажных жилых домов из древесины является одним из резервов увеличения объемов ввода жилья, сокращения стоимости домов и сроков их строительства.
2. Учитывая имеющиеся в Республике Беларусь производственные мощности по изготовлению малоэтажных деревянных домов, наиболее перспективным направлением в решении жилищной проблемы является строительство панельных домов.
3. Предложенные варианты объемно-планировочных решений являются основой для оценки стоимости и разработки рабочей документации домов для граждан с различным доходом, временем строительства и комфорта проживания.

Список цитированных источников

1. Змеул, С.Г. Архитектурная типология зданий и сооружений: учеб. для вузов / Змеул С.Г., Б.А. Маханько. – М.: Архитектура-С, 2004. —240 с., ил. ISBN 5-9647-0050-0
2. Найчук, А.Я. Отчет о научно-исследовательской работе. Этап 3. – 2014. – С. 170.
3. Сербинович, П.П. Архитектура гражданских и промышленных зданий. Гражданские здания массового строительства: учеб. для строительных вузов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Высш. школа, 1975. – 319 с.
4. Конструкции деревянные. Древесина клееная многослойная. Требования: СТБ EN 14080-2012. – Минск: Минстройархитектуры, 2012. – 36 с.
5. Конструкции деревянные. Древесина клееная многослойная. Классы прочности и определение характеристических значений. СТБ EN 1194-2011. – Минск: Минстройархитектуры, 2011. – 14 с.
6. Детали крепежные для деревянных изделий. Технические требования к соединительным элементам СТБ EN 912-2009. – Минск: Госстандарт, 2009. – 68 с.
7. Турковский, С.Б. Клееные деревянные конструкции с узлами на вклеенных стержнях в современном строительстве (система ЦНИИСК) / С.Б Турковский, А.А. Погорельцев, И.П. Преображенская. – М.: РИФ «Стройматериалы», 2013. – 300 с.

УДК 725.1

Залеская Г.Л.

ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ: ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

Индустриальное наследие в материальной среде представлено самыми разнообразными объектами. К ним относятся сооружения и оборудование в соответствии со следующими функциями: а) производственные объекты (мастерские, металлургические заводы и фабрики, шахты и те места, в которых есть какое-либо производство); б) складские (для хранения сырья, полуфабрикатов и готовой продукции); в) энергетические (места, где энергия генерируется, передается и используется, включая энергию падающей воды); г) транспортные (пассажирские и грузовые транспортные средства и их инфраструктура, состоящая из железнодорожных путей, портов, дорог и аэровокзалов); д) социальные (места поселения рабочих, школы, церкви, больницы при фабриках и т.д.). Кроме вышеперечисленных, к индустриальному наследию следует относить значительно более широкий перечень объектов, которые свидетельствуют о влиянии науки и техники, технологии на формирование материальной среды жизнедеятельности человека. Например, гидротехнические сооружения и заводские пруды, которые были неотъемлемой частью любого завода в период, когда основным источником энергии была энергия водного потока, инженерные сооружения различных производств, например, трубы, опоры, этажерки, эстакады, путепроводы. Отдельное внимание следует уделить индустриальным ландшафтам [1].

Кроме проблемы выявления объектов индустриального наследия, одной из важнейших является проблема их функционального наполнения. Как уже было доказано, наибольшая сохранность зданий достигается при сохранении первоначальной производственной функции [2]. Для действующих предприятий, имеющих памятники наследия, безусловно, потребуется разработка охранных зон. Но подавляющее

большинство зданий, сооружений и их комплексов, относящихся по праву к объектам индустриального наследия, находятся в запустении. Именно для них актуальным является наполнение новой функцией, как правило, общественной.

Превалирующим функциональным наполнением в этом случае является создание музеев, в той или иной мере связанных с индустриальной культурой. Подобные демонстрационные объекты получили название индустриальных музеев. Их основная задача – музеефикация не только недвижимых зданий и сооружений, ландшафтов, водных объектов, но и движимого имущества, которое потеряло право на актуальное существование в современном информационном обществе.

Так, музей индустриальной культуры, а ранее – Музей экипажей и автомобилей в Москве, помещается в ангаре, который может быть отнесен к памятникам индустриальной эпохи. Здание имеет плоское структурное пространственное покрытие, что оставляет свободным экспозиционное пространство внутри. Сама экспозиция более похожа на «блошинный рынок», чем музейную площадку. Коллекция состоит из бытовых вещей, автомобилей, мотороллеров, велосипедов, бормашин, кассовых аппаратов и прочей техники и предметов, бывших в употреблении в XX-м веке. Артефакты индустриальной культуры можно рассматривать с близкого расстояния и даже брать в руки, чтобы понять, как они работают. Тут проводятся тематические мероприятия: «Исторические хроники» – реконструкции событий из прошлого, выставки исторической и военной авто- и мототехники. Этот музей можно назвать самодеятельным, поскольку Индустриальный музей в Кузьминках создан энтузиастами на свои деньги, часть музейных экспонатов была подарена жителями окрестных домов, и плату за его посещение не берут [3].

Первым в России официальным музеем-заповедником промышленного наследия может стать один из центров отечественной металлургии – город Выкса Нижегородской области. Концепцию музея-заповедника утвердили еще в 2009 г. на межрегиональном совещании Росохранкультуры «Практика применения законодательства РФ в области охраны культурного наследия». Памятники на территории Выксы и Выксунского района представляют собой историческую ценность как уникальные объекты промышленно-культурного наследия. За период 1757 – 1801 годы тут было построено 15 чугунолитейных и железоделательных заводов, объединенных системой искусственных прудов.

Концепция музея-заповедника в Выксе обусловлена с 250-летней историей развития металлургии, а также с уникальными объектами инженера Шухова (Шуховская башня, перекрытия листопркатного цеха), а также с возможностью наблюдения за производственными процессами в ходе экскурсий по историческим цехам [4]. В сентябре прошлого года в поселке Виля в Выксе был установлен первый экспонат музея-заповедника индустриального наследия, им стал тепловоз. Также планируется установить и другие атрибуты железной дороги – цистерну, дрезину, вагон, в перспективе планируется создать аттракцион для желающих прокатиться на мотодрезине, что обусловлено тем, что на этом месте прежде проходила центральная магистраль узкоколейной железной дороги [5].

Индустриальный музей Рахми М. Коча начал действовать в 1994 г. на северном берегу бухты Золотой Рог в Стамбуле. В его основе – производственные комплексы бывшего литейного цеха якорей, основанного в начале XVIII века в стенах византийского храма XXII века, и построек открытой в 1861 г. верфи. На момент покупки для музея четырнадцать зданий верфи, окружающих с трех сторон небольшую гавань, были заброшены, но к 2001 г. были восстановлены в соответствии с их первоначальной структурой. Части оборудования, например сходни верфи, были включены в экспозицию в 2001 г. В экспозиции музея представлены тысячи различных изделий (в основном из личной коллекции Рахми М. Коча), начиная с граммофонных иголок и заканчивая паровозом весом в 76 т. (Германия, 1913). Все экспонаты размещены по нескольким разделам – транспорт (дорожный, морской, железнодорожный и авиационный), инженерия, средства связи, научные приборы, макеты и игрушки [6].

Одной из крупнейших систем, объединяющих объекты индустриально наследия Рура (Германия), является "Маршрут индустриального наследия". В маршрут включены двадцать пять опорных точек и шестнадцать панорам индустриального пейзажа, а также тринадцать поселений разных временных периодов. Доменные печи, Газометр, копры доминировали на протяжении десятилетий на землях Рура, и сегодня они являются важной частью 150-летней истории промышленности района. Бывшие производственные территории и отдельные объекты не просто являются памятными местами, они уже давно превратилась в «живые» промышленные культурные пространства и привлекательные туристические достопримечательности.

В данном маршруте самым значимым является Ландшафтный парк Дуйсбург-Норд – один из самых крупных парков во всем мире, его территория достигает 180 га [7]. В центре стоит заброшенный метал-

лургический завод, чьи старые промышленные здания, сооружения и оборудование получили сегодня разнообразный спектр применений. Огромные здания бывших металлургических заводов переоборудованы для проведения культурных и корпоративных мероприятий; в старом газометре создан самый большой искусственный дайвинг-центр в Европе; сады для альпинизма устроены в бункерах для хранения руды; в бывшем литейном корпусе – веревочный парк; сохранный доменной печи можно осмотреть с разных уровней. В здании старой электростанции организовано место для выступлений, концертов и выставок современных художников. В 2014 году ландшафтный парк Дуйсбург Норд отмечает 20 лет своего открытия. Здесь природные ландшафты, индустриальное наследие и впечатляющие световые инсталляции Джонатана Парка формируют пространство парка, аналога которому пока нет. Ландшафтный парк Дуйсбург-Норд ежегодно посещает около полумиллиона человек.

Таким образом, можно утверждать, что более двух десятилетий существует опыт создания музеев с включением объектов индустриального наследия, который показывает эффективность трансформации зданий, сооружений, элементов оборудования, включения техники и ландшафтов в общекультурную жизнь городов. В Беларуси только предстоит определиться с объектами индустриальной культуры, заслуживающими стать базовыми площадками для формирования подобных комплексов.

Список цитированных источников

1. Залеская, Г.Л. Индустриальное наследие / Г.Л. Залеская // Архитектурное наследие Прибужского региона. Проблемы. Исследования. Тенденции развития : сб. науч. тр. ; УО «Брестский гос. техн. ун-т», каф. архитектур. проект-ния и рисунка ; под ред. В.Ф. Морозова. – Брест, 2013. – С. 42–43.
 2. Залеская, Г.Л. Оценка современного состояния зданий и сооружений производственного назначения конца XIX – начала XX века в Беларуси / Г.Л. Залеская // Архитектура : сб. науч. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. нац. техн. ун-т ; редкол. : А.С. Сардаров (гл. ред.) [и др.] – Вып. 4. – Минск, 2012. – С. 126–131.
 3. Музей индустриальной культуры / Pro-stranstva.ru : Интересные места Москвы и Подмосковья [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа : <http://pro-stranstva.ru/muzej-industrialnoj-kultury/>. – Дата доступа: 10.04.2014.
 4. Выкса - музей-заповедник промышленного наследия / Выкса – официальный сайт администрации городского округа [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа : <http://gorod.wyкса.ru/gorokruq/proekti/istor-nas/muzey/>. – Дата доступа: 12.04.2014.
 5. В Выксе откроется музей узкоколейной железной дороги / Портал Про-Город [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа : <http://m.progorodnn.ru/news/view/74887>. – Дата доступа: 12.04.2014.
 6. Rahmi M. Koç Museum / Официальный сайт музея Рахми М. Коча [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа : http://www.rmk-museum.org.tr/en/rmk_history.htm. – Дата доступа: 09.04.2014.
- Landscape Park Duisburg Nord / Официальный сайт ландшафтного парка Дуйсбург-Норд [Электронный ресурс]. – 1994. – Режим доступа : <http://en.landschaftspark.de>. – Дата доступа: 19.01.2014.

УДК 693.22.004.18

Карелина В.И.

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЪЕЗДОВ В ГОРОДА

Веками слова «городская черта» имели всем очевидный смысл: по одну ее сторону был город, по другую – загород. По этой черте тянулись стены городских укреплений, в которых были пробиты ворота. Дорога, ведущая в город, дойдя до ворот и пройдя под ними, становилась главной городской улицей. Изменение осуществлялось сразу, рывком. Ворота были не только своеобразным шлюзом, регулировавшим движение, но и символом метаморфозы дороги в улицу. Такая роль ворот была столь очевидна и понятна, что, когда исчезали оборонительные стены, ворота, как правило, оставались. Более того, ворота строились и там, где не было стены, их было достаточно, чтобы закрепить «рубеж» превращения дороги в улицу [1].

Въездные ворота являлись в древности важнейшим местом города. В мифоритуальной культуре ворота, или «порог», являлись местом инициации, здесь, как отмечал Николай Кузанский, «сталкиваются пары

противоположностей: бытие и небытие, жизнь и смерть, красота и уродство, добро и зло и все остальные полярности» [2, с.249]. Подобное величие входного узла обладает психологической силой внушения, создает эффект разделения внешнего и внутреннего, профанного и сакрального.

Семантика «порога» имеет большое значение для архитектуры как пространственного феномена. «Архитектура издревле осмысливалась как мифопоэтическая модель мира, космизированная среда, противопоставленная внешнему хаосу. Город-Космос воспринимался через его архетипические элементы: сакральную середину и профанную периферию, внешнее и внутреннее начала, выражающиеся через свет и тень, огонь и воду, антропоморфность архитектурной среды. Мифопоэтические ассоциации наделяют город сложной семантикой, к основным элементам которой относятся ... границы, разделяющие «город» и «не-город», и «путь», связывающий их в целое» [3, с.34].

Городские ворота всегда являлись важным акцентирующим элементом. Система оборонительных стен с крепостными воротами образовывали специфичный городской силуэт. Тем самым, такие вертикальные акценты, как крепостные ворота, являлись одним из важнейших средств, определяющих художественное значение архитектурной композиции городского пространства. Расположение городских ворот, их место в архитектурно-градостроительной композиции города, а также функциональное наполнение данных сооружений дают представление о значимости прилегающих к въездам в город территорий и позволяют выявить закономерности их исторического развития.

С давних времен въезды в населенные пункты архитектурно оформлялись. Это были арки, столбы, въездные башни. Данные объекты встречаются в культуре многих народов, в том числе, и в Беларуси. И сегодня главные въезды в город выполняют важную роль в формировании его архитектурного образа. Эти зоны, по сути, являются «визитной карточкой» города, но в действительности часто представляют собой территории, далекие от городской эстетики, присущей современному мегаполису. С течением времени не только к самим въездам, но и к въездным магистралям, объединенным в общую транспортную систему, предъявляется все больше требований из-за их важного градостроительного значения для всего города и прилегающих к нему территорий. Недостаточная развитость транспортных узлов на въездных магистралях в город препятствует созданию условий для размещения на пригородных территориях производственных, коммунальных, логистических комплексов и снижает общий потенциал градостроительно-го и социально-экономического развития этих районов.

Совершенствование архитектурно-градостроительной организации въездных зон городов Беларуси в условиях быстрого усложнения социально-экономических функций города – сложная, многоплановая задача, требующая до внедрения в практику соответствующей научной проработки.

Въезды в города и районы, которых в последнее время появляется все больше, чрезвычайно различны по композиции, материалу и по самому отношению скульпторов, архитекторов или художников к стоящей перед ними задаче. Эти произведения объединяет лишь достаточно ясно выраженная семиотическая функция, продиктованная их назначением, что и позволяет объединить въезды в более или менее целостную группу.

Ценным потенциалом обладает всемирный исторический опыт, анализ которого позволяет проследить формирование и развитие въездных зон городов, выявить определенные закономерности, а также те утерянные в ходе развития цивилизации свойства, на которые следует обратить внимание в настоящее время.

Так, например, в **Древнем Египте**, где религия играла главенствующую роль в общественной жизни египтян, въезд в город и сами въездные дороги служили для выполнения религиозных обрядов. У городских ворот образовывалась особая территория, на которой проходили народные празднества, брали начало религиозные процессии. С развитием градостроительства, «одной из особенностей при переходе к регулярной планировке поселений стала ориентация планировочных координат: север-юг и запад-восток, что соответствовало религиозным и астрологическим представлениям египтян» [4, с.496]. Таким образом, расположение въездных ворот стало соответствовать сторонам света.

Если регулярные египетские города ориентировались на север, юг, запад и восток своими сторонами, то в **Ассирии и Вавилонии** было принято «обращать к странам света не стороны, а углы города» [5, с.33]. Въездные ворота имели расположение северо-восточное, северо-западное, юго-восточное и юго-западное. Помимо этого, в то время как в Египте городские ворота служили в основном утилитарным функциям и обозначали место въезда в город или начало дороги религиозных процессий, то уже в архитектуре Двуречья городские ворота впервые выступают как элемент оборонительной системы города. И это вполне понятно, так как древнее Двуречье являлось ареной нескончаемых войн.

Города **Древней Индии** также обносились мощными и высокими стенами, въезды в города нуждались в особой защите, поэтому здесь стали появляться въездные башни с привратными комплексами. Известно, что у ворот города взималась пошлина с ввозимых в него товаров. Таким образом, можно отметить появление новой функции у въездов в город – таможенной. «Главные ворота стали представлять собой целый комплекс строений высотой в два-три этажа. В привратном комплексе располагались различные административные службы и учреждения, в том числе там сидел чиновник, ответственный за сбор пошлин, которые собирали при въезде в город» [6, с.178]. В верхней части строений обычно размещалось городское хранилище. На въезде в город через главные ворота ставили колонну, на вершине которой могла располагаться скульптура или колесо. Эти объекты предназначались для акцентирования въезда в городскую черту и, можно сказать, служили прообразом современных въездных знаков.

Отличительной чертой **древнекитайских** городов было регулярное модульное планирование. «Разбивка территории велась на основе модуля, равного 125 м. Внутренний город, окруженный стеной, и окрестности, также огражденные стеной, были кратны этому модулю» [5, с.49]. Соответственно, и расположение въездных ворот было строго регламентировано. «Оборонительные стены должны были быть ориентированы по сторонам света, в каждой стене находилось по трое въездных ворот» [5, с.50]. Над городскими воротами устанавливались башни. Иногда ворота укреплялись дополнительной оборонительной стеной полукруглой формы. Надворотами въезда в город сооружалась декоративная надстройка в виде крыши или целого павильона, что должно было подчеркнуть их символическое значение.

В городах **Древней Греции** расположение въездных ворот определялось размещением храмовых комплексов и свободной планировкой поселений. Ориентация входов в храмы в направлении запад-восток вносила порядок в расположение зданий. Это впоследствии влияло и на трассировку улиц, а следовательно, и на размещение въездов в город.

В Древнем Риме ворота участвовали в ритуалах чествования победителей и постепенно приобретали все более большое значение, в том числе и оборонное. В небольших городах и постоянных военных лагерях вдоль главной улицы выстраивали колоннады. «В античной мифологии ворота традиционно истолковывались как дуальный символ. Не случайно богом ворот и дверей в Риме являлся двуликий Янус. Прохождение через римские ворота символизировало инициацию. Они воспринимались также как место, очищающее от зла. Особая мистика порога сформировалась у римлян под влиянием этрусков, от них же происходила и римская мистерия арок: преодоление порога символизировало у этрусков переход в иное измерение» [7, с.73].

Особое место в архитектуре въездов занимают ворота **древнерусских** городов. Здесь ворота выполняли не только оборонную функцию, но и сакральную. Выражалось это в строительстве надвратных церквей. «Ворота, несущие храм, защищающий град лучше стен и башен, — новый архитектурный тип, возникший, по всей вероятности, в начале средневизантийского периода, то есть в VII–VIII вв.» [8, с.43]. Надвратные церкви были своеобразным оберегом города от нападений врагов и других бед, при этом они выделялись архитектурно и конструктивно на башне. «В смысловом отношении это не только усиливало божественную защиту, но и служило одновременно символом высшего покровительства города, что дополняется идеей утверждения на освоенной земле русской государственности. Следует отметить, что предположения о причинах создания надвратных церквей базируются на сугубо функциональных, прагматических причинах, среди которых называется обычай молиться каждому проезжающему через ворота башни о благополучном начале или исходе путешествия» [8, с.43].

Наибольшее развитие системы городских укреплений, а вместе с ними и совершенствование въездных ворот как важнейшей их составляющей произошло в **Средневековье**, когда это стало жизненно необходимо в условиях нескончаемых войн. В этот период появляются башни, которые выступали за линию стен, при такой композиции ворота находились между двумя башнями. «Когда же они могли быть прикрыты только с одной стороны, старались, в силу традиции, восходящей к античности, чтобы выстрелы обороняющихся поражали осаждающих справа, т.е. со стороны, незащищенной щитом. В укреплениях с двойной оградой внешние ворота представляли собой косой проход, расположенный возле полукруглого плацдарма, откуда предпринимались вылазки. Ворота обычно проделывались не прямо в стене, а устраивались в так называемых «надворотных башнях», внутри которых имелись комнаты для стражи» [9, с.308].

На территории Беларуси также можно встретить примеры строительства въездных ворот через надвратную башню. Археологическими раскопками было выявлено, что в XII веке въезд в Менский детинец осуществлялся через особую башню, называемую "брамой". Это объемное сооружение имело размеры

основания 17,4x7,1 м, а в высоту было не менее 12 м. Возле въездных ворот, впереди южной стены, на правом берегу Немиги, находился рынок – неотъемлемый атрибут средневекового города. На протяжении столетий он был известен как «Нижний рынок». Здесь сходились все внешние торговые пути. Не менее известным въездным сооружением является Слуцкая брама в Несвиже. Это единственные из пяти городских ворот, построенных в системе городских укреплений в конце XVI — начале XVII века, сохранившиеся в Несвиже и вообще в Беларуси. Построена брама была в конце XVI в. и имела композицию крепости. На первом этаже находилась каморка для стражи и таможенника. Каждый, кто входил или въезжал в город, должен был заплатить таможенный сбор. На втором этаже располагалась часовня Божьей Матери с резным дубовым алтарем. В настоящее время брама представляет собой сооружение с аркой проезда посередине.

В эпоху **Возрождения** большинство городов все еще сохраняло беспорядочную средневековую планировку. Со временем территория города все больше разрасталась, его границы все дальше отодвигались от ворот, и ворота переставали нести свою первоначальную функцию. Жилые районы, выросшие за пределами городских стен, окружались новым поясом укреплений. Однако средневековые городские ворота включались в новую структуру города – у их подножия располагались оживленные торговые центры в виде рыночных площадей.

В XVI веке происходит переход от средневековой нерегулярной застройки к регулярной планировочной системе, «наблюдается стремление к гармонизации городской среды путем возрождения пропорционирования городских пространств» [9, с. 366]. Многие теоретики Ренессанса и **барокко** стали предлагать проекты идеальных городов. В плане такие города зачастую имели правильные геометрические фигуры, а расположение въездов в город было строго регламентировано. Большинство проектов, хотя и не поднимались выше уровня элементарных планировочных схем, способствовали развитию и отработке градостроительных приемов.

В эпоху **классицизма** в крупных городах Российской империи наряду с застройкой главных улиц и прилегающих площадей внимание уделялось оформлению «ворот» в город: со стороны Москвы, Петербурга возникали заставы (кордегардии), контролирующие въезд и выезд из города. Кордегардии – помещения, предназначенные для караульных, строго отмечали, где город, а где слободы, предместья и тому подобное. Подобные заставы возникли в Париже в 1785 г. Архитектор Клод Никола Леду приступил к строительству так называемого Пояса застав Парижа — он задумал обнести весь город трехметровой стеной протяженностью в двадцать три километра. На въездах в Париж Леду планировал расположить таможенные заставы. Однако для Леду заставы были лишь предлогом, чтобы возвести монументальные триумфальные сооружения на въездах в столицу [10, с.110-112]. Такую же роль «рубежа» брали на себя одна за другой триумфальные арки на большой оси Парижа, Золотые ворота в Киеве, Львиные ворота в Микенах, входы с надвратными церквями в монастыри и т.д. Это говорит о новом восприятии градостроительного ансамбля въездов в город – о парадном, несколько декоративном оформлении некогда сугубо функциональной зоны города.

Начиная с **XIX века**, ворота перестают быть градообразующим элементом. Сохраняется только потребность архитектурной формой отметить начало и конец пути, границы населенных пунктов или других административно-территориальных делений. Городские ворота все чаще приобретают чисто символическое значение. Многие городские въезды, являющиеся памятниками архитектуры и градостроительства, сохраняются. Встает вопрос об их дальнейшем использовании. Чаще всего ворота приспособляются под архивы, музеи и т.д.

Сегодня городские ворота в том или ином состоянии можно встретить практически по всему миру. Границы современных городов сохранили в большой степени ту же мифологическую семантику. «Не отдавая себе отчета в причинах этого, мы ощущаем как психологически важен момент пересечения городской границы. Отсюда – акцентируемая форма городских ворот в прошлом, знаки на въездах в современные города» [10, с.122].

Результатом проведенного исследования стали следующие **выводы**:

1. Расположение городских ворот, их значение в архитектурно-градостроительной композиции города, а также функциональное наполнение данных сооружений и прилегающей к ним территории проходило под воздействием внешних факторов:

• **мировоззренческие основы общества** (в организации въездов в город отражались то космогонические, то культовые, то идейно-политические принципы, ориентация по сторонам света, менялась мас-

штабность сооружений по отношению к человеку, методы психологического воздействия на людей, особенности визуального восприятия и др.),

• **особенности социально-культурного развития общества** (менялось значение данных сооружений в зависимости от их места в градостроительной композиции города, трансформировалось объемно-пространственное решение сооружения, развивались стилевые направления в оформлении въездных ворот и др.);

• **уровень экономического и технического развития общества** (изменялись функциональное назначение въездов – от религиозной, оборонительной и защитной функции до таможенной и декоративной; преобразовывались геометрические параметры и конфигурация въездов в города).

2. В процессе развития общества и градостроительного искусства **влияние отдельных факторов** на формирование въездных узлов менялось: на некоторых этапах развития общества (например, Древний Египет, Средневековье, Восточная Европа середины XX века) на первый план выходили мировоззренческие факторы, в другие периоды (Древняя Греция, эпоха классицизма, Возрождение) особенно влияли культурные, художественные аспекты, и особенно ощутимо было и остается влияние технического и экономического уровня развития общества (конец XIX в. – XX в.). В некоторые периоды наблюдались довольно прогрессивные решения въездных узлов с точки зрения как функциональной наполненности, так и архитектурного и конструктивного решений. Конечно, прямого перенесения пусть даже самых прогрессивных приемов для своего времени решений на современное проектирование невозможно, однако ряд принципов (например, акцентирующее значение в архитектурной композиции городского пространства, сомасштабность пространств человеку и др.) может быть возвращен в современное оформление городов при условии их приспособления к современным процессам жизнедеятельности людей.

3. Многие приемы въездных узлов в той или иной мере присутствуют и в современных городах. Но возникновение и существование «вестибюльных зон» носит скорее спонтанный характер. Их роль и индивидуальная значимость определяются, главным образом, утилитарными функциями. Осмысление специалистами важности трансформации въездных территорий позволило бы сделать «ворота» города более самобытными, сложными по своей пространственной структуре и естественно более привлекательными.

4. Современное функциональное использование данных территорий потребует значительных изменений – будут развиваться обслуживающие, деловые, производственные функции, что характерно для въездных градостроительных узлов крупных городов. Формирование развитой системы городских въездных магистралей позволит повысить общий потенциал градостроительного и социально-экономического развития данных районов, создаст условия для формирования в пригородных зонах территорий для нового жилищного строительства, в том числе районов индивидуальной малоэтажной застройки, ландшафтно-рекреационных комплексов.

Список цитированных источников

1. Гутнов, А.Э. Мир архитектуры: Лицо города / А.Э.Гутнов, В.Л. Глазычев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 350 с.
2. Кузанский, Н. Сочинения в 2-х т. / Н. Кузанский. - М.: Мысль, 1980. –Т.2. – 471 с.
3. Коптева, Г.Л. Семантика «порога» в архитектурной ритмике городской среды / Г.Л.Коптева. – Х.: ХНАМГ, 2009. – 104 с.
4. Бунин, А.В. История градостроительного искусства. Градостроительство рабовладельческого строя и феодализма / А.В. Бунин, Т.Ф. Саваренская. – М.: Стройиздат, 1979. – Т.1. – 496 с.
5. Саваренская, Т.Ф. История градостроительного искусства. Рабовладельческий и феодальный периоды: учебник для вузов / Т.Ф. Саваренская. – М.: Стройиздат, 1984. – 376 с.
6. Эдвардс, М. Древняя Индия. Быт, религия, культура / М. Эдвардс. – М.: Центрполиграф, 2005. – 410 с.
7. Королев, К.М. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / К.М. Королев. - М.: Мидгард, 2005. – 603 с.
8. Майничева, А.Ю. Деревянные церкви Сибири XVII века: формы, символы, образы (Серия «Этнография Сибири») / А.Ю. Майничева. – Новосибирск: Изд-во Инст-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 71 с.
9. Шуази, О. История архитектуры / Огюст Шуази. – М.: Эксмо, 2012. – 544 с.
10. Самин, Д. 100 великих архитекторов / Д.Самин. – М.: Вече, 2001. – 408 с.
11. Иконников, А.В. Функция, форма, образ в архитектуре / А.В.Иконников. – М.:Стройиздат, 1986. – 288 с.

ТЕРРИТОРИЯ ТУРИСТСКИХ КОМПЛЕКСОВ, ФОРМИРУЕМЫХ НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ

Исторические фортификационные сооружения, возведённые в различные исторические периоды и дошедшие до нас с различной степенью сохранности, являются неотъемлемой частью мирового культурного наследия. Сегодня ни одно из сооружений не используется по прямому назначению, многие пустуют и разрушаются. Для того чтобы сохранить исторические фортификации, сделать их посещение доступным и интересным для широкого круга посетителей, необходимо включать их в современную систему туризма, создавая на их основе туристские комплексы. Определение границ проектируемой территории туристских комплексов, создаваемых на основе исторических фортификационных сооружений, является первым этапом проектирования туристских комплексов и должно производиться индивидуально для каждого объекта с учётом:

- Зоны охраны историко-культурного наследия.
- Градостроительной ситуации.
- Библиографических и историко-архивных данных.
- Окружающего ландшафта.
- Условий целостного восприятия.
- Возможности создания объектов туристской инфраструктуры, включая необходимость нового строительства, дальнейшего развития туристского комплекса.
- Необходимости организации транспортных и пешеходных связей.
- Санитарно-защитных зон, допустимых расстояний между различными объектами.

Территория создаваемого туристского комплекса включает:

Территорию исторического фортификационного сооружения. Территория, на которой размещается историческое сооружение, включая разрушенные и утраченные его части. Для выявления всех фрагментов фортификации необходимо выявить территории, которые занимало фортификационное сооружение на различных этапах его развития. Также необходимо выявить исторические сооружения других типов, возникшие на территории фортификации или возведённые для обеспечения её функционирования (военные склады, казармы, интендантские базы, конюшни и пр.), элементы планировочной системы населённого пункта, непосредственно связанные с фортификационным сооружением. Необходимо сохранение всех элементов исторических фортификационных сооружений и сооружений других типов, последующих исторических напластований, обладающих признаками историко-культурных ценностей, и включение их в создаваемый туристский комплекс.

Зоны охраны историко-культурного наследия. Согласно Закону Республики Беларусь от 9 января 2006 г. «Об охране историко-культурного наследия» (Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2006 г., №9, 2/1195) для обеспечения охраны объектов исторического наследия и их окружения устанавливаются следующие зоны охраны: зона охраны историко-культурной ценности, зона регулирования застройки, зоны охраны ландшафта, зона охраны культурного слоя.

Зона охраны историко-культурной ценности включает территорию, занимаемую памятником, и территорию, непосредственно прилегающую к нему. Границы данной зоны определяются на расстоянии от памятника, равном высоте самого памятника, но не менее 20 м. Она необходима для обеспечения сохранения объекта наследия, резервирования места для возможного восстановления его утраченных частей, обеспечения возможности визуального осмотра памятника. В зоне охраны историко-культурной ценности нельзя размещать не только капитальные строения, но также навесы, рекламные вывески, плакаты, автостоянки. Также должно регулироваться озеленение туристского комплекса и размещение на его территории малых архитектурных форм. Утраченные архитектурные и визуальные доминанты можно воссоздать размещением на их месте новых сооружений с высокой художественной ценностью и смысловой нагрузкой: каплиц, памятных знаков, скульптурных композиций и пр. Запрещено использовать объекты наследия в целях, не связанных с культурным использованием.

Зона регулируемой застройки – территория вокруг зоны охраны ИКЦ, на которой сохраняется историческая планировка, визуальные связи. Данная территория необходима для лучшей сохранности памятника и его восприятия, для того, чтобы подчеркнуть значение памятника в городской среде. Возможно создание системы зон регулируемой застройки. Высота новых зданий и сооружений не должна превышать высоту объекта наследия и должна быть не более 8-9 м. Новые объекты, элементы благоустройства, озеленения не должны закрывать обзор памятника с основных видовых осей и должны соответствовать масштабно-стилевым характеристикам объекта наследия. Обветшалую застройку, неиспользуемые здания и сооружения, вписавшиеся в историческую планировку и ставшие частью памятника в восприятии людей, целесообразно менять на новые здания, малые архитектурные формы, элементы озеленения и пр. аналогичные по масштабу и условиям восприятия. Зона регулируемой застройки устанавливается равной двум величинам размера охранной зоны и отмеряется от границ охранной зоны. Объекты туристской инфраструктуры могут размещаться в зоне регулирования застройки с учётом всех налагаемых ограничений. На данной территории не рекомендуется размещать объект с функциями, имеющими тенденцию к активному развитию, требующие больших строительных объёмов (территорий), привлекающие большие потоки транспорта (торговые, спортивные, развлекательные комплексы). Допустимо размещение объектов культуры, жильё (гостиницы, хостелы), мелкая торговля, объекты общественного питания. Общая площадь сооружений не должна превышать 1500 м².

Для сохранения исторически ценного ландшафта, составляющего неотъемлемую часть фортификационного сооружения, устанавливается охранная зона ландшафта. Эта зона по величине равняется зоне регулирования застройки и отмеряется от края зоны регулирования застройки. Зона охраняемого природного ландшафта устанавливается для обеспечения сохранности естественных и искусственно созданных ландшафтов, имеющих историческую, архитектурно - художественную или иную культурную ценность. В пределах этой зоны подлежат сохранению (восстановлению) элементы рельефа местности, зелёные насаждения, водные системы, планировочные и композиционные элементы. В зоне охраняемого ландшафта необходимо производить природоохранные мероприятия: расчистку и укрепление берегов и склонов, удаление насаждений, искажающих исторический ландшафт, озеленение территории, восстановления и укрепление склонов валов и обваловки (земляной обсыпки) фортификационных сооружений. Необходимо проведение технических мероприятий, создание благоустройства территории для минимизации антропогенных нагрузок на ландшафт. Открытые участки в зонах охраны ландшафта эпизодически могут использоваться для проведения массовых мероприятий, народных гуляний и пр.

Зона охраны культурного слоя – территория, примыкающая к историко-культурной ценности и предназначенная для наилучшего сохранения археологического слоя. Возможна организация нескольких зон охраны культурного слоя, отличающихся режимами охраны, использования и преобразования территории. На данной территории запрещены любые строительные, сельскохозяйственные работы, работы по благоустройству территории, посадка зелёных насаждений и пр. без согласования с органами охраны историко-культурного наследия. В случае необходимости до начала строительных работ на участках культурного слоя проводятся археологические исследования в соответствии с перспективным планом планировки и застройки населенного пункта, при этом учитываются сложность и продолжительность исследований, которые зависят от мощности (глубины) культурного слоя и его археологической ценности. По завершении археологических исследований участка культурного слоя оставленные на месте фрагменты сооружений подлежат охране как недвижимые памятники истории и культуры. При отсутствии таковых исследованный участок по решению государственных органов охраны памятников исключается из состава территорий охраняемого культурного слоя.

Охранные зоны утверждаются при внесении объекта в список историко-культурного наследия Республики Беларусь. При этом не все исторические фортификационные сооружения Беларуси имеют статус историко-культурной ценности и утверждённый проект охранных зон (границы охранных зон указаны в паспорте историко-культурной ценности). Все фортификации Беларуси являются отличительными особенностями развития инженерного искусства своего времени и нуждаются в охране. Поэтому при организации туристских комплексов на основе исторических сооружений необходимо предусматривать комплекс мероприятий по охране исторических фортификаций, в т.ч. установление территорий, обеспечивающих их сохранность, целостное восприятие, единство с исторической средой, ближайшим окружением и ландшафтом. При отсутствии установленных зон охраны их рекомендуется принимать равной высоте памятника, но не менее 20 м, археологизированного сооружения – 50 м. На этой территории не должно вестись нового строительства.

Все существующие объекты, размещаемые в охранной зоне, не являющиеся объектами культуры и не связанные с функционированием туристского комплекса, должны быть вынесены за его пределы. Вынос таких объектов может осуществляться поэтапно.

Территория объектов туристской инфраструктуры. Территория, занимаемая зданиями и сооружениями, относящимися к объектам туристской инфраструктуры (музейно-экспозиционные здания и помещения, объекты торговли, питания, проживания, проведения досуга, информационного обеспечения, помещения персонала и администрации), прилегающая к ним территория, необходимая для нормального функционирования объектов инфраструктуры, местные проезды и пешеходные связи, автостоянки, санитарные разрывы между объектами. Размещение объектов обслуживания соответствует функциональному зонированию туристского комплекса.

Въездная зона выполняет функцию приёма и распределения посетителей. По возможности её следует размещать на месте исторической въездной зоны (главных ворот). Она включает: въезд, парадный подход, распределительную площадку, автостоянку, в том числе и для туристских автобусов, туалет, обслуживающие объекты (сторожка, киоски для продажи входных билетов). Площадь въездной зоны зависит от градостроительной ситуации и составляет 5-10% площади комплекса.

Мемориальная зона преимущественно организуется для туристских комплексов, созданных на основе сооружений XIX-XX вв., использовавшихся в последних войнах. Здесь размещаются мемориальные доски, захоронения воинов, памятники и др. Также возможно предусматривать площади для проведения парадов, встреч ветеранов и других мероприятий как дань мужеству и доблести защитников.

Музейно-экспозиционная зона является основной зоной при музейном использовании фортификационных сооружений. В состав зоны входят историко-культурные ценности, представляющие интерес для туристов и экскурсантов – оборонительные сооружения, другие исторические здания и сооружения, созданные музейные экспозиции. Музейно-экспозиционная зона может размещаться компактно или рассредоточено и занимать до 50% площади комплекса.

Рекреационно-ландшафтная зона часто является доминирующей, т.к. в любом типе исторических фортификаций активно использовался ландшафт. Эта зона может включаться как в музейно-экспозиционный показ, так и при организации различных мероприятий. Также это место отдыха посетителей комплекса. Может занимать до 60% общей площади. При необходимости рекреационная зона может включать как исторические ландшафты, так и новые парковые территории.

Зона обслуживания посетителей размещается вблизи мест концентрации посетителей (главные музейные экспозиции, входы на территорию, автостоянки). В её состав входят объекты торговли (продажа сувениров, печатной продукции и др.), питания (кафе, рестораны, пункты быстрого питания, киоски), места организации досуга, пункт связи, туалеты.

Зона проживания организуется при создании на территории туристских комплексов мест проживания туристов. Может объединяться с зоной обслуживания. Гостиница и обслуживающие объекты могут размещаться как в исторических, так и в новых зданиях. Гостиницы могут быть различного профиля и существенно различаться по набору объектов обслуживания. Например, они могут быть ориентированы на проведение конференций, семинаров. В этом случае в их состав должны входить конференц-залы, аудитории, помещения для проведения встреч, переговоров, организации выставок и др. Также необходимо предусматривать места для развёртывания палаточных городков (особенно во время проведения фестивалей, ярмарок и пр.).

Развлекательно-познавательная зона предназначена для приобщения посетителей к белорусской культуре, традициям, обычаям путём их вовлечения в народные гулянья, празднества, реконструкции исторических событий. Проведение различных мероприятий развлекательного характера не должно противоречить мемориальной функции исторических фортификационных сооружений и нарушать сохранность историко-культурных и природных ценностей.

Административно-хозяйственная зона выполняет вспомогательную функцию и включает помещения экскурсоводов, администрации и других работников комплекса, помещения для хранения инвентаря, складирования материалов, оборудования, гараж и др. Также здесь размещаются объекты инженерно-технического обеспечения – тепловой пункт (котельная), электрическая подстанция и другие необходи-

мые инженерно-технические сооружения. Хозяйственная зона должна иметь собственный транспортный подъезд и удобные связи со всеми объектами комплекса.

Территория, обеспечивающая целостное восприятие объекта наследия и его взаимосвязь с вновь создаваемыми сооружениями. Размер территории зависит от размеров самого сооружения. Эта территория может быть использована как резервная территория для развития туристских комплексов.

Особенности восприятия крепостей и укрепленных районов. Особое значение при реконструкции исторических фортификаций имеет видимость историко-культурных ценностей, характер их зрительного восприятия с дальних и близких расстояний, фиксация историко-художественных видов и отдельных ландшафтов.

Следует помнить, что в прошлом, при возведении фортификационных сооружений широко использовались природные условия. Если говорить о таких фортификациях, как крепости и укрепления, то эти сооружения максимально вписывались в естественный ландшафт, нередко маскировались. Эта особенность должна найти отражение в разработке туристских маршрутов (автомобильных трасс, пешеходных и велосипедных дорожек) для наилучшего обзора и восприятия.

Исторические крепостные сооружения возводились таким образом, что каждое внутреннее кольцо обороны располагалось выше по рельефу предыдущего (для более эффективного обстрела атакующих). Эта особенность благоприятно отражается на восприятии историко-культурной ценности: на подходах к крепости хорошо читается её общий силуэт, для посетителей, находящихся в центре сооружения, открывается панорама на город или окружающий ландшафт. Это необходимо учитывать при вертикальной планировке реконструируемой крепости и при разработке дендрологического плана.

В проекте реконструкции исторических фортификационных сооружений необходимо учитывать, с одной стороны, факторы, влияющие на зрительное восприятие фортификаций, с другой – композиционное влияние сооружений на окружающий ландшафт, включая городскую застройку. Следует учитывать основные условия видимости историко-культурных ценностей, которые создаются при радиусах:

1. В пределах двух высот (под углом 27°) – зона наилучшего зрительного восприятия отдельного сооружения.

2. 1000-1200 м – зона оптимального зрительного восприятия комплекса сооружений, при котором чётко видны членения архитектурных объёмов и различаются основные цвета архитектурных сооружений.

3. 2000-2200 м – зона предельного зрительного удаления комплекса сооружений, при котором уже слабо воспринимаются общие очертания архитектурных сооружений. Учитывая плоскостной характер большинства фортификаций, на данном расстоянии они могут не просматриваться.

Определение границ наибольшего удаления и оптимальной видимости памятника является одним из основных условий установления охранных зон строгого режима и зоны регулируемой застройки, которые необходимо учитывать при проектировании.

При определении границ проектируемой территории необходимо учитывать границы землепользования, определяемые утверждённой проектно-планировочной документацией, данные органов охраны историко-культурного наследия, охраны природы, органов архитектурной и градостроительной деятельности, землеустройства.

Список цитированных источников

1. Агеев, С.А. Сохранение локальных исторических комплексов методами градостроительного регулирования: автореферат диссертации.....канд. архит.: 18.00.04. – Москва, 2005. – 168 с.

2. Беляева, Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект восприятия. – М.: Стройиздат, 1977. – 126 с.

3. Градостроительство и территориальная планировка: понятийно-терминологический словарь / Мин-во архитектуры и строит-ва Респ. Беларусь; редкол.: Г.А. Потаев (отв. ред.), И.А. Иодо, К.К. Хачатрянц, А.И. Ничкасов. – Мн.: Минсктиппроект, 1999. – 192 с.

4. Об охране историко-культурного наследия: Закон Республики Беларусь от 9 января 2006 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2006 г. – №9, 2/1195.

Климук Н.А.

ОБЪЕКТЫ ПИЩЕВКУСОВОЙ ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Целью настоящей работы является исследование объектов пищевкусовой отрасли производства с учетом заданных территориальных (юго-западный регион Беларуси) и временных (XIX – начало XX века) ограничений, формирование классификации данных объектов, что в дальнейшем дает возможность для проведения более углубленного исследования на основе материалов и результатов работы.

На территории Беларуси промышленная архитектура возникла достаточно поздно. Ее первые примеры появляются в 30-х годах XIX века. Более распространенные объекты промышленной архитектуры появились в конце XIX - начале XX века. Но в то же время архитектура производственного объекта существовала всегда.

К сожалению, производственные объекты тех лет практически не сохранились в первоначальном виде. Необходимость постоянной перестройки и реорганизации технологического процесса обуславливает такую особенность объектов промышленной архитектуры, как их территориальное и пространственное непостоянство, подверженность частой реконструкции [1, с. 25].

В Период с XIX – по XX в. истории белорусского промышленного зодчества отличается тем, что основную роль в его становлении сыграли объекты, создаваемые частными лицами. Эти здания и сооружения далеко не всегда были самыми крупными, однако новые объекты частного капитала развивались в русле общеевропейских тенденций. Внешний вид промышленных строений во многом определялся техническими и экономическими факторами. С 1880-х гг. начинается поиск средств выразительности утилитарных объектов, где сам строительный материал, строительная техника, конструкция должны стать основным источником архитектурной выразительности. Архитектура производственных объектов становилась многообразнее. Это касалось особенно пищевкусовой отрасли, где в большей степени внешний вид здания формировался под влиянием технологических особенностей [2].

По характеристикам архитектурно-планировочных структур конструктивным и композиционным особенностям промышленные здания Беларуси могут быть отнесены к четырем группам: построенные до 1917 г.; в период с 1917 по 1945 гг.; с 1945 до начала 1960-х гг. и 1960-х - 70-х годов строительства [3, с. 70].

Здания дореволюционного периода строительства отличаются относительно небольшими размерами, для них характерны индивидуальные параметры строительных конструкций, использование традиционных строительных материалов. Конструктивные решения старинных зданий достаточно однотипны: кирпичные стены и деревянные перекрытия на ленточном фундаменте из бутового камня или других местных материалов.

В конце XIX - начале XX века сооружались одноэтажные и многоэтажные здания, имеющие толстые кирпичные стены, обычно неоштукатуренные, с большими оконными проемами. Внутренними опорами в таких зданиях служат кирпичные стены и столбы, колонны из чугуна. Перекрытия выполнены из монолитного железобетона или в виде кирпичных сводов по металлическим балкам. В конструкции как чердачных, так и бесчердачных покрытий использованы деревянные стропила. Объекты производства XIX - начала XX века имеют скромное объемно-планировочное решение, но в то же время ряд из них имеет и достаточно выразительные архитектурные детали.

Большинство построек, представляющих историческую ценность, были возведены 100 и более лет назад и плохо приспособлены к эксплуатации в современных условиях. За много лет эксплуатации, зачастую сопровождающейся перепланировкой, прокладкой инженерных коммуникаций и неудачных приемов реконструкции, конструктивные элементы могут утратить часть своей несущей способности, а так же состариться морально. Все это делает исторические строения малоприспособленными к эксплуатации в современных условиях.

Важное значение для анализа объектов пищевкусовой отрасли производства, выявления статистических данных имеет периодизация по хронологическим этапам развития архитектуры производственных объектов Беларуси. В зависимости от положенных в ее основу критериев в различных трудах таких авторов, как Г.Л. Залесская, Е.Б. Морозова, Д.С. Чайко, Г.Н. Черкасов, М.С. Штигиц приводится различная периодизация. Например, Г.Л. Залесской была предложена периодизация по времени появления специализированных объектов производственного назначения и формирования их архитектуры;

– первый этап (1770 – 1850-е гг.) - большое количество мануфактурных производств, появление первых предприятий с промышленной организацией производства, а также введением и утверждением первых законодательных актов, которые касались строительства и промышленной архитектуры

– второй этап (1860 – 1910-е гг.) - происходит увеличение числа предприятий промышленного производства, преобладание их над мануфактурами [4].

Поскольку наиболее объективным показателем развития производственных объектов является рост производства, то в данном исследовании были приняты следующие хронологические периоды развития промышленности: первый период – до 1860-х гг.; второй период – 1860 – 1910-е гг. В рамках принятой периодизации все исследуемые объекты были разделены на две группы (таблица 1, таблица 2).

Так как в экономике Белоруссии господствовало сельское хозяйство, то в промышленности преобладали предприятия по переработке продуктов земледелия и животноводства, прежде всего пищевкусовые и текстильные.

В пищевкусовой промышленности Белоруссии преобладали винокуренное, мукомольное и свеклосахарное производства. Встречались отдельные пивоваренные, табачные, мыловаренные и некоторые другие предприятия [5, с. 100].

Среди предприятий пищевкусовой промышленности наибольшее развитие получили акцизные отрасли. К ним относились: винокуренное, пивоваренное и медоваренное производства, свеклосахарная и табачная промышленность, т.е. те отрасли, которые производили предметы потребления, имевшие большой спрос у населения.

Исходя из результатов проведенного исследования, классификация производственных предприятий осуществляется по следующим признакам:

I. По времени основания:

I этап – до 1860-х гг. – начальный. Данный этап характеризуется интересом к образцам, выделяющимся своими исключительными свойствами или параметрами. В основном в этот период превалирует мелкое производство без машин и техники.

II этап – 1860 – 1900-е гг. – просветительский. Основной задачей данного этапа становится пропаганда новейших достижений в науке и технике. Происходит развитие вольнонаемного труда и капиталистических отношений.

В зависимости от периода основания объекта и уровня развития технического оснащения (либо его отсутствия и наличия ручного труда) можно предложить наиболее подходящий прием рефункционализации.

II. По степени сохранности:

- здание сохранилось;
- здание сохранилось частично;
- здание не сохранилось.

В зависимости от степени сохранности здания можно сделать заключение о целесообразности проведения мероприятий по реконструкции и восстановлению.

III. По виду производства:

- винокуренное;
- пивоваренное;
- свеклосахарное;
- табачные предприятия;
- мукомольное;
- масложировое.

Таблица 1 – Классификация объектов пищевкусовой отрасли производства юго-западного региона Беларуси по сохранности и виду производства. Построены до 1860-х гг.

	Винокуренное	Пивоваренное	Свеклосахарное	Табачное	Мукомольное	Масложировое	Итого
Сохранилось	8	1	-	-	1	2	12
Не сохранилось	31	2	4	8	8	5	58
Всего:	39	3	4	8	9	7	70

Таблица 2 – Классификация объектов пищевкусовой отрасли производства юго-западного региона Беларуси по сохранности и виду производства. Построены после 1860-х гг.

	Винокурное	Пивоваренное	Свеглюсахарное	Табачное	Мукомольное	Масложировое	Итого
Сохранилось	12	-	1	-	-	2	15
Не сохранилось	40	7	-	8	18	3	76
Всего:	52	7	1	8	18	5	91

IV. По месторасположению:

- в городах;
- вне городов (имение; деревня; местечко; село; уезд; урочище; фольварок).

Таблица 3 – Классификация объектов пищевкусовой отрасли производства юго-западного региона Беларуси по расположению

	В городах	Вне городов, в том числе в						
		имение	деревня	местечко	село	уезд	урочище	фольварок
Построены до 1860-х гг.	14	25	1	3	4	-	-	-
Построены после 1860-х гг.	23	28	3	10	6	-	1	-
Всего:	37	53	4	13	10	-	1	-

V. По сохранению начальной производственной функции:

- сохранение функции;
- частичная перемена функции;
- полная рефункционализация.

VI. По типу предприятия:

- мелкое производство;
- мануфактура;
- фабрика.

Выводы. В ходе исследования были определены отрасли, принадлежащие к пищевкусовому производству Беларуси, выявлены этапы развития архитектуры объектов производственного назначения.

Основываясь на таких критериях, как территориальные ограничения, временные ограничения, вид производства, на установленной территории было выявлено 168 объектов пищевкусовой отрасли производства юго-западного региона Беларуси. Была проведена классификация выявленных объектов по условленным критериям, что может стать исходным материалом для последующего отбора наиболее характерных и типичных для своего исторического периода в рамках исследования и в своей области зданий, которые в дальнейшем могут подвергаться мероприятиям по реконструкции и находить свое новое применение в условиях современности.

Список цитированных источников

1. Архитектура промышленных объектов: прошлое, настоящее и будущее. / Е.Б. Морозова. - Мн.: УП "Технопринт", 2003. - 316 с.
2. Архітэктурна Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславян. і еўрап. Кантэксте: у 4 т. / А.І. Лакотка [і інш.]; навук. рэд. А.І. Лакотка. - Мінск: Беларус. Навука, 2007. - Т.3, кн 2: Другая палова XIX-XX ст. - 549 с., іл.
3. Реконструкция промышленных объектов: учебное пособие / О.И. Сысоева. - Мн.: БНТУ, 2005. - 136 с.
4. Архитектура производственных объектов Беларуси конца XVIII - начала XX века: автореф. дис. ... канд. архитектуры / Г.Л. Залесская; БНТУ. - Мн., 2010. - 26 с.
5. Болбас, М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795-1861). - Мн.: Наука и техника, 1966. - 268 с.

Коняев Н.В.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЪЕМНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО И КОНСТРУКТИВНОГО РЕШЕНИЯ ЗДАНИЯ КОНЮШНИ В ИМЕНИИ ЗЕЛЕНЕВИЧИ В Д. ЗЕЛЕНЕВИЧИ (ПРУЖАНСКИЙ РАЙОН)

Историческая справка: Имение Зеленевичи и одноименное название деревни Зеленевичи являлось владением Войтешковичей. В 1540 г. вдовой волковысского боярина Яна оно продается Мартину Михайловичу Мудрейко, "дворанину господарскому". У него имение за "двадцать две копе грошей" вскоре купил намесник Зельвянский Ян Тивинский, зять Войтешковичей, который, кроме того, "...пересудовъ и поклоновъ, и иных выкладов на то паложыль, не хотячы, жебо тое именье их у чужых руках было". Последними владельцами были Сегени.

Усадьба заложена на террасе реки Зельвянка. Включала усадебный дом (одноэтажный с 12 комнатами), парк с водной системой, флигель, хозяйственные постройки, винокурню. Владелец жил в Варшаве, имением руководил управляющий.

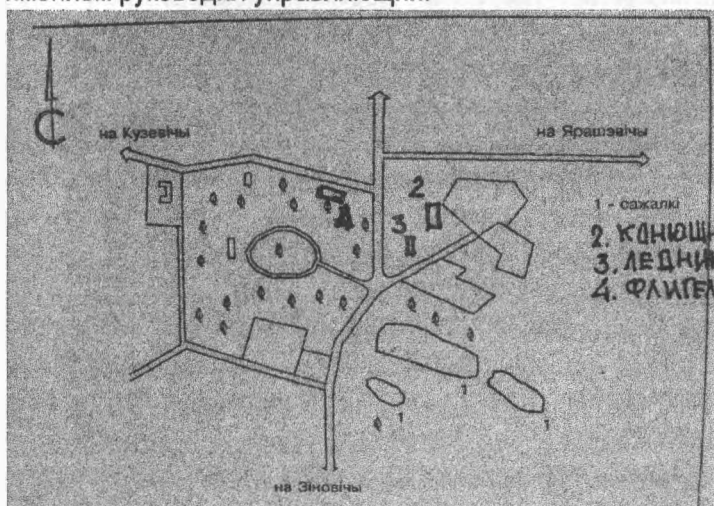

Рисунок 1 - Зеленевичи. Схема лесопарка и построек

Усадебный дом стоял в наиболее приподнятой части террасы в окружении парка. Фрагмент бывшего парка площадью 1.8 га представлен одичавшим древесным массивом на склоне террасы, в котором растут старые одиночные клены, ели, липы, ясени. Поляны закрыли кривоствольные клены ясенелистые,

посаженные в послевоенное время. Под пологом древостоя густой подрост и подлесок (бересклет, рябинник, лещина, снежнаягодник). В напочвенном покрове преобладают недотрога, сныть, крапива. Насаждение захламлено, древостой низкого качества. Две бывшие пешеходные дорожки, пересекающие массив, заасфальтированы. К массиву примыкают четыре ряда тополя Петровского, так же малой декоративности. Часть парка, с просто устроенной системой, расположена за дорогой, в пойме. Представлена двумя вытянутыми вдоль оси водоемами. Площадь каждого их них чуть более одного гектара. Вода в водоемы поступает из реки Зельвянки по каналу;

Рисунок 2 - Зеленевичи. Вид на пруд

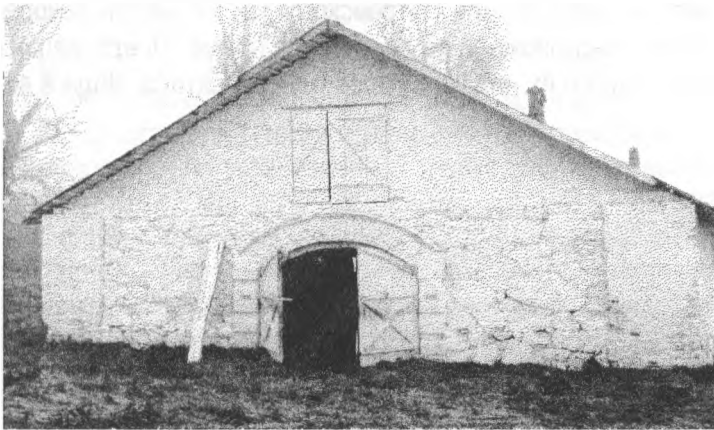
Зеленевичы. Фрагмент парка⁴.

Рисунок 3 - Зеленевичы. Фрагмент парка

избыток ее отводится другим каналом в реку выше по течению. Водоёмы полноводны, окружены ольхой. Вдоль одного из водоёмов расположена группа редкой гибридной формы ивы ломкой. В прошлом здесь проходили приподнятые парковые дорожки, посыпанные песком, имелся газон. Водоёмы были открыты и на фоне газона являлись акцентом живописной перспективы с парадной части усадьбы.

Фрагменты парка с водоёмами имеют значение в современной планировке деревни.

Исследование бывшего имения Зеленевичы в Пружанском районе Брестской области проводилось в августе 2007 г. – феврале 2008 г. Целью настоящей работы является определение местонахождения оставшихся построек и их фактического технического состояния несущих и ограждающих строительных конструкций, изучение объёмно-планировочных решений. Из уцелевших зданий остались конюшня, ледник и флигель. При исследовании наибольшее внимание было отведено на определение технического состояния здания конюшни. Исследование проводилось совместно со специалистами ОАО «Стройкомплекс» г. Бреста. Необходимость проведения исследования была обусловлена предстоящей реконструкцией здания конюшни на основе технического заключения по результатам исследования строительных конструкций и получении предложений и рекомендаций по выполнению ремонтно-восстановительных мероприятий. В дальнейшем здание конюшни предполагалось использовать по прямому назначению - для содержания породистых лошадей и обучения верховой езде, прогулок по прилегающему лесопарку, а также для разведения лошадей и их продажи. Здание конюшни должно войти в туристический комплекс, который будет воссоздан на основе бывшего имения Зеленевичы. Инвестором по восстановлению имения Зеленевичы выступило РУП «Брестэнерго». Здание конюшни построено, предположительно, во второй

**Рисунок 4 - Вид здания конюшни.
Западный фасад**

половине XIX века, что следует из анализа применённых для строительства материалов. Здание было частично разрушено в период Великой Отечественной войны и восстановлено в 50-е годы XX века с использованием старых фундаментов и оставшихся частей стен. С

1998 г. и до момента проведения исследования конюшня не использовалась по назначению. Здание конюшни в плане выполнено в виде трапециевидального корпуса с продольными параллельными стенами длиной 44740мм (южный фасад) и 41030мм (северный фасад). Одна торцевая стена, длиной 11170мм (западный фасад), расположена под углом 90° к продольным стенам северного и южного фасадов, вторая, длиной 111715мм (восточный фасад), под углом 72°. Планировочная схема здания – один пространственный удлиненный объём без тамбуров, выполненный в виде трех пролетов, образованных из двух

**Рисунок 5 - Вид здания конюшни.
Восточный фасад**

рядов деревянных стоек и перекрытых деревянными балками. Средний пролет является проходом между стойлами для лошадей. Стойла размещены вдоль продольных наружных стен в двух крайних пролетах. Конюшня имеет три входа - два в торцевых стенах и один в длинной продольной стене южного фасада.

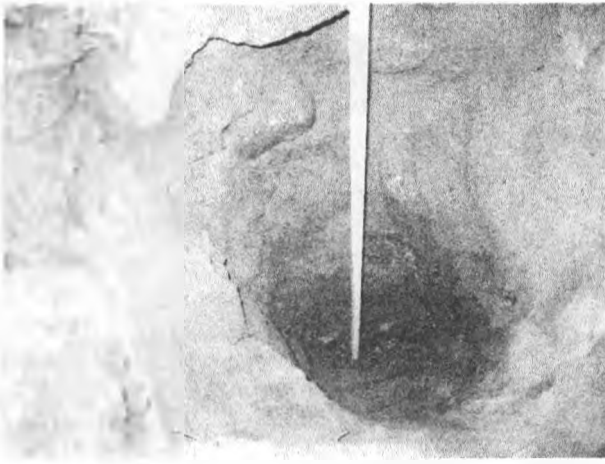
Конструктивная схема здания – одноэтажная с неполным каркасом, пролетного типа, с несущими деревянными элементами (стойками, прогонами) и элементами ограждения (дощатый настил по балкам перекрытия и несущие наружные кирпичные стены). Пространственная жесткость здания в продольном направлении обеспечивается за счет каркаса и кирпичных стен. В поперечном направлении пространственная жесткость обеспечивается за счет поперечных наружных кирпичных стен и рам каркаса. В горизонтальной плоскости жесткость здания обеспечивается диском из дощатого настила по балкам перекрытия. Фундаменты под кирпичные стены выполнены бутовые, под стойки - бетонные. Наружные стены конюшни выполнены из полнотелого керамического кирпича и бутового камня. Внутренняя и наружная поверхность стен покрашена известковым составом. Полы в конюшне земляные. Кровля над зданием двускатная из асбесто-цементных волнистых листов. Удаление атмосферных осадков с кровли – внешнее, неорганизованное. Освещение конюшни осуществляется через оконные проемы, где использованы оконные блоки размером 1400x 700(h)мм. В наружных стенах распашные ворота имеют размер 2470x2290...2500(h)мм. Вентиляция – естественная, через проёмы окон, ворот и вентиляционные шахты.

Работы по исследованию и определению фактического состояния строительных конструкций здания конюшни проводились в следующей последовательности:

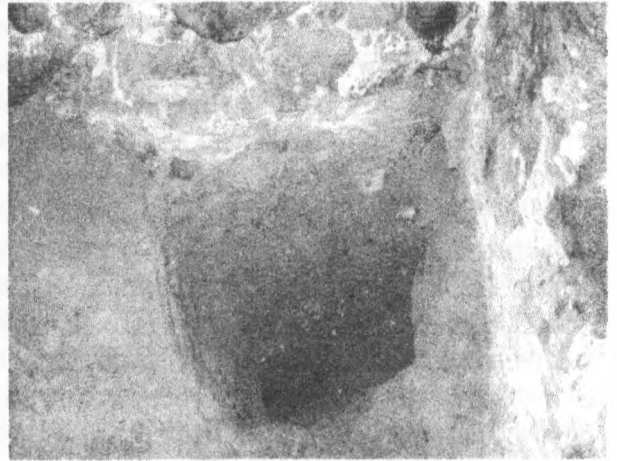
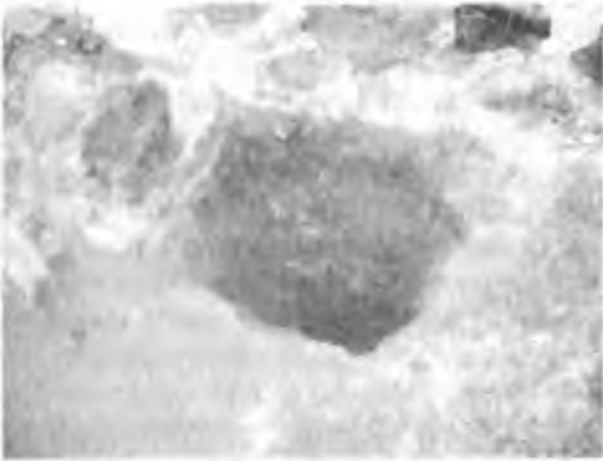
1. Исследование заключалось в тщательном наружном осмотре конструкций, узлов с регистрацией в дефектных картах выявленных дефектов. Основные дефекты строительных конструкций фотографировались.
2. Перед началом наблюдений тщательно изучались все имеющиеся источники по исследуемому объекту.
3. Выявлялись технические и объемно-планировочные решения при проектировании и строительстве здания. Одновременно проверялось соответствие существующих конструктивных решений требованиям действующих на время проведения технического обследования нормативно-технических документов. Особое внимание уделялось дефектам, возникающим вследствие нарушения правил эксплуатации здания и строительных конструкций.

Для выявления геометрических и прочностных характеристик, вида материалов и их месторасположения производилось вскрытие (шурфовка) участков фундаментов, покрытия, стен и кровли. Оно производилось по всем правилам и в необходимом объеме.

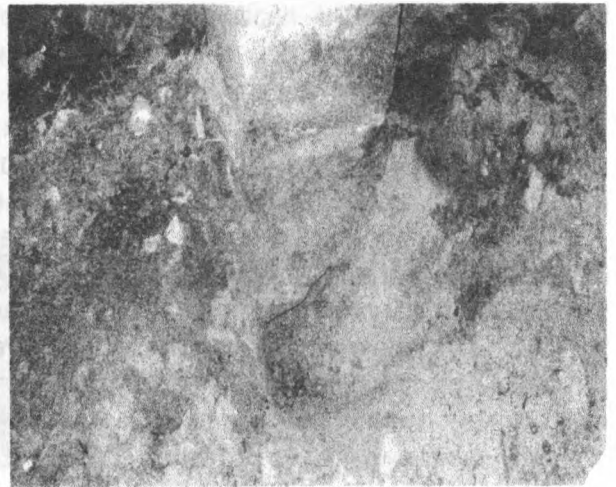
В результате натурного исследования были проанализированы конструктивные элементы здания и получены следующие результаты: - **Фундаменты** под наружные стены – это кладка из бута, а под деревянные стойки каркаса фундаменты выполнены столбчатыми бетонными при восстановлении здания в 50-х годах. Наружные фундаменты под несущие кирпичные стены здания конюшни являются фундаментами неглубокого заложения, жесткими, ленточными, бутовыми, толщиной 650-820 мм, из бутового камня М240 и известково-песчаного раствора М8 с сопротивлением сжатию 5кг/см². Общая высота фундамента, включая цокольную часть, составляет 1660-2125 мм. Отметка подошвы фундамента составляет (-1,000) – (-1,475) м (определено при шурфовке фундаментов ШФ-1...ШФ-5) от уровня пола. Заглубление фундаментных стен в грунт по наружным западной и восточной сторонам составляют 875-1350 мм. Фундаменты выполнены по известково – гравийной подушке (гравий пролит известковым молочком), толщиной слоя 50-70 мм (это практиковалось со времен Римской империи и до начала 60-х годов XX века). Под деревянные стойки выполнены монолитные бетонные столбчатые, неглубокого заложения, фундаменты стаканного типа сечением 400x400 мм и высотой 750 мм, из бетона марки С8/10. Фундаменты выше уровня пола на 320 мм.

Рисунки 6,7- Шурфы фундаментов ШФ-1 в продольной стене южного фасада и ШФ-2 в продольной стене северного фасада

Рисунки 8,9 - Шурфы фундаментов ШФ-3 в поперечной стене западного фасада и ШФ-4 в поперечной стене восточного фасада

Рисунки 10,11 - Столбчатые фундаменты под деревянные стойки. Шурф ШФ-5

Гидроизоляция выполнена раствором повышенной плотности. Фундаменты с наружной стороны покрашены известковым составом. Отмостка вокруг здания отсутствует, в результате чего нижняя часть цоколя постоянно замокает. В уровне земли от увлажнения и попеременного замораживания – оттаивания

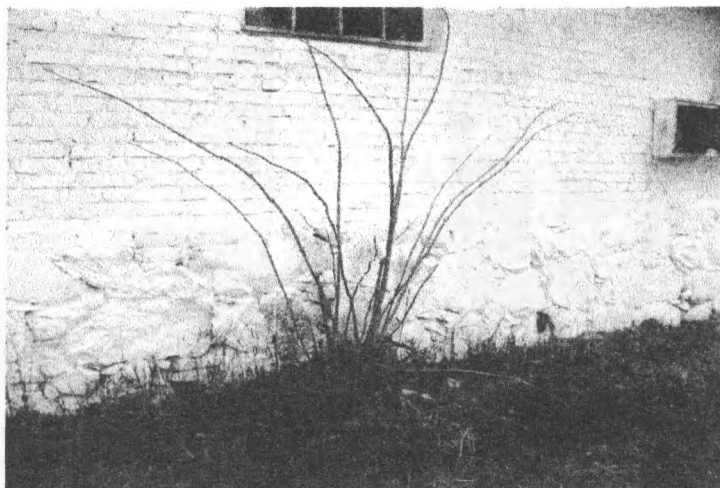

Рисунок 12 - Отсутствие отмостки, наличие деревьев и кустарника возле фундамента

кладки фундаментов в водонасыщенном состоянии происходит разрушение раствора и выпадение мелких камней. Возле фундаментов росли деревья, которые были срублены, на момент исследования из корней растут новые побеги. Силовых трещин и деформаций в конструкции фундаментов на момент обследования не обнаружено.

- Стены здания конюшни массивные толщиной 380-670 мм, выполнены сплошной кладкой из керамического и силикатного кирпича и бутового камня, возводились в разное время. Кладка из бутового камня западного фасада выполнена на всю высоту и по остальным осям до отметки +0,55-+0,65 м, для кладки использовался рваный бут размером 100-500 мм, марки «200» и известковый раствор М75.

Рисунок 13 - Вид кладки стен с наружной стороны. Западный торцевой и южный продольный фасады

Кирпичная кладка, оставшаяся от старого здания выполнена из керамического полнотелого кирпича размером 280x130x65(h) мм марки «150» на известковом растворе М50, такие размеры кирпича характерны для второй половины девятнадцатого века. Остальная кирпичная кладка из керамического полнотелого кирпича М150 размером 250x120x65(h) мм, на растворе М50. Толщина горизонтальных швов – 15-23 мм, вертикальных – 10-24 мм, с выпуклой расшивкой в стене южного фасада, между вторым и третьим окнами кладка выполнена «в пустошовку». Расчетное сопротивление сжатию кладки стен соответствует $1.8 \times 0,8 = 1,44$ МПа. В торцевой части здания в западном фасаде проём ворот обрамлён кирпичными столбами размером 575x720 мм, и перекрыт арочной кирпичной перемычкой. Лицевая плоскость столбов и арок выполнена декоративной кладкой. Проёмы ворот северного и восточного фасадов перекрыты железобетонными перемычками размером 240x150(h)мм. Оконные проёмы в кирпичных стенах перекрыты тремя гладкими арматурными стержнями диаметром 16 мм. От атмосферного воздействия стержни поражены поверхностной коррозией, степень поражения 1,5%.

Рисунок 14 - Кладка стен из бута и кирпича глиняного (фото слева). Вид с внутренней стороны западной торцевой стены. Однорядная цепная система перевязки кладки из силикатного кирпича (фото справа). Южная продольная стена. Время возведения вторая половина 50-х годов XX века

Рисунок 15 - Перекрытие оконного проёма металлическими стержнями

Торцевые стены заканчиваются фронтонами из кирпича толщиной 250 мм, выложенными со смещением вовнутрь от лицевой поверхности стен на 120 мм, в кладке фронтонов имеются проёмы для входа на чердак. На расстоянии 1225 мм вправо и влево от оси конька выложены пилястры шириной 510 мм, выступающие за плоскость фронтона на 120 мм. По северному и восточному фасадам имеются следы затекания осадков на стены из-за разрушенной кровли в этих местах. В местах затекания воды на стены кладка разморожена на глубину до 55 мм, площадь разрушения – 2,1 м². Кладка угла на пересечении южного и западного фасадов имеет механическое разрушение на высоту 1100 мм. Силовых трещин в кладке наружных стен на момент исследования не обнаружено.

-Несущий каркас конюшни состоит из деревянных стоек, выполненных из брёвен $\varnothing 180$ мм, по которым уложены деревянные прогоны сечением 150x150 мм, в поперечном направлении объединённые деревянными балками перекрытия с настилом. Все элементы каркаса выполнены из сосны второго сорта. Каркас обработан известковым составом. Влажность древесины на момент исследования составляла 32%.

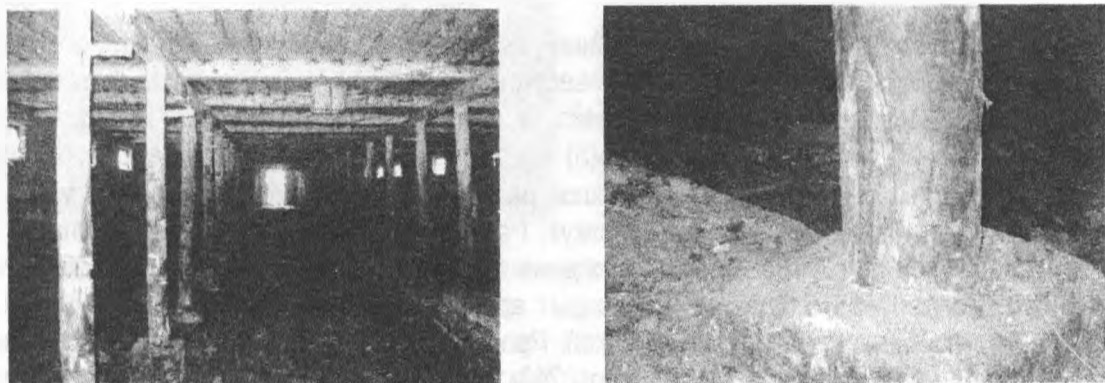

Рисунок 16 - Каркас конюшни (фото слева). Опираение стойки на фундамент и крепление анкерами (фото справа)

Стойки каркаса опираются на бетонные фундаменты и закреплены, от перемещений, с помощью двух металлических анкеров $\varnothing 22$, выходящих из фундамента на 220 мм с двух сторон стойки. Анкер к стойке крепится двумя гвоздями, длиной 120 мм $\varnothing 6$ мм, в верхней части стойки выполнен шип 55x60 мм, высотой 70 мм, прогоны уложенные по стойкам имеют гнездо под шип.

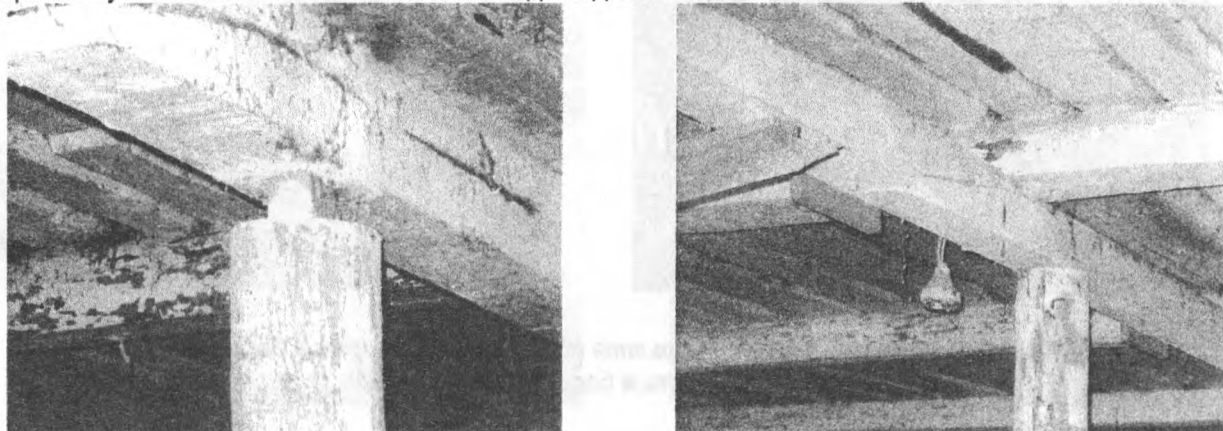

Рисунок 17 - Шип стойки (фото слева). Стык прогонов (фото справа)

Нагрузка на прогоны одинаковой интенсивности, поэтому в каркасе применены консольно-балочные прогоны с одним шарниром через два пролёта на расстоянии 200-400 мм от опоры. Стыки прогонов выполнены косым прирубом. Боковое смещение в шарнире предотвращается забитыми сверху и снизу гвоздями длиной 120 мм, $\varnothing 6$ мм. В крайних пролетах прогоны опираются на наружные стены, гидроизоляционных прокладок в месте опирания на момент исследования не обнаружено. Глубина опирания – 200-250 мм.

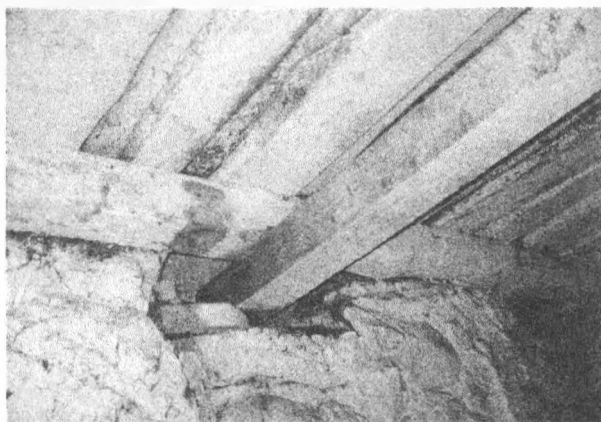

Рисунок 18 - Опирание прогона на стену по северного фасада

Стойки в нижней части, на высоту 350-450 мм, поражены гнилью, в результате чего образовались прогибы прогонов 10-12 мм, что не превышает предельно допустимый прогиб по СНиП 2.01.07-85, равный $1/132L = 1800/132 = 13,6$ мм. Просадка шестой стойки от торца стены западного фасада составила 60 мм. В местах протечек кровли отмечено замокание прогонов, и влажность древесины достигает до 70%; следов гниения на поверхности прогонов не выявлено.

-Чердачное перекрытие выполнено в виде деревянного настила по деревянным балкам. Балки уложены перпендикулярно прогонам каркаса на всю ширину здания и являются трёхпролётными шарнирными, с одним шарниром в среднем пролёте, между осями «В-Б». Стыки балок выполнены косым прирубом и расположены на 600 мм от прогонов в шахматном порядке. Балки имеют сечение 200x160(h) мм и опираются на прогоны каркаса и продольные кирпичные стены. В месте опирания балок на прогоны они соединены с прогонами скобами из гладкой арматуры $\varnothing 12$ мм и длиной 200 мм. В крайних пролетах прогоны опираются на наружные стены, гидроизоляционных прокладок в месте опирания на момент исследования не обнаружено. Глубина опирания – 200-250 мм. Вторая, седьмая и девятнадцатая балки со стороны западного фасада поражены гнилью. Имеется замокание балок от протечек кровли. По балкам чердачного перекрытия выполнен настил из необрезных досок толщиной 35 мм, шириной 120 – 370 мм.

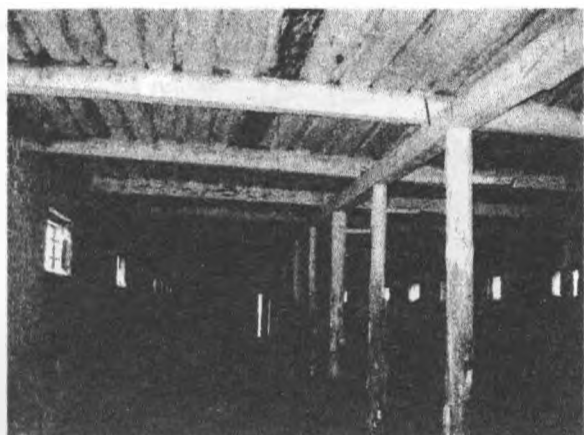

Рисунок 19 - Балки чердачного перекрытия (фото слева). Опираение балки перекрытия на прогон, стык балки (фото справа)

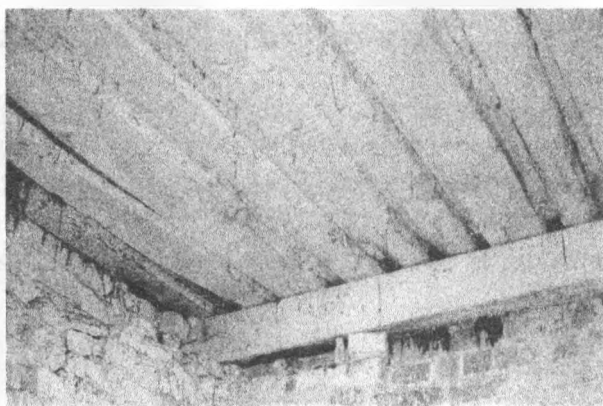

Рисунок 20 - Опираение балок на наружные продольные стены (фото слева). Настил чердачного перекрытия (фото справа)

Рисунок 21 - Разрушение гнилью настила перекрытия

Первый ряд настила уложен с зазорами между досками 40-120 мм, сверху внахлест аналогично первому уложен второй ряд настила из необрезной доски толщиной 35 мм. Отдельные места настила поражены гнилью и разрушены, что вызвано протечками кровли. Все деревянные элементы чердачного перекрытия выполнены из сосны второго сорта. Балки перекрытия и настил с нижней стороны обработаны известковым составом. Влажность древесины на момент исследования составляет 32%. На настиле уложен слой соломы толщиной 20-40 мм.

Кровля в здании конюшни неэксплуатируемая, «холодная», симметричная, двухскатная. Кровля выполнена из волнистых шиферных листов размером 1750(н)х 1150 мм, уложенных по старой кровле из двух слоёв соснового гонта. Поддерживающие кровлю конструкции, обрешетка и стропильная система

выполнены из бруска и бруса. Обрешетка передаёт нагрузку на наслонные стропила, устроенные по схеме симметричных стропил с двумя рядами стоек и ригелями жёсткости, роль которых выполняют спаренные доски. Уклон скатов кровли $i=34^\circ$. Общий вид кровли приведён ниже.

Рисунок 22 - Вид кровли со стороны южного фасада (фото слева). Вид кровли со стороны северного фасада (фото справа)

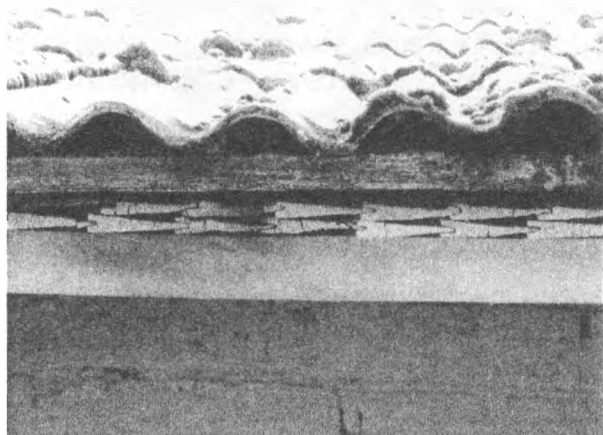

Рисунок 23 - Конструкция кровли (фото слева). Обрешетка и настил из гонта (фото справа)

Конёк выполнен из обрезной доски толщиной 35 мм, шириной 150 мм. Обрешетка выполнена из бруска 50x40(н) мм, через 300 мм. Следов обработки антисептиком обрешетки нет. Во время исследования кровли выявлены многочисленные дефекты: крепление шиферных листов к обрешетке ослабло, что привело к сдвигу волнистых листов и разрушению кровли; вся кровля имеет биологическое поражение (растет мох); покрытие конька на 70% длины отсутствует, оставшаяся часть конькового элемента поражена гнилью; отсутствует 50%

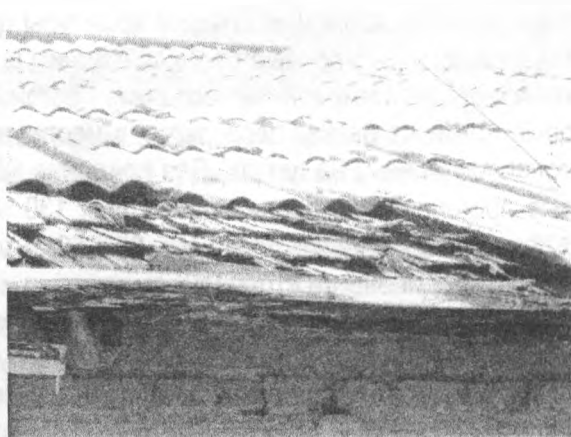

Рисунок 24 - Поражение гнилью гонта (фото слева). Разрушение кровли (фото справа)

Рисунок 25 - Разрушение кровли над фронтоном восточного фасада

ветровых досок, оставшиеся поражены гнилью; верхний ряд гонта поражён гнилью, в местах разрушения шифера поражены два слоя гонта. В стропильной системе применены наслонные стропила. Стропильная система выполнена из брёвен и брусьев, с шагом стропильных ног 1080 – 1840 мм. Стропильные ноги сечением 110x115 мм, верхним концом опираются друг на друга с соединением «в пол дерева» и скреплены гвоздями, нижним концом стропила опираются на мауэрлат из бруса сечением 165x165 мм.

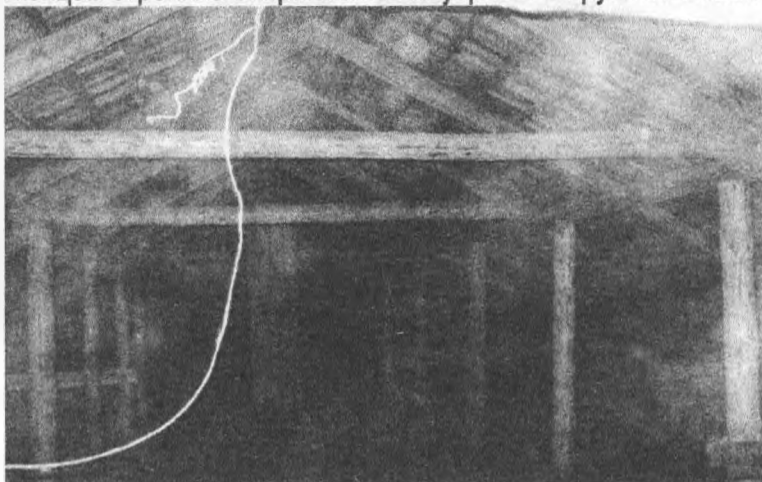
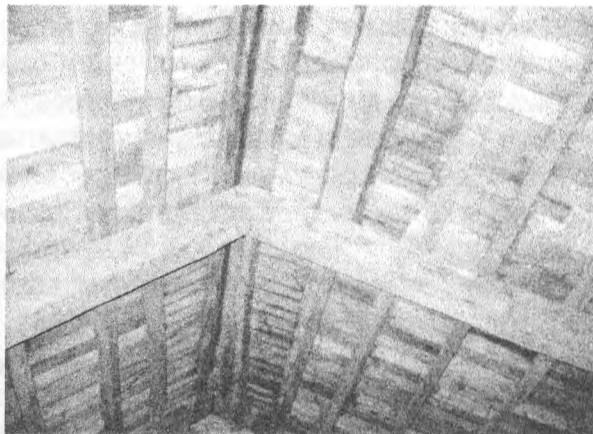
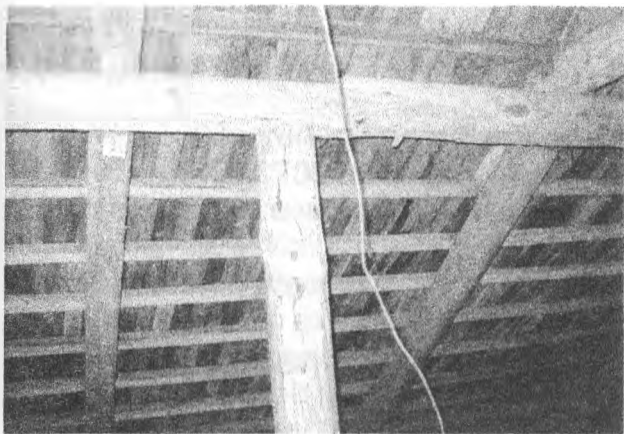
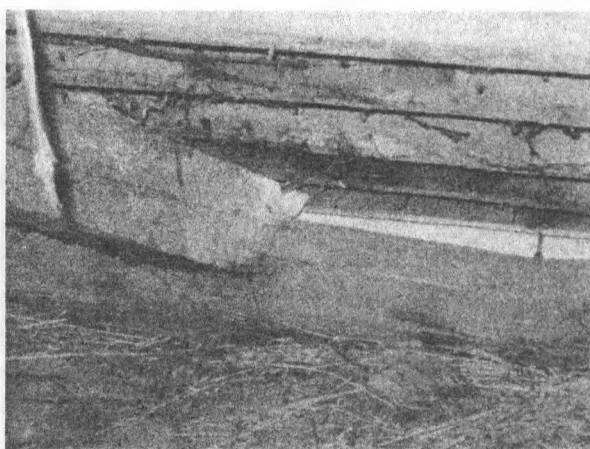

Рисунок 26 - Стропильная система здания конюшни

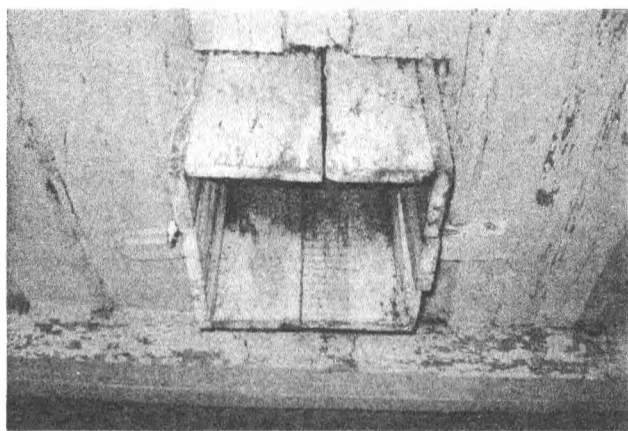
Мауэрлат закреплён металлическими скобами из гладкой арматуры диаметром 14 мм, длиной 500 мм к балкам перекрытия. В средней части стропильные ноги опираются на прогоны, выполненные из бревен диаметром 160 мм, стёсанных в нижней части. В месте опоры стропильные ноги соединены с прогонами металлическими скобами из гладкой арматуры диаметром 14 мм, длиной 250 мм. Во всех пролётах применены консольно-балочные прогоны с одним шарниром через два пролёта. Стыки прогонов выполнены косым прирубом и закреплены гвоздями. Прогоны опираются на стойки из брёвен диаметром 160 -180 мм, которые стоят на балках перекрытия в месте их пересечения с прогонами каркаса. Соединение стоек и прогонов выполнено на шипах. Для придания жёсткости всей системе установлены ригеля жёсткости; в уровне прогонов – из бревен диаметром 130 мм, через пару стропильных ног на второй; на отметке +3,725 м – из двух досок сечением, 35x150(h) мм, через две пары стропильных ног на третьей. Ригеля жёсткости соединены со стропильными ногами и стойками под прогоны болтами М14. Сечение стропильных ног удовлетворяет условиям прочности и условиям прогиба, что установлено поверочным расчётом. Прогибы стропил не превышают предельно допустимые. Влажность древесины на момент исследования составила 36%. Исследованы 100% элементов стропильной системы. Исследование производилось путём затёсывания деревянных конструкций. В ходе исследования поражения личинками насекомых, гнилью не выявлено, имеются следы затекания от разрушения кровли. Обработка антисептиками

**Рисунок 27 - Опирание прогона на стойку (фото слева).
Опирание стропильных в коньке (фото справа)**

**Рисунок 28 - Ригеля жёсткости (фото слева).
Опирание стропильных ног на мауэрлат (фото справа)**

**Рисунок 29 - Вентиляционный канал в помещении конюшни (фото слева).
Состояние оголовка вентиляционной шахты над кровлей (фото справа)**

деревянных элементов не проводилась. Через перекрытие, чердачное пространство и кровлю проходят два вентиляционных канала и заканчиваются выше конька кровли на 850 мм. Каналы выполнены в виде короба из доски толщиной 25 мм, сечением 360x345 мм, выше кровли с двух сторон стенки каналов выполнены в виде жалюзийных решёток. От длительной эксплуатации и поражения гнилью покрытие каналов и жалюзийные решётки разрушились. Водоудаление с кровли наружное, неорганизованное, двухстороннее со стороны южного и северного фасадов. Вода с кровли сбрасывается на грунт возле стен конюшни и проникает под фундаменты, отчего происходит их увлажнение.

Список цитированных источников

1. Рекомендации по определению прочности бетона эталонным молотком Кашкарова по ГОСТ 22 690.2-77/НИИОУС при МИСИ им. В.В. Куйбышева. — М.: Стройиздат, 1985. — 24 с.
2. Бетоны. Определение прочности механическими методами неразрушающего контроля: ГОСТ 22690-88.
3. Здания жилые и общественные. Параметры, микроклимата в помещениях: ГОСТ 30494-96.
4. Инструкция по технической эксплуатации зданий и сооружений. Приложение к Письму от 15.02.99 г. № 05-10/1001.
5. Инструкция по технической эксплуатации, содержанию и ремонту производственных зданий и сооружений предприятий Госкомпрома РБ. 37.00029661.01. — Минск, 1993. — 163 с.
6. Кашкаров, К.П. Контроль прочности бетона и раствора в изделиях и сооружениях. — М.: Стройиздат, 1967. — 96 с.
7. Проектирование и строительство кровель: Пособие П1-03 к СНБ 5.08.01-2000. — Минск, 2003.
8. Рекомендации по определению технического состояния ограждающих конструкций при реконструкции промышленных зданий/ЦНИИпромзданий. — М.: Стройиздат, 1988. — 151 с.
9. Руководство по определению и оценке прочности бетона в конструкциях зданий и сооружений/НИИСК Госстроя СССР, НИИЖБ Госстроя СССР. — М.: Стройиздат, 1979. — 31 с.
10. Здания и сооружения. Основные требования к техническому состоянию и обслуживанию строительных конструкций и инженерных систем, оценке их пригодности к эксплуатации: СНБ 1.04.01-04. — Мн. Минстройархитект., 2004. — 20 с.
11. Ремонт, реконструкция и реставрация жилых и общественных зданий и сооружений: СНБ 1.04.02-02. — Минск, 2002.
12. Кровли. Технические требования и правила приемки^ СНБ 5.08.01-2000. — Мн.: Минстройархитект., 2000. — 24 с.
13. Нагрузки и воздействия (Дополнения. Разд. 10. Прогибы и перемещения): СНиП 2.01.07-85 / Госстрой СССР.- М.: ЦИТП Госстроя СССР, 1989,- 8 с."
14. Нагрузки и воздействия: СНиП 2.01.07-85 / Госстрой СССР. — М.: ЦИТП Госстроя СССР, 1986. — 35 с.
15. Каменные и армокаменные конструкции: СНиП II-22-81. — Москва, 1995.

УДК 693.22.004.18

Корольчук Д., Устинович Е.

МАЛЫЕ ГОРОДА ПОЛЬШИ – ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОСТРАНСТВА

1. Малые города в структуре расселения Польши

В 2000 году в Польше в 864 городах проживало 62% населения страны. Большую часть составляли и составляют города, имеющие менее чем 5000 жителей. Такая ситуация в структуре городов сохраняется от 1980 г. до существующего момента и составляет около 30% всех городов. Всего в Польше таких малых городов насчитывается 264. Их доля в городском населении является стабильной и составляет около 2,2%.

Города, насчитывающие до 5000 жителей, относятся к малым и часто называются «городки». Численность жителей, как отличительная черта этой группы от всей совокупности городов, определяется по-разному. В статистике за верхнее ограничение понятия «городок» принимается численность в 20 000 жителей. У некоторых авторов появляется также величина 10 тысяч, 25 тысяч и даже 50 тысяч жителей. Однако численность проживающего населения в местности, ограниченная пятью тысячами (5000) жителей, лучше всего представляет характер и специфику малых городов Польши.

Такие малые города (до 5 тысяч жителей) характеризуются следующими существенными различиями:

- с точки зрения градообразующей функции – во всей совокупности малых городов преобладают городки, имеющие функцию местного обслуживания,
- в некоторых выступают специальные функции,
- в некоторых осуществляются региональные функции,
- в остальных появляются менее или более развитые региональные функции_(отдых, производство, «спальни»);

— с точки зрения конструктивно-материального состояния застройки – на западе Польши доминируют здания, построенные из кирпича, на востоке из дерева;

— с точки зрения численности проживающего в них населения – следует отметить, что наименьший среди малых городов имеет 900 жителей (Радомское воеводство), но в основном в стране преобладают городки с численностью от 2 до 5 тысяч жителей – они составляют 80% от всей численности малых городов.

Малые города Польши всегда отличались:

— худшими, чем в больших городах условиями, проживания (слабое оснащение техническим оборудованием, возрастом строений – обычно большинство зданий было построено перед Второй мировой войной);

— преобладающей долей односемейных домов (около 60–70%), в связи с этим в их застройке более ярко выражается сельскохозяйственный характер.

Основное влияние на формирование малых городов оказали исторические процессы, проходившие на протяжении последнего столетия, среди которых ярко выделяются следующие этапы:

— начало упадка (граница XIX и XX века). Одновременно с ростом индустриализации значительная часть ремесленной продукции была заменена массовым серийным производством. Это явление негативно повлияло на хозяйственные условия малых городов и состояние их заселения;

— Вторая мировая война и непосредственно послевоенный период – кроме серьезных разрушений, важной причиной упадка стали явления демографического характера. В центральных и восточных районах это проявилось в уничтожении евреев, составляющих главную часть населения таких городов, и их занятости в торговле и ремеслах. На западных и северных землях подобные последствия были вызваны эмиграцией и выселением немецкого населения;

— начало 50-х годов – деградация и общественно-демографическая рецессия, в результате проводимой политики – радикальное торможение частной малообъемной торговли, ремесел и производства. Успешное уничтожение хозяйственной инфраструктуры малых городов привело к их глубокому кризису. В этот период большая часть малых городков потеряла городские права;

— 60–70-е годы – ярко прослеживается возрождение городов в связи с развитием местного обслуживания, особенно в области торговли, а также технического оснащения сельского хозяйства. Развивается также общественная инфраструктура в области начального образования и здравоохранения;

— 90-е годы – главная активизация в развитии малых городов, посредством внедрения в них различного рода региональных и специальных функций.

2. Роль локальных сообществ в сохранении пространств исторических памятников

Новая геополитическая ситуация в стране требует новых взглядов на проблемы, связанные с сохранением пространств исторических памятников. Особое внимание следует обратить на исторические группы зданий в малых городах. В момент принятия местными властями обязательств по сохранению и восстановлению этих групп зданий они оказались в менее качественном состоянии, чем памятники с высокими и недискуссионными историческими ценностями. Произошедшие политические и социальные преобразования в обществе предполагают изменение степени участия населения в формировании культурной среды своей территории. Влияние местных сообществ на создание новых пространственных ценностей, а также осознание собственных возможностей деятельности будет возрастать. Но не всегда это будет соответствовать пониманию и привязанностям отдельных групп населения к принятым ранее ценностям. Сохранение и обновление исторического пространства малых городов будут зависеть от осознанной политики самоуправления и понимания ими ценности культурного наследия.

Исторические пространства малых городов, а точнее их центры, в настоящее время являются деградированными пространствами. Уничтожение и опасности, угрожающие историческим ценностям традиционной застройки, исходят не только от материального разрушения отдельных зданий (это относится и к деревянным постройкам), но также от несвойственной им эксплуатации, происходящей в ближайшем или отдаленном окружении. В ландшафтном контексте это, в конечном счете, приведет к исторической деградации.

3. Состарившиеся программы ревитализации и обновления

Обычно все малые города (или бывшие малые города) нуждаются в новых программах активизации и обновления. Разрушение неремонтируемых и немодернизируемых зданий исторических центров стимулирует развитие негативного к ним отношения. Это блокирует перспективы внедрения в них новых интересных функций, которые часто выносятся за пределы исторического пространства.

Существующие до настоящего времени официальные программы ревитализации и обновления являются документами, в значительной степени ориентированными на старую общественную систему. Поэтому, в основном, не являются актуальными и не полностью отвечают современным общественным условиям. Их слабыми сторонами являются:

- разделение исторической застройки и других частей города, здесь часто применялись другие принципы формирования пространства, чем в других районах той же местности;
- разные запреты и указы, которые в сознании владельцев недвижимостью блокировали инициативу в использовании всех возможностей освоения недвижимости;
- особенности проведения ремонтных работ, которые не всегда понимаются местным населением. Иногда они были причинами неприятия или даже враждебности к мероприятиям, направленным на сохранение исторических зданий.

4. Потребность новой стратегии сохранения

В этой ситуации возвращается проблема активизации деятельности по отношению к историческому пространству малых городов. Это требует новой стратегии, в которой необходимо уделить внимание:

- состоянию существующих угроз в уничтожении исторического пространства;
- осознанию необходимости снятия угрозы уничтожения;
- выделению значимых элементов в существующем пространстве;
- экспонированию этих элементов как основы формирования местного сознания.

Наличие исторического здания создает дополнительные возможности к привлечению инвесторов на эти территории на следующих условиях:

- сохранение пространственной организации местности;
- недопустимость всяких новых инвестиций, создающих угрозы существованию пространств;
- модернизация и забота об эстетических ценностях исторических памятников;
- адаптация исторических зданий для новых потребностей посредством существенной трансформации интерьера и при сохранении исторического внешнего вида здания;
- культивирование традиций;
- старательный выбор критериев оценки эстетических качеств и формальных решений новых объектов в контексте существующей исторической застройки;
- экспонирование памятников и традиционных форм строительства, которое должно быть направлено на привлечение посетителей;
- старательное и аккуратное обновление исторических зданий с сохранением их камерного масштаба, создающего неповторимый климат и настроение;
- внедрение принципов маркетинга с целью изучения потребностей туристов и потенциальных инвесторов.

Привлекательность местности может базироваться на:

- традициях места;
- сохраненных группах исторической застройки;
- фольклоре;
- естественных ландшафтно-средовых условиях.

Сегодня существует значительная конкуренция между предложениями по отдыху заграничных туристов. Однако низкие финансовые возможности общества не позволяют восстановление таких пространств без специальных программ. Поэтому важно активизировать усилия местных властей на возобновление туристических и рекреативных функций исторических зданий.

Активное сохранение является наилучшим способом сохранения.

Самоуправление должно обратить внимание на то, что привлекательность и уникальность местности с историческими памятниками являются шансом на подъем активности местного развития.

5. Ожидаемые новые направления деятельности

Существующая неэффективность форм сохранения исторических зданий заставляет искать новые направления. Среди них наиболее важными являются следующие:

- фискальные инструменты, которые заставляют пользователей и собственников проводить мероприятия, направленные на модернизацию и адаптацию исторических памятников;
- осознание собственниками возможностей получения прибыли за счет благоприятных налоговых льгот.

Самоуправление воеводства, и тем более местные власти, не в состоянии проводить работы по ревитализации собственными силами (бюджетными). Местные власти, так же как и воеводские, в уставном порядке обязаны найти способы финансирования посредством разработки специальных программ. Однако реализация этих программ возможна теперь только с использованием разных существенных компонентов структурных фондов Европейского Сообщества (Европейский фонд регионального развития). Самоуправление воеводства и местные власти должны иметь организационные условия управления такими фондами. Могут они быть в распоряжении региональных или местных фондов. Могут быть также в распоряжении других субъектов хозяйствования, целью которых является нахождение национальных инвесторов. Среди региональных образований такие организации могут быть созданы:

- частными инвесторами;
- спонсорами из-за рубежа;
- состоятельными представителями местных сообществ.

Успех инвестиций зависит от определенных условий, которые должен выполнить административный орган, заинтересованный в восстановлении исторического пространства, он должен иметь:

- 1) специфические цели и основания для проведения ревитализационных работ (политику, стратегию, программы, планы);
- 2) полное осознание имеющихся возможностей в границах:
 - выделения объемов ревитализации;
 - ознакомления со спецификой инвесторов, которых можно допустить в историческое пространство.

В роли координатора всех работ по ревитализации и обновлению исторического пространства должна выступить, в свете современного закона, территориальная правительственная администрация. Здесь очень важную роль играют специалисты по планированию территорий, особенно сотрудничающие с локальными сообществами, при составлении генеральных планов. Такие специалисты по планированию имеют, прежде всего, возможность:

- 1) помочь осознать местными сообществами те выгоды, которые образуются в результате социальной активизации исторической застройки.
- 2) разработать предложения по использованию этого пространства, гарантирующему их полную сохранность и обеспечение выгод собственникам и пользователям.

6. Потребность маркетингового мышления и деятельности

Территориальный маркетинг, в том числе локальный и региональный, является новой практикой в планировании. Только сейчас он находит свою популярность. Он является частью стратегического развития воеводств, городов и гмин. Его применение возможно также в сфере охраны и эксплуатации культурных ценностей. Необходимо, однако, помнить о четырех основных составляющих, так называемого микс-маркетинга, а именно:

- качество предложения;
- цена или условия стоимости предложения;
- промоции предложений;
- обслуживание заинтересованных инвесторов.

Качество предложения является прообразом выгод, которые ожидают инвестора, в результате принятия решения в проведении инвестирования. Цена такого предложения не есть только цена покупки объекта, но и будущие тарифы оплат, которые ожидают пользователей. Эти позиции должны быть разработаны заранее в местных и воеводских стратегических программах. Они должны быть представлены также в определенных структурах самоуправления. Действенные формы финансовых поддержек в указанной области должны быть одними из ведущих пунктов внимания, особенно местного уровня самоуправления. Нужны постоянно новые и более привлекательные формы, направленные на повышение интереса к этим объектам. Инвесторы должны иметь хорошо представленную перспективу будущих выгод, которые их ожидают при принятии решения заняться данным объектом. Не менее важен последний компонент микс-маркетинга – это культура и организация обслуживания потенциальных инвесторов, независимо от того откуда, и кто они (инвесторы местные, национальные или заграничные). Все должны в одинаковой степени быть качественно обслужены, и не только на стадии инвестирования.

7. Основа обновления и активизации исторического пространства малого города

Инвестиционные работы должны быть предварительно подготовлены широкой рекламной поддержкой, в которой могут быть использованы:

- презентации и конкурсы проблемных проектов застройки;
- концептуальные работы для данного места;
- пространственные предложения для всего городка в графической форме, понятной для большинства населения.

Кроме приготовления инвестиционной привлекательности места, важными элементами маркетинга являются:

- соответствующий перечень допустимых функций, которые способствуют повышению качества эксплуатации застройки;
- оснащение необходимых технических инфраструктур (водопровод, канализация, тепло);
- целостное комплексное представление о городской структуре;
- принятие принципов создания законченных градостроительных композиций;
- выявление таких сторон, которые позволяют приобрести положительные качества в существующем историческом пространстве;
- процессы творческого мышления и деятельности в пространстве памятников;
- сохранение привлекательности ландшафта местности и ее окружения;
- транспортная доступность;
- ограничение развития хозяйственной деятельности в областях, вредных для реализации ведущей функции рекреации и отдыха.

8. Резюме

Сознательная пространственная и хозяйственная политика в сфере сохранения исторической среды в малых городах охватывает, прежде всего:

- 1) деятельность по созданию предложений, целью которых должно быть получение прибыли, которая поможет восстановить историческую среду;
- 2) представление этих исторических пространств через экспонирование их привлекательности и доминирующей роли в городе.

Помимо активизации функциональной деятельности внутри исторических памятников архитектуры, важным также является разработка мероприятий, ограничивающих развитие территорий, прилегающих к историческим ансамблям, и противодействие возникновению спонтанной неурегулированной застройки.

При этом главная роль отводится воеводскому консерватору памятников архитектуры.

Сегодня существует насущная необходимость в обсуждении различных подходов к проблемам охраны исторического пространства малых городов. Это пространство должно быть предметом обсуждения не только как отдельная архитектурная и градостроительная проблема, но и как фрагмент крепко связанных между собой осознанных политических, социальных и хозяйственных усилий. При этом необходимо полное принятие программы действий и финансовый вклад со стороны местного сообщества. Это возможно, при условии, что местное население увидит в обновлении своего родного города повышение уровня и качества жизни.

Список цитированных источников

1. Zuziak, Z. *Planowanie i projektowanie miast – koncepcje marketingowe* // Człowiek i Środowisko. Marketing w gminach. – Warszawa: Instytut Gospodarki Przestrzennej i Komunalnej, 1997. – Т.21 Nr2.
2. *Od programu Phare do zreformowanych Funduszy Strukturalnych*. PARR. – Warszawa, styczeń 1999.
3. Korolczuk, D. *Przyszłość Tykocina* // Spotkania z Zabytkami. – Nr8(78) XVII. – Warszawa, 1993.
4. Korolczuk, D. *Przeobrażenia funkcjonalno-przestrzenne miejscowości gminnej Krynki (propozycje przyszłościowe)*: materiały Ogólnopolskiej konferencji naukowej – Wieś polska, 1999.
5. *Współczesne przemiany i rozwój* / ECOVAST – Politechnika Krakowska, Kraków: PAN.
6. Krassowski, Czesław *Problemy genezy, przemian i ochrony krajobrazu osadniczego ziem Polski*. – Warszawa: Politechnika Warszawska Instytut Architektury i Planowania Wsi, 1977.
7. Rączka, Jan Władysław *Podstawy rewaloryzacji architektury w regionach krajobrazowych*. – Kraków: Wyd. Politechniki Krakowskiej, 1985.

8. Ciołek, Gerard *Regionalizm w budownictwie wiejskim w Polsce // Przedruk pracy archiwalnej.* – Kraków: Wyd. Politechniki Krakowskiej, 1984. – T. 1 i 2.

9. Устинович, Е. *Культурное наследие пограничья в сакральном искусстве Польши: материалы Международной научно-практической конференции Сохранение архитектурно-исторического наследия – основа устойчивого развития городов: в рамках IX Национального фестиваля архитектуры.* – Минск. – С. 41–45.

10. Korolczuk, D. *Potrzeba badań permanentnych dziedzictwa kulturowego wsi podlaskiej. Metodyka i stan badań / D. Korolczuk, J. Uścińowicz // Ciechanowiecki Rocznik Muzealny.* – Ciechanowiec, 2013. – T. 9. – S. 121–134.

Streszczenie

W niniejszej pracy przedstawiono wybrane problemy ochrony dziedzictwa kulturowo-historycznego przestrzeni małych miast w nowej sytuacji społeczno-gospodarczej i politycznej Polski, po roku 1990.

Po przedstawieniu klasyfikacji typologicznej i krótkiej, retrospektywnej charakterystyce stanu zachowania dziedzictwa kulturowego tych miast oraz stopnia ich rozwoju lub upadku cywilizacyjnego, poddano krytycznej ocenie dotychczasowe zasady tworzenia i funkcjonowania programów rewitalizacji i odnowy tych miast. Ujawniono potrzebę opracowania nowej polityki ochrony dziedzictwa kulturowo-historycznego, wskazując na pożądane nowe kierunki działań strategicznych oraz na istotne uwarunkowania i determinanty, konieczne do uwzględnienia podczas ich konstruowania.

Postuluje się traktowanie przestrzeni kulturowej małych miast nie jako problemu samodzielnie istniejącego lecz jako elementu zintegrowanych działań gospodarczych i przestrzennych administracji samorządowej, realizowanych poprzez politykę partycypacyjną społeczności lokalnych, zarówno w aspekcie decyzyjnym jak i mechanizmów finansowo-fiskalnych.

Summary

In this paper we discuss some issues in the conservation and protection of cultural and historical heritage in small towns in the new socio-economic and political situation in Poland after 1990.

We present a typological classification and short retrospective description of the current state of preservation of historical heritage in those towns as well as degree of their development or collapse. We also give critical evaluation of the existing programs of revitalization and renewal of these towns.

We show that there is an urgent need to develop strategies combining the protection and conservation of historical heritage with the conservation of the natural environment and with other aspects of social and economic life. We suggest that the main efforts should tend towards cooperation between the conservation services, the local authorities, the non-governmental organizations and private owners

УДК 711.559.725.314

Ланко А.А.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРИМОСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА СРЕДСТВАМИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА ПОЛЬШИ

С древних времен между отдельными поселениями возникали экономические и культурные связи, что требовало создания соответствующих путей сообщения. В начале для этого использовались природные условия – естественные водотоки (реки, озера, моря), а также удобные, без выраженных препятствий, сухопутные дороги.

При освоении новых пространств людям приходилось преодолевать препятствия (водотоки, овраги), что вынудило их возводить специальные сооружения, ведущее место среди которых занимают мосты.

Избирательность мест размещения мостовых сооружений делает их уникальным фокусом структурирования жизненного пространства, фокусом, который притягивает и ориентирует другие элементы среды на достаточно обширной территории. К этим фокусам стекаются транспортные и пешеходные потоки, к ним тяготеют поселения и важные общественные функции.

Мосты, являясь непосредственным продолжением дороги, всегда оказывали существенное влияние и на организацию примостовой территории [1, 2]. Это выражалось в изменении ее ландшафтных характе-

ристик [3], разнообразном функциональном использовании [3, 4], в своеобразии визуально-эстетического оформления [5].

В Польше при проектировании и строительстве мостов, находящихся вне городской черты, основное внимание уделяется инженерно-техническим и экономическим вопросам, хотя следует отметить и существование грандиозных мостовых сооружений (примеры таких объектов отражают мировой опыт мостостроения). Кроме того, при разработке проектов этих мостов и при их эксплуатации примостовая территория выпадает из поля зрения специалистов.

Несовпадение ведомственных интересов при проектировании и эксплуатации мостов и прилегающих к ним территорий, стихийность освоения этих пространств, неэффективность используемых функционально-планировочных и визуально-эстетических приемов обустройства примостовых территорий и формирования собственно мостовых сооружений приводят к возникновению экономических, экологических и социокультурных проблем. Это объясняется увеличением интенсивности межселенных связей, рекреационных и грузовых потоков, повышением требований к функциональному и эстетическому комфорту (наличие и художественное оформление объектов обслуживания и системы информационных знаков у дорог и у воды, благоустройство территории и другое).

Географическое положение Республики Польша в центре Европы предопределило развитие транспортно-сетевой структуры, ее плотность и равнозначность направлений «север – юг», «восток – запад». Анализ сложившейся сети, сегодняшняя практика строительства и реконструкции мостов показывает, что возможность освоения примостовой территории используется недостаточно. Конфликтность ситуации заключается прежде всего в недостаточном учете связей между мостом и примостовой территорией. Не используются в полной мере возможности создания дополнительной рекреационной сети водно-оздоровительных комплексов. Также отсутствуют научные разработки, позволяющие ранжировать и классифицировать земли по степени их пригодности к архитектурно-ландшафтному освоению. Результатом стихийного освоения примостовой территории может стать неэффективность капиталовложений.

Природные и экономико-географические характеристики той или иной территории детерминируют сам процесс строительства и эксплуатации как дорожной сети в целом, так и мостовых сооружений. Исходя из сказанного, следует дать краткую характеристику природных особенностей и хозяйственного освоения региона.

Подляское воеводство занимает площадь 20186,2 км², находится в северо-восточной части Польши и составляет 6,5% территории государства. 37,4% границ воеводства совпадает с внешними границами страны, что накладывает определенный отпечаток на уровень экономического развития и хозяйственного обустройства воеводства.

Природные особенности данного региона характеризуются рядом условий и свойств.

Климатические условия

Подляское воеводство отличается самым холодным климатом на территории Польши (за исключением высокогорных местностей за пределами воеводства). Среднегодовая температура воздуха ниже 6,5°C (только в юго-западной части выше 7°C). Зимы в этой части страны холодные (средняя температура января ниже -4,5°C), а лето умеренно теплое (средняя температура июля около 18°C). Климат воеводства отличается в значительной степени континентальным характером. Среднегодовые амплитуды температур воздуха на большей части территории воеводства не превышают 23°C. Годовая сумма осадков составляет около 600 мм. Преобладающие ветры – северо-западный, западный и юго-западный [6].

Несмотря на вышеупомянутые факты, следует отметить, что климатические условия достаточно благоприятны для хозяйственной и рекреационной деятельности.

Природно-ландшафтные условия

Природно-ландшафтные условия характеризуются такими показателями, как геологическое строение, характер почвогрунтов, растительность, рельеф, особенности водной системы и т.п.

Геологические условия определяют территорию Подляского воеводства в границах Восточно-Европейской докембрийской платформы. В состав верхних слоев геологического строения входят в большинстве своем отложения плейстоценового отдела – отвалы глины, пески и гравии, а также аллювиальные отложения.

В характере рельефа на большей части территории воеводства преобладает низменный ландшафт. В центральной и южной частях территории ландшафт относительно однообразный, а в северной части отличается разнообразием рельефа. Самую высокую отметку имеет Ровельска гора (298 м н. у. м.) в Восточно-Сувальском озерном крае. Самая низкая точка (ок. 95 м н. у. м.) находится в долине Нижней Нарвы. Разница относительной высоты в 203 м на территории целого воеводства является самой малой по сравнению с перепадами высот на территории остальных воеводств. Для северной части (Сувальский и Элкский озерные края) характерно высотное дифференцирование, множество постледниковых форм: моренные валы и возвышенности, а также озера. Следующая, расположенная в южном направлении, полоса имеет равнинный характер, на ней находятся задр Августовской равнины с множеством озер и Бебжанская котловина. Самая широкая полоса занимает центральную и южную часть воеводства. Тут выступает ряд денудационных равнин, а также возвышенные места (например, Сокольске Холмы), разделенные между собой долинами Нарвы, Бебжи и Нурца.

Территория региона характеризуется средним уровнем залесенности – 29,7% (средний по Польше показатель – 28,7%).

Водные условия характеризуются достаточно развитой речной сетью. Подляское воеводство находится в бассейне Балтийского моря и, главным образом, в бассейне Вислы. Главной рекой на территории воеводства является приток Вислы – Нарев, со своими притоками: левыми – Наревкой и Орланкой и правыми – Супраслей, Бебжой и Писой. Воды, находящиеся в южной части воеводства, стекают в реку Буг и его правые притоки: Нужец и Брок. Северо-восточная часть воеводства и небольшой кусочек восточной части принадлежат к бассейну Немана (Черная Ханьча, Шешупа, Свислочь). Небольшая часть на севере воеводства (окрестности озера Вижайны) принадлежит к бассейну Преголы. Самой длинной рекой в воеводстве является Бебжа (155 км). Среднюю Бебжу и среднюю Черную Ханьчу соединяет построенный в I половине XIX в. Августовский канал. Бебжа является единственной в Европе рекой в натуральном состоянии, а бассейн Бебжи – это самая большая в Польше и Центральной Европе заболоченная территория. Она представляет собой водный резервуар, вмещающий 40 млн. м³ воды [6].

Социально-экономические условия

Хозяйственное освоение территории рассматривается с учетом следующих аспектов:

- численность и плотность населения;
- характер сети автомобильных дорог;
- экономические характеристики воеводства.

Население воеводства насчитывает 1 млн. 221,1 тыс. жителей [6], что составляет всего 3,2% от общего количества населения в Польше. Для воеводства характерны самые низкие показатели плотности населения. Усредненное количество жителей – 61 человек на 1 км², что составляет 50% общепольских показателей. Существенным является тот факт, что относительно большая часть населения – это жители городов (58,5% от общего количества жителей). Важную роль в сети городов выполняет главный административный центр – Белосток. Столица воеводства насчитывает 294,9 тыс. жителей, что составляет 40% всего городского населения воеводства [6]. Значимую роль играют также 7 городов с числом населения от 20 до 100 тыс. человек, которые вместе составляют 37% от общего числа населения городов. Белосток и крупнейшие города (20-100 тыс. жителей) составляют всего лишь 22,2% от общего количества городов воеводства и совместно концентрируют 77% городского населения. Характерной особенностью Подляского воеводства является большой процент небольших городских поселений (менее 5 тыс. жителей) в сложившейся сети городов. Из всех 36 городов воеводства почти половина (17 единиц) – это города с населением менее 5 тыс. жителей. Специфика сложившейся структуры городских поселений воеводства показывает, что очень важную роль в сети поселений, а также в сфере экономических связей, выполняют небольшие в масштабе целого государства центры. Города – административные центры, находящиеся на территории с низким показателем заселенности и низким уровнем инженерно-технического благоустройства, формируют относительно сильные демографические и экономические локальные центры [6].

Сеть автомобильных дорог характеризуется низкой плотностью (52400 погонных метров на 100 км²) по сравнению со среднепольским показателем. Дороги межгосударственного и государственного значения на территории воеводства составляют 934 км, или 8,83% от общей протяженности дорожной сети в 10578 км. На территории воеводства отсутствуют высокоскоростные транзитные дороги международного класса. Транзитные автомобильные и железнодорожные пути сообщения более низкого класса проходят по территории воеводства по направлению к пунктам пересечения государственной границы.

Экономический потенциал Подляского воеводства относительно слабо развит, а его основной отраслью является сельское хозяйство. Благодаря плотной речной сети и концентрации озер, важным сектором сельского хозяйства является рыболовство, а в восточной части воеводства также лесопромышленность (хотя уровень залесенности здесь всего лишь немного выше общепольского). Для локальной экономики минимальное значение имеет добыча полезных ископаемых. На территории воеводства выступают незначительные редкоземельные элементы, однако эксплуатируются лишь отложения песков, гравия, глины. Отсутствуют крупные, расположенные вне границ городов промышленные комплексы. В целом экономический потенциал территории концентрируется в зонах влияния крупных городов и несколько снижается по направлению от западных границ воеводства к восточным. В этом же направлении увеличивается природно-экологический потенциал [6].

Подляское воеводство характеризуется высокими природными качествами, способствующими развитию туризма. В северной части воеводства находится Сувальский озерный край с множеством относительно чистых озер. На территории воеводства находятся также большие по площади залесенные места (Августовская, Кнышинская, Беловежская пуци). Долины рек Бебжа, Нарев и Буг являются туристской достопримечательностью и способствуют развитию водных видов спорта. Территория воеводства представляет большой интерес благодаря множеству исторических памятников.

Природные и экономико-географические условия определяют некоторый рост интенсивности автомобильного движения. Предполагается, что в будущем с увеличением мобильности населения, развитием туристическо-рекреационных маршрутов, более интенсивным использованием природно-культурных ценностей восточной части региона, интенсивность движения автотранспорта будет увеличиваться.

Ряд требований для оптимизации примостового пространства

На территории Подляского воеводства находятся автомобильные дороги международного значения, соединяющие центр страны со странами, находящимися за пределами северо-восточной границы Польши (Российская Федерация, Литва, Республика Беларусь, а также Прибалтийские страны – Латвия и Эстония). В настоящее время на главных дорогах проводятся ремонты, зачастую ремонтируют также мосты.

Повышение уровня инженерного и внешнего благоустройства территории должно закрепить и усилить наметившуюся тенденцию освоения примостовой территории. Привлекательность региона, а также умеренная по сравнению с другими воеводствами и западными странами интенсивность автомобильного движения уже в настоящее время стимулируют активное использование живописных примостовых территорий для рекреационных целей (рыболовство, пляжи и др.). Примостовая территория является не только ареной визуального восприятия нового качества пространства, в котором появляется инженерное сооружение, но и сама принимает определенную функциональную и семантическую нагрузку, связанную с мостом. Это касается размещения на примостовых территориях объектов религиозного культа (кресты, часовни, фигуры святых), служб охраны порядка и контроля, автостоянок с целью релаксации, базовых строений для обслуживания водного спорта.

Определение состава и типа объектов, размещаемых на примостовой территории, должно соответствовать определенным юридическим требованиям. Эти требования касаются:

- использования территорий, находящихся в непосредственной близости от рек;
- условий трансформации сельскохозяйственных грунтов в строительные;
- использования примостовых территорий, находящихся в границах национальных парков и заповедников, в соответствии с правилами охраны природы.

Требования для инвесторов при использовании земель, находящихся в непосредственной близости от рек

Польским законодательством не установлены границы охранных зон рек. Однако это не означает, что в непосредственной близости от реки можно возводить капитальные сооружения, причем эти ограничения касаются в первую очередь затопляемых территорий. Другим ограничением является запрет строительства ограждений частных участков ближе, чем на 1,5 м от кромки воды [7].

Первым этапом каждого инвестиционного процесса является получение от управления повята (*староство*) документа под названием: «*Решение об условиях постройки и освоения территории*» (если не существует «*Местный план застройки*»). Управление повята выдает это *Решение*, основываясь на «*Генеральном плане застройки и территориальной планировки*». Эти планы в большинстве гмин на терри-

тории Подляского воеводства устарели. При составлении *Решения* администрация повята обычно советует с Воеводским ведомством мелиорации, которое определяет опасность затопления территории, с учетом результатов научных исследований. В *Решении* содержится информация, касающаяся ограничений, связанных с капитальной застройкой. Помимо того инвестор – пользователь земель обязан согласовать проект инвестиции на территории, примыкающей к реке, с Региональным управлением водного хозяйства.

Польским законодательством предусматривается строительство ряда объектов, не требующих специальных разрешений [8]. Это, в первую очередь, касается объектов малой архитектуры: скамеек, столов, оборудования детских площадок, информационных таблиц, мусорных урн, памятных знаков, придорожных крестов, обустройства мест для рыболовства и др. Они часто являются составными элементами функциональной программы благоустройства примостовых территорий. Законодательством определен порядок подачи заявки на строительство. Иногда административные органы накладывают на инвестора – пользователя выполнение капитальных работ по укреплению грунтов, что требует дополнительных средств.

Трансформация сельскохозяйственных грунтов в земли рекреационного использования

Грунты на территориях, прилегающих к мостам, находятся в сельскохозяйственном использовании. При рекреационном использовании этих земель требуется их трансформация, связанная с выплатой компенсации за потерю сельскохозяйственной продукции из расчета на 20 лет пользования и с учетом качества почв [9]. Экономически выгодными для трансформации являются земли с самыми низкими показателями (земля, непригодная для обработки, пустошь, залежь).

В Польше существует шесть классов земель. Для трансформации земель разных классов нужно согласование с различными уровнями власти, при этом:

- для земель I–III класса, если они занимают больше 0,5 га, нужно согласие Министра сельского и продовольственного хозяйства;
- для всех земель IV класса, занимающих площадь свыше 1 га, а также земель V и VI классов, образованных из почв органического происхождения и торфов, если они занимают площадь свыше 1 га, требуется согласие Воеводы и экспертного заключения специалистов.

В остальных случаях трансформация земель наступает после положительного решения старосты (управляющего повятом) или Дирекции национального парка (в случае, когда грунты находятся на территории национального парка).

По законам Польши инвестор обязан возместить потери сельского хозяйства, связанные с трансформацией грунтов. Для этого он обязан внести единовременную плату в пользу Фонда охраны сельскохозяйственных грунтов и ежегодно выплачивать 10% от этой суммы в течение 10 лет. Размер этой суммы зависит от занимаемой площади переклассифицированной территории, класса и типа грунтов, условной цены на рожь. В таблице 1 представлены эквивалентные коэффициенты, определяющие количество тонн ржи для определения оплаты за потерю сельскохозяйственной продукции с 1 га сельскохозяйственных грунтов [9]. Высчитанная при помощи таблицы сумма выплаты далее уменьшается на величину рыночной стоимости грунтов на день их трансформации.

Таблица 1 – Расчет оплаты за трансформацию 1 га сельскохозяйственных грунтов

Пашни, сады и грунты под зданиями и сооружениями, а также занятых деревьями и кустарниками, защитными лесонасаждениями и сооружениями, препятствующими эрозии грунтов		Луга и постоянные пастбища, грунты, занятые деревьями и кустарниками, защитными лесонасаждениями и сооружениями, препятствующими эрозии грунтов	
Класс грунтов (пашня)	Эквивалент в тоннах зерна ржи*	Класс грунтов (сенокосы – Л, пастбища - Пс)	Эквивалент в тоннах зерна ржи*
Образованные из почв минерального происхождения			
I	750	Л и Пс I	750
II	650	Л и Пс II	620
IIIa	550	Л и Пс III	500
IIIб	450		
Образованные из почв органического происхождения			
IVa	350	Л и Пс IV	300
IVб	250	Л V	250
V	200	Пс V	200
VI	150	Л и Пс VI	150

*Примечание: эквивалент тонны зерна ржи определяется Главным статистическим управлением [9]

Требования к составу функциональных объектов на примостовых территориях

Для выявления состава функциональных объектов, размещаемых на примостовых территориях, возникла необходимость в проведении обследования стихийного освоения примостовых территорий. Проведенный опрос потенциальных пользователей (в опросе приняло участие 258 человек) позволил составить перечень возможных форм использования примостовых территорий. На основе собранной информации и консультаций со специалистами в области градостроительства и архитектуры был определен оптимально возможный состав материальных объектов:

- мусоросборник (сегрегация мусора);
- туалет;
- информационная система (указатели, карта прилегающей местности, информационная таблица);
- пункт телефонной связи;
- электронное справочное устройство;
- место для отдыха и приема пищи (с навесом или без навеса);
- благоустроенные пляжи,
- открытые площадки для активных спортивных игр;
- кострища, камины;
- детские площадки: качели, карусели, песочницы, горки;
- благоустроенные спуски к воде;
- кабины для переодевания;
- пункты продажи продовольственных и непродовольственных товаров стандартного спроса;
- пункты общественного питания;
- остановки общественного транспорта;
- автостоянки;
- благоустроенные места для рыболовства;
- причальные стенки, пристани для яхт, водных велосипедов, байдарок;
- прокат оборудования для водного спорта;
- малые архитектурные формы: скамейки, урны, элементы освещения, опорные стенки, лестницы, баюстрады, аллеики, ограждения.

Примеры вышеупомянутых объектов показаны на иллюстрациях 1÷4.

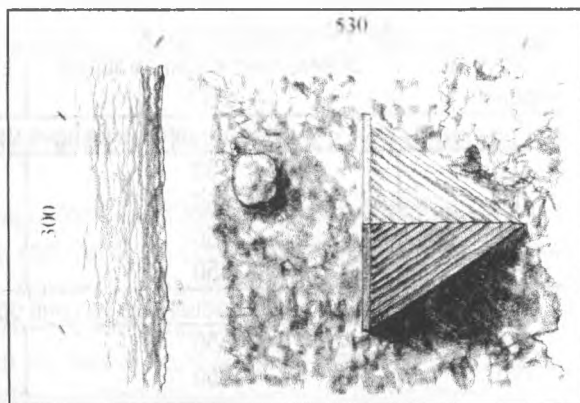
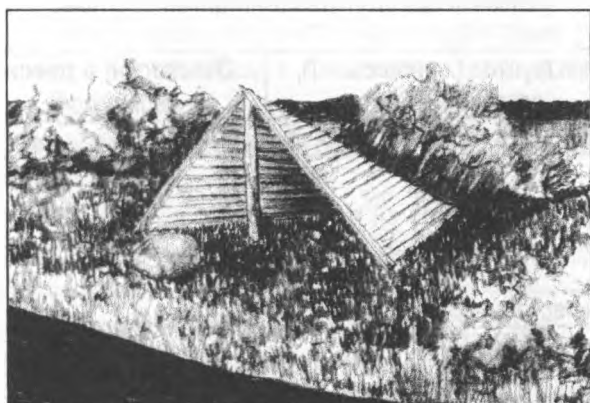
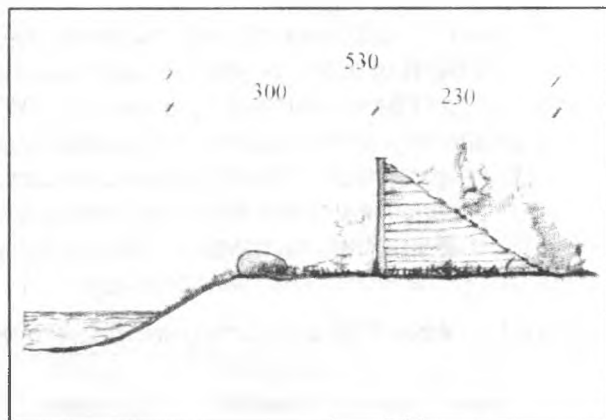
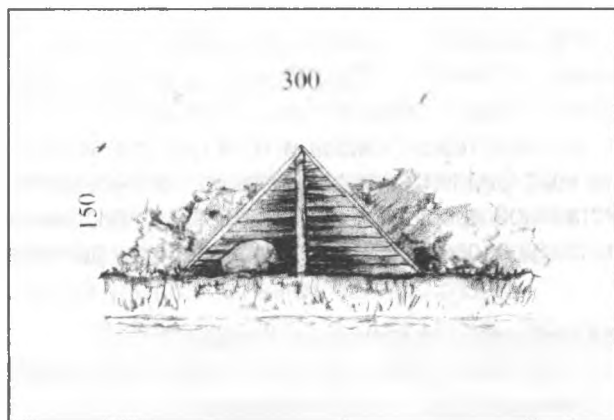

Рисунок 1 – Место для рыболовства – деревянный навес (допускается на территории национальных парков)

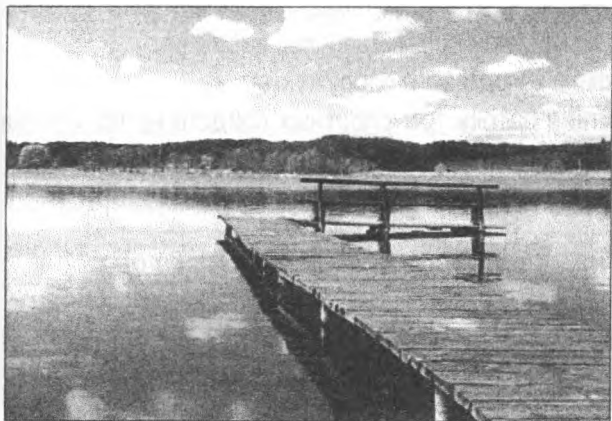

Рисунок 2 – Деревянный пирс на озере Бялэ (по левой стороне) – Подляское воеводство (не допускается на территории национальных парков); Деревянный пирс (по правой стороне), обеспечивающий доступность физически ослабленным людям (Швеция)

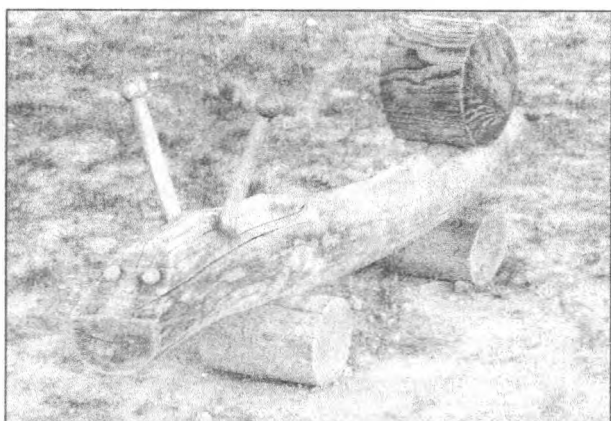

Рисунок 3 – Простые деревянные скульптуры - Хорватия

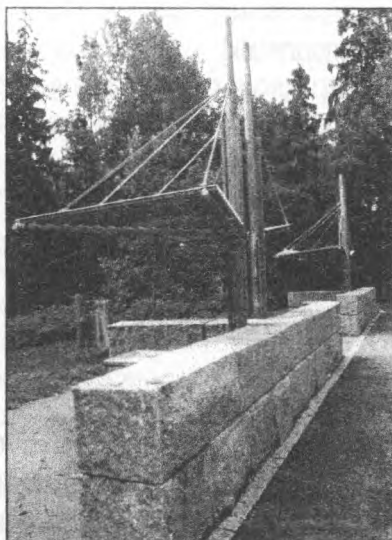

Рисунок 4 – Каменный столбик информирующий о запрете проезда по газону (по левой стороне) – Норвегия; отгораживающая от дороги каменная стена (в середине страницы) - Норвегия; разнообразные использованные материалы алек (по правой стороне) – Швеция

Мероприятия, обеспечивающие экологическую оптимизацию

Факторы, нарушающие требуемые экологические условия на примостовых территориях, в основном имеют внешний характер и касаются транспортных средств и людей.

Воздействие потока транспортных средств проявляется:

- в шумовом воздействии, загрязнении и запылении воздушной среды и почвы, вибрации;
- в загрязнении водных объектов поверхностным стоком с мостового сооружения.

Экологические мероприятия по снижению воздействия потока транспортных средств на примостовых территориях могут принимать следующий вид:

1. Экологические мероприятия по снижению **шумовой нагрузки** приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Мероприятия по снижению шумовой нагрузки на примостовой территории

Источники шума и вредных выбросов	Уровень шума дБ	Средства снижения уровня шума	Допустимый уровень шума дБ	Показатель снижения уровня шума дБ
Шум от проезда одного легкового автомобиля	57	Шумозащитные полосы зеленых насаждений	45	2 - 5
Магистральные дороги	80	Шумозащитные экраны		20 (непосредственно за экраном) >50 (на удалении)

Шумозащитные полосы зеленых насаждений – специально организованные группы растений, сформированные вблизи источников шума. Высаживаются ряды деревьев и кустарников в виде:

- Полос шириной не менее 10 м; целесообразно расчленение полосы в продольном направлении на несколько частей с просветами между ними в 3–4 м и высотой 5–12 м.
- Плотных полос деревьев и кустарников шириной 15–40 м и высотой 5-12 м.

При проектировании шумозащитных полос рекомендуется получить в конечном варианте пирамидальную форму насаждений, при этом наиболее пологая сторона пирамиды должна быть обращена к источнику шума [10]. С этой целью ряды в широких полосах желательно располагать в следующем порядке:

- 1 – низкий кустарник;
- 2 – высокий кустарник;
- 3 – дополнительные древесные породы (подлесок);
- 4-7 – ряды основных пород;
- 8 – дополнительные породы;
- 9 – высокий кустарник (номер ряда считается от источника шума).

Шумозащитные экраны – специальные устройства на пути распространения шума. Экранами могут служить:

- Естественные и искусственные элементы рельефа;
- Подпорные стенки;
- Экранирующие щиты.

2. Защитные мероприятия по снижению запыленности – устройства из зеленых насаждений.

Защитная эффективность зеленых насаждений зависит от плотности посадок и вида растений. Для защиты от пыли рекомендуются двухрядные плотные посадки деревьев с низким штамбом и устойчивой кроной и одного ряда кустарников высотой 1,5 м. Такая конструкция пылезащитной полосы при расположении от дороги на расстоянии 5–20 м задерживает до 80-90% пыли.

Рекомендуемые породы деревьев: хвойные (ель канадская, туя, сосна горная, канадская); лиственные (клен, ясень американский и пенсильванский, бук, береза, вяз, дуб красный, крупноплодный, тополь белый); кустарники (боярышник, жимолость, калина, сирень, роза).

3. Защитные мероприятия по снижению концентрации веществ, содержащихся в выхлопных газах – различные типы защитных сооружений и зеленых насаждений.

Степень снижения концентрации загрязнений на примостовой территории приведен в таблице 3.

Таблица 3 – Снижение концентрации загрязнений на примостовой территории

Мероприятия	Уровень снижения концентрации %
Один ряд деревьев с кустарником высотой до 1,5 м на полосе газона 3–4 м	10
Два ряда деревьев с кустарником на полосе газона 8–10 м	15
Два ряда деревьев с кустарником на газоне 10–12 м	30
Три ряда деревьев с двумя рядами кустарника на полосе газона 15–20 м	40
Четыре ряда деревьев с кустарником высотой 1,5 м на полосе газона 25–30 м	50
Сплошные экраны высотой более 5 м от уровня проезжей части	70
Земляные насыпи, откосы при расположении дороги в выемке при разности отметок от 2 до 3 м	50
Земляные насыпи, откосы при расположении дороги в выемке при разности отметок от 3–5 м	60
Земляные насыпи, откосы при расположении дороги в выемке при разности отметок от более 5 м	70

4. На мостах рекомендуется применять специальные конструкции и материалы, снижающие загрязнения среды от поверхностных стоков с моста. К таким конструкциям относятся водоочистные устройства, специальные фильтры или дренажи. Мероприятия в этой сфере заключаются в:

- отводе воды с моста в водоочистные устройства (сепараторы);
- отводе воды с моста водосточными трубами в специальные испарительные бассейны;
- отводе воды с моста водосточными трубами на откосы.

Рекомендуемые материалы для проезжей части – горячий плотный мелко-зернистый двухслойный асфальтобетон, для тротуаров – литой асфальтобетон.

5. Для предотвращения бытового загрязнения примостовых территорий необходимо предусматривать сбор, вывоз и обеззараживание бытовых отходов.

Организация безбарьерной среды

Безбарьерная среда – это комплекс сооружений, помогающий физически ослабленным людям полноценно функционировать, вести активный образ жизни.

Мероприятия по организации безбарьерной среды можно сгруппировать следующим образом.

Необходимо обеспечить беспрепятственный доступ физически ослабленным лицам от стоянки транспорта до всех имеющихся объектов отдыха. Для этого представленные ниже элементы инфраструктуры должны отвечать соответствующим требованиям.

Автостоянки

На автостоянке необходимо обеспечить минимум одно означенное место для инвалидов размером 3,5х5,0 м.

Остановки общественного транспорта

На остановках общественного транспорта ширина пешеходных проходов должна быть не менее чем 2,5 м. Столбики с расписанием движения должны находиться в начале пешеходных проходов при автобусных остановках. Высота бордюров, отделяющих тротуар от автодорожных карманов, не должна превышать 2 см.

Пешеходные проходы, дорожки, тропинки

Пешеходные проходы и дорожки на осваиваемой территории должны иметь ширину, предоставляющую возможность проезда встречных инвалидных колясок. Минимальная ширина проезда – 165 см. Ширина в 200 см обеспечивает свободное движение колясок и пешеходов. Ограничивающие бордюры вдоль пешеходных проходов должны иметь высоту не меньше чем 7 см. В местах, где тротуары соединяются с автостоянками, бордюры необходимо понизить до 2,5 см (допускается снижение бордюров только на отрезке длиннее 165 см), так, чтобы лица, пользующиеся инвалидными колясками, и физически ослабленные люди смогли преодолеть перепад высот. Не допускается снижение бордюров до уровня автостоянки или автодорожного кармана, так как это затруднило бы ориентацию слепым и слабовидящим людям, а отсутствие визуального разделения тротуара и автостоянки снизило бы безопасность их передвижения, поэтому бордюры тротуаров должны визуально выделяться. Поперечные уклоны пешеходных проходов, предназначенные для

отвода дождевой воды, не должны превышать 1%. В случае продольного уклона следует избегать появления поперечных уклонов, потому что инвалидная коляска при движении всегда поворачивает в направлении уклона. К покрытию пешеходных проходов предъявляются следующие требования:

- оно не должно быть скользким;
- оно должно быть ровным и твердым (так, чтобы костыли не погружались в слой покрытия);
- оно не должно быть упругим.

Пандусы

При перепадах уровней обязательно дублировать лестницы пандусами для удобства физически ослабленных лиц. Допускаемые уклоны пандусов для инвалидов и пешеходов с детскими колясками показаны в таблице 4.

Таблица 4 – Максимально допускаемые уклоны пандусов

Перепад высот	Допускаемый уклон пандусов
до 15 см	15 %
до 50 см	8 %
более 50 см	6 %

Если длина пандуса превышает 9 м, необходимо создавать площадки для отдыха длиной минимум 140 см. Минимальная длина площадок без уклонов перед пандусами – 150 см. Ширина пандуса должна обеспечить возможность проезда встречных колясок, т.е. составлять минимум 164 см. Поручни вдоль пандусов должны дублироваться и располагаться на двух уровнях – 75 и 95 см. Польские нормы [11] допускают пандусы шириной в 120 см при условии, что расстояние между поручнями будет в пределах от 100 до 110 см. Размеры поворотной площадки без уклона в концах пандусов должны обеспечить свободное разворачивание колясок. Минимальная ширина такой площадки – 150 см. Пандусы должны быть ограничены бордюрами высотой 7 см.

Необходимо предоставить инвалидам на колясках возможность пользования туалетом. Минимальные размеры туалета с умывальником – это 185 x 165 см. Такой туалет может стать универсальным (мужской и дамский). Для удобного использования пунктов телефонной связи физически ослабленными лицами аппараты в телефонных будках должны быть установлены на высоте от 60 до 120 см от земли.

Предъявленные предложения по оптимизации примостового пространства необходимо согласовать с местным правительством, а также местными жителями. По мнению автора, сосредоточенные действия, способствующие совершенствованию примостовых территорий, помогут развитию региона.

Список цитированных источников

1. Rosset, A. Drogi i mosty w średniowieczu i czasach odrodzenia / A. Rosset. – Warszawa: Wydawnictwa Komunikacji i Łączności, 1970. – 212 s.
2. Rosset, A. Starożytne drogi i mosty / A. Rosset. – Warszawa: Wydawnictwa Komunikacji i Łączności, 1974. – 210 s.
3. Piekarski, J. Mosty mieszkalne – estetyka i funkcja / J. Piekarski // V Krajowa Konferencja: Estetyka Mostów: materiały konf., Popowo nad Bugiem, 20-22 kwietnia 2005 r. / Instytut Dróg i Mostów Polit. Warszaw., Oddz. Warszaw. Zw. Mostowców Rzeczypospolitej Polskiej; red.: G. Borończyk–Płaska [i inni]. – Warszawa, 2005. – S. 167–174.
4. Gloger, Z. Encyklopedia staropolska ilustrowana / Z. Gloger. – Warszawa: Wiedza Powszechna, 1978. – 350 s.
5. Gawryszewska, B.J. Most w strukturze krajobrazu i przestrzeni egzystencjalnej. Repertuar form i znaczeń / B.J. Gawryszewska // V Krajowa Konferencja: Estetyka Mostów: materiały konf., Popowo nad Bugiem, 20-22 kwietnia 2005 r. / Instytut Dróg i Mostów Polit. Warszaw., Oddz. Warszaw. Zw. Mostowców Rzeczypospolitej Polskiej; red.: G. Borończyk–Płaska [i inni]. – Warszawa, 2005. – S. 81–86.
6. Rocznik statystyczny Rzeczypospolitej Polskiej 2012. – Warszawa: Zakład Wydawnictw Statystycznych, 2013.
7. Ustawa z dnia 18 lipca 2001 r. Prawo Wodne. – Dz. U. Nr 15: poz. 1229. – Warszawa, 2001. – 94 s.
8. Ustawa z dnia 7 lipca 1994 r. Prawo Budowlane. – Dz. U. Nr 89: poz. 414. – Warszawa, 1994. – 70 s.
9. Obwieszczenie Marszałka Sejmu Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 2 kwietnia 2004 r. w sprawie ogłoszenia jednolitego tekstu ustawy o ochronie gruntów rolnych i leśnych. – Dz. U. Nr 121: poz. 1266. – Warszawa, 2004. – 24 s.
10. Рекомендации по учету требований по охране окружающей среды при проектировании автомобильных дорог и мостовых переходов. – Москва: МДС, 1995. – 74 с.
11. Ustawa z dnia 7 lipca 1994 r. Prawo Budowlane. – Dz. U. Nr 89: poz. 414. – Warszawa, 1994. – 70 s.

Ляшук Д.А.

ПРОБЛЕМА СИНХРОННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ НОВЫХ МИКРОРАЙОНОВ НА ПРИМЕРЕ ЮЗМР-3 В Г. БРЕСТЕ

Проблема синхронности социальных процессов в новых районах

Мне хотелось бы обратить ваше внимание на проблему синхронности социально-демографических явлений в среде населения стоящихся микрорайонов, которая становится весьма актуальной в условиях массового строительства социального жилья во всех городах Беларуси в последние годы.

Однотипные крупнопанельные многоэтажные дома в новых микрорайонах строятся ускоренными темпами на основе долевого строительства относительно молодыми семьями, нуждающимися в улучшении жилищных условий. Срок строительства микрорайона на 10-15 тысяч жителей составляет всего несколько лет, при этом те жители, кто воспользовался возможностью оформить кредиты в коммерческих банках или льготные государственные кредиты, не будут иметь возможности продать своё жильё в течение следующих 20 лет, в силу чего в микрорайоне продолжит превалировать первоначальное население.

Благодаря этим широко распространённым факторам образуются жилые массивы, в большинстве квартир которых будут относительно одновременно происходить социальные изменения. Нормативы, с учётом которых происходит процесс планирования вместимости обслуживающих население учреждений, ориентируются на застройку зрелую, где синхронность явлений не прослеживается, и учитывают исключительно средние величины, диктуемые статистикой. В реальности город столкнётся с величинами пиковыми, на которые структура изначально не рассчитывалась. Таким образом, на каждом этапе своего развития эти микрорайоны не будут отвечать нуждам своих обитателей, одним из следствий чего станет увеличение нагрузки на транспортную инфраструктуру всего района.

Теоретические основы построения модели

Рассмотрим ситуацию подробнее на примере микрорайона ЮЗМР-3 в г. Бресте.

Запланированные объекты социального обеспечения:

- Детский сад-ясли на 210 мест – 2 шт.
- Детский сад-ясли на 110 мест – 1 шт.
- Средняя школа на 1708 мест – 1 шт.

Жилая застройка, по проекту рассчитана на 10740 человек:

- Индивидуальные одноквартирные дома – 60 чел.
- Существующие усадебные дома – около 1200 чел.
- Квартиры в многоквартирных домах – 9480 чел.

Мной была построена математическая модель социально-демографических процессов микрорайона на 10000 жителей в масштабе 1:20 с учётом заявленных в проекте показателей и статистических данных переписи населения РБ за 2009 г. [1]. Если следовать классификации А.Э. Гутнова, это исследование относится к категории «оценочных» моделей, локальных и предназначенных для решения вполне конкретных задач, частных, а не синтетических. «Оценочные» модели дают проектировщику возможность в короткие сроки и с малыми затратами осуществить обобщённую оценку планируемых мероприятий, что существенно облегчает выбор наиболее эффективного проектного варианта. Без использования таких моделей не может быть отлажена полноценная человеко-машинная процедура принятия градостроительного решения» [2].

Во времена расцвета советской градостроительной науки проблемами влияния демографических процессов на жилые системы занимались такие учёные как И.А. Герасимова, Б.Р. Рубаненко, К.К. Карташова и другие. Но социально-демографические изменения изучались в основном применительно к типам жилых ячеек с целью выработать необходимый оптимум типовых планировочных решений, влияние же на крупные градостроительные формы практически не учитывалось. Впервые признаки феномена синхронности были отмечены при изучении московского микрорайона «Черёмушки», но тогда был выбран недостаточно продолжительный период исследования, 10 лет – с 1963 по 1973 гг., что позволило отметить характер динамики, но не оценить её масштабы [3].

Модель, использованная в данной работе, охватывает период продолжительностью 30 лет с начала строительства микрорайона, общая продолжительность строительства которого условно принята 4 года. Возраст родительских пар первоначально заселяющихся семей – от 25 до 40 лет, детей – до 15 лет. Учитывается фактор улучшения жилищных условий как стимулирующий к рождению ребёнка в первые несколько лет после переезда [3, 4]. Динамика роста численности и изменения социально-демографической структуры населения задана так, чтобы к моменту достижения застройкой зрелости средневзвешенные показатели за весь срок стремились к статистическим. Так как рассматриваемый период в 30 лет недостаточен для достижения застройкой полной зрелости, показатели в области пенсионного возраста и младенцев до 2 лет не достигаются, но моделирование на более длительном отрезке представляется бессмысленным вследствие причин, о которых будет сказано далее.

Рассматриваются четыре основных периода развития семьи, по Герасимовой [4]:

1. Рост – с момента создания пары до рождения последнего ребёнка.
2. Стабильность – от рождения последнего ребёнка до момента выделения первого взрослого ребёнка из состава семьи.
3. Зрелость – период, на котором из семьи выделяются все взрослые дети.
4. Затухание – от выделения последнего взрослого ребёнка до смерти последнего из супругов.

При наложении стадий происходит образование многопоколенных семей сложной структуры. Их процент в данное время в городской среде, согласно данным Белстата, невелик, но способствует постоянному поддержанию некоторого уровня молодых семей в любом жилом районе.

В модели также учитывается, что 1200 из теоретических 10740 жителей ЮЗМР-3 существуют в условиях сложившейся застройки, и стадия развития этих семей выбирается случайным образом, что несколько нивелирует общую динамику в критических точках.

Выявление сути проблемы синхронности при помощи модели

Хотя результаты математического моделирования значительно отличается от статистических показателей в каждой точке временного отрезка, на всём рассмотренном периоде в среднем модель близка к статистическим значениям и в дальнейшем стремится к ним при увеличении длины рассматриваемого отрезка времени. Но в силу того, что срок эксплуатации панельных зданий невелик, к моменту, когда структура населения начинает выравниваться, должен начаться процесс обновления жилого фонда. Результаты этого обновления предсказать заранее невозможно, поэтому моделирование этого периода не проводится.

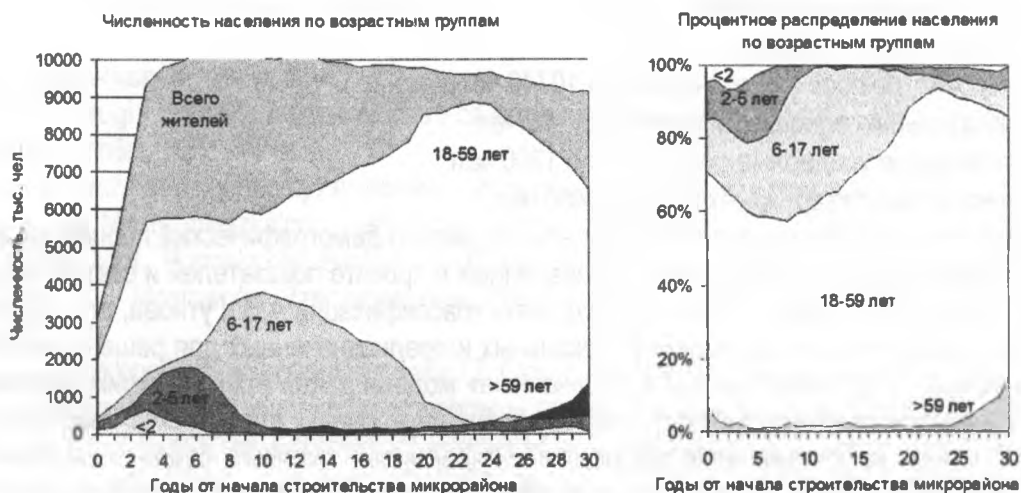

Рисунок 1 – Прогнозируемая социально-демографическая структура населения при строительстве микрорайона в один этап

На графике видны выраженные пики в каждой из возрастных групп. Максимальное число учащихся средней школы может достигать 250%, а воспитанников детских садов – 300% от расчётной вместимости, соответственно (с учётом процента обеспеченности по ТКП 45-3.01-116-2008). В годы спада же этот показатель может снизиться до 5-10% от запланированной вместимости. При этом средневзвешенное значение за взятые нами 30 лет от начала строительства микрорайона близко к принятым в проекте 49 детсадовцам и 159 школьникам на 1000 населения.

Полученные данные согласуются с реальными циклами строительства новых детских садов и их перепрофилирования под другие учреждения за ненадобностью в других районах города, а также подтверждают необходимость первоочередного строительства детских садов в новых районах.

На данном этапе исследования можно сделать вывод, что на расчётном периоде микрорайон ни в одной временной точке не соответствует нормативным показателям и не функционирует запланированным образом.

Способы нивелирования социально-демографических пиков

Факторы, способствующие однотипности населения новых районов:

- Одинаковые типовые планировки квартир.
- Равные площади квартир даже при различной планировке.
- Практически одинаковая стоимость метра в домах одной серии.
- Высокая скорость строительства крупнопанельных жилых домов.
- Одновременное строительство домов в одной жилой группе.

Факторы, способствующие разнообразию социального состава проживающих:

- Аренда, обмен и продажа жилья.
- Разнообразии планировок и площадей квартир в одном доме.
- Возможность перепланировки квартир с перераспределением комнат между соседними ячейками с образованием нестандартных планировок.
- Применение смежно-изолированных квартир, когда сложная семья мигрирует в двух смежных квартирах в связи с изменением состава и сменой стадий жизненного цикла семьи.
- Наличие резервов площади и числа комнат при заселении (распространено при коммерческом строительстве).
- Существенно различные площади квартир с равным числом комнат.
- Наличие домов с разной стоимостью квадратного метра в одном районе.
- Использование резервных площадей: уплотнение существующей застройки встраиванием точечных домов, строительство микрорайона в несколько очередей.

Факторы, затрудняющие нивелирование изначально заданного однообразия:

- Жёсткое нормирование площадей при проектировании соц. жилья.
- Запрет на обмен и продажу жилья до полной выплаты кредита банку.
- Запрет на аренду и продажу квартир до выплаты льготного кредита.
- Проектирование микрорайона без резервирования площадей под уплотнение и реконструкцию структуры.
- Трудность перепланировки квартир в панельных домах.

С учётом этих факторов можно разработать несколько вариантов смягчения намечающихся кризисных явлений. Достаточно эффективным представляется строительство микрорайона в несколько разнесённых во времени этапов с частичной реконструкцией и перепрофилированием инфраструктуры, обслуживающей население.

Оценка перспектив поэтапного строительства микрорайона

Рассмотрим вариант поэтапного строительства микрорайона. В первую очередь входят 2/3 жилья, во вторую – 1/3, временной разрыв – 10 лет. Одновременно будем отслеживать необходимые с течением времени изменения в обслуживающей инфраструктуре.

При оценке отдельных периодов времени очевидна большая социальная равномерность населения, чем в первом варианте. Пик числа школьников сглажен более, чем на половину. В количестве детей дошкольного возраста заметны несколько кратковременных положительных и отрицательных пиков с тенденцией к постепенному выравниванию. Пик в области пенсионного возраста на последнем этапе не претерпел существенных изменений, а значит, требует повышенного внимания при любом выбранном варианте развития жилого массива.

Таким образом, поэтапный вариант строительства микрорайона с включением всего объёма социальной инфраструктуры, кроме объектов для лиц пожилого возраста, в первую очередь строительства является более рациональным и обеспечивает более равномерную загрузку этих учреждений.

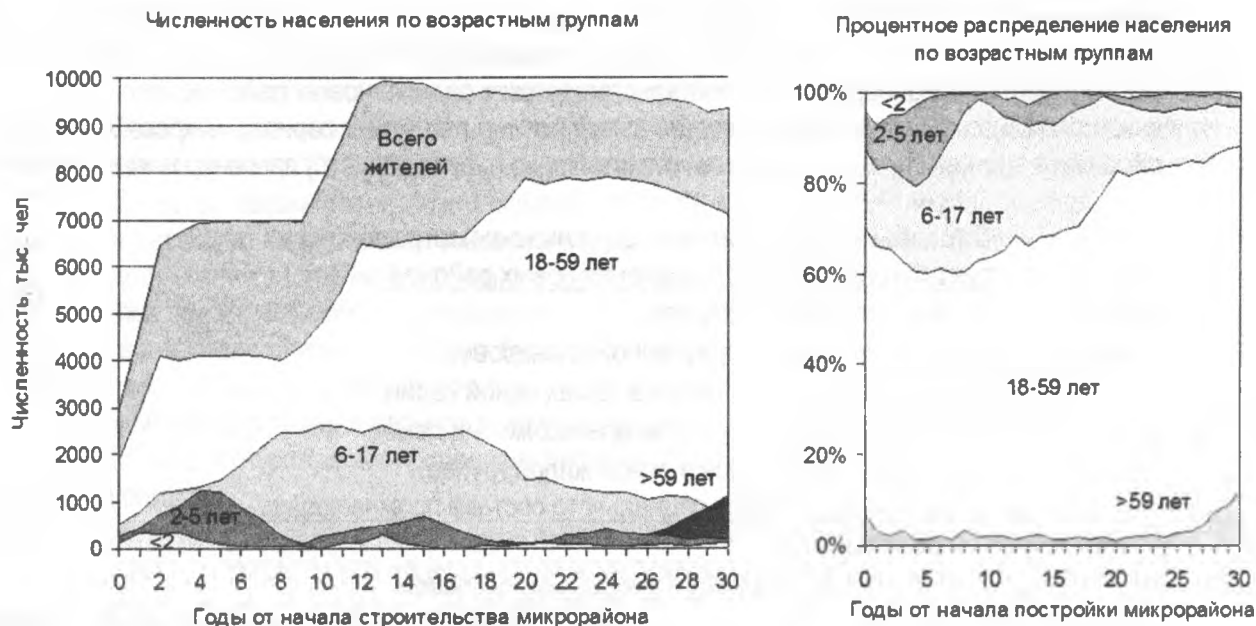

Рисунок 2 – Прогнозируемая социально-демографическая структура населения при строительстве микрорайона в два этапа с разрывом в 10 лет

Следует обратить внимание, что с момента строительства второй очереди масса трудоспособного населения начинает быстро возрастать и ещё через 10 лет превышает показатели первого этапа не в 1,5 раза, а в 2. Учитывая фактор доли трудоспособного населения, следует ко второй очереди строительства привязывать трансформацию транспортной структуры микрорайона, способствующую повышению мобильности, например строительство многоэтажных автостоянок, увеличение количества полос движения магистралей.

Резкое увеличение процента лиц пенсионного возраста в последней трети рассматриваемого периода должно сопровождаться корректировкой территории района с уменьшением количества мест активного отдыха детей и развитием зон пассивного отдыха, а так же созданием специфической инфраструктуры, обслуживающей лиц пожилого возраста.

Так как реальная необходимость реконструкции транспортных сетей и зонирования территории возникает только через 10 лет после начала второй очереди строительства, рационально выделить эти мероприятия в отдельную, третью очередь, до этого времени сохраняя необходимые территориальные резервы. Также к этому периоду развития микрорайона будет относиться капитальный ремонт зданий первой очереди строительства.

Четвёртым этапом, ещё через 10 лет, становится необходимая реновация застройки первой очереди, срок эксплуатации которой подходит к концу. На этом этапе возможен полный снос зданий с изменением планировки и зонирования микрорайона, что делает нерациональным дальнейшее моделирование ввиду непредсказуемости процессов.

Выводы, сделанные на основе анализа моделей социально-демографической ситуации в новом микрорайоне

Грамотное планирование и эксплуатация жилых массивов чрезвычайно важны для функционирования общества, поскольку они отражаются на всех четырёх факторах социальной эффективности жилища, как то:

- состояние здоровья населения и уровень работоспособности;
- уровень рождаемости, прочность семейных отношений;
- улучшение структуры вне рабочего времени, сокращение его нерациональных затрат и развитие форм досуга;
- повышение квалификации, уровень социализации молодёжи и культурной активности населения [3].

Социально-демографическая структура населения, его жизненный цикл и характер обеспеченности жилищем при заселении различных районов неодинаковы, что требует дифференцированного подхода в определении перспектив их дальнейшего развития и перераспределения жилища в них. Изменение структуры населения и его требований к жилищу – естественный процесс, поддающийся прогнозированию

нию. Это касается динамики заселения жилых ячеек, изменения потребностей в соотношении типов жилья в фонде района, а также динамики потребностей в детских учреждениях.

Данное исследование показывает отличие динамики реального развития нового строящегося жилого микрорайона от нормативных и статистических показателей и доказывает необходимость разработки проекта эксплуатации и развития микрорайона одновременно с проектом застройки.

Список цитированных источников

1. Перепись населения, 2009 = Population Census, 2009: [статистический сборник]: в 8 т. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редколлегия: В.И. Зиновский (председатель) [и др.]. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010–2011.
2. Гутнов, А.Э. Эволюция градостроительства. – М.: Стройиздат, 1984. – 256с., ил.
3. Жилая ячейка в будущем / Центр. н.-и. и проект. ин-т типового и эксперим. проектирования жилища. – М.: Стройиздат, 1982. – 198 с., ил.
4. Герасимова, И.А. Структура семьи – М.: Статистика, 1976. – 168 с.: табл., сх.

УДК 72.01

Мазаник А.В.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕЖИТИЙ

Забота о молодежи – важнейшая задача любой прогрессивной страны, залог ее будущего процветания и благополучия. Период жизни молодого человека (учащегося, студента, специалиста, рабочего) от 14 до 25 лет чрезвычайно важен для становления его личности и формирования мировоззрения, установления взаимоотношений с миром, людьми, самим собой. Поэтому необходимо создать такую архитектурную среду, которая бы воспитывала гармоничного, всесторонне развитого, свободного человека, предлагая условия для многообразных форм общения, эффективной учебной и воспитательной деятельности, реализации потребности в общественной активности и творчестве. На первый план выходят приемлемые условия жизнедеятельности человека, его социальное и экономическое благополучие, психологическое состояние.

Глобализация, ускорение ритма жизни, урбанизация приводят к постепенному отказу от поиска места учебы или приложения труда по территориальному признаку, в привязке к отчужденному дому. В поисках своего места в мире и обществе человек преодолевает порой значительные расстояния. При этом на первый план выходит вопрос обустройства быта. Одним из способов быстрого и относительно дешевого решения данного вопроса является молодежное общежитие.

Общежитие – место проживания иногородних учащихся и студентов на время учёбы, сезонных рабочих на время работы или ставшее постоянным для работников учреждения, производственного предприятия с довольно низким уровнем комфорта [1]. Таким образом, кроме студенческих общежитий, к молодежным относят еще общежития при школах, средних специальных учебных заведениях и рабочие общежития.

Общежития составляют около 5% объема жилищного фонда России и Беларуси. Из них около 75% составляют общежития для рабочих и служащих, 15% – общежития для учащихся ссузов и 10% – студенческие [2].

Общежития для учащихся размещают в непосредственной близости от других функциональных элементов учебного заведения, минимизируя пространственные перемещения учащихся и усиливая социальный контроль за их жизнедеятельностью. Таким образом, подросток проводит большую часть своего времени (если не все время) в пространстве, ограниченном территорией школы, колледжа, другого учебного заведения на глазах у учащихся и сотрудников учреждения. Один из выпускников школы-интерната метко охарактеризовал пространство своего учебного заведения следующим образом: «Участок большой, а поплакать, по-прежнему, нигде». Задача архитектора при проектировании участка – обеспечить молодому человеку возможность выплеснуть энергию максимально безопасно для окружающих и него самого, выделяя и соответственно оборудуя соответственно возрасту не только коллективные пространства различного функционального назначения, но и персональные, относительно защищенные от внешнего контроля и излишнего наблюдения.

Рабочие общежития размещаются относительно автономно на удобных транспортных или пешеходных связях с теми предприятиями, на которых работают проживающие. Поскольку пользователями таких

общежитий являются, как правило, люди старше 18 лет, несущие за себя полную ответственность, значимость и уровень социального контроля в них значительно ниже, и часто ограничивается пресечением откровенно асоциальных проявлений в поведении проживающих. Одновременно более значимым фактором становится развитость системы повседневного и приближенного бытового обслуживания и наличие объектов обслуживания в пешеходной доступности.

Наиболее сложным и разнообразным является размещение общежитий студенческих. При выборе места обучения современные молодые люди обращают внимание не только на то, чему, кто и как их будет учить, но и на материальную составляющую жизни в период обучения: на оснащенность и оборудование учебных аудиторий, возможность пользования информационными системами и технологиями, наличие мест для проведения досуга, отдыха, занятий физкультурой и спортом, возможность регулярно и правильно питаться.

Большое значение имеет и удаленность учебных и жилых корпусов друг от друга, и транспортная обеспеченность площадки, и размещение вуза в планировочной структуре поселения, насыщенность функциями прилегающих территорий, административный статус самого поселения, в конце концов.

Студенческие общежития можно разделить на обособленные (автономные, отдельно размещенные, рассредоточенные) и комплексные, т.е. входящие в структуру территориального комплекса (студенческого городка, студенческой деревни или кампуса) – типологической градостроительной единицы, кластерного комплекса, который может «включать в себя учебные, научно-лабораторные, опытно-производственные, общественно-рекреационные и жилые объекты и пространства на единой обособленной территории, принадлежащей одной организации, с преимущественно пешеходной доступностью всех объектов комплекса» [3].

Территориальные комплексы как градостроительные объекты, объединенные общей глобальной функцией, в свою очередь, разделяются на две группы по своему возникновению: реконструируемый или встраиваемый в существующую городскую ткань и кампус «гринфилд», то есть строящийся на новом месте.

Они могут быть нескольких пространственных типов по отношению к урбанизированным территориям, на которых возникли и развиваются.

Локальные городские комплексы представляют собой непосредственно кампусы высокой плотности, обособленные в городской застройке, (характерны для дипломатических представительств, научно-образовательных организаций и штаб-квартир корпораций).

Пригородные (загородные) локальные кампусы, расположенные за пределами плотной городской застройки, характерны для крупных университетов, исследовательских центров.

В некоторых случаях городская среда и пространство кампуса взаимно поглощают друг друга, рождая пространственный «микст» функций, объектов и оборудования.

Городские рассредоточенные комплексы представляют собой не единое пространство кампуса, а совокупность объектов, рассеянных в городской среде [4].

Планировочная модель кампуса, которая характеризуется «пространством встречи города и кампуса» – общественным пространством-входом на территорию кампуса и более приватным характером пространства внутри кампуса, признана наиболее современной и эффективной [3, 4]. При этом в кампусах декларируется идея приоритетности публичного пространства перед персональным (личным).

При рассмотрении типологических признаков молодежных общежитий стоит обратить внимание на деление общежитий на «холостяцкие», значительная часть которых покорпусно, поэтажно либо посекционно делит проживающих-одиночек по гендерному принципу и «малосемейные».

Общежития для учащихся относятся к «холостяцким». Для них характерно членение на зоны: развернутую общественную (дневного пребывания) и спальную (ночного пребывания). В помещениях спальной зоны размещают однополых одно- либо разновозрастных воспитанников.

Рабочие и студенческие общежития могут быть как «холостяцкими», так и «малосемейными». Доля семейных людей в рабочих общежитиях около 20%, а в студенческих – около 17% от общего числа проживающих [2].

Жилые пространства кампуса вмещают разнообразные типологические сооружения: это и жилье для студентов различных курсов и ступеней обучения, жилища для аспирантов, семейных студентов, иностранных студентов (в тех университетах, где они живут отдельно от основного этнически целостного контингента), а также жилье для работников администрации, обслуживающего персонала, преподавателей, приглашенных специалистов.

Строящиеся сегодня общежития значительно отличаются друг от друга по уровню комфортности. Большое разнообразие типов молодежных общежитий по архитектурно-планировочным решениям, составу, площади обслуживаемых помещений, норме жилой площади на человека, оборудованию связаны с различными социальными и экономическими факторами, разными условиями эксплуатации общежитий.

При размещении общежитий в городских условиях чаще применяются проекты четырех-, пяти-, девятиэтажных общежитий вместимостью в основном от 200 до 600 человек, а в сельской местности – здания до 4 этажей включительно вместимостью от 20 до 400 человек. При строительстве 16–20-этажных зданий часто применяют каркасно-панельные конструкции, обеспечивающие свободу архитектурно-планировочных решений большепролетных помещений общественного назначения (спортивных залов, помещений для проведения культурно-массовых мероприятий, кафе и т.п.).

Общежития училищ, колледжей и других средних специальных учебных заведений предназначены для проживания учащихся-подростков в возрасте 14–18 лет. Учащиеся проводят в общежитии 60–70% своего времени на протяжении 3–4 лет обучения, поэтому от пространственной организации общежития во многом зависит не только их здоровье и самочувствие, но и успешность учебно-воспитательного процесса. Особенности организации быта и учебно-воспитательного процесса выделяют такие общежития в особый тип, отличающийся от общежитий для взрослых. Основная особенность заключается в том, что каждая структурная единица учебного коллектива имеет свой пространственно обособленный от других комплекс жилых, бытовых и общественных помещений, что позволяет обеспечить стабильность учебных коллективов и облегчает работу педагогов. Учет возрастных особенностей контингента проживающих способствует расширению номенклатуры помещений различного функционального назначения. Так, интенсивный рост и развитие организма, активно протекающие процессы анатомо-физиологического развития подростков диктуют организацию мероприятий в области личной гигиены, охраны и укрепления здоровья – оборудования санитарно-гигиенических помещений, включения помещений медицинского назначения (изолятора, стоматологического, физиотерапевтического кабинета и т.п.), помещений для занятий физкультурой и спортом. Особенности социализации подростков, в первую очередь, удовлетворение потребности в неформальном личностном общении, выражаются во включении в состав жилья пространств, предназначенных для различных видов общения, в том числе крупных общественных помещений. Для обеспечения духовного роста, раскрытия творческого потенциала предусматриваются пространственные условия для творческой досуговой деятельности. Бытовые помещения общежития для учащихся могут дополняться гардеробными, помещениями для сушки, чистки и хранения рабочей одежды и обуви, различными мастерскими. Для закрепления знаний, получаемых на занятиях, в общежитии выделяются помещения для проведения самостоятельной работы, выполнения заданий.

Функционально общежития для учащихся средних специальных заведений состоят из жилой части, представленной повторяющимися жилыми группами, в состав которых входят жилые ячейки, санитарные, бытовые, кладовые и прочие обслуживающие помещения повседневного пользования, и общественной частью, включающей блоки административно-хозяйственных, досуговых, культурно-массовых, спортивных, медицинских помещений и помещений общественного питания.

В современной практике общежития для учащихся проектируются коридорными, галерейными, секционными и галерейно-секционными, что определяется, в первую очередь, принятым типом связи между жилыми и обслуживающими помещениями: вертикальной – в секционных общежитиях, горизонтальной – преимущественно в коридорных и галерейных общежитиях, смешанной – в коридорно-секционных и галерейно-секционных общежитиях [2].

В рабочих общежитиях проживает около 70% всех пользователей молодежных общежитий. Функционально жилая часть рабочих общежитий формируется жилыми ячейками, различающимися по вместимости, составу помещений и планировочному решению, как правило, включающими жилые комнаты, санузлы, прихожие и кухни/кухни-ниши, и помещениями обслуживания (комнатами отдыха, занятий, общественных организаций, чистки и глажения одежды). Многие помещения культурно-бытового назначения (кафе, буфет, изолятор, постирочная) аналогичны проектируемым для других типов молодежных общежитий. В блоке административно-хозяйственных помещений предусматриваются комнаты воспитателей, ряд помещений значительно отличается по площадям в меньшую (библиотека, комнаты для занятий) либо большую (кружковые, комнаты отдыха, помещения сушки и хранения рабочей одежды) сторону. Встречаются и специфические помещения, например, пункты приема химчистки, ремонта обуви, фотомастерские, парикмахерские, индивидуальные кладовые для хранения продуктов в подвалах общежития и т.п.

Вместимость студенческих общежитий тесно связана с количеством обучающихся студентов. Оптимальный контингент учащихся современных вузов колеблется от 500 до 14000 человек. Наиболее распространены общежития средней и большой вместимости на 400–800 человек.

При выборе этажности студенческих общежитий учитывается их вместимость, градостроительные, композиционные, строительно-технологические, технико-экономические, противопожарные и другие требования. Этажность общежитий в крупных городах колеблется от 4 до 20 этажей.

Функциональная структура студенческого общежития представляется следующими функциональными зонами: жилая зона (жилые комнаты с подсобными помещениями, поэтажные обслуживающие помещения: комнаты для занятий и отдыха, кухни, гостиные и т.д.), общественная зона (вестибюльная группа, помещения общепита, культурно-бытового, медицинского обслуживания, занятий физкультурой и спортом), административно-хозяйственная зона, служебные помещения (подсобные и складские), помещения инженерного оборудования.

Как правило, жилая зона как основная часть общежития занимает все этажи здания, кроме первого (либо первых двух), реже встречается схема с чередованием жилых и общественных этажей.

Основные планировочные схемы, применяемые в проектировании жилой части студенческих общежитий, – коридорная, галерейная, секционная и их комбинации (коридорно-секционная и галерейно-секционная).

Коридорная планировочная схема, при которой жилые комнаты размещаются по одной либо по обеим сторонам коридора (иногда и в торцах), наиболее распространена в силу относительно высокой вместимости общежития, однако имеет ряд существенных недостатков. Например, при устройстве выходов из жилых комнат непосредственно в коридор, размещении общих санитарно-гигиенических помещений и кухонь скорость распространения инфекционных заболеваний повышается в 3–4 раза по сравнению с секционной схемой, ухудшается звукоизоляция помещений и т.д. Для смягчения недостатков применяют такие приемы, как сокращение длины коридора, расчленение его на короткие отрезки и устройство открытых холлов, устройство перегородок с дверями, отделяющими группы жилых и подсобных помещений, создание изгибов коридора, замыкающих перспективу.

Наиболее комфортным является решение коридорного общежития, где основной структурной единицей жилой части становится не отдельная жилая комната, а жилая ячейка на 4–5 человек, состоящая из 2 комнат, отделенных от коридора прихожей. В состав ячейки могут также входить санитарный узел (туалет, ванная или душевая) и кухня (кухня-ниша).

В отличие от рабочих общежитий, в жилой ячейке студенческого общежития кухня не является обязательным элементом, поскольку студенты значительно реже, чем рабочие, готовят сами и активнее пользуются объектами общественного питания.

Использование схемы с двумя параллельными коридорами и расположенными в центральной части здания санитарными и лестнично-лифтовыми узлами, кладовыми, другими помещениями, не требующими естественного освещения, позволяет увеличить ширину корпуса, сократить периметр наружных стен и уменьшить эксплуатационные расходы.

В общежитиях галерейного типа жилые комнаты (или жилые ячейки), размещаемые, как правило, с одной стороны, связываются с обслуживающими помещениями открытой или закрытой (в зависимости от климатических условий) галерей.

В секционных общежитиях, состоящих из одной или нескольких секций, жилые помещения более изолированы по сравнению с коридорными и галерейными. В крупных городах зачастую применяются односекционные многоэтажные общежития с компактной формой плана со встроенными или встроено-пристроенными обслуживающими помещениями.

Коридорно-секционные и галерейно-секционные общежития сочетают положительные черты секционных общежитий (изолированность жилой ячейки) и коридорных или галерейных (хорошая связь жилой и общественной части).

Потребностям семейной молодежи в большей степени отвечает специализированный тип общежития – малосемейное общежитие с жилыми ячейками-квартирами, чаще однокомнатными для семей из 2 и 3 человек, либо двухкомнатными на 4 человека, например, для 2 бездетных супружеских пар. Состав обслуживающих помещений варьируется в зависимости от потребностей молодых семей: на первых этажах оборудуются специальные помещения для хранения детских колясок, игровые комнаты, помещения для отдыха, проведения лекций, вечеров, кладовые для хранения сезонных вещей и т.д.

В практике строительства встречаются планировочные решения общежитий, близкие к планировке квартирных домов, например, двухэтажные блокированные или многоэтажные секционные здания с двух- или трехкомнатными с покомнатным размещением студентов-одиночек и поквартирным – семейных студентов. В целом, жилые пространства для семейных студентов, администрации и профессорско-

преподавательского состава типологически уже более сближены с характерным для страны и климата обычным жильем, с большей или меньшей степенью комфорта и различного класса. В этих жилых пространствах большее значение приобретают не наличие публичных пространств для коллективной активности, спортивных и досуговых зон, а большая изолированность, комфорт жилых ячеек, высокая индивидуализация пространства. Для VIP-персон из профессорско-преподавательского состава обычно предлагаются особые, более комфортные, условия проживания.

Список цитированных источников

1. Википедия // [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D0%B1%D1%89%D0%B5%D0%B6%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%B5> – Дата доступа: 24.02.2014.
2. Общежития для молодежи / ЦНИИЭП жилища; ЦНИИЭП учеб. зданий. – М.: Стройиздат, 1990. – 128 с.
3. Пучков, М.В. Жилые пространства университетских комплексов нового поколения // [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/arts-architecture-and-construction/urban-planning-and-landscape-architecture/1298-beams-cf> – Дата доступа: 06.03.2014.
4. Пучков, М.В. Архитектурная идентичность организации: пространственные схемы кампусов / Архитектон: известия вузов // [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_2/3 – Дата доступа: 06.03.2014.

УДК 725.4

Морозова Е. Б., Долинина О. Е

ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Город является главным объектом градостроительной науки. Сложность и многоаспектность проблем и вопросов, возникающая в процессе существования и развития города, предопределила широкое использование в теоретических и прикладных разработках принципа формализации, обуславливающего системное выделение составляющих элементов городской структуры и моделирование взаимосвязей между ними. Одной из таких систем может быть промышленная инфраструктура, которая по аналогии с другими городскими инфраструктурами, например, транспортной инфраструктурой, аккумулирует все территории города, имеющие производственную функцию.

Термин «промышленная инфраструктура города» относительно недавно вошел в научную практику архитектурно-градостроительных разработок. В то же время понятие промышленной инфраструктуры города известно давно и, как и свойственно самой категории понятия, имеет разные толкования в зависимости от отрасли знаний, где оно применяется*. Архитектурная наука обратила внимание на это понятие в первой трети XX в., расширение теоретических и практических работ в области градостроительства привело к использованию исследователями терминов «промышленный фонд города», «территориальная организация производственных сил», «промышленная зона города» при описании комплексного развития народного хозяйства городов [1, 2, 3]. Эти термины практически отражали сущность понятия промышленной инфраструктуры города с точки зрения формирования его материально-пространственной среды. Архитекторами и градостроителями в разное время делались попытки предложить схемы размещения производственных площадок в городе, что практически представляло собой пространственные модели промышленной инфраструктуры**. Сегодня термин «промышленная инфраструктура города» можно встретить в работах по градостроительству и промышленной архитектуре, в связи с чем назрела необходимость в определении его содержательной сущности, установлении границ и характеристик.

Итак, под промышленной инфраструктурой города следует понимать совокупность всех его производственных территорий, формирующих некое целое, имеющее историческое прошлое, взаимообусловленное настоящее и потенциально возможное будущее. Составляющие материальные элементы промышленной инфраструктуры города представлены типами территориальных объектов промышленной архитектуры [4].

* Общая и экономическая история, экономическая география, регионалистика и др.

** Н.Ладовский, И.Леонидов, М.Гинзбург, Н.Милютин, В.Лавров, А.Пастернак

Первым и основным типом является промышленное предприятие, фабрика или завод, как комплекс нескольких, иногда большого числа, зданий и сооружений, расположенных на одной площадке и взаимосвязанных технологическим процессом. Являясь элементом архитектурно-планировочной структуры поселения, промышленное предприятие становится исходной объемно-планировочной единицей его производственных территорий.

Промышленный район и его разновидности выступают второй типологической единицей, формирующей промышленную инфраструктуру города. Промышленный район представляет собой достаточно обособленную территорию города, предназначенную для размещения промышленных предприятий и связанных с ними сопутствующих им объектов как производственного, так и непромышленного профиля. Степень концентрации производственных функций в промышленном районе варьируется от 50–60 до 85–95%. В первом случае на территории района могут располагаться жилые и общественные здания, такие районы складываются исторически на протяжении длительного времени, взаимосвязи между входящими в район предприятиями имеют место, но достаточно ограничены и часто не оказывают существенного влияния на автономность каждого предприятия. Во втором случае высокая степень концентрации производственной функции в промышленном районе делает его состоящим только из промышленных объектов, присутствие жилых зданий исключается, а общественные здания предназначены для обеспечения социальных функций предприятий района – торговые, лечебные, спортивные учреждения для работающих, выставочные залы, научно-исследовательские институты. Кооперация предприятий значительная, она охватывает все технические вопросы их функционирования (транспорт, электро-, газо-, водоснабжение и проч.) и может распространяться на производственный цикл. Такие районы имеют относительно короткий период формирования – 8–15 лет, их характерным представителем является достаточно распространенный в отечественной практике промышленный узел.

Промышленный парк и технопарк – еще две разновидности промышленного района. Отличительной особенностью первого является низкая плотность застройки и коэффициент освоения территории за счет введения на площадку промышленного района большого количества озелененных участков. Технопарк представляет собой территорию, где наряду с производственной функцией представлены, причем в равной степени, научная и обслуживающая. Концентрация производственных функций снижена до 30–35 % и охватывает наукоемкие технологии. Цель такого образования – разработка нового технологического продукта, его апробация, промышленное производство и доставка потребителю – фирмам, компаниям. Поэтому 30% всех функций технопарка ориентированы на обслуживание потребителя – это гостиницы, банки, выставочные залы, торговые, спортивные и проч. комплексы.

Третьим типом, составляющим промышленную инфраструктуру города, является зона смешанного использования, сравнительно новое территориальное образование, которое появилось в середине 1980-х гг. Оно представляет собой обособленную многофункциональную городскую территорию, где проживание, работа, обслуживание и отдых располагаются на одной площадке, в пределах пешеходной доступности. Главными звеньями здесь являются жилые и производственные функции. Кооперация предприятий в таких зонах практически отсутствует, они представлены небольшими экологически безопасными объектами с низким показателем энерго- и ресурсопотребления. Цель такого образования – объединить места приложения труда с местами проживания.

В промышленную инфраструктуру города могут входить и санитарно-защитные зоны промышленных предприятий, термин-аналог, используемый сегодня для них в практике промышленного проектирования – «зоны экологической компенсации».

Промышленная инфраструктура города может включать не все перечисленные выше типы территориальных объектов промышленной архитектуры, наиболее часто ее составляют промышленные предприятия и промышленные районы, причем только некоторые разновидности последних. Таким образом, промышленная инфраструктура формирует одну из пространственных систем города, существование которой, с одной стороны, определяется функционированием всех других составляющих города, а, с другой стороны, влияет и может в значительной степени определять функционирование самих этих составляющих.

Сегодня осуществляемая в стране структурная перестройка промышленности влечет за собой изменения материально-пространственной организации промышленных территорий в населенных пунктах, и прежде всего в городах. Преобразования промышленной инфраструктуры белорусского города происходят под воздействием как промышленной, так и градостроительной политики государства. Являясь одной из самых стабильных звеньев городского каркаса, промышленная инфраструктура характеризуется при этом высокой степенью подвижности составляющих ее элементов. Именно инертность и преемственность развития промышленной инфраструктуры обуславливают необходимость изучения вопросов ее исторического формирования в городах Республики Беларусь, что становится востребованным в условиях происходящих сегодня структурной перестройки отечественной экономики, масштабной модернизации производства и корректировки размещения производительных сил общества.

Изучение исторического процесса становления производства на белорусских землях позволило выделить следующие доминирующие факторы, определившие развитие промышленной инфраструктуры крупных белорусских городов (Бреста, Гродно, Витебска, Гомеля, Могилева и Минска):

- строительство железной дороги (1862–1902 г.);
- начало форсированной индустриализации (1925 г. в Восточной Белоруссии и 1939 г. в Западной Белоруссии);
- активизация кооперации промышленных объектов и появление четкого функционального зонирования территорий в градостроительной практике (середина 1950-х гг. –1980-е гг.);
- обретение государственного суверенитета (1990-е гг. – настоящее время).

Влияние указанных факторов имело общий характер для различных регионов Беларуси, оно предопределило границы этапов становления и эволюции промышленной инфраструктуры в городах. Можно выделить следующие этапы.

Первый этап охватывает период с конца XVIII в. и до конца XIX в., начала строительства железной дороги. Элементами промышленной инфраструктуры белорусских городов на этом этапе являются мелкие производственные объекты: ремесленные и кустарные предприятия, мануфактуры. Они произвольно включались в структуру города, формируя хаотично расположенные производственные территории. Использование воды в производственных процессах в качестве основного пути движения сырья и продукции обусловило размещение объектов промышленной инфраструктуры вдоль рек [5].

Благодаря прогрессивным взглядам управляющей аристократии в отдельных белорусских городах осуществлялось строительство промышленных объектов в соответствии с передовыми европейскими тенденциями. Так, мануфактурные комплексы Тызенгауза Лососня и Городница в Гродно являлись первыми поселениями, основанными только на производственной функции [4]. При перепланировке Гомеля в нач. XIX в. П.А. Румянцевым строго соблюдались современные для того времени («английские») требования: изолированное размещение мануфактур на периферии усадебного комплекса, выделение производственных объектов «общественного» назначения в центре поселения, внедрение новых машин и механизмов. Именно вследствие использования парового двигателя в Гомеле, а позже и в других белорусских поселениях стало возможным свободное расположение предприятий в планировочной структуре городов без их увязки с водной системой как источником энергии [5].

С 1836 г. в области строительства производственных объектов действовало законодательное регулирование, ранжирующее предприятия в зависимости от степени их «вредности». Также контролировалось размещение взрыво- и пожароопасных объектов. В соответствии с данными требованиями на генпланах городов указывалось размещение промышленных территорий различного назначения. Так, на периферии Гродно, Гомеля и Бреста в удалении от жилых территорий военным ведомством был возведен ряд пороховых складов. В городах соблюдался противопожарный разрыв между жилой застройкой и кузницами, санитарно-защитной полосой были отделены скотобойни. Однако в целом положение производственных территорий в планировочной структуре белорусского города на первом этапе оставалось случайным (рис. 1).

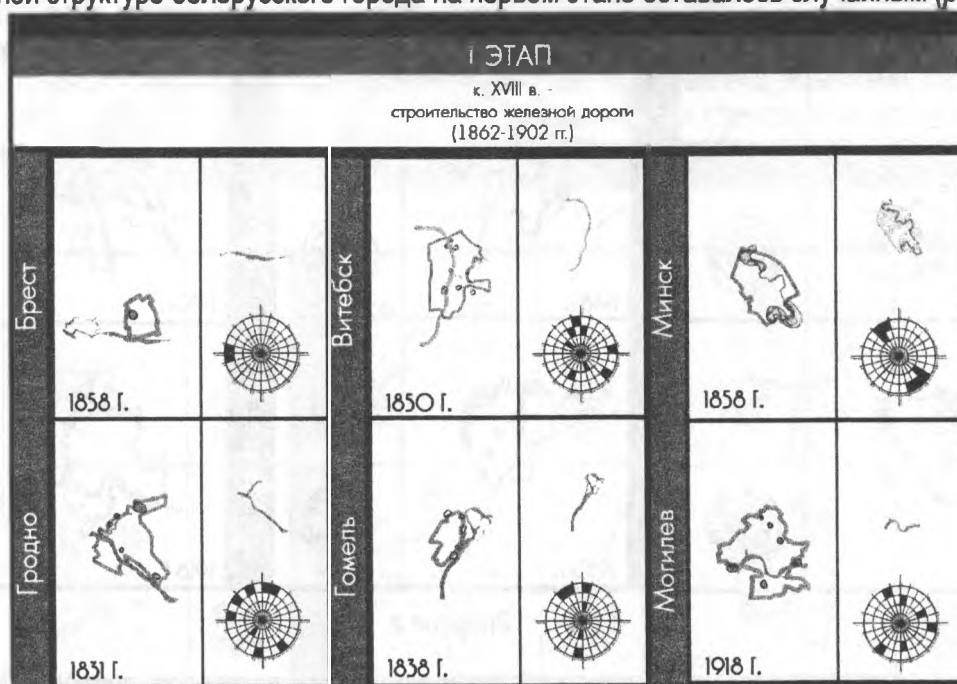

Рисунок 1

Второй этап развития промышленной инфраструктуры в городах продолжался до 1920-х гг. Строительство железных дорог стимулировало экономическое развитие региона. Благоприятная база для этого была сформирована благодаря накоплению купечеством и мещанами свободного капитала и активному развитию рынка труда вследствие крестьянской реформы 1861г. Железные дороги оказали существенное влияние на развитие городской структуры, создание новых производств и размещение их на территории города. Благодаря появившейся возможности перевозок больших объемов сырья и товаров был дан толчок к развитию индустрии и увеличению масштабов промышленного строительства [6].

На данном этапе именно сухопутные транспортные пути сообщения стали основным фактором, определившим размещение производственных объектов в городе. В белорусских городах можно проследить тенденцию к линейному размещению предприятий вдоль основных транспортных путей города (ул. Румянцевская и ул. Пролетарская в Гомеле, ул. Большая Татарская в Минске, ул. Муравьевская в Гродно и т.д.) [5].

Вследствие отчуждения земель вдоль железнодорожных путей образовались свободные территории, на которых разместились объекты обслуживания железной дороги (транспортные депо, товарные и сортировочные станции, мастерские и т.д.), объекты коммунально-складского хозяйства, а также промышленные предприятия. Положение производственных территорий выделялось в планировочной структуре города, появились первые районы с относительно высокой концентрацией производственных объектов (предместья Задвинье в Витебске, Луполово в Могилеве, Ляховка в Минске, Ново-Белица в Гомеле). На обширных изолированных территориях в пределах городских поселений осуществлялось строительство объектов военного ведомства (например, объектов Гродненской и Брестской крепостей, военных частей Гомеля и Минска), типологический ряд которых существенно расширился: аэродромы, гаражи, бензохранилища и склады для химических веществ. Размещению данных строений была свойственна ориентация на близость железнодорожного сообщения. В центральных частях города, как правило, располагались объекты городского хозяйства (каланчи, пожарные депо, электростанции, водонапорные башни, депо конки и др.) [5, 7].

Особенностью промышленной инфраструктуры стала многоукладность промышленности. Производственные объекты были представлены одновременно ремесленными и кустарными мастерскими, хаотично расположенными среди жилой застройки, а также мануфактурными и фабрично-заводскими постройками, которые размещались преимущественно вблизи транспортных путей в центре и на окраинах города [9].

Окончание этапа было связано с началом Первой мировой войны и последовавшим за ним восстановительным периодом, в ходе которого разрушенные предприятия были возрождены на старых территориях, что не изменило формирующуюся промышленную инфраструктуру городов (рис. 2).

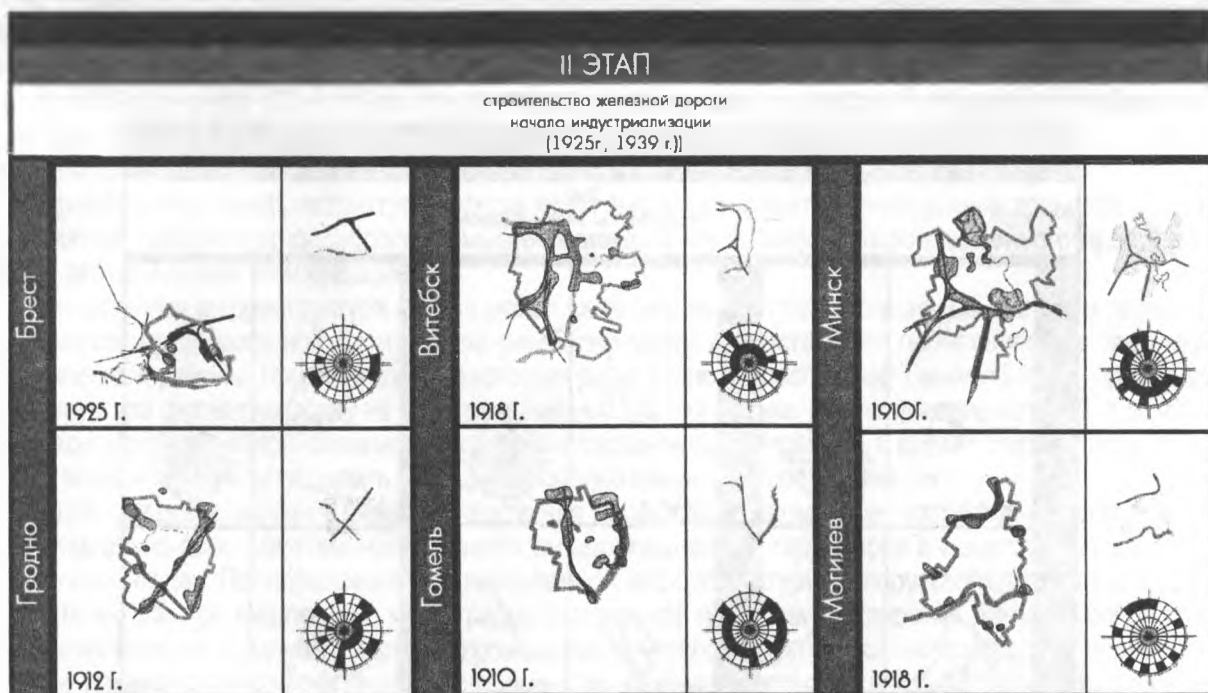

Рисунок 2

Третий этап формирования промышленной инфраструктуры в городах продолжался до середины 1950-х гг. Этот процесс до 1939 г. шел на фоне политического деления Беларуси на два государства.

В связи с тем, что города Западной Беларуси (Гродно, Брест) были спорными пограничными территориями, правительству Польши было нецелесообразно вкладывать ресурсы в их экономическое развитие. Монополизация производства и экономический кризис 1929–1933 гг. способствовали сокращению существующих предприятий (табачные фабрики в Гродно, спичечные и льнообрабатывающие фабрики в Бресте и т.д.), количество которых итак еще не достигло довоенного уровня. С 1939 г. – года объединения западно-белорусских земель с Советской Белоруссией – в Гродно и Бресте начала проводиться форсированная политика индустриализации, в ходе которой на фоне объединения мелких производств, на свободных площадках на периферии городов возникали крупные предприятия легкой промышленности (хлебозавод, обувная фабрика и фабрика индивидуального пошива в Гродно, мясокомбинат в Бресте) [8].

Влияние политики индустриализации на развитие городов Восточной Белоруссии началось в 1925 г., вследствие чего были национализированы крупные производства, посредством объединения мелких кустарных мастерских образованы новые предприятия. Особенностью процесса кооперирования явились образование ряда предприятий, размещающихся на разных площадках, разбросанных по всему городу (фабрики «Спартак», «Труд» в Гомеле, фабрика «Меркурий» в Могилеве, «Кирпичный завод № 2» в Минске и т.д.). Иногда образование крупных промышленных объектов, осуществляемое на базе мелких мастерских без учета перспективного градостроительного роста города и развития самого производства, в дальнейшем приводило к серьезным экологическим и планировочным проблемам. Примером может служить окруженные жилой застройкой в центре Гомеля станкостроительный завод им. Кирова и завод «Гомсельмаш» [9].

Дальнейший импульс для развития получили исторически сложившиеся территории промышленной специализации. Для улучшения связей с ними было предусмотрено строительство новых транспортных магистралей и коммуникаций. Так, в Могилеве для связи с промышленным районом Луполово построен железнодорожный мост через Днепр, в Витебске к району Задвинье был возведен мост через р. Западная Двина.

Промышленное строительство было направлено на реализацию политики индустриализации, предполагающей ускоренное развитие электротехнического и тяжелого машиностроения. На данном этапе в белорусских городах построены крупнейшие предприятия машиностроения и металлообработки, автомобильной, станкостроительной, электротехнической промышленности (автомобильный, тракторный, мотовелосипедный, шарикоподшипниковый заводы, завод автотракторных запчастей, автоматических линий в Минске, фабрика искусственного волокна, труболитейный, авторемонтный заводы в Могилеве и др.). В белорусских городах были сформированы новые крупные промышленные районы: Северный, Сельмашевский, Западный и Новобелицкий в Гомеле, юго-восточный в Минске, юго-западный, северо-восточный и южный в Могилеве. При строительстве новых предприятий также решались вопросы взаимоувязанного размещения мест приложения труда и расселения населения. Так, при предприятиях строились рабочие поселки (поселок завода «Гомсельмаш» в Гомеле, поселки автомобильного, велосипедного и тракторного заводов в Минске) [9].

Во время Второй мировой войны практически полностью была разрушена промышленность белорусских городов, поэтому годы первых послевоенных пятилеток были направлены на восстановление производства. Предприятия, возвратившиеся из эвакуации, размещались как на ранее занимаемых промышленных площадках, так и на вновь отведенных территориях на периферии города.

К середине 1950-х гг. промышленная инфраструктура была представлена объектами, расположенными, как в центральной, так и на периферийной частях города вдоль основных транспортных артерий (рис. 3).

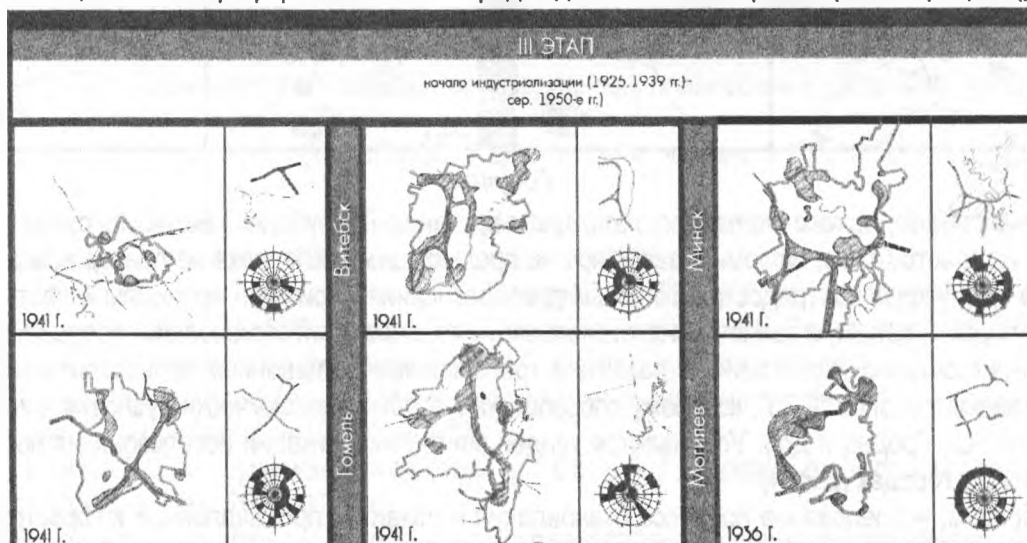

Рисунок 3

С разработкой теоретической базы градостроительного планирования в середине 1950-х, обосновывающей четкое функциональное зонирование городских территорий, связано начало нового, **четвертого этапа** в формировании промышленной инфраструктуры белорусских городов. Развитие промышленных территорий происходило в соответствии с разработанными генеральными планами городов, научная обоснованность которых была связана с усилением санитарно-гигиенических, социальных и технико-экономических требований. В промышленном градостроительстве возник новый тип территориального образования – промышленный узел [4].

Наиболее ярко принципы градостроительной политики данного времени иллюстрирует промышленная инфраструктура городов Западной Беларуси. В связи с тем, что на третьем этапе в городах данного региона (Брест, Гродно) не было сформировано сильной индустриальной базы, новое строительство крупных промышленных объектов привело к ярко выраженному секторному делению городских территорий. Появилась выраженная «чересполосица» селитебных и промышленных территорий [7, 9].

Промышленная инфраструктура городов Восточной Беларуси, более индустриально развитых в предыдущий период, также претерпевала значительные изменения, она стала представлять собой усложненную, многослойную модель.

В середине 1980-х гг. окончательно сложился производственный комплекс городов. В городах сформировались обособленные промышленные районы (восточный район в Бресте, северо-восточный и западный район в Витебске и т.д.). Групповое размещение промышленных предприятий шло вдоль основных транспортных магистралей (ул. Московской в Бресте, пр. Независимости в Минске, ул. Горького в Гродно и др.). В планировочную структуру городов входят новые территориальные образования – промышленные узлы (Северный узел в Гродно, Восточный в Бресте и др.) [7, 9] (рис. 4).

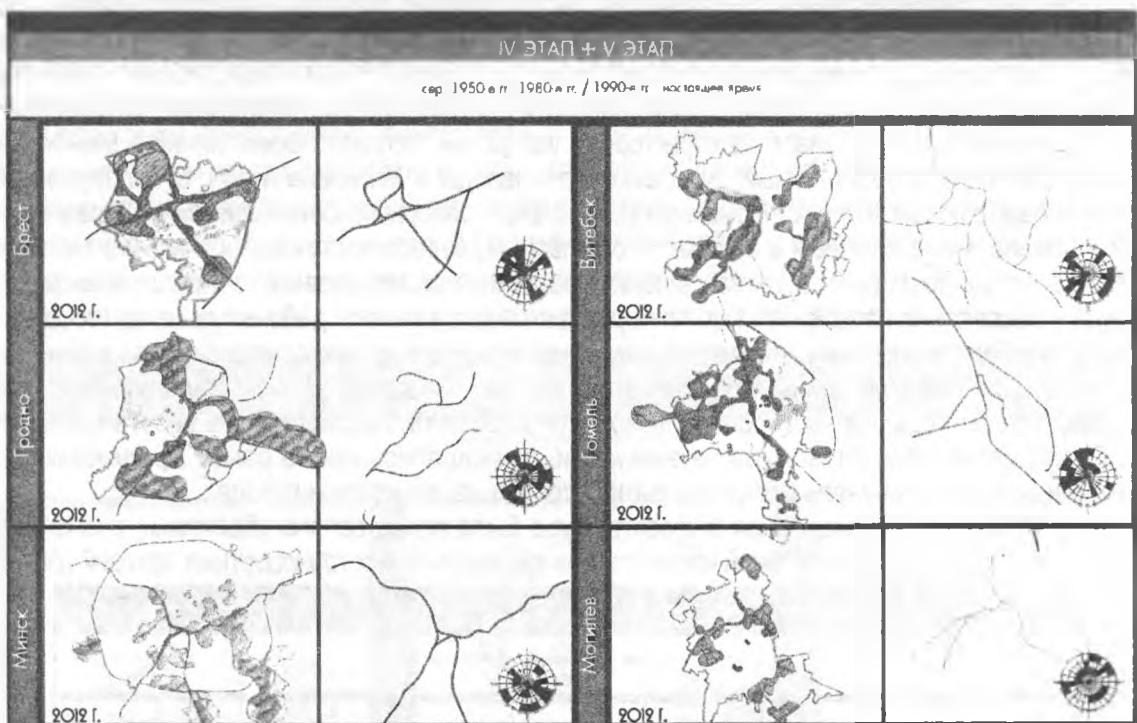

Рисунок 4

Начало настоящего, **пятого этапа**, соответствует обретению Республикой Беларусь суверенитета. Промышленная инфраструктура, сформировавшаяся на предыдущем этапе, пока не претерпела значимых изменений. На смену крупным градостроительным преобразованиям приходят принципы качественной реорганизации городской среды, а также деиндустриализации городов и интегрирования городских функций. На периферийных городских территориях с развитым транспортным сообщением происходит развитие новых производственных районов (СЭЗ), которому способствуют особые экономические условия функционирования (Брест, Минск, Гродно и др.). Усиливается тенденция интенсификации использования производственных территорий в городах (рис. 4).

Таким образом, исследование процесса становления и развития промышленной инфраструктуры крупных белорусских городов позволило сделать некоторые выводы. Несмотря на разнообразие исторических, социально-экономических, природно-климатических и политических особенностей развития городов, этот

процесс проходил под воздействием одних и тех же факторов, влияние которых и определило наличие качественно различных этапов в становлении промышленной инфраструктуры городов.

На первом этапе ведущая роль принадлежала природно-географическим и внешнеполитическим факторам. Ведущими факторами развития второго этапа становятся выгоды географического положения, усиленного развитием железнодорожного строительства, образованием рынка труда, расширением рынка сырьевых ресурсов и сбыта продукции. Третий этап определяется политикой индустриализации страны и особенностями ее реализации с учетом сложившейся инфраструктуры городов. Ведущими факторами четвертого этапа являлись развитие научно-технического прогресса, наличие квалифицированных кадров, накопленный научно-производственный потенциал.

Следует отметить, что для всех этапов эволюции промышленной инфраструктуры было характерно ее развитие, связанное с постоянным расширением границ города и включением в его состав мелких поселений, обладающих собственной производственной базой.

Особенностями каждого этапа являлись:

I этап – характерно хаотичное расположение производственных территорий в планировочной структуре городов;

II этап – тенденция к линейному расположению предприятий вдоль основных планировочных элементов города;

III этап – качественное преобразование производства в центре городов, строительство новых предприятий на периферии;

IV этап – завершение формирования производственного комплекса города, секторное размещение производственных территорий в планировочной структуре городов;

V этап – начало структурных качественных преобразований, интенсификация использования сложившихся производственных территорий.

Кроме того, можно отметить, что развитию производственной застройки в городе свойственны две основные тенденции – постепенное ее смещение к периферии города и циклический возврат в центр. Новое производственное строительство последовательно концентрировалось сначала в центральных частях города, затем в срединных и периферийных.

Сегодня Беларусь находится на пороге следующего этапа в развитии промышленной инфраструктуры своих городов. Формирование этой инфраструктуры будет обусловлено не только новыми технологиями на базе современных информационных ресурсов, глобализацией экономики, усилением экологических требований со стороны общества, ограниченностью и удорожанием ресурсов, но и механизмами исторического развития производственных территорий в городах. «Нет ничего традиционнее градостроительства», и соответственно преемственность в формировании планировочной структуры города была и остается одним из основных принципов его существования и развития.

Список цитированных источников

1. Коваленко, Ю.Н. Научные основы территориальной организации промышленных комплексов / Ю.Н. Коваленко. – Киев: Наукова Думка, 1977. – 142 с.

2. Жмудский, Д.А. Взаимосвязь развития городов и промышленности: обзор / Д.А. Жмудский. – М.: ЦНТИ по гражд. стр-ву и архитектуре, 1974. – 56 с.

3. Лукьянов, В.И. Промышленные районы городов: основы планировки и застройки: учебное пособие / В.И. Лукьянов. – М.: Стройиздат, 1972.

4. Морозова, Е.Б. Эволюция промышленной архитектуры: моногр. / Е.Б. Морозова. – Минск: БНТУ, 2006. – 240 с.

5. Залеская, Г.Л. Архитектура производственных объектов Беларуси конца XVIII – начала XX века: дис. канд. архитектуры: 18.00.05 / Г.Л. Залеская. – Минск, 2005.

6. Болбас, М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795–1900 гг.): автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра экон. наук: 08.00.03 / М.Ф. Болбас; Моск. ин-т нар. хоз-ва им. Г. Плеханова. – М., 1983. – 36 с.

7. Купрейчик, Л.В. Формирование промышленной инфраструктуры города Бреста / Л.В. Купрейчик // Архитектурное наследие Прибужского района. Сохранение и культурно-туристское использование. II науч.-практ. конф. 2010 г. – Брест, 2010. – С. 73–77.

8. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / Сост. А. Г. Карапузова [и др.]; гл. ред. Е.С. Розенблат. – Брест: Альтернатива, 2009. – 308 с.

9. Архітектура Беларусі: нарысы эвалюцыі ва ўсходнеславянскім і еўрапейскім кантэксце: у 4 т. // Ф.В. Лакотка [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – Т 4, кн. 2: Архітэктура XX – пачатку XXI ст. 790 с.

АРХИТЕКТУРНАЯ СТИЛИСТИКА ДВОРЦОВ И УСАДЕБ БЕЛАРУСИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ

Введение. Для современного этапа исследования истории белорусского зодчества характерно обращение к изучению архитектурной стилистики. Причем стиль рассматривается как явление значимое и поэтому для того, чтобы описать стиль, необходимо, прежде всего, понять его смысл.

Наиболее значительный интерес для изучения архитектурной стилистики представляет эпоха Просвещения и романтизма, охватывающая конец XVIII – начало XIX века, что совпадает с Александровской эпохой в истории Российской империи. Именно тогда на белорусских землях распространилось особое явление, называемое виленским классицизмом, которое наряду с белорусской готикой и виленским барокко представляет собой наибольшее достижение художественной культуры белорусского народа. Данная статья посвящена исследованию развития строгого стиля виленского классицизма в архитектуре дворцов и усадеб. Кроме того, рассмотрены и другие стилистические тенденции в дворцово-усадебной архитектуре – палладианство и ампир.

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской программы сотрудничества с Белостокским техническим университетом по теме: «Региональные традиции и их взаимные влияния в архитектуре и искусстве пограничья культур Польши и Беларуси – история и современность».

Основная часть. С началом XIX века, века рационализма, в архитектуре дворцово-усадебных зданий Беларуси происходят значительные изменения. Облик построек становится сдержанным, даже чересчур строгим, архитектурные формы – предельно простыми и лапидарными, объемно-пространственные композиции зданий можно свести к нескольким ясным и даже элементарным схематичным построениям, а декоративное убранство фасадов практически отсутствует. Стилистическое решение построек представляется единым. В нем практически невозможно выделить какие бы то ни было стилистические направления, характерные для определенной местности, творчества зодчего или же связанные с влиянием определенного заказчика-мецената. Этот особый, сдержанный, даже если его можно так назвать – спартанский стиль, ближе всего стоит к палладианству или же академическому классицизму при всех тех оговорках, которые должны быть, когда мы пытаемся соотнести зафиксированное «международное» направление с конкретной, во многом обусловленной местными условиями и традициями архитектурной стилистикой.

Существование такой стилевой окраски вызывает некоторое недоумение. Ведь дворцово-усадебное зодчество Александровской эпохи в Беларуси вроде бы следовало отнести ко времени его расцвета, наивысшего развития всех возможных его качеств, так как эпоха становления классицизма совпадала с екатерининским временем, а завершающая фаза, приходящаяся на Николаевскую эпоху, была еще далеко. С Александровской эпохой в архитектуре Российской империи обычно связывают стиль ампир с его достаточно сложными объемными построениями, современной эстетикой использования чеканных геометрических объемов, с драматическим столкновением объемных построений и включением насыщенного декоративного скульптурного убранства. Однако всего этого мы не видим в дворцово-усадебных постройках на белорусской земле. Поэтому возникает закономерный вопрос: чем же было вызвано это особое стилистическое явление, в чем причины его появления и какое содержание несли дворцово-усадебные постройки александровского времени в Беларуси?

В Александровское время владельцами усадеб и их строителями были дворяне и шляхта. Это был наиболее образованный и передовой слой общества. Существенной частью его мировоззрения являлись идеи Просвещения. Несмотря на то, что в Западной Европе в связи с наступлением послереволюционной эры они утратили свою актуальность, на территории Российской империи идеи Просвещения продолжали существовать, соединяясь с присущей славянам извечной верой во всеобщее переустройство.

Много в этом здесь было пророчеств и мечтаний. И в то же время, как отмечал А.М. Гуревич, в отличие от стран Западной Европы, где просветителям лишь требовалось сформулировать задачи просвещения, а они уж поддерживались большей частью общества, в Российской империи главным было наметить пути их практического воплощения [1, с. 511]. Дворяне в александровское время были заняты поисками путей воплощения этих идей. Характерный пример тому – деятельность графа Н.П. Румянцева в гомель-

ском имени [2, с. 121–234]. Но усилия большинства дворян не шли так далеко и ограничивались своей усадьбой, своим домом. Поэтому и приобретали их дворцы и усадьбы черты строгой простоты, античной героики, ибо, как считали просветители, – искусство должно, прежде всего, учить [3, с. 9].

В Александровскую эпоху в дворцово-усадебном строительстве окончательно сформировался тип открытого публике усадебного дома, дома-музея, дома-салона, являющегося местом встреч и просвещенных бесед лучших представителей современного общества. Центром дома стал не только большой парадный салон, вмещающий памятники старины, портреты предков, античные детали и декор, но и библиотека, содержащая сочинения французских философов-энциклопедистов и книги по истории края, рукописи. Все это напоминало атмосферу, как казалось тогда, античных предков – сарматов и их время – героическое, время подвигов, побед и преодоления невзгод жизни и судьбы.

Вместе с тем в среде дворянства существенное значение имели идеи романтизма. В городской жизни с ее регламентацией и рациональностью, где все было направлено на служение государству и каждый был призван выполнять свои служебные обязанности, они не могли полностью реализоваться. Здесь же, в собственных имениях, дворянин мог отдаться романтическим порывам и мечтаниям. К этим романтическим устремлениям русское дворянство подталкивало недовольство существующим порядком жизни, ожидание грядущих перемен, недовольство крепостным строем, политикой александровского времени, невыполнением демократических обещаний. В среде же дворянства и шляхты, живущей на белорусской земле, примешивались иные чувства, вызванные возникшими здесь историческими катаклизмами.

Произошедший накануне Александровского времени раздел территории Речи Посполитой между более сильными соседями и утрата независимости были с горечью восприняты большинством белорусского дворянства. Многие из тех, кто не выступил на путь открытого сопротивления, оставили свои sentimentальные устремления, беззаботную жизнь и обратились к самоотверженному, спартанскому служению обществу, к подвижнической деятельности во благо отчизны. Здесь главную роль начинало играть искусство. Целью просвещенного дворянина стало собирание свидетельств древности своего народа, памятников его истории и героического прошлого. Характерный и наиболее известный пример этого – деятельность княгини И. Любомирской в своей резиденции Пулавы, где она вела спартанский образ жизни, коллекционируя древности своей страны и создавая для этого постройки в стиле античной Греции – храм Сибиллы, собственный дом и другие здания [4, с. 77]. Такие же действия были предприняты многими представителями шляхты, проживающей на белорусской земле.

Кроме того, с нашествием Наполеона значительная часть местной шляхты связывала надежды на восстановление независимости. Она участвовала в военных действиях на стороне французских войск, помогала французам в их походе на Москву и, вполне естественно, после изгнания Наполеона поплатилась за это преследованиями со стороны русских властей – штрафами, конфискацией имущества и высылкой. В этом случае разочарования и гонения, несмотря на определенную либерализацию жизни александровского времени, также способствовали формированию у местной шляхты «спартанского» поведения, которое приводило к созданию скромного, даже аскетичного облика их дворцов и усадеб.

Не следует забывать и о влиянии на наиболее передовую часть шляхты идей французской революции с ее лозунгами экономии и труда, которые на белорусской земле получили несравненно больше влияние, нежели на территории России, учитывая более тесные связи с Западной Европой и большую демократичность общественных отношений.

Строгий, подчас как бы специально упрощенный стиль стал во многом стилем малых и средних дворянских усадеб. Их скромные художественные программы с простым, иногда даже огрубленным бытом, соответствовали той своеобразной поэтизации бедности, которая отмечалась исследователями не только польской, но и русской культуры [5, с. 183].

Экономические условия начала XIX века способствовали появлению большого числа средних и малых усадеб. Крупные поместья из-за своей нерентабельности начинали распадаться. Их земли попадали в руки оборотистых людей, деятельность которых никак не предполагала создание роскошного обрамления собственной жизни, а была созвучна требованиям нарождающихся капиталистических отношений. В то же время крупные магнаты, занятые борьбой за независимость и претерпевшие значительные гонения со стороны новых властей, воздерживались от строительства на белорусской земле усадеб и дворцов. Некоторое влияние оказывал здесь также франклиновский пример «дома морального», развивающего в своей основе эпикурейскую этику середины и среднего класса [6, с. 29].

Основными заказчиками строительства дворцов и усадеб в начале XIX века были белорусские магнаты и шляхта. Русских дворян в Беларуси было немного, менее пяти процентов от численности всех владельцев, и их поместья находились, в основном, на восточных землях [7, с. 118]. Это положение вызвано

тем, что при Павле I и Александре I была фактически отменена раздача земель, и поэтому после второго и третьего разделов Речи Посполитой русских владельцев здесь не добавилось. Польские магнаты в начале XIX века в большинстве своем лишились белорусских земель [8, с. 47].

Все это существенно отразилось на ориентации дворцово-усадебного строительства в Беларуси на тот или иной культурный центр. Петербург здесь не играл той ведущей роли, как это было в строительстве административно-общественных зданий. Русских владельцев было мало, а среди местного дворянства Петербург в связи с разделами Речи Посполитой и политикой русского правительства не был популярен. Влияние его архитектуры было в большей степени опосредованным – в основном через губернских архитекторов, тех, которые были выпускниками Петербургской академии художеств и в силу своего служебного положения вынуждены были следовать петербургской моде.

Культурными центрами для усадебного строительства стали Вильно и Варшава. Варшава оказывала несравнимо меньшее влияние. В основном, оно было связано со следованием прежней архитектурной традиции, а так же в связи с деятельностью тех зодчих, которые после ликвидации в Варшаве королевского двора вынуждены были искать заработок в провинции. Некоторое повышение влияния архитектуры Варшавы наблюдается после создания Королевства Польского в 1815 году, когда в столице оживилось строительство. Но все эти влияния были несравненно менее значительными, нежели влияние Вильно, который стал центром западных земель Российской империи.

С Вильно белорусские земли были связаны административно – в состав Виленской губернии входили северо-западные земли Беларуси – и тем самым попадали в сферу деятельности виленских зодчих. У многих белорусских магнатов были дворцы в Вильно и сохранялись связи с виленскими зодчими. Но все же главным была та особая популярность виленского классицизма, которая была вызвана именно его характерными стилистическими качествами – особым античным характером, простотой и некоторой тяжеловесностью в трактовке архитектурных форм, что очень подходило к потребностям и вкусам местных владельцев усадеб. Создан он был работавшими в Виленской иезуитской академии и затем в Виленском университете М. Кнакфусом, К. Спампани, М. Шульцем и особенно Л. Гуцевичем [9]. В их деятельности органично соединены местные традиции, достижения французского классицизма и педагогические методы М. Ложье, влияние А. Палладио и на рубеже XVIII–XIX веков – Ж. Дюрана.

Что же означал стиль дворянской усадьбы александровского времени, какое содержание было заключено в нем? Строгий облик дворянской усадьбы прекрасно соответствовал спартанскому поведению ее обитателей и как бы отсылал зрителя к воспоминаниям об архитектуре Античной Греции и Рима. Наиболее характерным мотивом архитектуры усадьбы был портик дорического ордера с треугольным фронтоном. Он являл собой образ античного храма. Причем зачастую создатели усадебного дома стремились вкомпоновать напоминающий храм высокий прямоугольный объем в среднюю его часть. Здесь они располагали парадные помещения, в которых должны были собираться для общения избранные люди современного им общества – дворяне. Такое архитектурное окружение напоминало владельцам усадьбы о величии их предков – сарматов, о жизни которых мечтали современные магнаты и шляхта. Использование в архитектуре усадьбы облика языческого античного храма казалось совершенно уместным, особенно если вспомнить о том, что именно классицистическое искусство в эпоху Просвещения являлось своеобразным заменителем религии.

С другой же стороны, портик, размещенный на фасаде усадьбы, являлся знаком принадлежности ее владельцев к привилегированному сословию общества, к дворянству, являвшемуся носителем основ древней культуры. Он был виден издали и отличал шляхетскую усадьбу от крестьянской хаты.

Этот суровый сдержанный стиль получил свое наиболее полное воплощение в простых по очертаниям с прямоугольной формой плана усадебных домах, украшенных портиком. Такие постройки соединяли в себе требование скромной эстетики прирожденного спартамца, вынужденного, кроме того, в тяжкие для отчизны времена экономить средства, с необходимостью создания хотя бы минимальных удобств для гармоничной жизни. В начале XIX века мы практически не встречаем в усадебном строительстве центрических, близких к квадрату в плане построек с залом посередине и увенчанных куполом. Такая компоновка не была удобной, так как требовала устройства специального освещения средней части здания. Благодаря своим эстетическим качествам – идеальности построения, основанного на использовании простых геометрических фигур, полной симметрии, она применялась для создания загородных дворцов-вилл, предназначенных для кратковременного проживания и эстетического времяпровождения. Такие архитектурные программы не были в почете у местного дворянства начала XIX века. Поэтому мы находим по-

добный пример лишь единожды – в усадьбе Своротва близ Новогрудка, ставшей своеобразным повторением дворца Станислава Августа в Лазенках и вызывающей ностальгические воспоминания о независимой Речи Посполитой и королевской власти [10, с. 370]. Кроме того, тема палладианской постройки с куполом использована в усадьбе Яновичи близ Клецка, правда, в своеобразной и приближенной к местным условиям провинциальной переработке [11, с. 224]. В ее проектировании, возможно, применены чертежи из альбома французского архитектора Ж. Неффоржа.

Постройки при своей общей объемно-планировочной схеме – прямоугольной в плане с портиком на главном фасаде, отличались числом этажей, высотой портика и использованием строительного материала – дерева или камня. Это было, прежде всего, обусловлено экономическими возможностями владельца и его амбициями.

Наиболее распространенным был одноэтажный дом с портиком высотой в один этаж [10, с. 233; 11, с. 363]. Такие дома возводились мелкой и средней шляхтой. Очень редко перед домом устраивались два флигеля, обрамляющие парадный двор. В основном флигели располагались за домом вблизи хозяйственных построек. Усадебные дома были, в основном, деревянные, а портики на фасаде – четырех колонные, дорического ордера, выполненного в обобщенной трактовке.

В устройстве внутренних помещений использовались построения с двумя рядами анфилад вдоль длинных сторон здания. Коридоры пока еще не вводились, а если и применялись в отдельных случаях, то лишь в торцах здания для устройства отдельного входа и хозяйственных помещений. Парадные апартаменты находились в средней части здания. К вестибюлю, как правило, примыкали библиотека и кабинет владельца. На поперечной оси дома за вестибюлем находился зал, по сторонам его – столовая и парадная спальня. В торцах здания располагались жилые комнаты. Все помещения имели простые очертания. Лишь в усадебном доме в Ищелно близ Щучина салон имел овальную форму в соответствии с барочной традицией [12, с. 144]. В интерьерах парадных помещений царила простота отделки. «Античные» элементы включались лишь в виде печей, похожих на обелиски, дополнялись мебелью в стиле ампир и живописными полотнами в духе Г. Робера.

Главным «античным» элементом дома являлся портик, доступный взорам всех находящихся неподалеку. В этой ситуации у владельцев усадьбы возникало вполне понятное желание как-то подчеркнуть его, выделить, с тем чтобы этот знак принадлежности к дворянству был виден особенно хорошо. К тому же под влиянием романтизма многие владельцы стремились включить в архитектуру собственного жилища своеобразную цитату из древнегреческой архитектуры – облик античного храма. Греческая архитектура была очень популярной в Европе благодаря борьбе народа Греции с турками за независимость. И это приводило к созданию большого портика, высотой в два этажа, причем зачастую эти портики устраивались с двух сторон дома, придавая центральной части постройки черты сходства с греческим диптером. В этом случае строгие формы классицистической архитектуры в сочетании с пейзажным парком являлись напоминанием о древнегреческой архитектуре, тесно связанной с природным окружением.

Таких построек на Беларуси было много, и их облик стал традиционным для белорусского пейзажа (рис. 1). Подобное здание было описано А. Мицкевичем в поэме «Пан Тадеуш» и напоминало дом в Чомброве под Новогрудком (рис. 2). Для создания более представительного вида портики иногда поднимались на аркады, что мы видим в усадьбе в Лунине близ Лунинца [10, с. 70]. В планировке подобных зданий были использованы те же приемы, что и в домах с невысоким портиком. Лишь в вестибюле размещалась лестница на второй этаж.

Элементы стиля ампир в таких усадьбах встречались крайне редко, учитывая их достаточно скромную художественную программу и отсутствие, в основном, связей с петербургской архитектурой. Лишь в Зельванах близ Мостов мы видим вместо фронтона аттик [10, с. 416], да домик для летнего проживания графа Н.П. Румянцева в Гомеле имеет аттик, ампирную рустовку, греко-дорический ордер колонн, поддерживающих балкон, ниши со скульптурными рельефами (рис. 3).

Стремление к созданию на основе этой простой схемы более богатого дома проявилось в возведении прямоугольного в плане с портиком двухэтажного дома. Это было связано с экономическими требованиями, выдвинутыми эпохой, о чем писал польский теоретик архитектуры П. Свитковский в своей книге по сельскому строительству, изданной в Варшаве и Львове в 1782 году, а также с желанием заказчиков создать постройки с более развитым декоративным оформлением [6, с. 26]. Кроме того, требования классицизма по созданию анфилады парадных залов в одноэтажном протяженном по плану здании приводили к серьезным неудобствам.

В расположении помещений создатели двухэтажных построек также следовали примеру античности. Как указывал А. Палладио, а он это делал на основании положений Витрувия, на первом этаже должно располагаться жилье хозяина дома [13, с. 118]. Второй же этаж предназначался для жилых помещений семьи. Лестница в этом случае занимала подчиненное положение в интерьере, смещаясь в сторону от главной оси. Двухэтажные дома отличались более богатым репертуаром архитектурных форм (рис. 4).

Перечисленные нами прямоугольные в плане дома с портиками на фасаде, скрывающиеся в зелени пейзажных парков, стали неотъемлемой частью белорусского пейзажа, своеобразным романтическим символом родины, отчизны, как бы построенным на следовании древним традициям строительства. Однако этот символ был новым, и основанием его создания была архитектура Античной Греции. Местных влияний здесь практически не было. Лишь создаваемые в некоторых случаях, например, в доме в Бигосово, боковые ризалиты с портиками на них напоминали о выступах-альежах домов белорусского барокко, которые в свою очередь являлись рудиментами башен средневековых замков [11, с. 206].

Этими постройками не ограничилось дворцово-усадебное строительство александровского времени. Были и иные, более представительные здания на Беларуси. В их создании использована характерная для творчества А. Палладио тема дома с прямыми галереями. Подобное строительство было вызвано стремлением заказчиков создать большую по объемам постройку, ориентацией зодчих на использование наследия великого зодчего (проектировщики подобных зданий М. Шульц и Д. Кларк были последователями творчества Палладио), желанием владельцев уподобить свой усадебный дом итальянским виллам, которые они видели во время путешествий. Постройки эти во многом повторяли творения Палладио с присущими белорусскому зодчеству коррективами. Так колоннады заполнялись помещениями, использование усадьбы в Залесье около Сморгони в качестве охотничьего домика привело к устройству над портиком башни с часами [12, с. 451] (рис. 5).

Влияние наследия Палладио проникало на белорусские земли не только через архитектурные трактаты и непосредственные впечатления от итальянских построек, но и через Англию, где традиции великого итальянца особенно почитались. Так, «экономический» домик графа Н.П. Румянцева в Гомеле строился по образцу дома в Бедфордшире, возведенного в 1795 году палладианцем Г. Голландом (рис. 6, 7) [2, с. 212, 213; 14, с. 231]. Наиболее же выдающаяся дворцовая постройка александровского времени на Беларуси – дворец в Снове, во многом повторяла объемное построение известных дворцов в Англии – Ктел-Хоуард и Хольхем-Холл [15, с. 176]. Это было вызвано давними симпатиями владельца к английской культуре со времени его обучения в Оксфорде [10, с. 352]. Кроме того, фасад дворца в Снове на удивление точно повторяет чертеж дворца графа О. Тьене в Квинто из книги А. Палладио (рис. 8, 9).

Заключение. Подытоживая рассуждения о дворцово-усадебном зодчестве Александровского времени, следует сказать, что появление сдержанного варианта классицистического стиля было во многом обусловлено специфическими условиями, сложившимися на Беларуси. Этот скромный вариант

стиля в одинаковой мере отвечал запросам бедных и богатых владельцев, был связан с идеалами Просвещения и романтизма, носителем которых было белорусское дворянство. В эпоху катаклизмов он напоминал о героике Древнего Рима и Древней Греции, был связан с классицизмом Франции, с которой были соотнесены мечты о независимости, и отвечал идеям французской буржуазной революции.

Рисунок 1 – Дворец И. Тышкевича в Воложине (1800-е гг.). Общий вид (фото автора)

Рисунок 2 – Усадебный дом Карповичей в Чомброве под Новогрудком (начало XIX в.). Общий вид (по Р. Афтаназию)

Рисунок 3 – Летний домик графа Н. П. Румянцева в Гомеле (1818 – 1822 гг., арх. И. Дьячков). Общий вид (фото автора)

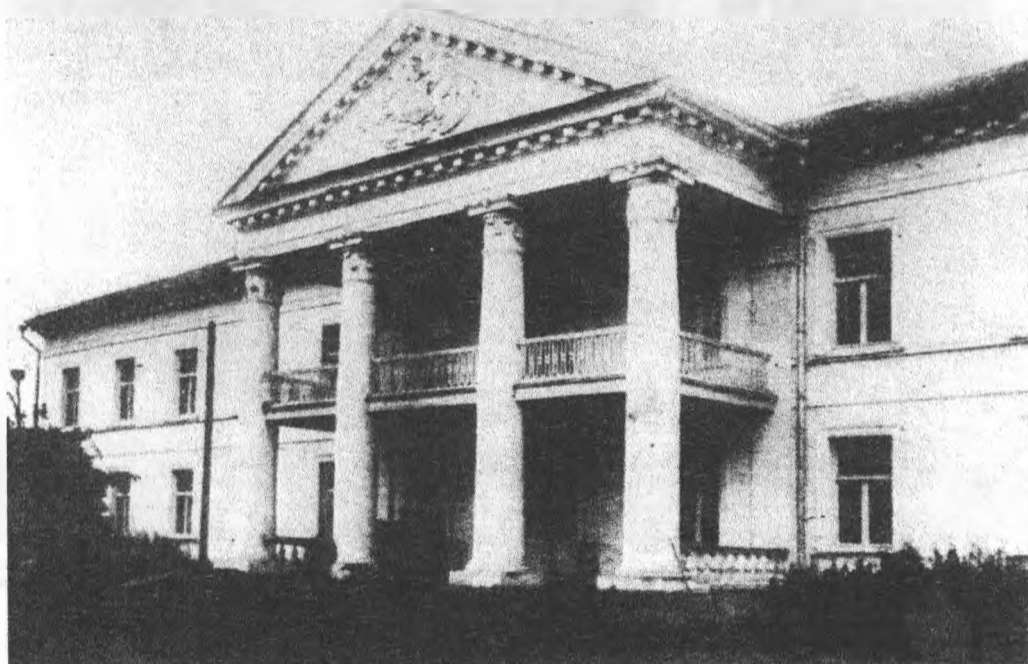
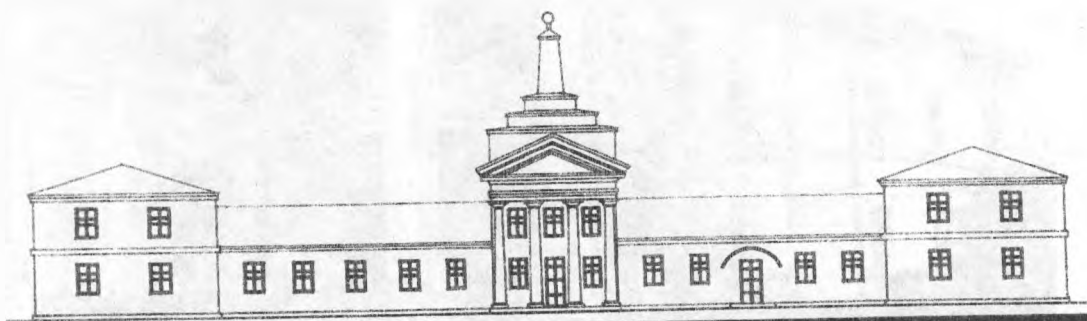
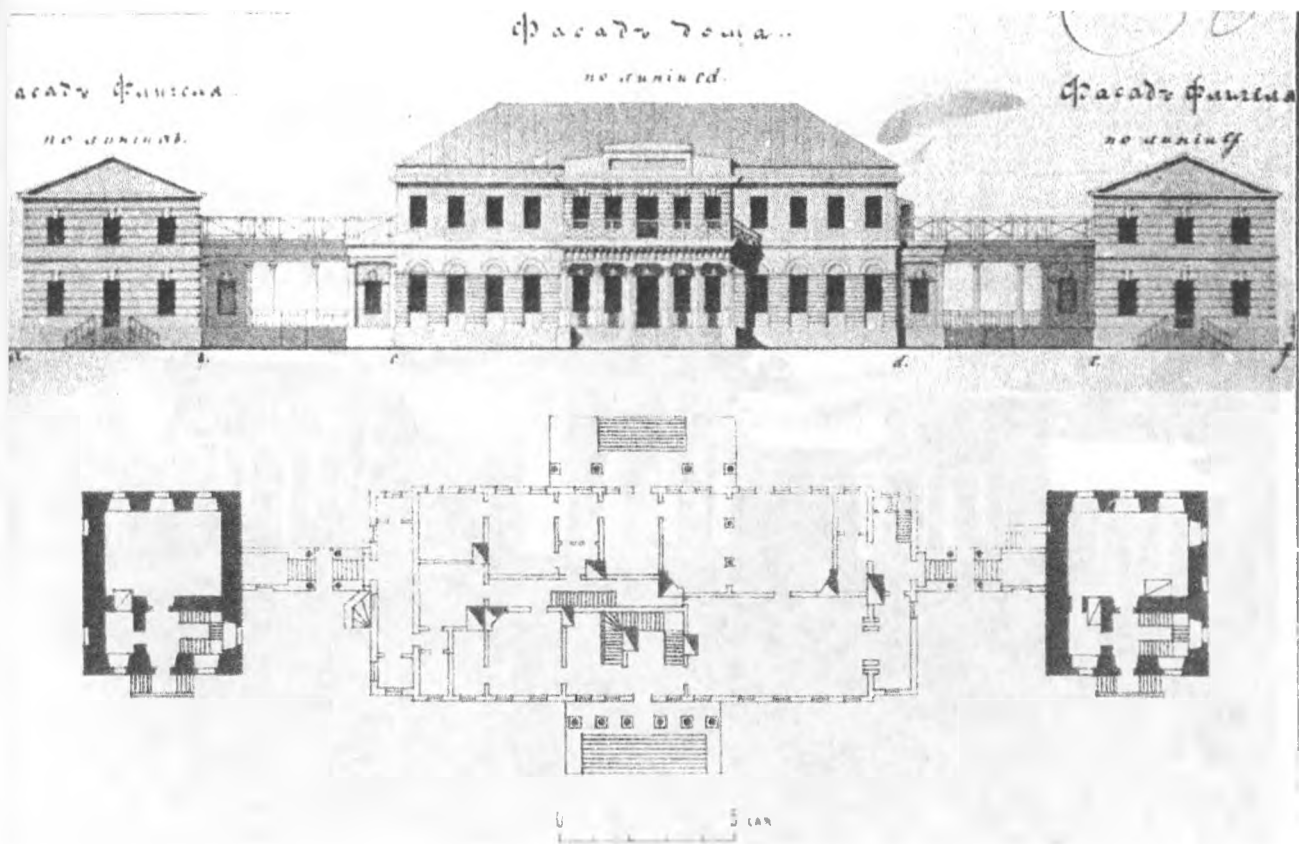

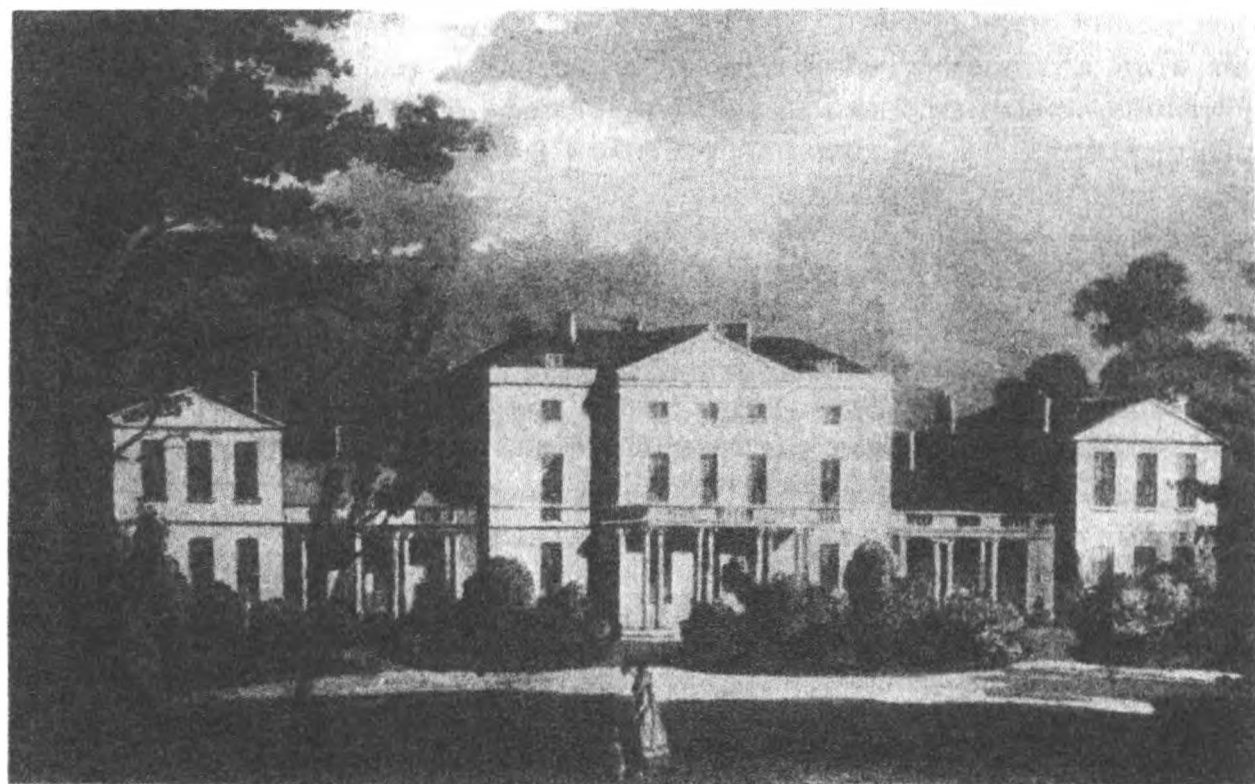
Рисунок 4 – Дворец Л. Ошторпа в Дукоре (начало XIX в.). Общий вид (по Р. Афтаназию)

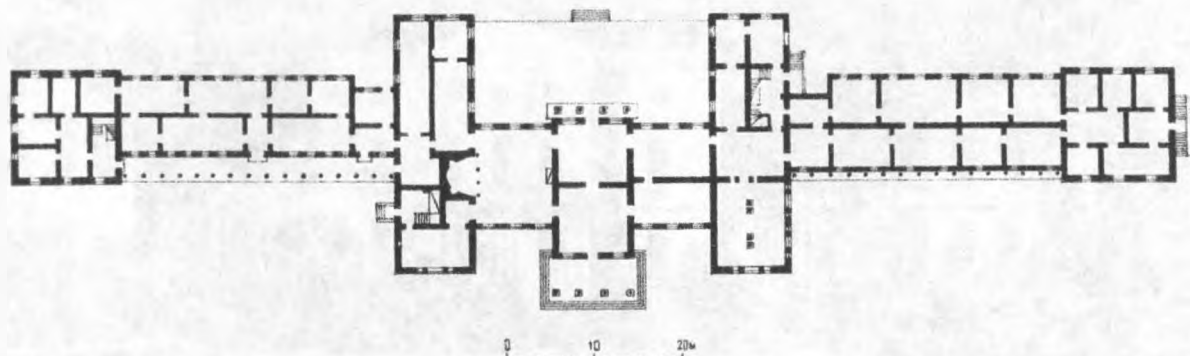
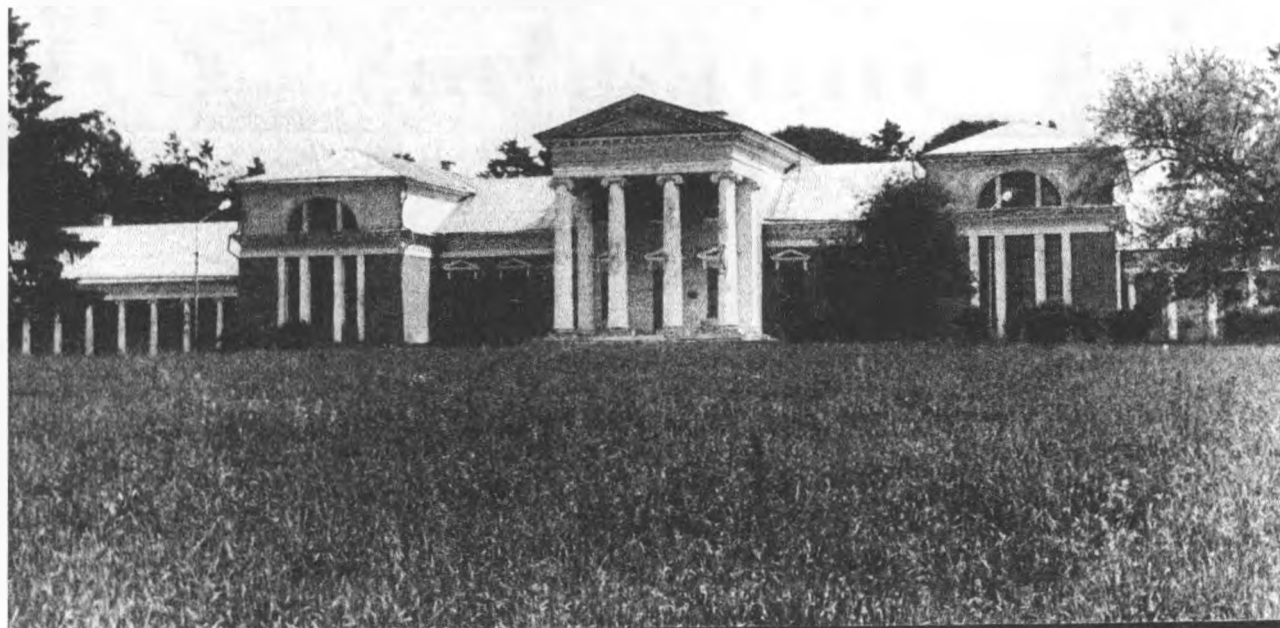
**Рисунок 5 – Дворец графа М. К. Огинского в Залесье (1804 – 1805 гг., арх. М. Шульц).
Общий вид (фото и чертеж автора)**

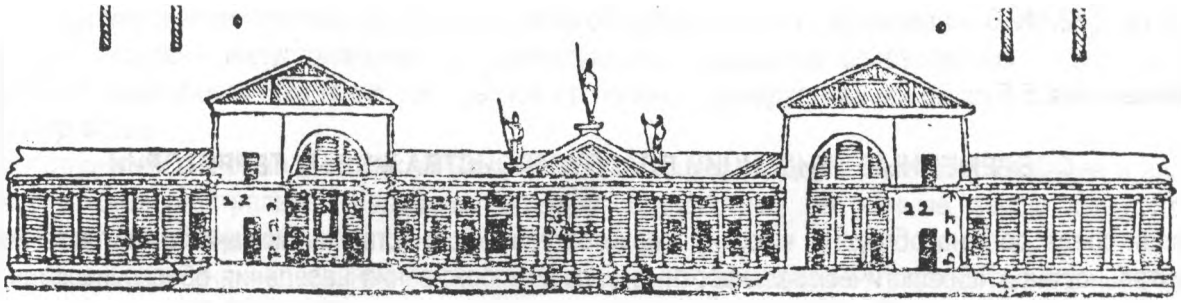
**Рисунок 6 – «Экономический» дом графа Н. П. Румянцева в Гомеле (1799 – 1819 гг., арх. Дж. Кларк).
Главный фасад и план (РГИА С-Пб)**

**Рисунок 7 – Усадебный дом в Бедфордшире в Англии (1795 г., арх. Г. Голланд).
Общий вид (по А. Ричардсону)**

**Рисунок 8 – Дворец К. Рдултовского в Снове (начало XIX в.).
Общий вид, фрагмент главного фасада, план (фото и чертежи автора)**

**Рисунок 9 – Дворец графа Тьене в Квинто в Италии (около 1555 г., арх. А. Палладио).
Фрагмент фасада (по А. Палладио)**

Список цитированных источников

1. Гуревич, А.М. О типологических особенностях русского романтизма / А.М. Гуревич // К истории русского романтизма. – М.: Наука, 1973. – С. 505–525.
2. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В.Ф. Морозов. – Мн.: Четыре четверти, 1997. – 336 с.
3. Вольтер, Ф. Эстетика. Статьи. Письма. Предисловия и рассуждения / Ф. Вольтер. – М.: Искусство, 1974. – 391 с.
4. Szmygin, B. Świątynia Sybilli i domek gotycki w Puławach jako odzwierciedlenie tła historycznego początków Królestwa Polskiego / B. Szmygin // Architektura i urbanistyka w krajobrazie historycznym królestwa Polskiego 1815–1914. – Warszawa: SKZ, 1992. – S. 75–82.
5. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство – СПб., 1994. – 399 с.
6. Leśniakowska, M. „Polskidwór”: wzorce architektoniczne, mit, symbol / M. Leśniakowska. – Warszawa: Instytut Sztuki PAN, 1992. – 120 p.
7. Козловский, П.Г. Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII – первой половине XIX в. / П.Г. Козловский. – Мн.: Наука и техника, 1982. – 206 с.
8. Boberski, W. Architektura ziem 1 zaboru rosyjskiego / W. Boberski // Kultura i polityka. Wpływ polityki rusyfikacyjnej na kulturę zachodnich rubieży imperium rosyjskiego (1772–1915). – Warszawa: Instytut Sztuki PAN, 1994. – S. 43–74.
9. Tatarkiewicz, W. Dwa klasycyzmy wileński i warszawski / W. Tatarkiewicz. – Warszawa: E. Wende, 1921. – 34 s.
10. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: Część 1. Wielkie Księstwo Litewskie / R. Aftanazy. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991 – 1993. – T. 2: Województwa brzesko-litewskie, nowogródzkie. – 1992. – 474 s.
11. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: Część 1. Wielkie Księstwo Litewskie / R. Aftanazy. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991 – 1993. – T. 1: Województwa mińskie, mścisławskie, połockie, witebskie. – 1991. – 336 s.
12. Aftanazy, R. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej: Część 1. Wielkie Księstwo Litewskie / R. Aftanazy. – Wrocław, Warszawa, Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1991 – 1993. – T. 4: Województwo wileńskie. – 1993. – 550 s.
13. Palladio, A. Cztery księgi o architekturze / A. Palladio. – Warszawa: PWN, 1955. – 338 s.
14. Richardson, A.E. The smaller English house of the later Renaissance 1660 – 1830 / A.E. Richardson, B.A. Donaldson-Eberlein – London: B. T. Batsford, 1933. – 287 p.
15. Sztukabaro: architektura, rzeźba, malarstwo; pod redakcją Rolfa Tomana. – Warszawa: GmbH h.f. ullmann, 2007. – 500 s.

ARCHITECTURAL STYLES OF THE PALACES AND COUNTRY HOUSES OF THE ALEKSANER EPOCH IN BELARUS

The article is about the development of the "strong style" in Vilnius classicism, the "Palladian" style and "empire" style in architecture of the Belarusian palaces and country houses within the Alexander epoch.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЛАГОУСТРОЙСТВА ЖИЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ

Жилая среда должна обладать высокими архитектурно-художественными качествами, эстетической выразительностью. Психологически комфортные условия проживания населения обеспечиваются оптимальной плотностью застройки, достаточной озелененностью жилых территорий, размерами и пропорциями дворовых пространств. Жилая среда должна иметь пространственные параметры, сомасштабные человеку. Соизмеримой с масштабом человека считается жилая застройка этажностью до 5 этажей.

На протяжении последних 20 лет в Минске планомерно ведется работа по благоустройству городских дворов, которая начиналась в рамках «Целевой программы дополнительных мер по благоустройству дворовых территорий» в 1997 году.

Психологический и физический комфорт наших жилых дворов может быть достигнут архитектурно-ландшафтными приемами – продуманной композицией древесно-кустарниковых насаждений, индивидуализацией малых архитектурных форм и элементов внешнего благоустройства. На практике же наблюдается хаос в цветочных посадках, ассортимент зелени не меняется, постоянно повторяются не только стандартные малые формы, но и приемы их компоновки.

В благоустройстве жилых территорий в свое время большую роль сыграл типовой проект 320 – 53 «Малые формы и элементы благоустройства жилых зон микрорайонов» (авторы Вишневская Э.Р. и др. – институт Белгоспроект, 1976 г.) Некоторые из этих малых архитектурных форм и элементов благоустройства существуют до настоящего времени.

Материалы, используемые при изготовлении малых форм, существенно различаются по прочности, долговечности, безопасности для здоровья людей трудоемкости при изготовлении и эксплуатации. Еще совсем недавно основным и часто единственным элементом благоустройства на жилых территориях были деревянные скамьи и детское типовое оборудование из бетона или металла, единственным преимуществом которых является их долговечность.

Рассматривая позицию потребителя по отношению к осваиваемой им среде, можно отметить, что высокий уровень оборудованности среды очень редко осознается горожанином, а нехватка какого-то оборудования или его неисправность замечается сразу же. Оборудование детских игровых площадок, как правило, металлическое, требует ремонта или замены, уличная мебель не создает индивидуальной запоминающейся среды. К основным элементам предметно-пространственной среды жилых территорий относятся:

- игровое оборудование для координации движения, лазания, развития смелости, конструкторских игр, развития воображения;
- уличная мебель – скамьи, столы, беседки, перголы и другие теневые навесы;
- спортивное оборудование – гимнастический комплекс, столы для тенниса, дорожки для роликов, велосипедов;
- декоративные элементы – устройства для цветов, элементы украшения и обслуживания территории – скульптура, фонтаны, бассейны, светильники, урны и др.;
- хозяйственное оборудование – стойки для сушки белья и чистки вещей, площадки для мусоросборников;
- покрытия площадок и дорожек и элементы обустройства рельефа – подпорные стенки, лестницы, пандусы.

Есть попытки вернуть в жилую среду беседки. Являясь организованным пространством для общения (о чем свидетельствует само название), при переменчивости белорусской погоды беседки удобны для защиты от дождя, ветра, солнца. Другой вопрос – качество архитектуры беседок, которые могли бы сыграть важную роль в организации дворового пространства, его украшении.

В последнее время в наших дворах появилось детское игровое оборудование из пластика. Это дало возможность создания пластичных и эстетически выразительных форм. К их достоинствам можно отнести легкость и возможность применения индустриальных методов изготовления, но все же это дорогостоящее оборудование, которое не всегда органично вписывается в среду жилых территорий.

На современном этапе мы по-новому смотрим на традиционные экологичные материалы, используемые при проектировании малых архитектурных форм. Это прежде всего, конечно, дерево, натуральный камень.

При формировании предметно-пространственной среды жилых образований важно рациональное сочетание массовых индустриальных и индивидуальных элементов оборудования. В составе жилых территорий выделяются пространства с разной степенью индивидуализации оборудования и элементов благоустройства:

- пространства фоновые – на них размещается преимущественно типовое оборудование и элементы благоустройства (нейтральные недорогие мощения, стандартные лестничные марши, осветительное, игровое и другое оборудование);

- пространства индивидуальные – оборудуемые по специально разработанным проектам с применением улучшенных деталей и материалов – это участки школ, детских дошкольных учреждений, объектов обслуживания, торговли;

- пространства уникальные – формируемые с использованием оригинальных произведений искусства и ландшафтного дизайна – это главные композиционные узлы, направления и пересечения пешеходных путей жилого образования.

По сроку службы оборудование и элементы благоустройства можно подразделить на:

- долговременные (покрытия, элементы планировки рельефа, деревья) – срок службы 10–15 лет;
- средних сроков эксплуатации (оборудование из металла и пластика, малые архитектурные формы) – 5–10 лет;
- кратковременного функционирования (городская мебель, оборудование из дерева) – 3–5 лет.

Затраты на оборудование и элементы благоустройства открытых пространств жилых территорий следует дифференцировать с учетом расчетного периода эксплуатации. Значительные расходы допустимы на пластику рельефа и его обработку – покрытия, подпорные стенки, лестницы, пандусы (базовые, долговременные архитектурно-ландшафтные элементы). Быстро стареют морально и физически и заменяются чаще – городская мебель, игровое оборудование [1].

В пределах жилых территорий формируются приватные, соседские, общественные пространства. Приватные (индивидуальные) пространства в многоквартирной жилой застройке создаются у квартир на первых этажах жилых зданий путем организации приквартирных озелененных участков (палисадников), а также на террасах, эксплуатируемых крышах жилых зданий. Они предназначены для уединенной рекреации вблизи жилища, что привлекательно для пожилых людей, родителей с детьми. Часто они огораживаются живыми изгородями из кустарника, украшаются декоративными растениями, цветами или могут иметь сплошной травяной газон. Благодаря регулярному уходу, индивидуальные озелененные пространства обычно отличаются высокими декоративными качествами.

Соседские (коллективные) пространства создаются для людей, проживающих в одном дворе. По существу, они представляют собой двор, используемый и контролируемый совместно живущими в нем людьми. Они способствуют социальной сплоченности соседств при условии ограничения доступа в жилые дворы посторонних. Соседские жилые пространства неоднородны по функциональному использованию: наряду с организацией тихого отдыха старших возрастных групп проживающего населения, в них необходимо размещение площадок для игр детей, хозяйственных площадок. Площадки разного функционального назначения следует разделять плотными посадками зеленых насаждений для изоляции от шумовых и зрительных контактов.

При архитектурно-ландшафтной организации соседских жилых пространств применяются разнообразные приемы озеленения, цветочного оформления, моделирования рельефа, устройства покрытий, компоновки оборудования. Соседские пространства хорошо обозреваются из окон окружающих зданий и при их архитектурно-ландшафтной организации необходимо учитывать особенности визуального восприятия формируемых композиций с разных высотных отметок.

Для соседских пространств важна индивидуальность формируемой среды. Этим целям может служить изменение характера рельефа с формированием искусственных холмов, откосов, покрытых травяным газон, применение различных видов растительности, включая декоративные кустарники и почвопокровные растения, размещение пленэрной скульптуры.

Общественные пространства предназначены для общения и рекреационных занятий людей вне зависимости от места их проживания. Обычно это парк или другая озелененная территория, расположенная вблизи жилого образования. Они оборудуются детскими игровыми комплексами, площадками для подвижных игр подростков, площадками для спортивно-оздоровительных занятий различных возрастных групп населения, местами для прогулок, тихого отдыха, площадками для выгула собак [1].

Благоустройство жилых территорий необходимо осуществлять с учетом требований всех категорий населения, включая физически ослабленных лиц. Физически ослабленные лица составляют значитель-

ную часть населения. Им трудно, а иногда и невозможно пользоваться средой, удобной для большинства населения. Поэтому жилые территории должны быть соответствующим образом оборудованы с учетом требований физически ослабленных лиц.

Все средства отображения информации, доступные для физически ослабленных лиц, можно объединить в две группы:

- технические средства информации;
- природные (естественные) средства информации.

Элементы озеленения и благоустройства на жилых территориях могут выступать в роли природных ориентиров для слабовидящих. Например, использоваться для обозначения входов на различные площадки, размещенные во дворах, для акцентирования входных узлов в подъезды. В качестве визуальных акцентов рекомендуется применять ландшафтные композиции с использованием крупных и ярких насаждений, имеющих легко опознаваемые цвета и запах; цветочные контейнеры различных форм и цвета; группы высоких деревьев или низко стриженных кустарников [2].

Необходимость новых подходов к оборудованию и благоустройству жилых территорий определяется новыми требованиями жителей к среде под открытым небом, изменениями социально-демографической структуры населения, а также моральным и физическим износом малых архитектурных форм. Важным фактором, влияющим на комфортность жилых территорий, является изменение градостроительно-ландшафтной ситуации, включающее совершенствование системы транспортного обслуживания, изменение функций первых этажей, устройство приквартирных садиков – террас, изменения трассировки пешеходных направлений.

Список цитированных источников

1. Архитектурно-ландшафтный дизайн: теория и практика: учебное пособие / Под общ. ред. Г.А. Потаева. – М.: Форум; ИНФА-М, 2013. – 320с.: цв. ил.

2. Лазовская, Н.А. Формирование безбарьерных пространств в объектах агротуризма / Н.А. Лазовская // Актуальные проблемы архитектуры и строительства: мат-лы межд. научн.-практич. конф. г. Благовещенск, 25 февраля 2014 г. – Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2014. – С. 261–268.

УДК 7.025.5

Ожешковская И.Н., Кривцова А.А.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕРЕВНИ БЫТЕНЬ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Деревня Бытень Брестской области Ивацевичского района, расположенная в 215 км от Минска, является на сегодняшний день вымирающим населенным пунктом, несмотря на существовавший здесь когда-то развитый культурно - ремесленный центр. Некоторое время назад Бытень считался поселком, но впоследствии он потерял свой статус. Первое письменное упоминание о Бытене как об имении Довойнов в Слонимском повете Новогрудского воеводства относится ко времени Великого княжества Литовского и датируется 12 мая 1555 года. В 1607 году владельцы местечка Григорий Тризна с женой Региной (из шляхетского рода Сапегов) профинансировали строительство монастыря, который вскоре стал оплотом греко-католичества в Великом княжестве Литовском. Первым настоятелем монастыря стал униатский архиепископ Иосафат Кунцевич. В 1615 году Папа Римский присвоил монастырю привилегию на открытие духовной школы (новициант). Позднее при нём появилась больница - правда, всего на 10 мест. Именно вокруг монастыря стала развиваться многие столетия общественно – религиозная жизнь, и как следствие, расти поселение (рис. 1).

Базилианский монастырь в Бытене Новогрудского воеводства, существовавший в 1607–1845 гг., является одним из наиболее ярких образцов сочетания православной и католической традиций в архитектуре. К сожалению, последствия двух мировых войн практически полностью уничтожили этот памятник архитектуры барокко. От большого комплекса монастыря, включавшего в себя церковь Рождества Богородицы, примыкавшего к нему двухэтажного жилого корпуса, госпиталя, въездной брамы с колокольней-звонницей II половины XVIII в., сохранилась только Успенская церковь, построенная в 1673 г. как каплица.

Рисунок 1 – Гравюра XIX века

Настоятелями монастыря были такие легендарные униатские религиозные деятели, как И. Кунцевич и Б. Тарлецкий. Здесь, по привилегии папы римского, была открыта духовная школа, которая дала образование многим священнослужителям униатской церкви. Во время войны 1654–1667 гг. монастырь приютил базилиан всей Речи Посполитой, сохранив в это смутное время чудотворные образы Матери Божьей из Троицкого монастыря в Вильне и Свято-Успенского монастыря в Жировичах [1, с. 151]. В XVII в. Бытеньская обитель считалась самой сильной и богатой в ордене. Основателем монастыря считается слонимский маршале Григорий Тризна, представитель знаменитого рода, придерживающегося униатства. Каменный монастырь был заложен в 1640 г. Возведение соборной каменной церкви игуменом Иосифом Петкевичем датируется концом XVII – началом XVIII в. Различные источники указывают 1673 г. [2, с. 142], 1708–1710 гг. [3, с. 98–99], 1710 или 1711 гг. [4, с. 462]. Существуют и разночтения в названии храма. В белорусской историографии он упоминается как церковь Рождества Богородицы, собор св. Иосифата (1710), Троицкая церковь (1780).

Возведенная как униатская, Троицкая церковь принадлежала к числу памятников виленского барокко, но своим своеобразием, основанным на повторении идеи раннехристианского крестово-купольного храма, создала еще одну разновидность этого стилистического направления в архитектуре [5, с. 189]. Вытянутый план церкви в виде латинского креста, такой характерный для католического строительства, имеет совершенно не свойственное ему завершение в виде развернутых под углом друг к другу полукруглых боковых фасадов. Вместе с полукруглой апсидной частью такого же размера они создают символичную для православия трехапсидность, при которой боковые фасады трактуются как боковые апсиды [2, с. 189]. Однако весьма возможно, что первоначально бытеньский храм строился как центрический с боковыми каплицами, и только позднее храм превратился в шестистолпную двухбашенную купольную базилику [4, с. 463]. Внутренне пространство средокрестия было перекрыто восьмигранным шатром, который опирался на подпружные арки центрального квадрата. Снаружи шатер решался в виде купола, что не соответствовало внутренним сводам внутри его.

Документы фотоархива института искусств Польской академии наук, датируемые 1939 г., показывают состояние церкви накануне Второй мировой войны. Несколько в другом ракурсе такое же плачевное состояние храма подтверждают снимки 1930-х годов виленского Товарищества любителей наук (рис. 2) [2, с. 141–144].

Сейчас в деревне Бытень нет развитой инфраструктуры, население постепенно уменьшается, сокращается число рабочих мест. Современный облик деревни представляет типовую застройку, прошлого века морально устаревшую и не представляющую никакой художественно-эстетической ценности. Для возрождения деревни в первую очередь необходимо включить ее культурную жизнь района. Это в первую очередь возможно при возрождении былого величия монастыря, как православного духовного центра. Нахождение в 20 км от Бытеня Жировицкого Успенского монастыря позволит создать единую систему духовно-просветительского комплекса. Кроме того, способствует включить Бытень в туристический маршрут, который вместе с Жировичами станет популярным среди паломников.

Воссоздание утраченного облика Успенского собора вероятно по сохранившимся фотографиям, проектной документации и архивным документам. В современной практике на Беларуси реконструкция утраченных сакральных объектов ведется уже много лет. Примеры можно найти, например, в Витебске – это Успенский собор и Свято – Воскресенская (Рынковая) церковь. Построенные во второй половине XVIII в., они были полностью разрушены. Сегодня, восстановленные, они, конечно, не могут считаться памятниками архитектуры, но их появление является для города значительным событием.

Рисунок 2 – Вид на колокольню, развалины Троицкой церкви и монастырь

Дипломный проект, выполняемый на кафедре «Градостроительство» АФ БНТУ в 2014 г., посвященный реконструкции Бытены, направлен в первую очередь на развитие деревни и возвращении ей статуса поселка. И акцентом реконструкции служит возрождение монастырского комплекса.

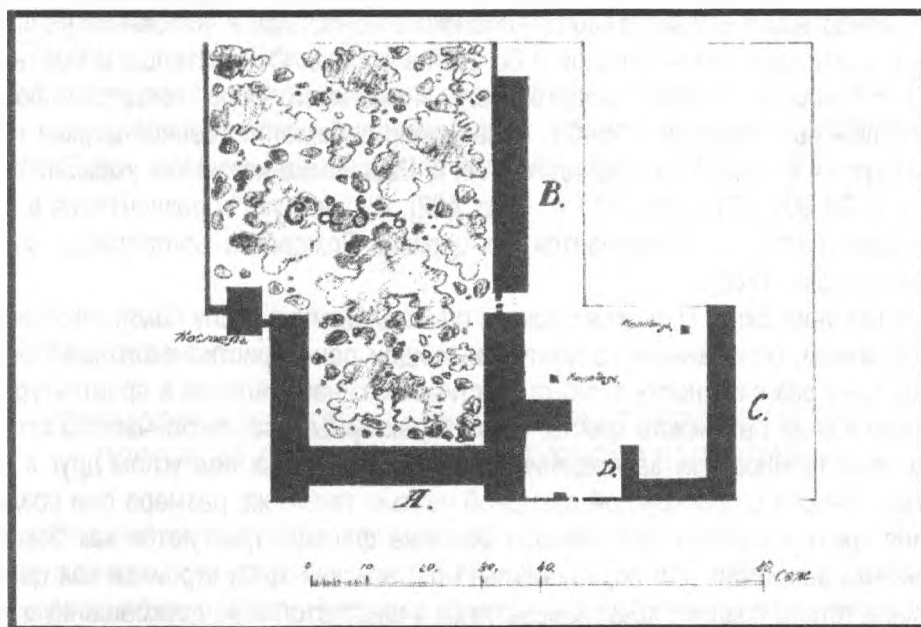

Рисунок 3 – План монастыря

Дипломный проект (автор – Кривцова А.А.) предполагает по плану монастыря XIX в. реконструировать общественный центр поселка. Восстановление монастырских построек, которые имели характерную для католических монастырей «П-образную» планировку, предполагает приспособление этих построек к новым функциональным требованиям. Возвращение старой функции, а именно возрождение монастыря, не совсем целесообразно в связи с близким расположением Жировицкого Успенского мужского монастыря. Так же как и образование духовно-просветительского центра опять же по причине существования духовной семинарии в тех же Жировичах. Поэтому предлагается размещение в восстановленных сооружениях дома престарелых с организацией небольшой парковой зоны на месте монастырского сада. В отдельном крыле появится новая современная больница (на сегодняшний день больница в Бытене – это небольшая одноэтажная постройка прошлого века, требующая капитального ремонта), воскресная школа для детей, необходимая для деревни и которую не могут открыть из-за отсутствия помещения. Кроме этого, существует возможность создания центра ремесленничества и краеведческого музея, который сейчас

размещается в школе и имеет много ценных экспонатов, связанных с историей края. Жители Бытеня являются настоящими народными умельцами в области резьбы по дереву, ткачеству, плетению из лозы. Центр ремесла позволит объединить заинтересованных людей, где они не только смогут заниматься своим любимым делом, но и передавать свой опыт и умение подрастающему поколению, например, детям-сиротам из детского дома. Развитие народного декоративно-прикладного искусства позволит привлечь туристов интересной сувенирной продукцией и будет способствовать созданию местного бренда. Современным направлением в развитии туризма является агротуризм, организация которого также предусмотрена дипломным проектом. Создание конной фермы, где появится возможность обучения верховой езде, проложение конных маршрутов привлечет внимание туристов и позволит появиться новым рабочим местам.

В настоящее время общественный центр Бытеня образуют административные здания, расположенные вокруг площади по советской традиции с установленным в центре памятником Ленину, торговый центр и небольшой православный приход. Приход включает в себя древнюю Успенскую церковь в стилистике барокко, построенную в 1673 г. как каплица, единственное сохранившееся сооружение базилианского монастыря, и современную колокольню, выполненную в виде стилизации древнерусского зодчества московско-ярославского направления. На месте Троицкого храма расположен торговый центр, архитектурный облик которого морально устарел, а само здание требует капитального ремонта, к тому же большая часть площади магазина не используется. Дипломный проект предполагает снос торгового центра, чтобы восстановить с точностью размещение монастырского комплекса, где главным акцентом, безусловно, является Успенская церковь.

Согласно генплану 1833 г., составленному архитектором Ферапонти (?), церковь св. Троицы располагалась с краю «П-образного» двухэтажного каменного монастырского комплекса [6]. Монастырь был связан с храмом двухэтажной пристройкой, расположенной с правой стороны пресбитерия, с левой стороны к нему примыкала зимняя Спасо-Преображенская церковь. Территория монастырского комплекса состояла из двух «П-образных» внутренних пространств, в одном из которых был расположен сад, в другом хозяйственный двор. Хозяйственный двор окружали одноэтажные служебные помещения, часть которых, возможно, была деревянной (рис. 3). Более ранняя по времени гравюра представляет комплекс Бытеньского монастыря, обнесенный высокой каменной стеной, украшенной чередующимися пилястрами и завершающийся двухскатным навесом, крытым гонтом (рис. 1). К главному входу Троицкой церкви вела входная брама, состоящая из трех проемов, разделенных между собой высокими прямоугольными колоннами с шатровым завершением. Широкий центральный проем закрывали железные решетчатые арочные ворота, боковые проемы – более низкие стрельчатые. На гравюре с правой стороны храма изображен фасад одного из монастырских зданий. Он выделяется на общем фоне жилой монастырской застройки своим своеобразным барочным очертанием. Безусловно, здесь представлено сохранившееся здание более ранней постройки. Такое барочное решение широко использовалось при решении торцов монастырских построек в прошлом веке. Например, в монастыре базилианов в Березвечье (1756–1763).

Реконструкция Успенского храма предполагает восстановление его облика на период существования в православии после 1839 г. Единственные известные документы первой половины XX в. стилистически относят храм к середине XVIII в. Сохранившаяся средняя башня, расположенная над куполом в центре церкви, относит храм к перестройке XIX в. Возникает ряд вопросов об изменениях стилистики храма в объемно-планировочном и архитектурно-художественном решении на протяжении нескольких столетий. Истории возведения храмов свойственны перестройки и реконструкции, связанные с необходимостью его расширения и капитального ремонта, а также, безусловно, со сменой конфессиональной принадлежности. При этом первоначальное объемно-планировочное решение можно прочесть только по основным несущим конструкциям, сохранившимся фотографиям, инвентарям и рисункам. Благодаря сохранившимся документам выявлено два исторических облика церкви св. Троицы в Бытене. План на уровне окон центрального нефа Троицкой церкви впервые был опубликован А.Д. Квитницкой по материалам виленского Товарищества любителей наук [2, с. 142]. Впервые опубликованный чертеж плана на уровне окон боковых нефов позволяет более детально изучить внутреннюю структуру храма [7]. Известный польский историк культуры С. Лоренц, который исследовал памятник в 1930-е гг., считал, что боковые нефы и двухбашенный фасад пристроили к собору во второй половине XVIII в. [2, с. 144], [4, с. 463]. Первоначальный центрический объем Троицкой церкви с боковыми каплицами превратился в шестистолпную двухбашенную купольную базилику. В 1839 г., когда храм становится православным, в нем возводится купол над средокрестием, при этом приобретают новую форму и завершения двух боковых башен. При перестройке храма шатровые завершения трехъярусных башен были изменены на купольные.

Возрождение Бытеня, который на протяжении столетий считался крупнейшим религиозным духовно-просветительским центром, сформированным вокруг базилианского Троицкого монастыря, является одной из важных задач развития Ивацевичского района. Для возрождения деревни дипломным проектом предлагается восстановление утраченного архитектурного наследия по сохранившимся архивным материалам, фотографиям и обмерным чертежам, включение Бытеня в туристический маршрут по святым местам Беларуси совместно с Успенским монастырем в Жировицах, а также развитие агротуризма с предложением трасс для конных маршрутов. Предлагается на месте торгового центра возродить в стилистике барокко Троицкую церковь, а монастырские корпуса традиционной «П-образной» планировки приспособить к новым функциональным требованиям. Развитие инфраструктуры, создание новых рабочих мест, появление возрожденного православного центра позволит вернуть Бытеню былое величие.

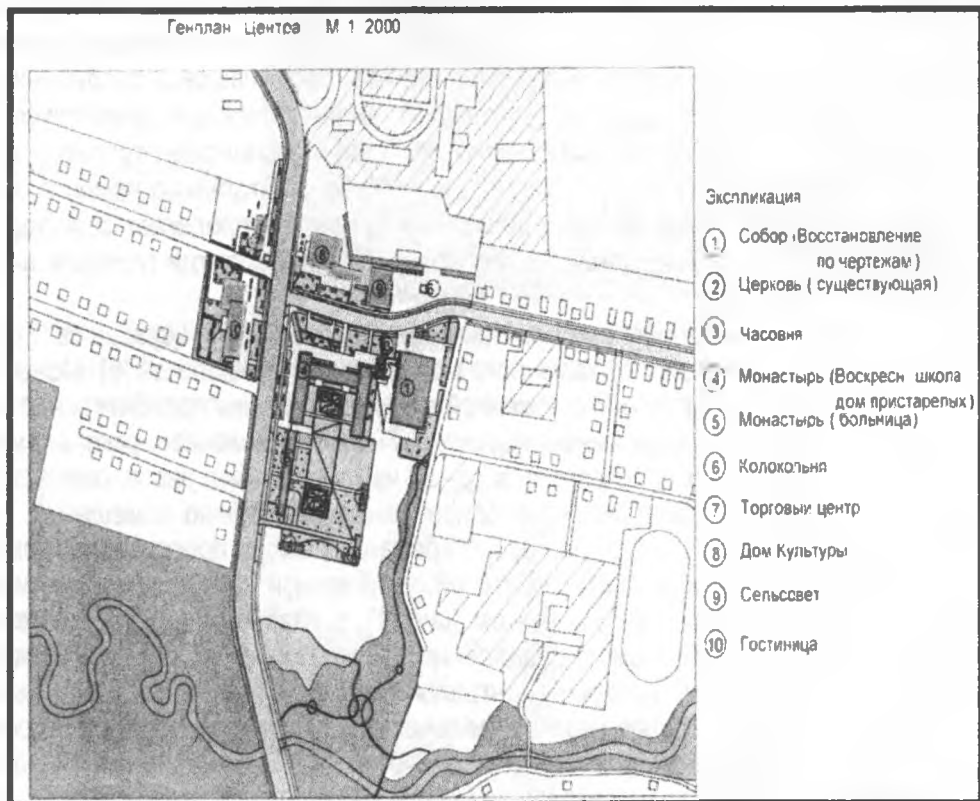

Рисунок 4 – Генплан центра

Список цитированных источников

1. Энциклапедыя гісторыі Беларусі ў 6 т. / Рэдкал.: Б. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.] – Мінск: «Беларуская энцыклапедыя» імя Петруся Броўкі, 1994 – 2003. – Т. 2: Беліцк - Гімн / – Б. Сачанка [і інш.]. – 1994. – 533с.
2. Страчаная спадчына / Т.В. Габрусь, А.М. Кулагін, Ю.У. Чантурыя [і інш.]; уклад. Т.В. Габрусь. – Мінск: Польша, 1998. – 351 с.: іл.
3. Архітэктура Беларусі. Энцыклапедычны даведнік / пад рэд. А.А. Воінава [і інш.] – Мінск: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 1993 – 616 с.:іл.
4. Слюнькова, И.Н. Монастыри восточной и западной традиций. Наследие архитектуры Беларуси / И.Н. Слюнькова. – Минск: Прогресс-традиция, 2002. – 598 с.
5. Габрусь, Т.В. Мураваныя харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока / Т.В. Габрусь. – Мінск: Ураджай, 2001. – 287 с.:іл.
6. План общего расположения строений упраздненного базилианского монастыря в местечке Бытень Гродненской губернии Слонимского уезда. 1833 г. // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Фонд 349. – Оп. 5. – Д. 212.
7. Ожешковская, И.Н. Стилистические особенности формирования объемно-планировочного решения Троицкой церкви базилианского монастыря в Бытене / И.Н. Ожешковская // Архитектура и строительные науки: научн.-информ. журнал / БОО арх. и деят. строит. наук; редкол: В.Н. Аладов [и др.]. – Минск, 2013. – № 3, 4 (16, 17). – С. 30–33.

Ондра Т.В.

СОХРАНЯЕМ ИСТОРИЮ ГОРОДА БРЕСТА ВМЕСТЕ

Реконструкция — воссоздание нарушенного первоначального облика архитектурных памятников, фасадов зданий, зданий исторической застройки, лепных изделий интерьеров, ансамбля или отдельной постройки, выполненное в натуре или выражающееся в составлении их описания, чертежа, рисунка, модели. Реконструкция создается на основе сохранившихся частей или фрагментов памятника, письменных источников, изобразительных материалов, обмеров и пр. Научная, глубоко аргументированная реконструкция памятника может быть важным материалом его последующей реставрации.

Историческая часть города — это его лицо, визитная карточка. Не случайно стараются сохранить историческую застройку. Но здания, простоявшие более ста лет, естественно, со временем разрушаются, теряют свой первоначальный облик. За время своей жизни они неоднократно подвергались переделкам и перестройкам, но всё равно сохранили дух исторических времён. Поэтому в настоящее время остро стоит вопрос о реконструкции исторических зданий.

Возникновение и развитие архитектуры Бреста — одна из интереснейших страниц истории белорусской архитектуры. В связи с географическим положением тут получили распространение строительные приемы и стилистические особенности как восточного (византийско-русского), так и западноевропейского зодчества. Брестские мастера творчески осмысливали и применяли лучшие для своего времени достижения в области градостроительного искусства и архитектуры.

Более всего из архитектурных деталей, украшающих фасады зданий, разрушению временем подвержены именно верхние завершения стен. К ним принадлежат все разновидности фронтонов и все виды парапетов. Разновидности этих часто применяемых форм имеют свои особенности и свои названия.

Фронтон — завершение, обычно треугольное, фасада здания, портика, колоннады, ограниченное 2-мя скатами крыши и карнизом. В некоторых случаях средняя часть фронтона частично заполняется врезываемыми в нее другими формами — тогда получается неполный фронтон — разорванный.

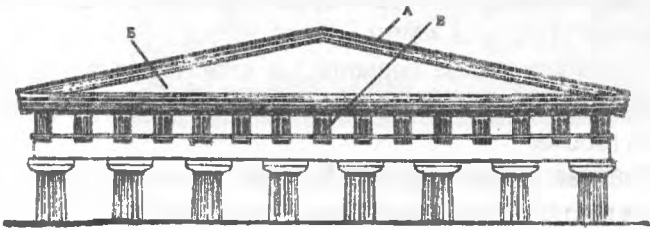

Рисунок 1 - Фронтон

Если на стене, завершённой фронтоном, приходится сделать большое окно или несколько меньших окон в том месте, где проходит горизонтальный карниз фронтона, то возможно всю среднюю часть этого карниза устранить, оставив его только в левой и правой части. Тогда оставшийся неполный фронтон называется полуфронтоном. Ими завершаются все здания или отдельные выступы. Они применяются на наружных фасадах окон и дверей.

Парапеты — невысокие стенки, которые возводились на здании выше карниза и служили как бы ограждением, предохраняющим от падения с крыши. Обеспечивая безопасность при хождении по крыше, парапет заслоняет вид кровли, а главное, несколько повышает здание, придавая ему большую стройность, парапет должен иметь высоту около 1 метра. Форма в виде сплошной стены.

Рис. 2. Архитектурные детали здания:
1 — рустовая лопатка, 2 — ниша, 3 — статуя, 4 — русты, 5 — лестница, 6 — двери, 7 — пиластры, 8 — окно, 9 — почка, 10 — филлея, 11 — лобовый карниз, 12 — флюстрада, 13 — шротеры (языки), 14 — аттик, 15 — поле фронтона, 16 — фронтон, 17 — аркада, 18 — раскреповка

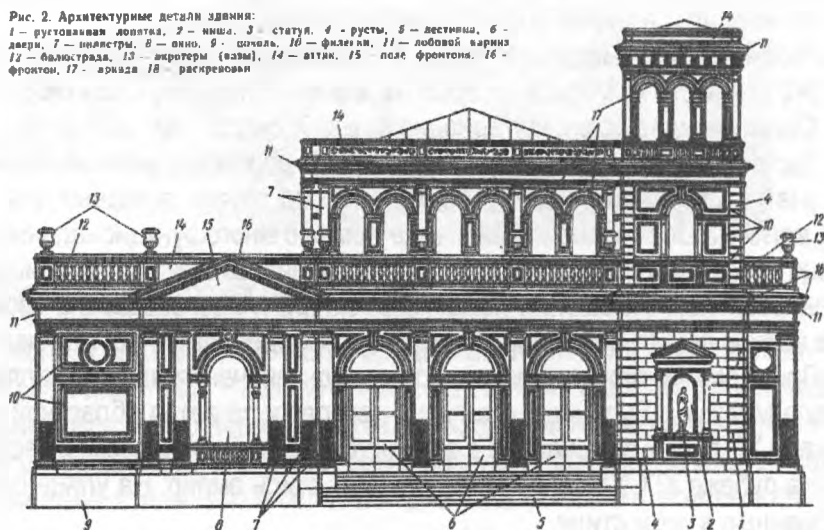

Рисунок 2 - Архитектурные детали здания

На угловые столбики часто ставились статуи, вазы и тому подобные украшения, в зависимости от назначения здания и богатства его убранства. Также заменяли сплошную стенку ажурной балюстрадой. От сплошной стенки оставляются только две части – цоколь и карниз. Цоколь служит основанием для ряда столбиков. Верхний карнизик служит перилами. Упомянутые отдельные столбики называются балясинами, а совокупность поставленных в ряд балясин называется балюстрадой. Балюстрады устраиваются не только над венчающими карнизами, не только в верхней части, но и во многих других местах – на террасах, балконах, на лестницах, в виде перил и т. п.

На примере застройки города Брест-Литовск по улицам К. Маркса, С.А. Леваневского, А. Мицкевича и Советская рассмотрим примеры применения на фасадах зданий вышеуказанных архитектурных элементов.

Если прогуляться по исторической части города, то выясняются многие исторические детали, и особенно, что в 1830 г. император Николай I утвердил окончательный вариант строительства крепости на месте древнего города.

Брест-Литовск (ныне Брест) по Высочайшему повелению переносится на 2 км. восточнее, жителям выдается ссуда на постройку новых домов. Великолепные здания старого города были уничтожены или приспособлены для военных целей. 26 апреля 1842 г. состоялось торжественное открытие Брест-Литовской крепости. Через пять лет после возведения крепости старый город был полностью разрушен и перестал существовать в 1842 году построены торговые ряды, в 1856 – кафедральный костел, в 1865 – 5-купольная Симеоновская церковь в псевдорусском стиле.

Значительный подъем, оживление строительства город переживает в 70-е годы после сооружения Днепро-Бугского канала и железных дорог. В 1886 году построено здание железнодорожного вокзала.

На переломе XIX и XX веков Брест-Литовск – вполне благополучный по меркам эпохи и Российской империи провинциальный город. В его центральной части располагались добротно застроенные улицы, некоторые каменные здания на Думской площади (теперь – площадь Свободы) и Шоссейной улице (проспект Машерова) претендовали на явный шик. В городе действовали цирк и синематографы, лучшие рестораны удивляли приезжих изысканностью обслуживания, многочисленные лавки и магазины предлагали разнообразные товары из Европы. Важной достопримечательностью являлся полностью электрифицированный вокзал станции Брест-Центральный, строительство которого в свое время обошлось в два миллиона рублей. Сегодня часть архитектурного наследия центральной части Бреста, которое впоследствии еще не раз страдало в огне и войнах, составляют здания «царского» периода, т.е. сооруженные в конце XIX и первом десятилетии XX веков. 1895 г. Крупный пожар, в котором сгорело 1600 домов в центре города, без крыши над головой осталось около 30 тысяч горожан.

Расширение территорий города шло в западном направлении, в 1922-1939 годах застройка велась в основном одно- и двухэтажными особняками, в центре построен ряд общественных зданий.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. А в результате Люблинско-Брестской операции 28 июля 1944 г. город был освобожден.

Ко дню освобождения в Бресте было разрушено 47,7% жилых зданий. Послевоенный Брест отстраивался по утвержденному в 1948 г. генеральному плану. В 1965 г. утвержден новый генеральный план города, предусматривающий дальнейшее его развитие в восточном направлении и создание трех промышленных районов. В 1975 утвержден генеральный план, по которому Брест получил развитие не только в восточном, но и в южном и северном направлениях.

Рассмотрим внимательно улицу К. Маркса. Улица расположена в центральной части города и названа в 1940 г. в честь К. Маркса (старые названия - Медовая, Славянская, Зыгмунтовская). Протяженность (от ул. Орджоникидзе до ул. Интернациональной) около 1800 метров.

Застройка велась с середины XIX века. В дореволюционный период на ней размещались частные дома знатных горожан, трактир, гостиница и ряд других, знаковых для города зданий. Богатые жители Бреста могли позволить себе возведение домов с многофункциональным назначением. Владельцам зданий в конце XIX в. импонировал стиль ампир. Один за другим на улице строятся сложные в архитектурно-планировочном отношении дома. Архитектура улицы создавала своеобразный ансамбль, в котором каждое здание чем-то напоминало соседнее, но, одновременно, отличалось от него.

Примером многофункционального предназначения здания является дом на углу современных улиц Карла Маркса и Буденного (сейчас в нем располагается областной краеведческий музей), построенное в начале XX века и включенное в зону исторической планировки и застройки г. Бреста.

На рубеже XIX-XX веков в моду входит стиль ампир. На улице сохранились два здания (№ 11,70), выполненные в этом стиле.

Одним из немногих примеров так называемой «кирпичной» архитектуры, сохранившихся в Бресте, является дом № 66 с уникальным украшением козырька над главным входом. Сохранились дома № 57 и № 60, возведенные на рубеже XIX-XX веков.

В межвоенный период (1920-1939) строятся еще несколько знаковых для города зданий. Одно из них выполнено в новом для XX века стиле конструктивизма. Это бывший кинотеатр «Смена», в котором сейчас располагаются коммерческие фирмы.

Рисунок 3 - Областной краеведческий музей

Рисунки 4 и 5 - Улица Карла Маркса

Еще одно значимое здание – особняк № 20. Он принадлежал одному из самых знаменитых врачей города Павлу Королю. Треугольное завершение портика, с проведенным венчающим карнизом по горизонтальному основанию треугольника.

Рисунки 6 и 7 - Особняк Павла Короля

Улица С.А. Леваневского расположена в центральной части города, протяженность около 500 м - от улицы Ленина до парка культуры и отдыха им. 1 Мая. Названа в 1939 году в честь Сигизмунда Александровича Леваневского. Прежние названия - Вспольна, Пулавского (1921-1939), Леваневского (1939-1941 и с 1944 по настоящее время), Комендантштрассе (1941-1944). Застройка района, в котором находится улица Леваневского, велась после Первой мировой войны, когда были сняты ограничения на строительство между крепостью и Кобринским форштадтом.

Начало проектирования и строительства связано с интересным направлением в польской архитектуре, получившем название «национального стиля» - это «... высокие крыши или аттики, колоннады и пилястры, порталы и обрамления окон одинаково присутствуют как в жилых домах, так и в новых общественных зданиях».

Рисунки 8 и 9 - Улица Леваневского

Рисунки 10 и 11 - Дома на ул. Леваневского и на ул. Мицкевича

В 20-х годах XX века стал возводиться жилой поселок для польских чиновников в границах современных улиц Ленина, Леваневского, Мицкевича, Воровского и др.

Работы возглавлял архитектор Юлиан Лисецкий. Он предложил оригинальное архитектурно-планировочное решение всего нового района, расположенного к юго-западу от современной улицы Ленина. В его основу была положена получившая в те годы распространение концепция города-сада. Сейчас правую сторону улицы открывает здание судов Ленинского и Московского районов, Дальше расположены музеи истории города (открыт 25 июля 1998 года), областное управление департамента «Охрана» при МВД республики, детская художественная школа, областной диспансер спортивной медицины. По левой стороне - частная одноэтажная застройка.

Улица А. Мицкевича, которая расположена в центральной части города, названа в честь великого поэта середины XIX века Адама Бернарда Мицкевича. До сих пор идут псевдонаучные баталии за право называть Адама голосом своего народа между поляками, белорусами и литовцами. Сама улица начала застраиваться в 1830-е годы. В XIX - начале XX века улица носила названия Кирпичной и Дворянской, с 1921 по 1941 год - имя Мицкевича, при гитлеровском оккупационном режиме - Болверкалле (бульвар). В 1944 году улице вернули довоенное название.

Улица Советская расположена в центральной части города. В XIX - начале XX вв. называлась Миллионная, Полицейская, с 1921 по 1939 г. носила имя майора Ежи Домбровского, с 1939 по 1941 г. - Советская, в 1941-1944 г. - Генералштрассе, с 1944 г. - снова Советская. Первые каменные постройки появились в середине XIX в. В ее начале сохранилось несколько домов, построенных до 1915 г. В том же году случился пожар, уничтоживший значительную часть зданий. Отстроена улица в первой половине минувшего столетия.

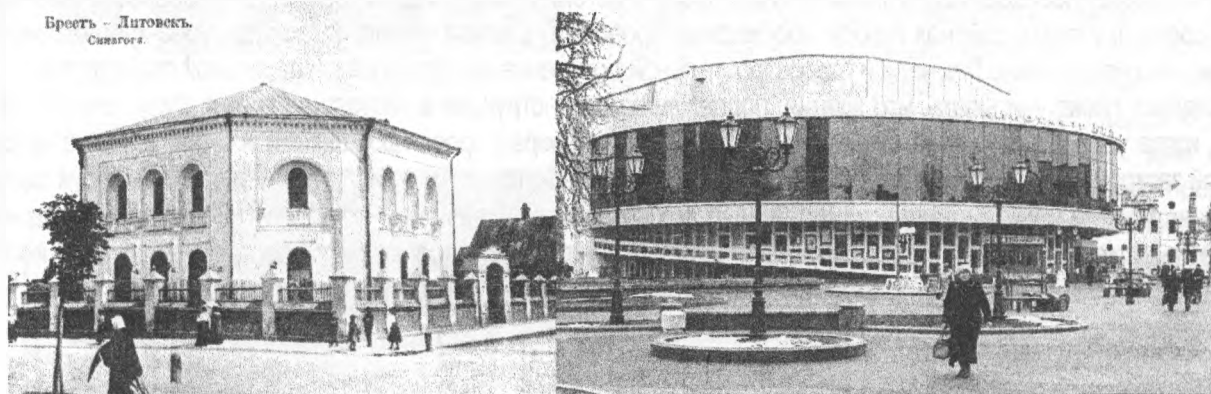
На улице Советской находится Свято-Николаевская братская церковь. Во второй половине XIX в. Брестское Николаевское православное братство построило в городе деревянный храм. Однако пожар 4 мая 1895 г. его уничтожил, и было принято решение восстановить церковь. Узнав, что на западных рубежах Отечества возводится святыня в честь небесного покровителя русского военно-морского флота Николая, моряки Тихоокеанского флота - выходцы с Брестчины, участники русско-японской войны 1904-1905 гг. - передали деньги на ее строительство. Когда императору Николаю II сообщили о благородном поступке, он лично

распорядился, чтобы казна выделила недостающую сумму братству Святителя Николая. В 1906 г. церковь открыли. Пятикупольный храм символизирует корабль, присутствует объемно-пространственная композиция, кокошники и шатровая крыша.

В тридцатых годах прошлого века на Советской существовали еврейские торговые ряды. Интересна история здания, где до недавнего времени размещался киноvideоцентр «1 Мая». Во времена Российской империи его занимала женская гимназия. «За польских часув» здесь находился один из самых больших и модных брестских кинотеатров «Адрия», а в годы немецко-фашистской оккупации показывали кино для солдат и офицеров вермахта. На первом этаже рядом со входом в кинотеатр находилось популярное кафе Краневского. Оно славилось югославской бузой - козьей простоквашей. А 7 июня 1932 г. члены коммунистической партии Западной Белоруссии в этом здании совершили неудачное покушение на белогвардейского генерала Станислава Булак-Балаховича.

До начала Второй мировой войны на улице размещался городской магистрат, а с сентября 1939 по июнь 1941 гг. - временное управление города. Здесь же находились магазины, частные лавки, парикмахерские, аптеки, жилые одно- и двухэтажные дома. На углу Советской и Гоголя в 1930-х гг. действовала пожарная служба. В доме № 61 тогда же размещался банк «Еврейский».

В 1862 г. на улице было построено двухэтажное шестиугольное здание главной синагоги Бреста. Внутреннее ее убранство было скромным: побеленные голые стены. Блеска добавлял потолок, украшенный шикарной росписью по ветхозаветным сюжетам.

Рисунки 15 и 16 - Синагога и кинотеатр «Беларусь» на ул. Советской

В 1944-1945 гг. синагогу приспособили под кинотеатр, действовавший более двух десятков лет. В 1970 г. на этом месте возведен современный кинотеатр «Беларусь», где внутренние стены синагоги использованы в качестве несущих конструкций.

Если идти по направлению к проспекту Машерова, по правой стороне Советской обязательно привлечет внимание трехэтажное с оригинальным эркером и балконами здание в стиле модерн. Оно появилось в 1925 г. Архитектор Соломон Гринберг объединил в конструкции две составляющие: жилые помещения (2-3 этажи) и торгово-фармацевтические (1 этаж) для своей жены-провизора. Уникальность аптеки Гринберга в том, что при разных властях (польская, довоенная советская, оккупационная, снова советская и теперь белорусская) она ни дня не изменяла своему изначальному предназначению.

Рисунки 17,18 - Аптека Гринберга и реконструкция на ул. Советской

В 1951-1957 гг. улица реконструирована, возведены жилые многоэтажные дома. В настоящее время является одной из главных улиц в исторической части города, движение транспорта по ней частично закрыто. На Советской находятся: Брестский ликероводочный завод «Белалко», Дом торговли «Детский мир», пункт коллективного пользования РУП «Белтелеком», множество кафе и магазинов, выставочный зал, кинотеатр «Беларусь», торговый комплекс «Гостиный двор», головной филиал по Брестской области ОАО «Бел-инвестбанк», филиал в г. Бресте СООО «Белкоопстрах», другие учреждения и организации. И у многих этих зданий мы можем наблюдать фронтоны. Большие и маленький, искусные и не очень, вызывающие улыбки, или напротив, слезы. «Фронтоны в массы!» - сказал бы вождь пролетариата, если бы конечно мог это сделать.

Если ул. Советскую в г. Бресте планируется сделать самой красивой пешеходной улицей в республике, то другие реконструируемые участки центра города будут менее эффектными, но тоже приобретут современный благоустроенный вид. Ко Дню города, как и планировалось, строители завершили реконструкцию бульвара Шевченко. По протяженности он небольшой – всего 700 м.

Масштабы и темпы градостроительства непрерывно возрастают. Строительство производится в соответствии с генеральными планами развития городов, составленными с учетом современных представлений о комфортабельности проживания населения.

В настоящее время города являются сложными планировочными образованиями. Поэтому развитие существующего города и связанная с этим необходимость реконструкции не могут охватывать только незастроенную, пустующую на данный момент территорию в административных границах города. В процессе реконструкции города возникает необходимость значительных работ в исторических районах города. Но преобразование городской среды в старых районах города необходимо проводить с сохранением ее архитектурно-художественного облика, что невозможно без четкой градостроительной документации, без проекта детальной планировки.

Следует также учитывать, что здания, подлежащие реконструкции в настоящее время, будут служить в XXI веке, когда уровень комфорта станет еще выше. Поэтому перед проектировщиками и строителями в исторической застройке стоят труднейшие задачи - создать надежные конструкции и при этом сохранить облик здания.

Выявленные нами и проанализированные архитектурные Элементы (фрагменты) застройки подвигают ускорить археологические исследования и избежать утраты следов старого города, а наоборот, использовать старые фрагменты в новом, тем самым отдавая дань и уважению нашему наследию.

Список цитированных источников:

1. Реферат «Гравюры Бреста-Брест, – 2012. – 13 с.
2. Современные решения в реконструкции исторических зданий. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.allbest.ru/>
3. Идеи вашего дома, 2004-2006.
4. <http://www.brestobl.com>
5. <http://www.brest-sv.com>
6. <http://www.panoramio.com/photo/74095758>

УДК72.03(476)

Панченко Т.А.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ БЕЛАРУСИ

Динамика развития типологии православных духовных центров на территории Республики Беларусь, их функциональных программ, увеличение количества посетителей, разная пространственная структура и значительная градостроительная роль этих комплексов, обусловленные канонической традицией, определяют необходимость разработки принципов оптимизации их функциональной и архитектурно-планировочной организации, состава и размещения объектов.

В современный период по функциональному назначению на территории Беларуси выявлены следующие типы православных духовных центров:

– под каноническим управлением митрополита: комплекс резиденции митрополита, духовно-образовательный центр, духовно-просветительский центр, храм-памятник;

– под каноническим управлением епископа: комплекс резиденции епископа, епархиальный духовный центр, монастырь, приходской духовный центр, храм-памятник [1].

В различные исторические периоды существования Православной Церкви на Беларуси социальная и духовно-просветительская деятельность входила в функции крупных монастырей, епархиальных духовных центров. В современный период с изменением политических, социально-экономических условий широкое социальное служение Церкви обусловило необходимость появления нового типа православного духовного центра. Примером такого комплекса является Духовно-просветительский центр Белорусского Экзархата на базе прихода в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» в г. Минске. При этом духовно-просветительские центры епархий не получили развития и распространения. Потенциально именно такие комплексы могут оптимально сочетать в себе традиционные канонические функции с различным, характерным и необходимым для каждой епархии соотношением и набором функций социальной и просветительской деятельности.

С учётом перспективного развития типологии православных духовных центров Беларуси предлагается расширить перечень православных духовных центров под управлением епископа и включить в неё духовно-просветительский центр епархии (рисунок 1).

В силу того, что православные духовные центры являются полифункциональными комплексами, в их общей структуре можно выделить несколько функциональных зон: входная, храмовая, зона дополнительных функций, служебно-хозяйственная. Во входной зоне располагаются входы и площадки отдыха для прихожан, въезды и автостоянки для автотранспорта. Здесь также находятся места продажи свечей, сувениров и духовно-просветительской литературы. На территории храмовой зоны располагаются здания, сооружения и помещения богослужебного назначения (соборы, церкви, крещальни, колокольни и т.п.), связанные с проведением религиозных обрядов, она всегда имеет связь с входной и зоной дополнительных функций. Зона дополнительных функций относится к функциональным зонам с гибким функциональным составом, формируется в зависимости от типа духовного центра, включает группы помещений разных направлений: административно-управленческого, просветительского, образовательного, миссионерского.

Рисунок 1 – Типы православных духовных центров по функциональному назначению с учётом их перспективного развития

Предлагается в зависимости от функционального назначения духовного центра разделить зону дополнительных функций на несколько подзон:

в духовно-просветительском центре:

- общественно-просветительская;
- обслуживания посетителей;
- жилая;
- производственная;

в духовно-образовательном центре:

- учебно-образовательная;
- учебно-спортивная;
- жилая;

в управлении экзархата:

- административно-управленческая;
- общественно-просветительская;

в епархиальном духовном центре:

- административно-управленческая;
- общественно-просветительская;
- обслуживания посетителей;
- производственная;

в резиденции митрополита и резиденции епископа:

- административно-управленческая;
- общественно-просветительская;
- жилая;

в приходском духовном центре:

- общественно-просветительская;
- обслуживания посетителей;
- жилая;
- производственная;

в храме-памятнике:

- мемориальная;
- общественно-просветительская;
- обслуживания посетителей;
- производственная;

в монастыре:

- жилая;
- обслуживания посетителей;
- мемориальная;
- общественно-просветительская;
- производственная.

На территории служебно-хозяйственной зоны располагаются здания, сооружения и помещения для осуществления вспомогательной, хозяйственной и бытовой деятельности, в том числе: производственные ремонтные мастерские, прачечные, санузлы, кухни трапезных, хозяйственные дворы и постройки и т.д. Планировочно она может быть непосредственно связана с жилой, учебной, мемориальной либо производственной зоной.

В результате исследования функционального состава комплексов православных духовных центров в период с XI в. до настоящего времени приведено рекомендованное соотношение функциональных зон православных духовных центров различного назначения и канонического подчинения (таблица 1).

Кроме того, разработаны принципиальные структурно-планировочные схемы, отражающие состав и взаимное размещение основных функциональных зон православных духовных центров различного назначения и канонического подчинения (таблица 2). Основные функциональные процессы, проходящие в духовном центре, либо непосредственно связаны с религиозными функциями (богослужением), либо развиваются в непосредственной близости от него. Это оказывает обоюдное влияние на планировочные особенности зданий, сооружений религиозного назначения и зданий, сооружений с административными, просветительскими, образовательными, жилыми, производственными функциями, входящих в комплекс духовного центра.

Анализ практики создания православных духовных центров в различные исторические периоды показал, что их главные (соборные и «домовые») храмы могут иметь различное архитектурно-пространственное решение. Для перспективного развития храмовых сооружений православных духовных центров Беларуси различного назначения наиболее приемлемым является сохранение и развитие практики применения центричного крестово-купольного типа храма, как наиболее полно соответствующего догматическому видению Церкви и подкреплённого церковно-канонической традицией. Соборные храмы храмов-памятников, монастырских и епархиальных духовных центров могут быть как одноэтажными, так и двухэтажными. Главные храмы духовно-просветительских и приходских духовных центров рекомендуется проектировать одноэтажными либо с высокой стилобатной частью. Пространственные и планировочные решения ряда православных духовных центров Беларуси (монастыри, епархиальные духовные центры),

зданий и сооружений, в них входящих, обусловлены исторической практикой и канонической традицией Церкви. Например, при проектировании православных монастырей соблюдается принцип преемственности традиционных решений, сохранение структуры общей пространственной организации древнебелорусского православного монастыря.

Для пространственной организации православных духовных центров административного, представительского, образовательного назначения со встроенными «домовыми храмами» (резиденция митрополита (епископа), духовно-образовательные центры) наиболее рациональным является тип планировочной организации, отражающей основные целевые функции православного духовного центра.

Таблица 1 – Рекомендуемое соотношение функциональных зон в различных типах православных духовных центров

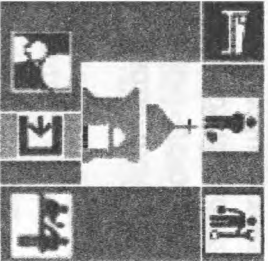
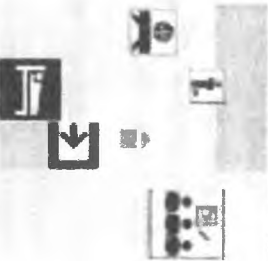
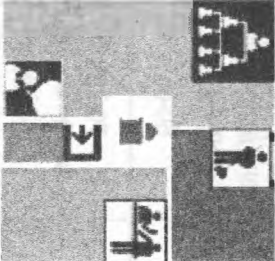
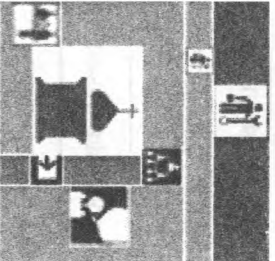
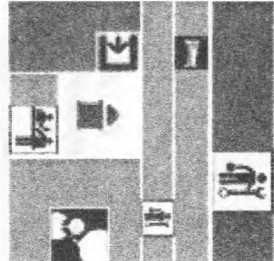
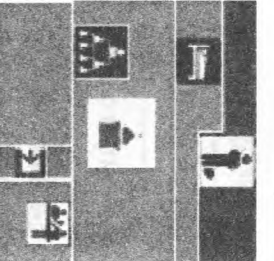
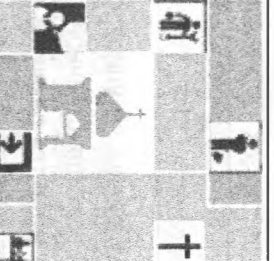
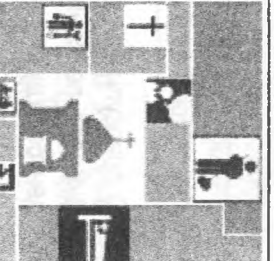
Тип комплекса	Наименования функциональных зон			
	входная	храмовая	зона дополнительных функций	служебно-хозяйственная
духовно-просветительский центр	5%	15-20%	60-65%	15-20%
духовно-образовательный центр	5%	10%	70-75%	10-15%
управление экзархата	5%	10%	70%	15%
епархиальный духовный центр	5%	20%	60-70%	5-15%
приходской духовный центр	5%	15-20%	60-70%	5-20%
резиденция митрополита	5%	10-15%	60-70%	10-25%
резиденция епископа	5%	10-15%	60-70%	10-25%
храм-памятник	5-15%	30%	50%	5-15%
монастырь	5%	20-30%	25-35%	25-30%

В общей совокупности духовные центры могут быть разделены на универсальные и специализированные. Наиболее перспективным направлением развития пространственной организации новых типов духовных центров (духовно-просветительских, приходских) является развитие типа концентрической организации структуры с выделением относительно других построек одного либо нескольких храмовых сооружений. Такие решения, с одной стороны, транслируют традиционные канонические идеи и образы, с другой стороны, в полной мере соответствуют функциональным программам духовных центров [2].

При сохранении центрального пространственного расположения главного храма, здания и сооружения, предназначенных для обслуживания посетителей, а также просветительского назначения должны располагаться в непосредственной близости к нему либо связаны переходом (галереей). В свою очередь служебно-хозяйственные и производственные сооружения относятся на периферию комплекса.

Так как универсальный тип духовного центра предполагает одновременное развитие различных видов деятельности, то его функциональный состав предлагается формировать планировочными зонами, включающими помещения и универсального, и специализированного назначения. При этом должно быть предусмотрено их многоцелевое использование. Например, в епархиальном духовном центре, помимо административных и управленческих функций, его кафедральный храм всегда выполняет функции приходского храма, имеет характерные для него центра сопутствующие структурные элементы (воскресная школа и т.д.). Специализированный тип формируется на определённых профилирующих функциях (административно-управленческие и т.д.). В нём должно быть предусмотрено преимущественное развитие помещений и пространств, соответствующих их главной целевой деятельности.

Таблица 2 – Рекомендуемый состав и взаимное размещение основных функциональных зон в различных типах православных духовных центров

Тип комплекса	Принципиальная типологическая схема	Тип комплекса	Принципиальная типологическая схема
духовно-просветительский центр		духовно-образовательный центр	
управление экзархата		епархиальный духовный центр	
приходской духовный центр		резиденция митрополита (епископа)	
храм-памятник		монастырь	

Условные обозначения функциональных зон

	ИХОДЦАМ		ЖИТЦАМ
	ХРАМОВЫМ		ПРОМ ВОДЕСТВЕННАЯ
	ОБЩЕСТВЕННО-ПРЕЖДЕ ИГ СЛЫСЦАМ		СЛУЖЕБНО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ
	ОБСЛУЖИВАЮЩИЯ ПОСЕДИТЕЛЕЙ		УЧЕБНО-СТЕРИЖИВЦАМ
	ДАМИНЕ СТРАЖИНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ		УЧЕБНО-ОБРАЗОВАТЕЛЦАМ
	МЕМОРИАЛЦАМ		

Список цитированных источников

1. Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. даведнік. – Мінск: БелЭн, 2001. – 368 с. : іл.
2. Лидов, А.М. Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре / А.М. Лидов. – М. : Феофия : Дизайн. Информациа. Картография : Троица, 2009. – 352 с. : ил.

ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ ЖИЛЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В современной практике проектирования жилых территорий за планировочную единицу принимается жилое образование, или микрорайон. Размер территории планировочной единицы жилой среды диктуется пешеходной доступностью до остановок общественного транспорта. Для крупных городов это территория радиусом 400 метров.

На этой территории, кроме жилья, располагаются все объекты общественного обслуживания повседневного пользования. Часть объектов так называемого «попутного посещения» размещается у внешних границ жилого образования и совмещаются с остановками общественного транспорта – это магазины, почта, отделение банка, приемные пункты прачечной и химчистки, аптеки. Такие объекты, как школа, детские дошкольные учреждения, различные клубные объекты для определенных социально-демографических групп населения и спортивные объекты, т.е. объекты, посещаемые из дому, располагаются внутри территории и требуют системы пешеходных коммуникаций, связывающих жилые группы либо кварталы с этими объектами. Кроме того, внутри микрорайонов, как правило, стихийно формируются места общения, где гуляют мамы с детьми, прогуливаются пожилые люди, собираются подростки.

В 60-е годы прошлого столетия советское градостроительство приняло за основную планировочную единицу микрорайон, отказавшись от квартальной застройки. Размеры кварталов варьировались от 1,5 до 3 га и зависели, в основном, от типа застройки и размера города. Значительно увеличив территорию планировочной жилой единицы (территории микрорайонов 20–50 га), проектировщики уделяли внимание в большей степени застройке ограничивающих улиц. Исчезли какие бы то ни было основания для воссоздания прежней поквартальной формы застройки, и потому внутри территории, очерченной магистралями для общественного и личного транспорта, застройку вели совершенно свободным образом – лишь бы оказались соблюдены санитарные нормы освещенности квартир за счет строгого соблюдения расстояния между соседними зданиями, приблизительно равного двойной высоте самого высокого из них. Это привело к утрате внутренней планировочной структуры, т.е. системы коммуникаций и организованных открытых пространств и породило большое количество «ничейных» территорий внутри микрорайонов. Территория микрорайонов по сути состояла из совокупности жилых дворов, центров обслуживания жителей, размещаемых у остановок общественного транспорта и внутренней внедворовой территории, где размещались школа, детские дошкольные учреждения другие объекты соцкультбыта.

Современная практика проектирования иллюстрирует другой подход к функционально-планировочной организации жилых территорий. Внедворовая территория должна иметь систему коммуникаций, обеспечивающую связь, необходимую жителям ежедневно: дом – детское дошкольное учреждение – школа – остановка общественного транспорта – место парковки личного автомобиля. То есть основная функция – передвижение с целью. Это обеспечивается линейными элементами планировочной структуры – улицами, бульварами, проездами.

Внедворовые внутренние открытые пространства должны обладать качествами, гуманизирующими жилую среду: безопасность, комфортность, целостность, информативность, а так же обладать своеобразными эстетическими качествами. Рассмотрение внутренних внедворовых пространств как системы урбанизированных и ландшафтных пространств, соответствующих городским архетипам, позволило бы организовать внутреннее пространство жилых образований и придать им вышеперечисленные качества. Сложившимися архетипами городских жилых внедворовых открытых пространств являются урбанизированные пространства – это улица, площадь, перекресток, и ландшафтные – бульвар, сквер.

В современном обществе сам факт соседства отнюдь не сближает людей. Основой для общения служит место учебы или работы, совместная увлеченность, тогда как с соседями по лестничной площадке мы можем годами здороваться, так и не зная их по имени. Искусственно объединить разных людей со множеством разных интересов только тем, что они проживают рядом, невозможно и не нужно. Временные

социальные группы общения на территории микрорайона формируются, в первую очередь, из социально ослабленных групп жителей данного микрорайона – это пожилые неработающие жители, мамы с маленькими детьми, инвалиды. В силу физических причин их среда обитания и общения сводится к территории микрорайона. Мобильная же часть населения пользуется жилой средой микрорайона, в основном, как территорией с коммуникацией, ведущей к дому проживания.

Внутренняя планировочная структура жилого образования должна формироваться системой улиц различного характера – пешеходные (главные, второстепенные), транспортные (главные проезды, проезды и подъезды), ранжированные по значимости, характеру движения, специфике функционального назначения объектов, формирующих их, характеру их наполнения. Введение системы улиц во внутреннее пространство жилого образования позволит психологически закрепить пространство как «мое» и решит проблему межвания территории.

Все элементы системы транспортного обслуживания территории необходимо максимально насыщать автомобильными стоянками, что позволит освободить дворовые пространства от стоящих автомобилей.

Главным внутренним элементом социально-территориальной коммуникации жилой среды должно являться пешеходное линейное пространство (урбанизированное или ландшафтное), с примыкающими к ней узловыми и зональными элементами, где возможно размещение мест и объектов для общения, прежде всего, вышеперечисленных социально ослабленных групп населения. Пешеходная улица жилого образования должна создавать разнообразие функциональных и визуальных сценариев. Современное определение пешеходной улицы как архитектурного термина можно сформулировать следующим образом: это один из основных планировочных элементов высоко урбанизированного пространства, предназначенный для передвижения между его частями и ограниченного застройкой с двух сторон. Ширина пешеходной улицы определяется комфортными условиями восприятия формирующих ее объектов и должна быть не менее 10 метров и не более 30 м (оптимальная -12 -20 метров). Эдвард Холл, являющийся родоначальником *проксемики*, занимающейся изучением знаковой системы общения вводит понятия «микространство» – около 10-ти метров; «мезостранство» – 50-70 м и «макространство» – 70–100 метров.

Визуальный аспект восприятия жилой среды – это один из ключевых факторов, определяющий гуманные пространственные характеристики жилого пространства. Чем чаще планировочная структура формирует мезопромтранства и микространства, тем выше ощущение приватности, идентичности и комфортных социально-территориальных связей. Характеристиками пешеходных улиц должны быть безопасность и психологическая защищенность. Кроме того, пешеходные улицы внутри жилой среды могут рассматриваться как линейные центры жилых образований, где возникает особая форма времяпровождения, где необходим «интерьерный» характер пространства улицы. Наличие системы планировочных элементов, соответствующих привычным архетипам городского пространства во внутренней структуре жилого образования, которая обладает многообразием функциональных элементов, перекрестными маршрутами, создают пространственную безопасность, имеют социальный контроль, пространственную ориентацию.

Главное внутреннее пешеходное пространство должно стать центральным местом общения для различных социальных групп населения. Это пространство может быть решено планировочно либо как улица с пульсирующей геометрией с одной или несколькими примыкающими площадями, либо иметь характер бульвара, который, кроме обеспечения передвижения, насыщается разнообразными площадками. Как указывалось выше, особенно в таких местах нуждаются мамы с детьми, пожилые люди, люди с ограниченными физическими возможностями. Наличие такого «центрального» места внутри жилого образования дает большие возможности для избирательного общения.

Внедворовые внутренние открытые пространства должны обладать следующими качествами, гуманизирующими жилую среду: безопасность, комфортность, целостность, информативность, эстетическая привлекательность, своеобразие.

В трудах психологов и архитекторов отмечается, что особое внимание необходимо уделять:

- физическим параметрам среды, необходимых для протекания определенных процессов,
- размещению и функционированию элементов данной среды,

- эстетическим качествам среды, обеспечивающим эмоциональное и интеллектуальное состояние человека.

Важную роль, считают они, играет расстояние между свободно стоящими в пространстве объемами, которое определяет углы обзора. Если «ограниченность» больше или равна «замкнутости» (соотношение 1:1) – пространство «замкнутое». Если это соотношение равно 1:2 или 1:3, то пространство «полузамкнутое» или «полуоткрытое», если 1:4 – пространство «открытое».

Для ощущения замкнутости решающее значение имеет не только замкнутый контур плана ограждающих пространство архитектурных объемов, но и расстояние от зрителя до объекта. Так, дистанция наблюдения и, следовательно, углы зрения на здания, ограждающие пространство, связаны с возникновением у человека чувства замкнутости. Существует градация пространств от полной замкнутости до полного ее отсутствия. Специалисты [2, 3, 4 и др.] предлагают единый вариант такой градации, основанный на восприятии человеком пространства. Когда высота здания равна расстоянию до него, мы видим верх зданий под углом 45° и ощущаем себя в замкнутом пространстве. Когда высота фасада равна половине расстояния до него, мы видим верх под углом 30° – верхним лимитом нашего нормального зрения – это нижний предел для создания чувства замкнутости. Когда высота фасада равна одной трети расстояния от здания (18°), мы еще ощущаем преобладание объема над пространством. На расстоянии, в четыре раза превышающем высоту фасада (14°) – пространство совершенно теряет чувство замкнутости. Таким образом, пространственная структура может программировать состояние интимности, общения, движения, подавленности; может вызвать чувства скованности, расслабленности, эйфории, торжественности и т.д. Можно предположить, что с помощью визуального восприятия человек познает не только красивое и уродливое, но и безопасное и опасное, «способствующее» определенной деятельности (ходьба, бег, отдых и др.) или «препятствующее» ей.

Результаты данных исследований были реализованы в рамках курсового проектирования «Жилое образование» на 3 курсе архитектурного факультета БНТУ (рисунки 1, 2).

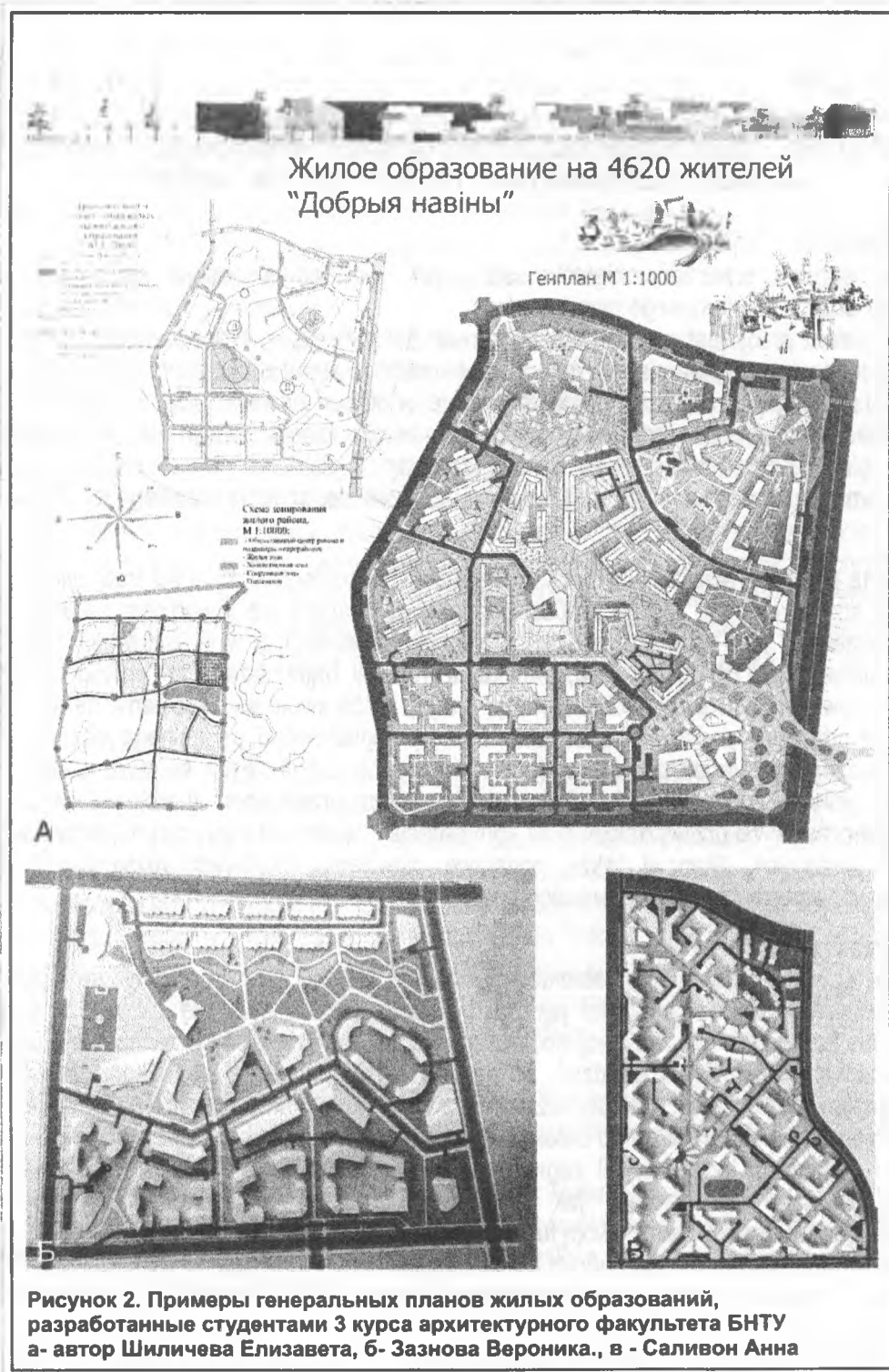
В проектах особое внимание уделялось созданию системы открытых пространств в соответствии со сложившимися привычными архетипами городского пространства. Акцент делался на формирование непрерывной системы внедворовых пространств, состоящей из линейных, узловых и зональных элементов, где особо выделялись пространства без движения транспорта.

При проектировании были поставлены задачи создания иерархии внедворовых пространств. Внимание в проектах уделялось выделению главного пешеходного пространства с наполнением его разнофункциональными объектами социального обслуживания. Предусматривалось размещение клубов по интересам для различных групп населения (физически ослабленные лица, подростки и др.), фитнес-центры, помещения для сдачи в аренду частным предпринимателям. Такие объекты располагались в первых этажах жилых домов, обрамляющих пешеходные пространства, или могли располагаться обособленно. Кроме того, в этом пространстве предусматривались площадки для общения разных групп населения (детские, подростковые, спортивные и др.).

Также формировались пешеходные коммуникации, на которых возможно размещение некоторых элементов обслуживания и которые связывали жилые группы с остановками общественного транспорта и центрами обслуживания.

Подобный подход позволяет сформировать безопасную жилую среду, так как размещение перечисленных элементов создает постоянный социальный контроль.

В процессе проектирования пространства рассматривались не только как пешеходные коммуникации, обладающие характеристиками визуальной ориентации во внутреннем пространстве жилой среды, эстетикой пешеходной улицы, но и как основное пространство для общения различных категорий населения. Уделение особого внимания проектированию внутренней системы открытых пространств обеспечивает индивидуальность жилой среды (даже в условиях типового домостроения), тем самым позволяя населению идентифицировать себя с местом проживания.

Список цитированных источников

1. Аракелян, Р.Г. Повышение качества жилой среды с учетом ценностей традиционных жилых образований / Р.Г. Аракелян // Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. – 20011. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/povyshenie-kachestv-zhiloi-sredy-s-uchetom-tsennostei-traditsionnykh-zhilykh-obrazovaniy#ixzz2z7sWfCzo> – Дата доступа: 014.04.2013.

2. Вергунов, А.П. Ландшафтное проектирование / А.П. Вергунов, М.Ф. Денисов, С.С.Ожегов. – М.: Высшая школа, 1991. – 240 с.

3. Беляева, Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия / Е.Л. Беляева. – М.: Стройиздат, 1977. – 125 с.

4. Шимко, В.Т. Архитектурное формирование городской среды / В.Т. Шимко – М.: Высшая школа, 1990. – 223 с.

Teterycz-Dorosz. M.

PRZEKSZTAŁCENIA OBIEKTÓW SAKRALNYCH PÓŁNOCNO-WSCHODNICH TERENÓW POLSKI – OBRAZEM POSZANOWANIA DZIEDZICTWA KULTUROWEGO

STRESZCZENIE

Opracowanie dotyczy przemian obiektów sakralnych północno-wschodniej Polski, będących wyrazem poszanowania dziedzictwa kulturowego tych terenów.

Nadrzędnym celem pracy jest prezentacja wybranych świątyń, głównie poewangelickich, które po II wojnie światowej uległy różnorodnym przemianom, ocena ich aktualnego stanu zachowania oraz wyznaczenie dalszych, możliwych metod ich ochrony i użytkowania postępowania, w obliczu zjawiska laicyzacji współczesnego świata.

Praca jest także próbą odpowiedzi na pytania: czy desakralizacja świątyń i ich adaptacja na inne cele użyteczności publicznej może być szansą na ich uratowanie? Jeśli tak, to czy może dozwolona całkowita swoboda w poczynaniach adaptacyjnych tych świątyń? Jeśli zaś nie, to gdzie przebiega jej granica?

1. Wstęp

Wszecobecna popularyzacja życia świeckiego, skutkuje porzuceniem wartości tradycyjnych, co przyczynia się do laicyzacji społeczeństwa. Jest to proces złożony¹, dokonujący się równolegle na wielu płaszczyznach. Jednym z komponentów tego zjawiska jest desakralizacja przestrzeni, a w konsekwencji i architektury miejsc kultu, co z kolei prowadzi do ich pustoszenia, zamykania i rujnacji, bądź nadania im "nowego życia".

Problem ten, powszechny na zachodnie Europy, ma już także swoje występowanie na terenach pogranicza Polski. Ma jednak odmienne podstawy genetyczne. Próby przeglądowego, sygnałowego jedynie rozpoznania tego zjawiska w niniejszej pracy podjęto na przykładzie wybranych zabytkowych świątyń, istniejących na terenie Warmii i Mazur, głównie poewangelickich, które uległy różnym przemianom II wojnie światowej. Analiza wariantów ich dotychczasowych przekształceń oraz konfrontacja z wzorcami europejskimi, pozwala na usystematyzowanie tychże przemian. Stanowi także podstawę określenia możliwych rozstrzygnięć projektowych i użytkowych degradowanych świątyń na terenach pogranicza.

2. Typy przekształceń

Intensyfikacja zjawiska przekształceń obiektów sakralnych Warmii i Mazur osiągnęła swój punkt kulminacyjny po II wojnie światowej. Choć ich źródła jak dotąd należy dopatrywać się głównie w uwarunkowaniach historycznych², nie zaś w zjawisku laicyzacji społeczeństwa, jak ma to miejsce w zachodniej Europie, to z dużym prawdopodobieństwem można przypuszczać, że najbliższe lata przyniosą także konieczność zmierzenia się także z powstającym problemem ich desakralizacji. Bez względu jednak na przyczyny wszelkich przekształceń, ich skutki, ujawniające się w architekturze obiektów i ich szeroko rozumianym poszanowaniu, w dużej mierze są porównywalne i obciążone jednakowymi zagrożeniami, bez względu na intensywność zjawiska, czy obszar występowania. Powstaje więc pytanie, jak postępować z obiektami o charakterze sakralnym, które z jakichkolwiek przyczyn przestały pełnić swoją funkcję pierwotną?

Istniejące na terenie północno - wschodniej Polski miejsca kultu pozwalają na wyodrębnienie trzech głównych typów przeobrażeń, mających wpływ na ich architekturę i funkcję. Są nimi: konwersja, rujnacja i desakralizacja.

3. Konwersje

Konwersje stanowią dominującą formę dotychczasowych form przekształceń obiektów sakralnych na terenie Warmii i Mazur. Na skutek zmian stosunków wyznaniowych na tym terenie, opuszczone świątynie ewangelickie przechodziły w

¹Chylińska i Kosmala w swoim artykule "Sakralizacja przestrzeni wobec współczesności" piszą o wielopłaszczyznowości zjawiska sakralizacji przestrzeni, dzieląc ją na niematerialną (duchową, społeczną, psychologiczną, kulturową) i materialną ujawniającą się w krajobrazie, przestrzeni osadniczej czy urbanistycznej. Zatem zjawisko przeciwstawne - desakralizacja, analogicznie jest zjawiskiem złożonym, które również należy rozpatrywać całościowo.

² Zjawisko przekształceń obiektów sakralnych na Warmii i Mazurach osiągnęło swój punkt kulminacyjny po okresie II wojny światowej. Na skutek zmian stosunków wyznaniowych „przedwojenne świątynie ewangelickie przechodziły głównie w użytkowanie wyznawców Kościoła katolickiego, Kościoła prawosławnego. Istnieją także przykłady pustoszenia świątyń i ich desakralizacji.;źródło: Ks. Krzysztof Bielawny, "Kościół ewangelicko-augsburski na Warmii i Mazurach po II wojnie światowej w spojrzeniu historyczno-ekumenicznym", wyd. HOSIANUM, Olsztyn 2008

większości w użytkowanie wiernych Kościoła rzymsko-katolickiego³. Konsekwencje tych transformacji można rozpatrywać w dwóch aspektach. Pierwszy dotyczy sposobu poszanowania sakralnego charakteru świątyni, drugi zaś przemian w architekturze tych obiektów, będących skutkiem zmiany ich użytkowników.

Analiza istniejących zabytkowych świątyni ewangelickich, przekazanych po II wojnie światowej wyznawcom Kościoła rzymsko-katolickiego, wykazuje, że pod względem architektonicznym główne zmiany obiektów dokonywane były w ich wnętrzach, w odpowiedzi na potrzeby ich nowych użytkowników. Przystosowanie do liturgii rzymsko-katolickiej było główną przyczyną tych przemian i w większości odbywało się z należytym poszanowaniem świątyni⁴. Miały miejsce oczywiście także sytuacje niegodnego ich traktowania, lecz te były akcydentalne. Przemiany zewnętrzne świątyni nie miały bezpośredniego związku z konwersjami, wynikały raczej z potrzeby utrzymania ich dobrego stanu.

Przykładami należytego traktowania zabytkowych świątyni, które uległy przemianom konwersyjnym są m.in. Kościół p.w. Podwyższenia Krzyża Świętego w Ostrymkole, świątynia p.w. Wniebowzięcia Najświętszej Marii Panny w Kalinowe Elckim. Lecz nawet te, w których zmiany zostały dokonane w sposób bardziej drastyczny, wciąż służą wiernym i posiadają swój charakter sakralny, co niewątpliwie jest rozwiązaniem właściwym.

Są więc przemiany konwersyjne zjawiskiem o tyle korzystnym z punktu widzenia architektury, że zapobiegają degradacji świątyni. Pozostawienie ich charakteru sakralnego świadczy o godnym traktowaniu, a rotacje wyznaniowe wydają się być znakiem czasu i świadczą o nie tak wielkich różnicach między chrześcijanami oraz o możliwościach - także architektonicznych - wzajemnego poszanowania różnych wyznawców chrześcijaństwa.

Konwersje rozumiane jako przystosowanie obiektów sakralnych do aktualnych potrzeb ich nowych użytkowników, wydają się więc być rozwiązaniem bezpiecznym. Nie są oczywiście gwarantem należytego ich traktowania, lecz pozwalają uniknąć kardynalnych błędów. Świątynie wciąż posiadają swój charakter sakralny, pełniąc przypisaną im funkcję.

4. Rujnacja i desakralizacja

Kolejnym zjawiskiem ujawniającym się na terenach północno-wschodniej Polski jest rujnacja obiektów sakralnych. Niszczenie, burzenie, dewastacja świątyni - jak z resztą każdej innej architektury - jest sytuacją nie do przyjęcia i nie wymagającą chyba żadnego komentarza. Szczególnie, iż poddane analizie obiekty posiadają status zabytków, co zdwaja konieczność należytego ich traktowania. Mimo to, liczba zrujnowanych ewangelickich świątyni na terenie Warmii i Mazur stanowi ok. 16% wszystkich zabytkowych dawnych zborów ewangelickich.

Wobec zaistniałego problemu niszczenia świątyni, podjęto także próby nadania im "nowego życia". Desakralizacja wciąż wzbudza tu największe kontrowersje i jest zjawiskiem nowym, tym bardziej wymaga szczególnej uwagi - przyczynić się może bowiem do minimalizacji rozwoju nietrafnych rozwiązań.

Rozpatrując tego rodzaju przemiany należy przede wszystkim zastanowić się, jak traktować obiekty o charakterze sakralnym?

Przyjmując założenie określające świątynię mianem obiektu użyteczności publicznej, bo formalnie taką właśnie funkcję pełni, możliwe drogi postępowania z dawnymi obiektami kultu wydają się identyczne z obiektami publicznymi, które uległy zniszczeniu, czy opuszczeniu.

Podążając w tym kierunku, można wyobrazić sobie istnienie właściwie każdej funkcji w dawnej świątyni. Są więc przykłady spójne z tym sposobem rozumowania, takie jak kościół w Markusach⁵, który obecnie pełni funkcję magazynu, synagoga w Dąbrównie czy dawna świątynia ewangelicka w Nowym Mieście Lubawskim⁶ - obecnie kino, restauracja i punkt informacji turystycznej.

Są to jednostkowe przykłady na wschodnich terenach Polski, lecz warto zastanowić się nad kierunkiem, w jakim zmiany te podążają. W skali Europy zjawisko jest rozpowszechnione na dużo szerszą skalę, a o przykłady dużo kontrowersyjne - czy wręcz niedopuszczalne - nietrudno.

³ Spośród 120 świątyni ewangelickich figurujących w rejestrze zabytków województwa warmińsko-mazurskiego, 78% stanowią obiekty przekształcone na kościoły katolickie, 5% na cerkwie prawosławne, 8,3% na funkcje niesakralne.

⁴ Pozostałe obiekty pozostały świątyniami ewangelickimi lub uległy rujnacji (dane pozyskane z rejestru zabytków woj. warmińsko-mazurskiego z 2008 r.). Zob. (w:) <http://www.nid.pl/>

⁵ Świątynia mennonicka wybudowana w roku 1728 r., lecz obecnie istniejąca pochodzi z r. 1898. Po II wojnie światowej zbor służył wiernym Kościoła rzymsko-katolickiego, przez kolejne lata jako magazyn, obecnie zaś stoi pusty. Zob. www.polskaniezwykla.pl

⁶ Kościół ewangelicki powstał w roku 1827 w miejscu istniejącego tam wcześniej ratusza. Po II wojnie, z powodu braku wiernych budynek oddano gminie miejskiej (1958 r.), wyposażenie świątyni przeniesiono do innych świątyni. Dziś budynek służy jako kino, restauracja i punkt informacji turystycznej.

Dawna świątynia w Dublinie (wpisana na listę UNESCO) dziś funkcjonująca jako bar (Church Bar), podobnie świątynie w Glasgow. Księgarnia w Holandii z kawiarnią w miejscu prezbiterium, czy mieszkanie zamiast świątyni również w tym samym państwie w mieście Utrecht.

Foto 1 – Markusy, dawny kościół ewangelicki

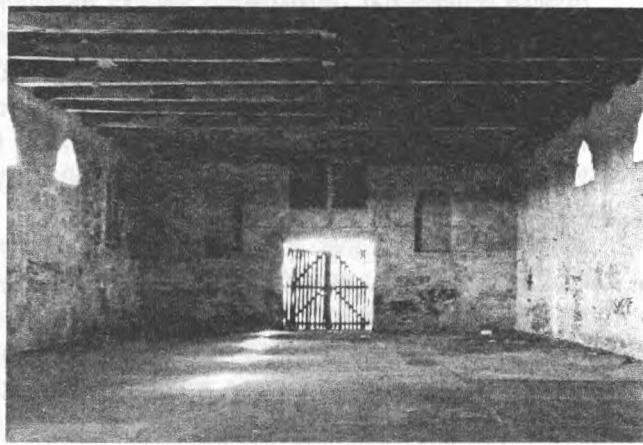

Foto 2 – Markusy, dawny kościół ewangelicki, widok obecnie magazyn . (zob.) wnętrza (zob.)

Foto 3 – Nowe Miasto Lubawskie, dawna świątynia ewangelicka ,obecnie kino Harmonia ewangelicka, obecnie kino Harmonia

Foto 4 – Nowe Miasto Lubawskie, dawna świątynia ewangelicka ,obecnie kino Harmonia ewangelicka, obecnie kino Harmonia

Wydaje się, że wśród zlaicyzowanego społeczeństwa, powszechnej tendencji odchodzenia od wartości religijnych, zjawisko to nie powinno budzić żadnego sprzeciwu. A jednak wciąż pozostaje pewien dysonans w odbiorze i użytkowaniu takich przestrzeni. Ich źródeł z dużym prawdopodobieństwem można doszukiwać się w tradycji, uwarunkowaniach kulturowych oraz rozważając możliwość istnienia - lub nie - świata całkowicie świeckiego, obdartego z religijności, tradycji czy duchowości?

Rzeczywistości, również tej architektonicznej, nie da się jednak rozpatrywać selektywnie, ograniczając się jedynie do sklasyfikowania jej wg ram teoretycznych. Konieczne jest ujęcie kompleksowe, łączące aspekt architektury, kultury i tradycji, ale przede wszystkim rozgraniczające to co święte i świeckie. Tylko tak przyjęta perspektywa pozwala na pełniejsze zrozumienie problemu i być może jest gwarantem poszanowania tego szczególnego rodzaju architektury. Wobec powyższego należałoby założyć inną metodę traktowania obiektów o charakterze sakralnym. Przyjmując za podstawową wartość przypisaną świątyniom fakt ich uświęcenia, bez względu na postępowanie i popularyzację życia świeckiego okazuje się, że z całą pewnością możliwe ścieżki ich przeobrażeń różnią się od zaprezentowanych powyżej.

Rodzi się więc pytanie, jak użytkować opuszczone obiekty sakralne, by oddać należny im szacunek?

Można przypuszczać, że poziom tolerancji architektonicznego wymiaru zjawiska desakralizacji zależy od przywiązania konkretnego społeczeństwa do wartości tradycyjnych⁷. Niemniej, należy wyznaczyć nieprzekraczalne granice pozwalające określić różnice między desakralizacją i dewastacją. Podstawą należytego traktowania dawnych świątyń jest niepodważalnie dobór odpowiedniej nowej funkcji, nie narażającej jej na znieważenie.

⁷Powszechne na zachodzie Europy adaptacje świątyń na mieszkania, muzea czy galerie, na terenie pogranicza wciąż wydają się zjawiskiem akcydentalnym, lecz z pewnością najbliższe lata przyniosą kumulację rozwiązań o takim charakterze.

W tym kontekście przedstawione powyżej adaptacje wydają się wykraczać poza te granice i stanowią formę profanacji. Użytkowanie dawnych obiektów sakralnych jako magazyny, kina, restauracje, a już z całą pewnością jako bary zdaje się być zjawiskiem niedopuszczalnym.

Za przykłady kontrastowe do wyżej wymienionych posłużyć mogą: dawny zbór ewangelicki zlokalizowany w Dobrym Mieście⁸, obecnie użytkowany jako biblioteka, czy świątynia w Olsztyńku⁹, funkcjonująca obecnie jako muzeum.

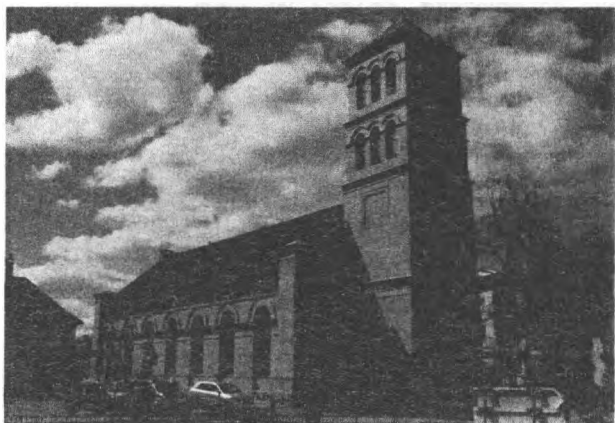

Foto 5 – Dawny zbór ewangelicki w Dobrym Mieście Foto 6 – Olsztynek, dawna świątynia ewangelicka obecnie użytkowany jako biblioteka (zob.) obecnie muzeum (zob.)

Mimo, iż nowe funkcje nie pozwalają na użytkowanie świątyń do celów religijnych, to wydają się być na tyle stosowne do zastanego miejsca, że są świadectwem godnego ich poszanowania. Co więcej, fakt ich dalszego użytkowania wyklucza ich rujnację, jest więc formą nadania im "nowego życia" szanującego pierwotny - sakralny - charakter. Tego rodzaju adaptacje również są powszechne w zachodniej Europie. Liczne przykłady galerii wystawowych, domów kultury czy bibliotek zdają się pokazywać możliwości adaptacyjne dawnych świątych nie wykraczające poza granice moralności.

5. Posumowanie

Wobec narastającej liczby nieużytkowanych świątyń ujawnia się problem ich przyszłego losu. Przekształcenia obiektów sakralnych na terenach pogranicza Polski przybierają rozmaite formy. Przytoczone w opracowaniu przykłady ukazują możliwe kierunki podążania związane z ich transformacjami.

Stanowiące jak dotąd większość, przemiany konwersyjne wydają się być najkorzystniejszym sposobem transformacji obiektów sakralnych, są rozwiązaniami najmniej kontrowersyjnymi. Zachowują bowiem nadrzędne wartości świątyń, są też odpowiedzią na potrzeby społeczeństw aktualnie je użytkujących. Pozostawiają sakralny charakter obiektu, w większości przypadków są świadectwem poszanowania ich tradycji i historii, a także chrony ich architektury. Wydają się więc być najkorzystniejszym z możliwych rozwiązań zachowania obiektów sakralnych, zarówno ze względów architektonicznych, ale przede wszystkim ich należytego traktowania.

Rujnacja świątyń bezsprzecznie i pod każdym względem jest zjawiskiem krytycznym i z pewnością naganną drogą postępowania z wszelkimi obiektami, a nade wszystko sakralnymi. Szczególnie w przypadku obiektów posiadających status zabytków, którym należy się wyjątkowe traktowanie. Świadczą przecież o historii terenu, niekiedy są obiektami unikatowymi na skalę regionu czy kraju. Bezsprzecznie, przyzwolenie na destrukcję świątyń jest działaniem niepożądanym, a w obliczu wielu istniejących obiektów popadających w ruinę należy rozważyć możliwość ich przeobrażeń.

Jednak w sytuacji braku tego rodzaju przemian, a mając na uwadze możliwość zrujnowania istniejących świątyń, warto rozważyć także możliwość ich adaptacji na cele świeckie. Przekształcenia te wymagają jednak wyjątkowej rozważności. Zobowiązują do poszanowania zastanej świętości, godnego traktowania obiektu przede

⁸Świątynia została wybudowana w latach 1830–1834 (wg projektu Karola Fryderyka Schinkla), do roku 1945 służyła ewangelikom. W roku 1967 obiekt adaptowano na bibliotekę, do użytku oddano w r. 1978.

⁹Pierwotnie kościół gotycki z XV wieku, odbudowany w r. 1961 w stylu barokowym. W okresie II wojny światowej został spalony, w latach 1974–1977 odbudowany. Następnie został adaptowany na cele kulturowe. Obecnie mieści się w nim Galeria Sztuki i Muzeum Budownictwa Ludowego.

wszystkim ze względu na jego charakter sakralny, a co za tym idzie doboru adekwatnego sposobu użytkowania. Skutki niczym nieskrępowanych adaptacji obiektów sakralnych na terenie zachodniej Europy są widoczne już dzisiaj, stanowią przykład działań wykraczających poza wszelkie normy moralne i swobodnie mogą być przestrożą przed niefortunnymi działaniami adaptacyjnymi na obszarze, gdzie zjawisko to ma dopiero swoje początki.

Przeobrażenia świątyń można generalnie zaliczyć do zjawisk pozytywnych, gdyż pozwalają na zachowanie obiektów sakralnych, zapobiegają ich rujnacji, są podstawą do dalszego, nowego ich użytkowania. Jednak podejmując się tego wysoce skomplikowanego zadania, należy ze szczególną troską zadbać o nadrzędną wartość przypisywaną obiektom kultu, jaką jest fakt ich świętości, a wtedy ich wszelkie przemiany - w granicach sacrum czy też poza nimi - nie staną w opozycji do bezwzględnie należytego im poszanowania.

Literatura:

1. Chylińska, Dagmara Sakralizacja przestrzeni wobec współczesności: prace Komisji Krajobrazu Kulturowego / Dagmara Chylińska, Kosmala Gerard // Komisja Krajobrazu Kulturowego PTG – Sosnowiec, 2012. – Nr 17. – S. 47–68.

2. Bielawny, Krzysztof Kościół ewangelicko-augsburski na Warmii i Mazurach po II wojnie światowej w spojrzeniu historyczno-ekumenicznym, wyd. HOSIANUM. – Olsztyn, 2008.

3. Kurek, Jan Laicyzacja sacrum. Współczesna adaptacja świątyń do nowych funkcji. – Politechnika Krakowska, Wydział Architektury.

4. Stecko, Justyna Czy potrzebne jest nam sacrum? Diagnoza kultury w ujęciu Leszka Kołakowskiego: zeszyty Naukowe Politechniki Rzeszowskiej, 2012.

Summary

Transformation of temples in north – east part of Poland is the subject of research. The main point of the paper is to present selected examples of temples (mainly Protestant Churches) that had been transfigured after The Second World War, an appraisal of their current state of preservation, the outline of possible further way of proceeding with sacral buildings, in a context of escalating phenomenon of secularization of society.

The article is also an attempt to answer the questions: if temples' secularization is the only way to preserve them from destruction, or does it lead to their destroy? Is it allowed to handle places of worship as the other public buildings? How the sacral building should be treated to protect them from insulting.

УДК 693.22.004.18

Trojnieł P.

UKŁAD LINEARNY-POPZRZECZNY W MUROWANYCH SYNAGOGACH NA PODLASIU W XIX I XX WIEKU

W pracy podjęto się analizy układów struktur funkcjonalno-przestrzennych murowanych podlaskich bóżnic zbudowanych w XIX i XX wieku. W opracowaniu zastosowano określenie „układ linearny” jako odpowiednik „układu podłużnego” obecnego w literaturze przedmiotu. Nazewnictwo to zostało wprowadzone przez autora w pracy doktorskiej¹. Spowodowane jest odkryciem i wyróżnieniem nowych typów układów przestrzennych badanych bóżnic oraz ich nowego ujednoczonego nazewnictwa.

Pod koniec XVIII wieku na terenie Rzeczypospolitej synagogi budowano stosując dwa podstawowe schematy funkcjonalno-przestrzenne, powstałe w wiekach poprzednich². Pierwszy z nich to tzw. **układ centralny** z dużą salą modlitw zbliżoną do kwadratu, przekrytą najczęściej sklepieniem opartym na bimbie-podporze (układ z bimą-podporą) lub na czterech filarach czy słupach (tzw. układ dziewięciopółowy), otoczoną niższymi pomieszczeniami dodatkowymi (przedsionkiem, babińcem, salami gminy itp.). Powstawały także synagogi o układzie centralnym z mniejszymi salami jednoprzestrzennymi. Układ ten, powstały na ziemiach polskich, był oryginalny w skali

¹ Piotr Trojnieł, *Transponowanie Tradycji w architekturze synagog XIX i XX wieku na Podlasiu*, Wydział Architektury Politechniki Gdańskiej, grudzień 2013, promotor prof. J. Uścińowicz

² Maria i Kazimierz Piechołkowie, *Bramy Nieba Bóżnice Murowane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej*, Wydawnictwo Krupski i S-ka, Warszawa 1999

europejskiej, stosowano go i rozwijano przy budowie głównych synagog od XVI do XVIII wieku³. Drugi typ to tzw. **układ linearny (podłużny)**, stosowany częściej przy mniejszych obiektach. W bóżnicach, w których stosowano ten schemat, wysoką, orientowaną salę główną, poprzedzoną przedsionkiem z umieszczonym nad nim babińcem, przekrywał wspólny dach. Oba wymienione wyżej modelowe rozwiązania powstały i ewoluowały w okresie kiedy Rzeczpospolita stała się miejscem zamieszkania większości żydów europejskich. W obu przypadkach *aron hakodesz* zlokalizowany był na osi ściany wschodniej – orientowanej w kierunku wschodnim, jako symbolicznym kierunku Jerozolimy. *Bimę*, zgodnie z wytycznymi Majmonidesa⁴, oraz rabina Mojżesza Isserlesa Remu lokalizowano centralnie.

Od końca XVIII i początku XIX wieku coraz częściej zaczęto stosować znane wcześniej układy linearne (podłużne) z salą główną zbliżoną do kwadratu. Układ ten, będący wynikiem wcześniejszego, tradycyjnego modelu bóżnicy z jednoprzestrzenną salą modlitw, mógł być w prosty sposób przystosowany do różnorodnych kosztiumów architektonicznych.

Przeprowadzone analizy zebranego materiału grupy bóżnic na Podlasiu pozwoliły na wyróżnienie trzech podstawowych typów rozwiązań układów i struktury wewnętrznej tych synagog:

- **Typ 1** - układ centralny;
- **Typ 2** - układ linearny (podłużny) z salą zbliżoną w planie do kwadratu, podobny do ukształtowanego w k. XVIII w.;
- **Typ 3** układ linearny-poprzeczny, z salą główną o obrysie prostokąta, ustawioną poprzecznie w stosunku do osi synagogi.

Analizy potwierdzają, że układ ten jest rezultatem ewolucji tradycyjnego układu linearnego (podłużnego) i podlegał w II połowie XIX wieku dalszemu rozwojowi, czego wynikiem są kolejne podtypy układu, a mianowicie:

- **Typ 3A** – układ linearny-poprzeczny z podziałem nawowym, z konstrukcją dzielącą salę na dwie nawy; poprzez rząd (lub rzędy) słupów ustawione poprzecznie do osi synagogi.
- **Typ 3B** – układ linearny-poprzeczny ze zredukowanym przedsionkiem z możliwym włączeniem do sali głównej przestrzeni pod emporą - galerią (babińcem).

Układ linearny – wprowadzenie

Przeprowadzone analizy porównawcze dają podstawę do stwierdzenia, że zdecydowana większość bóżnic na ziemiach polskich zbudowana od końca XVIII w. była budowana w oparciu o tzw. układ linearny (podłużny). Jednym z pierwszych obiektów, w którym zastosowano takie rozwiązanie, jest synagoga w Pińczowie z k. XVI w. lub pocz., XVII w. Dojrzałymi przykładami takich rozwiązań są m.in. Bóżnica Izaaka w Krakowie z 1644 r. (ryc. 1). Budowano również synagogi o układzie linearnym, z konstrukcją głównej sali modlitw z bimą-podporą lub dziewięciopopolowym sklepieniem opartym na czterech słupach-filarach. Obiekty takie były większe i mogły zmieścić większą liczbę wiernych⁵. Przykładami takich bóżnic są obiekty z bimą-podporą: w Różanie Grodzieńskiej z poł. XVIII w., Łańcucie z 1761 r., przebudowanej w XIX w. Do synagog o układzie linearnym z salą dziewięciopopolową można natomiast zaliczyć bóżnice: w Nowym Sączu z lat 1769-1774, oraz Staszowie z k. XVIII w. Przykładami stosującymi układ linearny w końcu wieku XVIII były synagogi w Nowym Korczyniu, Janowcu, Józefowie Biłgorajskim, Włodawie (Mała Synagoga) oraz synagogi zbudowane na terenie

Przeprowadzone rekonstrukcje podlaskich bóżnic oraz analizy porównawcze form pierwotnych wskazują, że około połowy wieku XIX układ linearny, charakterystyczny dla synagog końca XVIII wieku, ewoluuje i pojawiają się pierwsze przykłady obiektów z salą modlitwy zbudowaną na rzucie figury prostokąta, ustawionej jednak nie podłużnie, jak dotychczas, lecz poprzecznie, tzn. dłuższym bokiem prostopadle do tej osi, wyznaczonej przez *bimę* i *aron hakodesz* (układ linearny-poprzeczny, Typ 3).

Układ linearny- poprzeczny, Typ 3

Już w synagodze *Nomer Tamid Bet Midrasz* w Białymstoku z 1800 r., zbudowano prostokątną salę zbliżoną do kwadratu, ale ustawioną w ten sposób (ryc. 2). Synagoga ta realizowała co prawda zredukowany program funkcjonalny, ograniczony do sali modlitw mężczyzn i niewielkiego przedsionka, ale to rozplanowanie wydaje się być symptomatyczne.

³ Ibidem

⁴ Rabbi ben Maimon (zwany Majmonidesem) był urodzonym w Kordobie żydowskim teologiem i filozofem. Żył w latach 1136-1204. Był autorem kodeksu prawnego *Mishneh Tora* (1170-1180) w którym pisał: „Kiedy wznosi się synagogę, powinien się w niej znajdować *Heikhal* (*aron hakodesz*) na przechowywanie w nim *zwojów Tory*. *Heikhal* powinien być budowany w kierunku, w jakim się w danym mieście modli (ku Jerozolimie), tak, żeby wierni mogli stać przy modlitwie twarzą ku niemu. A *bima* powinna stać na środku, żeby czytający *Torę* mógł być dobrze słyszany” [za:] M. i K. Piechotkowie, *Bramy Nieba Bóżnice Murowane*, op.cit. s. 64

⁵ [za:] M. i K. Piechotkowie, *Bramy Nieba Bóżnice murowane*, op.cit.

Pierwszą znaną synagogą o układzie linearnym-poprzecznym z wyraźnie ukształtowaną już prostokątną salą modlitw, oddzieloną od przedsionka ścianą ustawioną poprzecznie do osi głównej, była synagoga Chorszul (Chóralna) powstała przy ul. Żydowskiej (ob. ul. Białówny) w Białymstoku w roku 1834⁶. Jej fundatorem był jeden z najbogatszych żydów białostockich Izaak Zabłudowski, a jednym z inicjatorów miał być Markus Zamenhof, ojciec późniejszego twórcy języka esperanto Ludwika Zamenhofs⁷. Na podstawie zachowanych zdjęć elewacji wschodniej, południowej oraz fragmentu wnętrza, a także planu przedwojennego miasta Białegostoku określono przybliżone wymiary tego obiektu i na tej podstawie opracowano częściową, hipotetyczną jej rekonstrukcję (ryc. 3). Wynika z niej, że synagoga ta była orientowana, zbudowana na planie prostokąta, z wysoką salą główną, poprzedzoną dwukondygnacyjną częścią wejściową. *Aron hakodesz* umieszczony był na osi ściany wschodniej, a *bimę*, widoczną na fotografii (ryc. 4), zlokalizowano w części centralnej sali. W swojej formie zewnętrznej natomiast synagoga ta bliska była kamienicy miejskiej o skromnym klasycystycznym detalu (ryc. 5).

Okolo połowy XIX wieku powstały kolejne synagogi, w których prostokątna sala modlitwy była charakterystycznie ustawiona prostopadłe do jej osi. Były to obiekty w Krynkach, Ciechanowcu, Suchowoli oraz Nowy Bet Midrasz w Białymstoku. Bóżnica Nowy Bet Midrasz Białymstoku powstała jako budynek drewniany w ok. 1800⁸ roku na dziedzińcu Wielkiej Synagogi, przy ul. Szkolnej, naprzeciwko bóżnicy *Nomer Tamid*. W roku 1853 została ona zastąpiona nowym, murowanym obiektem⁹, który znany z zachowanych fotografii oraz filmu. Na podstawie zachowanych zdjęć elewacji, wspomnianego filmu¹⁰ oraz przedwojennego planu Białegostoku dokonano rekonstrukcji podstawowych zarysów planu bóżnicy. Obiekt ten zaliczyć należy również do grupy bóżnic w układzie linearnym-poprzecznym (ryc. 6). Wygląd wnętrza pozostaje nieznany, ale układ funkcjonalny w swoich podstawowych założeniach jest czytelny przez rozmieszczenie i rodzaj okien na elewacjach. Elewacja boczna, południowa jest asymetryczna z widocznym rozdzieleniem części wejściowej, dwu – kondygnacyjnej oraz wysokiej sali głównej z trzema wysokimi półkoliście zakończonymi oknami. Od strony zachodniej (od strony ul. Szkolnej), w części wejściowej bóżnica była dwukondygnacyjna z dwoma wejściami, umieszczonymi na obu jej krańcach (ryc. 7).

Jak wykazały analizy zebranego materiału, na tym samym schemacie opierają się kolejne przykłady synagog z Ciechanowca (ryc. 8), Krynek (ryc. 9) i Suchowoli (ryc. 10). Synagoga „Kaukaska” (kaukaski Bet Midrasz) w Krynkach powstała w 1850 roku¹¹, przy zbiegu ulic Białostockiej (ob. Piłsudskiego) i Górnej¹². Budynek przetrwał wojnę, zniszczony w ok. 30%¹³ został przebudowany w 1955 roku i adaptowany na kino. Podczas odbudowy zamurowano częściowo okna, zlikwidowano *bimę*. Od strony południowej powstała wtedy niewielka dobudówka, widoczna na zdjęciach z lat 60 XX w. Kolejną przebudową w latach 70. objęto strefę wejścia od strony ul. Piłsudskiego zacierając dawny układ otworów. Powiększono ją wtedy również, dodając część obiektu od strony południowej, która zajmuje od tej pory całą długość elewacji. Mimo zmian wynikających z dokonanej adaptacji, nadal czytelny jest pierwotny plan synagogi z podziałem na dwa trakty: szerszy-wschodni, mieszczący dawną, wysoką salę modlitw, oraz zachodni, dwukondygnacyjny, mieszczący dawniej strefę wejściową oraz babiniec na drugiej kondygnacji. Struktura funkcjonalna synagogi kaukaskiej reprezentowała typowy w XIX wieku układ linearny z całą funkcją umieszczoną w prostopadłościennych bryle pod jednym dachem. Wysoka, jednokondygnacyjna sala główna modlitwy została umieszczona dłuższym bokiem prostopadłe do osi głównej bóżnicy (układ linearny-poprzeczny) i oddzielona od części zachodniej ścianą, podobnie jak w innych obiektach zbudowanych w tym okresie w Suchowoli, Ciechanowcu i Białymstoku (ryc. 11). Salę tę doświetlały wysokie, łukowo zakończone

⁶ Romaniuk, Zbigniew, *Żydzi Białostoccy do 1915 r.* [w:] Studia i materiały do dziejów miasta Białegostoku, Tom V, Białystok 2001, s. 155. Tę samą datę podaje T. Wiśniewski [w] *Bóżnice Białostoczczyzny Żydzi Europie wschodniej do roku 1939*, wyd. Dawid, Białystok 1992 s. 137, M. i K. Piechotkowie podają jako datę zbudowania tej synagogi rok 1831 [w:] *Oppidum Judaeorum Żydzi w przestrzeni miejskiej dawnej Rzeczypospolitej*, Wydawnictwo Krupski i S-ka, Warszawa 2004, s. 247

⁷ Wiśniewski, Tomasz, *Bóżnice Białostoczczyzny (...)*, op. cit. s. 137

⁸ Smulewitz, I., *Białystok – a historical survey*, [w] *The Bialystoker Memorial...* s. 4, Zbigniew Romaniuk wspomina o nowej synagodze zbudowanej w 1802 roku [w:] *Żydzi białostoccy do 1915 r (...)*, op. cit. s.153

⁹ *Pinkos Białystok*, Jewish Historical Association, Inc, New York, , 1949, 1950 1949 (...) s. 275 (tłum. z Jidysz)

¹⁰ *Jewish Life In Białystok* (dodatek do książki „Białystok między wojnami”), ze zbiorów The Steven Spielberg Jewish Film Archives of the Hebrew University of Jerusalem and the World Zionist Organization, tłumaczenie i napisy: Telewizja Białystok 2010,

¹¹ Według T. Wiśniewskiego Kaukaski Bet Midrasz powstał w I poł. XIX w.: T. Wiśniewski, *Gmina żydowska w Krynkach* [w:] *Białostoczczyzna 1989/3* s.10, wg karty ew. WUOZ w Białymstoku synagoga powstała w 1850, [w] *Bożnica, ob. kino „Krokus”*, Archiwum WUOZ Białystok, karta nr 2995

¹² W synagodze tej modlił się szanowany w Krynkach rabin Szmuel¹² oraz działała tu szkoła religijna, w której nauczał inny znany rabin i sędzia Reb Abraham Jakob Leviton, [w:] *Memorial Book of Krynki*, op.cit. s. 51

¹³ Według informacji z karty: *Bóżnica, ob. kino „Krokus”*, Archiwum WUOZ Białystok, karta nr 2995

okna. Ich układ z widocznymi przemurowaniami jest czytelny na fotografiach obiektu nawet po jego adaptacji. Kaukaski Bet Midrasz był obiektem tradycyjnie orientowanym, z tradycyjną lokacją najważniejszych miejsc kultu - z *aron hakodeszem* umieszczonym przy ścianie wschodniej i prawdopodobnie centralnie umieszczoną *bimą*.

Kolejną z tej grupy bóżnicę – Starą Szkołę (*Alte Schul*, Stary Bet Midrasz) w Ciechanowcu - zbudowano w kompleksie synagogałnym przy ulicy ul. Mostowej, od zachodniej strony, nieistniejącej, ciechanowieckiej Wielkiej Synagogi. Formę zewnętrzną tej synagogi dokumentują zdjęcia z lat 60. oraz pochodzące z Księgi Pamięci Ciechanowca¹⁴ (ryc. 8). Na podstawie fotografii określono podstawowe założenia układu synagogi, przy hipotetycznym określeniu wymiarów zewnętrznych (ryc. 11). Układ funkcjonalny Starej Szkoły jest czytelny na jej elewacjach, poprzez podział lizenami. Wynika także z wielkości i rozmieszczenia okien. Analizy dostępnego materiału wskazują, że wysoka, jednokondygnacyjna sala główna, wyznaczona przez wysokie, półkoliście zakończone okna, została umieszczona we wschodnim, szerszym traktcie budynku, dłuższym bokiem prostopadle do osi głównej bóżnicy (typ 3). Była więc zapewne orientowana, z *aron hakodeszem* umieszczonym centralnie na ścianie wschodniej. Węższy trakt zachodni był dwukondygnacyjny, mieścił funkcje dodatkowe, część wejściową oraz prawdopodobnie babiniec na poziomie piętra.

Również tzw. Nowa Synagoga w Suchowoli (ryc. 10), która powstała w połowie XIX wieku¹⁵ na tzw. „żółtym wzgórzu” realizowała podobny schemat funkcjonalny. Jest to prosty, dwukondygnacyjny, murowany budynek, zbudowany na planie prostokąta, z dachem dwuspadowym oraz dwutraktowym układem wnętrza. Sala modlitw, o proporcjach charakterystycznych dla typu 3, ustawiona była poprzecznie¹⁶, dłuższym bokiem w stosunku do osi bóżnicy.

Przeprowadzone badania wykazały, że w drugiej połowie XIX wieku nowo budowane murowane synagogi na Podlasiu w zdecydowanej większości oparte były na schemacie linearnym-poprzecznym. W 1861 roku została uroczysto otwarta nowa białostocka synagoga na ul. Mikołajewskiej (obecnie Sienkiewicza), tuż przy rzece Białej. Synagogę tę zwyczajowo nazywano Bóżnicą Pułkową. Budynek synagogi zbudowano w stylu klasycystycznym, w pierzei, elewacją frontową, zachodnią, skierowaną do jednej z największych białostockich ulic. W momencie otwarcia była to największa bóżnica Białegostoku, a jej przybliżone wymiary zewnętrzne to 19,7m na 20,3m. Nie znamy niestety układu funkcjonalnego tej bóżnicy. W części rysunkowej prezentowana jest hipotetyczna rekonstrukcja rzutu, (ryc. 12, 13). Wiadomo, że była to synagoga orientowana, ortodoksyjna, z babiniami umieszczonymi na galeriach. Synagoga mieściła także bibliotekę¹⁷. Widoczne na zdjęciach wejścia do budynku były umieszczone w elewacjach bocznych, na drugiej, licząc od strony ulicy, osi. Istnienie niszy okiennej w południowej części elewacji frontowej sugeruje, że w tym narożniku zlokalizowano klatkę schodową. W rekonstrukcji przyjęto, że ściana dzieląca wnętrze synagogi na część zachodnią i salę modlitw z galeriami znajdowała się za drzwiami wejściowymi - pomiędzy drugą a trzecią osią pięcioksiowych elewacji bocznych. Synagoga miała prawdopodobnie układ linearno-poprzeczny (typ 3), być może z bazylikowym układem wnętrza, jaki przedstawiono na rekonstrukcji (ryc. 11).

Kolejną bóżnicą realizującą układ linearno-poprzeczny była synagoga *Chaje Adam* w Wasilkowie, wybudowana została w zespole synagogałnym przy ul. Wojciechowskiej (Wojtachowskiej), tuż obok istniejącej głównej drewnianej synagogi z XVIII w. oraz drewnianego domu talmudycznego z 1880 r. Obiekt powstał w latach 1895-1896, z inicjatywy *Abrama Barasza (Bahraha)* oraz *Berki Kowienokowo* (Kowieńskiego?). Budynek powstał na planie prostokąta i przekryty został prostym, dwuspadowym dachem. Salę modlitw, o proporcjach charakterystycznych dla wyodrębnionego typu 3, ustawioną poprzecznie¹⁸ (ryc. 12), dłuższym bokiem w stosunku do osi bóżnicy, doświetlały wysokie, zakończone neogotyckim łukiem ostrym, okna (ryc. 14). Proporcje sali modlitw są podobne do tych, które miały wcześniejsze synagogi w Ciechanowcu (Stara Szkoła), Suchowoli czy białostocki Nowy Bet Midrasz. Układ funkcjonalno-przestrzenny bóżnicy był ściśle symetryczny, podobnie jak elewacje - wschodnia oraz zachodnia.

¹⁴ *Ciechanowiec Memorial and Records* op. cit. s. 53, s.125

¹⁵ *Bóżnica tzw. Nowa ob. sala gimnastyczna w Zespole Szkół w Suchowoli*, archiwum WUOZ Białystok, karta ewid. nr 3256, [porównaj:] T. Wiśniewski, *Bóżnice Białostockie (...)*, op. cit. s. 192

¹⁶ Podobne rozwiązania zastosowano w Nowym Bet Midraszu z 1853 r. i bóżnicy przy ul. Mikołajewskiej w Białymstoku (proj. z 1895 r.). Najbliższy w proporcjach i wielkości jest przykład synagogi *Chaje Adam* w Wasilkowie z lat 1895-1896.

¹⁷ Liturgicznym wzorcem była najstarsza synagoga białostocka z 1718 roku. [za:] Wiśniewski, Tomasz, *Twierdza Sewastopolska* [w:] *Folks Sztyme*

¹⁸ Podobne rozwiązania zastosowano w Nowym Bet Midraszu z 1853 r. i bóżnicy przy ul. Mikołajewskiej w Białymstoku (proj. z 1895 r.). Najbliższą w proporcjach i wielkości jest Nowa synagoga w Suchowoli (XIX w.)

Ostatnią z tej podlaskich synagog, była białostocka synagoga Cytronów. Synagoga ta została zbudowana w latach 1935-1936¹⁹ przez synów *Szmuela* i *Chawy* Cytronów²⁰, rodziny fabrykantów białostockich. Obiekt powstał pomiędzy dwoma istniejącymi budynkami, wypełniając lukę w pierzei dawnej ulicy Polnej (obecnie Waryńskiego), lekko wycofany w stosunku do linii zabudowy. Bóżnica była orientowana, z *aron hakodeszem* umieszczonym w centralnym miejscu ściany wschodniej, wysokiej na dwie kondygnacje, zaznaczonym na elewacji oculusem. Chociaż, że po wojnie budynek ten służył jako synagoga, jeszcze do lat pięćdziesiątych XX w., jako jedyny w Białymstoku, nie znamy niestety źródłowo potwierdzonego wyglądu jej wnętrza, m.in. miejsca usytuowania *bimy*. Istniejący do dziś i znacznie przebudowany budynek pierwotnie był dwukondygnacyjny, ze stosunkowo płaskim dachem dwuspadowym w duchu z modernistycznej architektury, określanej jako styl Bauhaus²¹. Wspomniana wysoka sala modlitw, przeznaczona dla mężczyzn, mieściła się we wschodnim, szerszym trakcie budynku i miała kształt prostokąta ustawionego prostopadłe do osi bóżnicy (typ 3). Otaczały ją, prawdopodobnie z trzech (na pewno dwóch bocznych) stron, galerie dla kobiet, zlokalizowane na poziomie drugiej kondygnacji, otwierające się na salę główną szerokimi arkadami²² (ryc. 15). To rozwiązanie w większej skali znane było z wcześniejszej białostockiej Wielkiej Synagogi i być może synagogi Pułkowej. W trakcie zachodnim, na poziomie parteru oraz w części południowej, pod babińcami znajdowały się dodatkowe pomieszczenia o nieustalonej funkcji. Wejście dla kobiet z klatką schodową zlokalizowano od strony ul. Polnej, w północno-zachodnim narożniku budynku w jednym z ryzalitów elewacji frontowej. Wejście dla mężczyzn, zgodnie z przekazami mieściło się w ścianie wschodniej lub południowo-wschodniej. Jednak pomimo zachowania do dziś tego budynku, tak jak w przypadkach innych bóżnic na Podlasiu, dostępne materiały źródłowe i dokumenty nie pozwalają w sposób jednoznaczny, na tym etapie badań, zrekonstruować jego pierwotnych rozwiązań architektonicznych.

Jak wykazały przeprowadzone badania od drugiej połowy wieku XIX nowe, główne synagogi na Podlasiu powstawały rzadko i wyłącznie jako obiekty, które zastępowały wcześniejsze zniszczone przez pożary lub zburzone. Tak było właśnie w przypadku synagog w Czyżewie z k. XIX w., Sokółce z ok. 1900 r., Białymstoku w latach 1909-1913 i Milejczycach w 1927 r. We wszystkich zamieszkałych przez żydów miejscowościach Podlasia istniały już bowiem obiekty pełniące rolę głównych, reprezentacyjnych synagog, a nowe bóżnice w tym okresie budowane były najczęściej przez osoby prywatne oraz stowarzyszenia zawodowe i religijne. Przeprowadzone badania wykazały że wszystkie nowe synagogi główne zbudowane w końcu XIX wieku i na początku wieku XX budowano w oparciu o układ linearny-poprzeczny (ryc. 16).

Istniejąca do dzisiaj murowana synagoga w Czyżewie²³ została zbudowana na miejscu wcześniejszej synagogi drewnianej, zniszczonej w pożarze w 1896 roku²⁴, położonej przy obecnej ul. Polnej (datowana wg różnych źródeł koniec XIX / pocz. XX w.²⁵). Obiekt ten należy do grupy obiektów o linearnym-poprzecznym układzie przestrzenno-funkcjonalnym, typowym dla obiektów tego okresu. Wnętrze prostokątnej sali modlitw (zbliżone do kwadratu) ustawione jest dłuższym bokiem poprzecznie do osi synagogi (ryc. 16). Jest to wnętrze jednoprzestrzenne z trzema słupami w części centralnej na osi wschód-zachód. Synagogę w Czyżewie zbudowano na planie prostokąta, z dachem kopertowym na części zachodniej i dachem o trzech spadkach na części wschodniej. Elewacje zostały wykończone czerwoną cegłą i nawiązywały do popularnego w końcu XIX i na początku XX wieku „nurtu ceglanego”.

Również murowana Wielka Synagoga w Sokółce powstała w miejscu wcześniejszej, drewnianej, która spłonęła w pożarze dzielnicy w 1889 roku²⁶. Synagogę zbudowano przy ul. Szkolnej ok. 1900 roku obok dwóch

¹⁹ Według karty ewidencyjnej zabytków data powstania to 1936-1937, *Budynek biurowo-administracyjny Dawna Synagoga Citrona*, 1989 r, WUOiKZ w Białymstoku, karta nr 2448

²⁰ W trakcie uroczystego otwarcia w roku 1936 w bóżnicy gościli min. wojewoda białostocki, prezydent miasta oraz chór synagogi Chorszul, [za:] T. Wiśniewskim, *Synagoga Cytronów i Citroen*, [w] Kurier Podlaski, 1985, nr 140, s. 17

²¹ Synagoga (niezniszczona – z dachem) jest widoczna na zdjęciu wykonanym we wrześniu 1944 roku

²² Arkady tej synagogi zamurowano po wojnie. Na zdjęciach powojennych widoczne są ich pozostałości na ścianach bocznych sali modlitw. Takie same łuki arkadowe zachowały się na I piętrze od strony zachodniej (w części obecnie mieszczącej biuro Galerii im. Slendzińskich).

²³ Do 2010 roku miasto nosiło nazwę Czyżew-Osada.

²⁴ *Bóżnica, Czyżew Osada*, karta nr 1144, WUOZ delegatura w Łomży

²⁵ Według przekazu obecnego użytkownika budynku na wieźbie dachowej widnieje data 1852. Tezie tej przeczą jednak informacje o pożarze w końcu wieku oraz styl architektury. Także na planie miasta z roku 1869 wrysowano bóżnicę o obrysie o innych proporcjach niż zachowany obecnie budynek.

²⁶ Kubiak, Janusz, *Sokółka. Studium historyczno-urbanistyczne do planu zagospodarowania przestrzennego miasta opracowane na zlecenie urzędu powiatowego w Sokółce*, PKZ warszawa, Warszawa 1974, s.8, wg Księgi pamięci (*Sefer Sokolka*) pożar zniszczył Sokółkę w 1885 roku,

murowanych domów modlitwy i tworzyła z nimi centrum dzielnicy *Szulhof* w Sokółce. Przeprowadzone badania wykazały, że bóżnicę zbudowano z cegły na planie prostokąta i przekryto dachem kopertowym, pokrytym blachą. Budynek synagogi przetrwał wojnę w dobrym stanie, ponieważ został w czasie wojny adaptowany przez żołnierzy radzieckich na magazyn i w takiej funkcji wykorzystywany był również przez Niemców²⁷. Został jednak rozebrany w latach 50. XX wieku, a na jego miejscu i być może także na fundamentach, powstał budynek szkoły o tym samym obrysie i kubaturze. Dokładne wymiary oraz rozwiązania architektoniczne prezentuje nieznana wcześniej inwentaryzacja budynku synagogi wykonana w roku 1950. Jej uzupełnieniem są opublikowane w maju 2013 roku, nieznane wcześniej, zdjęcia tej synagogi. Wielka Synagoga w Sokółce realizowała typowy w II połowie XIX wieku układ linearny-poprzeczny z umieszczeniem całej funkcji w jednej bryle, pod jednym dachem. Interesujące są proporcje sali głównej modlitw o obrysie prostokąta ustawionego poprzecznie do głównej osi, podobnie zresztą jak w zbudowanej dziesięć lat później Wielkiej Synagodze w Białymstoku, charakterystyczne dla mniejszych bóżnic tego okresu na Podlasiu. Wysoką salę modlitw dla mężczyzn, umieszczoną od strony wschodniej, poprzedzała rozbudowana część zachodnia, mieszcząca na parterze ustawione symetrycznie w stosunku do obszernego przedsionka - holu dwie klatki schodowe oraz pokoje ww. organizacji. Na piętrze natomiast mieścił się babiniec. Wejście główne w elewacji frontowej prowadziło do przedsionka i sali modlitw. W elewacjach bocznych znajdowały się wejścia dla kobiet oraz dodatkowe wyjścia ewakuacyjne z sali modlitw. Synagoga była orientowana i miała symetryczny układ funkcjonalny. *Aron hakodesz* umieszczony był tradycyjnie, w centralnym miejscu ściany wschodniej, na osi bóżnicy, a *bima* w centrum Sali, pomiędzy czterema słupami-filarami podpierającymi konstrukcję płaskiego stropu. Elewacje Wielkiej Synagogi były utrzymane w duchu eklektycznym w tzw. „stylu ceglany” (ryc. 17). Wielka Synagoga w Sokółce była jedną z największych synagog w regionie, porównywalna pod względem wielkości z obiektami w Krynkach, Orli, Siemiatyczach, Augustowie i Suwałkach.

Wspomniana Wielka Synagoga w centrum dzielnicy *Szulhof* w Białymstoku to obiekt zbudowany w latach 1909-1913 (1914)²⁸ wg projektu Szlojme Jakowa Rabinowicza, w miejscu pierwszej Wielkiej (Starej) Synagogi z 1764 roku rozebranej w latach 1906-1908. Nowa synagoga była tzw. synagogą reformowaną w stylu eklektycznym, zdradzającym wpływ architektury bliskowschodniej, tzw. nurtu mauretańskiego²⁹ (ryc. 18). Synagogę tę zrekonstruowano w pracy analizując zachowane zdjęcia oraz przedwojenny plan Białegostoku w skali 1:5000. Ze względu na skalę mapy oraz jej niedużą dokładność podane niżej oraz w tabeli wymiary należy uznać za przybliżone. Obiekt ten zbudowano z salą główną na planie prostokąta zbliżonego do kwadratu o wymiarach zewnętrznych ok. 27 na 29,5m, ustawionego prostopadłe dłuższym bokiem do głównej osi (typ 3), poprzedzonym węższą częścią wejściową. Interesujący jest opis wnętrza pochodzący z przewodnika z 1933 roku: „Wewnątrz synagogi na uwagę zasługuje kopuła. Oparta na słupach żelaznobetonowych. Dla kobiet urządzona jest galerja (z 3 stron, prócz wschodniej, gdzie znajduje się Arka Przymierza). (...) Stąd po bliższym przyjrzeniu się stwierdzić można, iż szerokość sali modlitwowej (płn-łud) jest większa niż jej długość, co stanowi ciekawy szczegół w budowie Wielkiej Synagogi”³⁰. Od strony wschodniej budynek zakończony był absydą mieszcząca wewnątrz Arkę z podestem. Synagoga była orientowana. Przekrycie w części centralnej stanowiła duża kopuła o konstrukcji stalowej stanowiąca duże osiągnięcie inżynierskie tamtych czasów³¹. Kopuła ta opierała się na słupach (filarach) i miała osiem lukarn doświetlających wnętrze. Wielkość tej kopuły, wynikająca z opracowanej rekonstrukcji sięgała ok. 15 m³². Tuż przed *aron hakodeszem* znajdowała się *bima*, która, podobnie jak *aron*, była wyniesiona w stosunku do posadzki sali głównej o kilka stopni. Sala główna miała układ bazyliki trójnawowej z

²⁷ Gajdzis Tadeusz *Sokólskie Barwy, Folklor grup narodowych. Sokółka - moje rodzinne miasto*, Wydawnictwo Prymat, Białystok 2005s. 208

²⁸ Wiśniewski, Tomasz, *Bóżnice Białostocczyzny (...)*, op. cit s. 136, Według cytowanego przez Zbigniewa Romaniuka Przewodnika ilustrowanego po województwie białostockim M. Orłowicza Wielka Synagoga została wybudowana „w latach 1910-1914 kosztem 50 tys. rubli. Jest to gmach z dużą kopułą, na ogół bezstylowy, mimo pewnych motywów mauretańskich.” [w:] Z. Romaniuk *Żydzi białostoccy do 1915 roku (...)*, op. cit. s.202

²⁹ Zob. więcej: Rozdział VII niniejszej pracy, [Porównaj:] Eleonora Bergman, *Nurt mauretański w architekturze synagog XIX i na początku XX wieku*, wyd. Neriton, Warszawa 2004

³⁰ Zob. Jan Oniszczyk i Tomasz Wiśniewski, *Białystok między wojnami. Opowieść o życiu miasta 1918-1939*, wyd. Księży Młyn, Łódź, 2011, s.27

³¹ Zachowany w Archiwum w Grodnie dokument z 1907 roku Urzędu Budowlanego nakłada na inwestorów (*Markusa Barasza i Zundela Janowskiego*) obowiązek uzupełnienia przedstawionej dokumentacji planowanego budynku Wielkiej Synagogi o szczegółowe rozwiązania kopolowego przekrycia oraz m.in. detale połączeń metalowych słupów z fundamentami. (dokument zachowany bez części rysunkowej w teczce dokumentacji rozbudowy Synagogi Nowo-Zielonej w Białymstoku, NAHBwG f.8,o.2, d.1897, k.27)

³² W opracowaniach Tomasza Wiśniewskiego wielkość kopuły określana jest na ok.10 m. powtarzana także w pozycjach innych autorów, Zob. Wiśniewski, Tomasz, *Bóżnice Białostocczyzny (...)*, op. cit. s. 136,

galeriami—emporami nad nawami bocznymi oraz nad częścią zachodnią, gdzie znajdowały się babińce, podobnie jak w ponad 100 lat starszej Wielkiej Synagodze w Siemiatyczach, wspomnianej warszawskiej synagodze na Tłomackiem oraz prawdopodobnie w białostockiej synagodze Pułkowej. Wielka Synagoga została spalona i zburzona przez wkraczających do Białegostoku Niemców 27 czerwca 1941 r.

Ostatnią z głównych synagog Podlasia i jedną z ostatnich zbudowanych przed wybuchem II wojny światowej jest istniejąca do dziś, murowana Synagoga w Milejczycach z 1927 roku³³. Badania wskazują, że nowa synagoga, która została wymurowana z czerwonej cegły, powstała na planie zbliżonym do kwadratu, w układzie linearnym-poprzecznym z wysoką, główną salą modlitw od strony wschodniej, oraz dwukondygnacyjną częścią zachodnią (typ 3). Budynek przykrywał kopertowy dach, oparty na gzymsie kordonowym z żółtej cegły (od strony południowej rozbudowany gzyms kostkowy) i był (jest) wykończony blachą. Synagoga była orientowana tradycyjnie. Na podstawie układu okien można jednak hipotetycznie stwierdzić, że *aron-hakodesz* był tradycyjnie ustawiony w centralnym miejscu ściany wschodniej, o czym świadczy symetryczna kompozycja elewacji z szerszą ścianą pomiędzy dwoma środkowymi oknami, podkreślona ślepym oculusem. *Bima* była prawdopodobnie umieszczona tradycyjnie centralnie, jak w zdecydowanej większości bóżnic regionu (ryc. 16). W dwukondygnacyjnej części zachodniej mieściły się pomieszczenia gminy, administracja bóżnicy oraz na poziomie piętra babińce³⁴. Synagoga w Milejczycach była jedną z ostatnich, zbudowanych na Podlasiu przed wybuchem wojny. Reprezentuje często spotykany, w realizacjach bóżnic z końca i przełomu wieków, typ synagogi oparty na schemacie układu linearnego-poprzecznego (typu 3). Układ ten, z przekryciem dachem kopertowym został w tym przypadku połączony z architekturą utrzymaną w duchu tzw. „stylu ceglanoego”, w którym zrealizowano także inne bóżnice na Podlasiu z końca wieku XIX i pocz. XX (ryc. 19).

Układ linearny-poprzeczny z podziałem nawowym, Typ 3A

Dalsze analizy wykazały, że w II połowie XIX wieku modelowy na Podlasiu układ linearny-poprzeczny dalej ewoluował, czego wynikiem były powstałe później synagogi, w których przestrzeń sali modlitwy została podzielona na nawy.

Jedną z ważniejszych powstałych w tym okresie jest zbudowana w roku 1872 synagoga Nowo-Zielona przy ul. Brańskiej w Białymstoku. Zastąpiła ona wcześniejszą, istniejącą tu synagogę drewnianą. Synagoga ta była do wybuchu pierwszej wojny światowej domem nauki, gdzie modlili się mieszkańcy ulic Kupieckiej i Zamenhofs. Wygląd tej synagogi znamy dzięki odnalezionemu w archiwum w Grodnie projektowi jej rozbudowy³⁵. Jest ona obiektem typu 3A, z czterema słupami/kolumnami, ustawionymi równoległe do dłuższego boku, podpierającymi konstrukcję stropu (ryc. 21) i dzielącymi przestrzeń sali modlitw na nawy. Przeprowadzone analizy porównawcze wykazały, że rozwiązanie to jest powtórzeniem układu w przywołanych przykładach domów talmudycznych w Kolnie i Suwałkach (ryc. 21). Z przyszkólką w Suwałkach łączy synagogę Nowo-Zieloną także rozwiązanie klatki schodowej, umieszczonej na zewnątrz głównej bryły budynku. Podobieństwa zachowanego obiektu w Kolnie nie jesteśmy dziś w stanie stwierdzić. Wnętrze białostockiej synagogi było również zaaranżowane podobnie. *Aron hakodesz* znajdował się w niszy niewielkiej lizeny, umieszczonej na symetrycznej elewacji wschodniej. *Bimę* zlokalizowano na osi bóżnicy, w centralnej części sali głównej, z lekkim przesunięciem w stronę zachodnią. W bóżnicy tej, podobnie jak w innych obiektach z tego okresu, nie obniżono posadzki. Dwuspadowy, wysoki dach miał kalenicę ustawioną prostopadłe do osi głównej³⁶. Elewacje synagogi były skromne, tynkowane i oprócz gzymsu nie było na nich dekoracji architektonicznej (ryc. 20). Salę główną podkreślało 12 wysokich okien zakończonych półkoliście. Zachodnią część wejściową, dwukondygnacyjną, z babińcem na piętrze, wyznaczały w elewacjach prostokątne okna w dwóch poziomach.

Przeprowadzone analizy wykazały, że kolejnym obiektem realizującym podobny schemat struktury wewnętrznej była murowana bóżnica w zaułku przy ul. Mikołajewskiej (ob. Sienkiewicza, w rejonie pomiędzy dzisiejszym Placem Wyzwolenia i ul. Jagienki), zbudowana na podstawie projektu z 1895 roku, w miejscu wcześniejszej, drewnianej. Synagogę zbudowano na planie zbliżonym do kwadratu i przekryto prostym, dwuspa-

³³ Milejczyce. Bóżnica, Karta Ew. 2693, WUOZ Białystok

³⁴ Wiśniewski, Tomasz, *Bóżnice Białostoczczyzny (...)*, op. cit. s. 175

³⁵ Projekt rozbudowy Synagogi Nowo-Zielonej polegającej na zamianie drewnianej dobudówki mieszczącej wejście dla kobiet na murowane, 1907 r, NAHBwG f.8, o.2, d. 1897,

³⁶ Na zdjęciu lotniczym z roku 1920 widoczny dach synagogi Nowo-Zielonej wygląda na wykończony blachą, natomiast zachowane w archiwum T. Wiśniewskiego zdjęcie (być może wcześniejsze) fragmentu obiektu przedstawia obiekt pokryty dachówką.

dowym dachem z kalenicą zgodną z osią główną synagogi (ryc. 21). Wnętrze podzielono w typowy dla tego typu obiektów sposób na dwa trakty: wschodni, szerszy, mieścił wysoką salę modlitw dla mężczyzn, ustawioną dłuższym bokiem prostopadle do osi. Zachodni, dwukondygnacyjny, mieścił klatkę schodową oraz pomieszczenie pomocnicze o nieznanym celu (na parterze) oraz babiniec nad nim, otwarty na salę główną. W sali modlitw, na osi poprzecznej, umieszczono dwie żeliwne kolumny wspierające konstrukcję przekrycia i dzielące przestrzeń na dwie poprzeczne nawy. W sali modlitw, podobnie jak w synagodze Nowo-Zielonej, nie zagłębiono posadzki, a *aron hakodesz* umieszczono tradycyjnie centralnie na ścianie wschodniej, w murowanej wnęce. W projekcie nie określono miejsca *bimy* – można jedynie domniemywać, że zlokalizowano ją prawdopodobnie centralnie, pomiędzy wspomnianymi, żeliwnymi kolumnami.

Układ linearny-poprzeczny z redukcją przedsionka, Typ 3B

W wyniku kolejnych analiz stwierdzono, że na początku lat 90. XIX wieku, w wyniku dalszej ewolucji układu linearnego-poprzecznego powstaje kilka nowych synagog, w których, dzięki redukcji zachodniej strefy wejściowej, powiększa się sala modlitw. Likwidując przedsionek i pomieszczenia pomocnicze, wcześniej oddzielone od sali modlitw ścianą, przestrzeń którą zajmowały, włączono do pomieszczenia głównego. Ten schemat nazwano układem linearnym-poprzecznym ze zredukowanym przedsionkiem - typu 3B. Redukcja ta nastąpiła poprzez zamianę ściany oddzielającej główną salę modlitw od strefy zachodniej z przedsionkiem, na rząd słupów – kolumn. Dzięki temu przestrzeń sali głównej w poziomie przeznaczonym dla mężczyzn uległa znacznemu powiększeniu, bez powiększania bryły budynku. Przestrzeń zachodnia w takim układzie, zlokalizowana pod galerią mieszczącą babiniec, była niższa niż pozostała, główna część wysokiej sali. Taka ewolucja rozwiązania spowodowana była zapewne właśnie chęcią zwiększenia przestrzeni dla wiernych. Należy zauważyć, że okres powstania pierwszych przykładów realizujących ten schemat, przypadający na początek lat 90. XIX w. wiąże się z dynamicznym przyrostem ludności żydowskiej, przede wszystkim w Białymstoku, w którym powstała większość tego typu synagog. Obiekty które zbudowano na podstawie tego schematu były synagogami w Białymstoku przy ul. Sobornej synagoga Piaskowa, synagoga Argentyńska, synagoga *Najmark* oraz murowane synagogi w Gródku i Siemiatyczach (ryc. 22).

Najbardziej wyrafinowanym przykładem synagogi tego typu wydaje się być synagoga im. rabina Samuela Mohilewera w Białymstoku. Prawdopodobnie schemat ten realizowały także białostockie synagogi „Rzeźników” (*Ziwchej Cedek Bet Midrasz*) oraz nieujęta w opracowaniu synagoga ulokowana przy ul. Nowy Świat. Wymienione wyżej synagogi powstały z inicjatywy stowarzyszeń zawodowych lub prywatnych osób i służyły lokalnym społecznościom (ryc. 24).

Jednymi z pierwszych synagog realizujących nowy podtyp układu linearnego-poprzecznego były białostockie synagogi Piaskowa (*Piaskower Bet Midrasz*, ryc. 23) oraz synagoga Argentyńska (ryc. 25). Plany i wielkość obu są bardzo zbliżone. Różnią się jedynie lokalizacją klatki schodowej, prowadzącej na galerię babinca (ryc. 22). W synagodze Piaskowej była ona zlokalizowana w południowo-zachodnim narożniku, natomiast w Argentyńskiej w północno-zachodnim narożniku budynku. Podobnie jak we wcześniejszej bóżnicy, przy ul. Sobornej, poziom parteru zajmuje w większości sala modlitw mężczyzn, której przestrzeń znajduje się także pod babinicem, natomiast w jednym z narożników zachodniej części budynku umieszczono klatkę schodową. W bóżnicy przy ul. Sobornej zaprojektowano także niewielki przedsionek – wiatrołap, poprzedzający salę modlitw, być może świadomie nawiązując do wcześniejszego prototypu. Jednak już w przypadku synagog Piaskowej i Argentyńskiej z tego zrezygnowano, a wejście do sali modlitw mężczyzn poprzedzają jedynie podwójne drzwi w ścianie zewnętrznej. Istniejący na ul. Pięknej 3 w Białymstoku budynek to właśnie dawna synagoga Piaskowa (*Piaskower Bet Midrasz*), zbudowana w latach 1890-1893. Na podstawie zachowanych zdjęć, planów stanu zachowania po II wojnie światowej, oraz projektów adaptacji zrekonstruowano plan synagogi w jej pierwotnym stanie. Budynek został zbudowany na planie prostokąta, był orientowany, z wysoką salą modlitw, zlokalizowaną w części wschodniej. W części zachodniej sala była zwężona od południa przez klatkę schodową prowadzącą na babiniec umieszczony nad częścią zachodnią, na poziomie drugiej kondygnacji. Konstrukcja stropu babinca opierała się na ścianach oraz dwóch żeliwnych, zachowanych do dnia dzisiejszego³⁷, słupach-kolumnach, które wspierały stalowy podciąg podtrzymujący belki stropowe. Sala główna, w swojej głównej części, miała kształt prostokąta o wym. 15,0 na 8,15 m, ustawionego dłuższym bokiem

³⁷ Niestety zostały one przeniesione w inne miejsce holu synagogi podczas adaptacji na siedzibę firmy deweloperskiej i stanowią dziś rodzaj dekoracji architektonicznej.

poprzecznie do osi synagogi (typ 3B). *Aron hakodesz* umieszczony był w niszy mieszczącej się w niewielkiej liżenie, na elewacji wschodniej, przypominającej spłaszczoną absydę. Trudno jest dziś potwierdzić miejsce usytuowania *bimy*. Prawdopodobnie była ona zlokalizowana centralnie, na osi głównej bóżnicy. W elewacji frontowej, zlokalizowanej w pierzei ulicy, ulokowano trzy wejścia: główne na osi synagogi dla mężczyzn, prowadzące do sali modlitw oraz boczne, w ryzalitach, prowadzące na babiniec.

W niedalekiej odległości od synagogi Piaskowej, w nowej dzielnicy, rozwijającej się na południe od Piasków i zwanej dawniej potocznie „Argentyną”, wzniesiono Synagogę Argentyńską. Zbudowano ją na podstawie projektu z 1896 roku, w zaułku ulicy Bazarnej³⁸ (ob. Legionowej, a w okresie międzywojennym u zbiegu ulic Argentyńskiej, Śledziowej i Szpitalnej). Fundatorem nowej synagogi była bogata wdowa *Frume Sore*³⁹ (lub *Shroes*) stąd jej stosowana niekiedy nazwa: *Beł Midrasz Frume Sore*. Podobnie jak bóżnicę Piaskową tak i tę synagogę zbudowano na planie zbliżonym do prostokąta i przekryto prostym, dwuspadowym dachem z kalenicą równoległą do dłuższego boku bóżnicy. Wnętrze także podzielono podobnie jak w synagodze Piaskowej (ryc. 22). W sali modlitw, podobnie jak w innych synagogach z tego okresu nie zagłębiono posadzki, a *aron hakodesz* umieszczono centralnie na ścianie wschodniej, w murowanej wnęce. W projekcie nie określono miejsca *bimy* – można jedynie domniemywać, że prawdopodobnie zlokalizowano ją centralnie.

Analizy porównawcze wykazały, że najbardziej dojrzałym przykładem układu z salą ustawioną poprzecznie, połączonego z redukcją przedsionka (typ 3B), była synagoga *Samuela Mohilewera* - jedna z najciekawszych architektonicznie synagog Białegostoku. Zbudowana w latach 1899-1902, uzyskała eksponowaną lokalizację w pierzei dawnej ulicy Bulwarowej (ob. Branickiego), naprzeciwko parku oraz Instytutu Panien Szlacheckich, mieszczącego się wówczas w Pałacu Branickich. Projekt architektoniczny synagogi (ryc. 24) złożono do zatwierdzenia i pozwolenia na budowę w Wydziale Budowlanym Grodzieńskiego Rządu Gubernialnego w roku 1897, jednak eksponowana lokalizacja i bliskość pałacu spowodowały wydłużenie się procedury pozwolenia na budowę⁴⁰. Synagogę zbudowano na rzucie prostokąta, zbliżonego do kwadratu, z dwiema, symetrycznymi klatkami schodowymi, zaprojektowanymi od strony ulicy, które częściowo poszerzały elewację, a w połowie swojej szerokości wnikały do wnętrza sali modlitw (ryc. 22). Synagoga była orientowana, z posadzką sali głównej nieobniżoną w stosunku do otoczenia, jak we wszystkich udokumentowanych przykładach synagog białostockich końca XIX wieku. Sala modlitw, o rozwiązaniach charakterystycznych dla typu 3B miała kształt zbliżony do litery „T”. Zwężona od strony zachodniej, była otoczona z trzech stron galerią dla kobiet, opartą na żeliwnych kolumnach. Projekt zakładał przy tym, że galeria kończyła się w ok. 2/3 długości elewacji bocznych, nie dotykając ściany wschodniej. Przestrzeń pod galerią-babińcem w całości była włączona do sali modlitw. Salę główną miały doświetlać wysokie, zakończone pełnym łukiem okna ściany wschodniej oraz okna dwukondygnacyjnej części elewacji sąsiadujących z galerią – babińcem, gdzie okna zakończone ostrym, neogotyckim łukiem. Na zachowanej przedwojennej fotografii bóżnicy widoczne są dwa wysokie okna sali modlitw, umieszczone na elewacji bocznej. Bez potwierdzających to dokumentów można jedynie przypuszczać, że w związku z tym, w trakcie realizacji skorygowano również układ galerii - babińca tak, by nie kolidowała ona z wysokimi oknami, nieprzewidzianymi wcześniej w projekcie. Układ synagogi był ściśle symetryczny. W centrum ściany wschodniej, w niszy małej absydy, na osi głównej synagogi, zlokalizowano *aron hakodesz*. W środkowej części sali modlitw ulokowano ośmiokątną *bimę*.

Synagoga *Samuela Mohilewera* była wyjątkowym przykładem architektury synagogalnej w Białymstoku i na całym Podlasiu, w której rozwiązania charakterystyczne dla bóżnic w układzie typu 3B zastosowano w sposób twórczy. W obiekcie tym umiejętnie pogodzono chęć zwiększenia pojemności sali modlitw z aranżacją przestrzeni wewnętrznej oraz oryginalną architekturą. Eklektyczna fasada frontowa, wyróżniająca i podkreślająca eksponowaną lokalizację, oraz symetria przestrzeni wewnętrznej, z salą modlitw ustawioną poprzecznie w stosunku do osi synagogi, w swojej głównej, wysokiej części, wyróżniają ten obiekt na tle pozostałych realizujących podobny schemat.

³⁸ Projekt murowanego domu modlitwy w 96 kwartale Białegostoku, na prywatnym zaułku przy ul. Bazarnej na placu Chaima Sosona, Mowsze-Morthela Grochowskiego, Abrama-Abela Blumentala, Mordki Rabinowicza i Tewela Fuksa, 1896 r, NAHBwG, f.8, o.2, d. 1180,

³⁹ *Pinkos Białystok*, op. cit. s. 303, Fruma Sore podarowała na budowę bóżnicy 3000 rubli, pozostałą brakującą część pożyczono z banku.

⁴⁰ Więcej o historii uzyskania pozwolenia na budowę zob: Dolistowska, Małgorzata, *Synagoga im. Rabina Samuela Mohilewera w Białymstoku. Uwarunkowania formy architektonicznej*. [w:] Architektura Kultur Pogranicza, Pogranicze Polski, Litwy, Białorusi i Ukrainy, wyd. Zakład Architektury Użyteczności Publicznej WAPB, Białystok, 2006, s.52-53

Ostatnią, zbudowaną przed wojną synagogą była synagoga *Jatke Kalniz* w Augustowie zbudowana przy dawnej ul. Mickiewicza, wg projektu inżyniera B. Basińskiego z 1925 roku (ryc. 26). Obiekt ten służył rzemieślnikom branży mięsnej. Projekt zatwierdzono do realizacji we wrześniu 1925 roku i zrealizowano w 1928. Synagogę zaprojektowano na rzucie prostokąta z przekryciem dachem naczółkowym. Projekt przewidywał także wybudowanie murowanych ścian zewnętrznych oraz wstawienie do środka konstrukcji drewnianej podpierającej galerię dla kobiet oraz więźbę dachową. W północno-wschodnim narożniku budynku zaprojektowano drewnianą, wewnętrzną klatkę schodową, prowadzącą na babiniec. Na rysunkach nie przedstawiono wystarczająco jasno kwestii rozdzielenia wejść i dróg dla kobiet i dla mężczyzn. Jedyny rzut poziomy posiadający cechy rzutu przyziemia i piętra jest w tym zakresie nieprecyzyjny (ryc. 24). Wiadomo, że galeria z babiniec miała obiegać wnętrze sali modlitw z trzech stron: południowej, zachodniej oraz północnej i miała rzut w kształcie litery „U”, podobnie jak w Wielkich Synagogach w Siemiatyczach i Białymstoku, tyle że w innej, mniejszej skali. Porównywalne pod względem wielkości rozwiązanie zastosowano w białostockiej synagodze *Najmark*. Podobieństwa co do zasady kształtowania babiniec widać także w synagodze Samuela Mohilewera. Sala modlitw miała kształt prostokąta i ustawiona była dłuższym bokiem prostopadle do osi bóżnicy, a przestrzeń pod galerią kobiet włączona do sali (układ linearny-poprzeczny z redukcją przedsionka typ 3B). Bóżnica *Jatke Kalniz* była orientowana, a posadzka nie była obniżona w stosunku do otoczenia. Synagogę zrealizowano z widocznymi w formie zewnętrznej zmianami.

Podsumowanie

W pracy przeanalizowano przykłady 39 murowanych synagog na Podlasiu zbudowanych w XIX i XX wieku., w tym przykłady 12. głównych synagog oraz 27. pozostałych. Analizy struktur funkcjonalno-przestrzennych badanych synagog wykazały, że układ linearny (podłużny), wywodzący się bezpośrednio z tradycji XVII i XVIII-wiecznej, zastosowano jedynie w 3 obiektach (11,1%) z grupy małych i średnich podlaskich bóżnic murowanych. W pozostałych 24. obiektach (88,9%) wykorzystano układ przestrzenny z salą modlitw na rzucie prostokąta, ustawionego poprzecznie do osi bóżnicy, w różnych wariantach, będących wynikiem ewolucji układu linearnego (podłużnego). Były to warianty układu linearnego-poprzecznego typu 3, typ 3A oraz typ 3B. W grupie 27 średnich i małych synagog w 12 obiektach zastosowano o układ typu 3 (44,5%), w kolejnych dwóch obiektach zastosowano układ typu 3A (7,4%), a w 10 obiektach zastosowano układ typu 3B (37%). W grupie głównych bóżnic z tego okresu układ linearny-poprzeczny (Typ 3) zastosowano we wszystkich synagogach Podlasia końca XIX wieku i pierwszej połowy wieku XX. (4 obiekty – 33,3%). Przeprowadzone studia literatury, połączone z analizą planów publikowanych obiektów bóżnic XIX i XX wieku, zbudowanych w Polsce i w Europie, potwierdzają, że układy typu 3 były stosowane także w innych częściach Polski. Jednak to na Podlasiu obiekty budowane z zastosowaniem tego specyficznego schematu (układ linearny-podłużny, typ 3, 3A, 3B) stanowią zdecydowaną większość. W grupie wszystkich 39. przebadanych obiektów 28 (71,8%) stanowią obiekty o układach typu 3, 3A i 3B. Stanowi to istotny wynik badań i weryfikuje dotychczasowe stanowiska badaczy w tym względzie.

Literatura

1. Bergman, Eleonora *Nurt mauretański w architekturze synagog Europy Środkowo-Wschodniej w XIX i na początku XX wieku.* – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2004.
2. *Ciechanowiec Memorial and records*, (Księga Pamięci) / Ciechanovitzer immigrants association In Izrael and the USA. – 1964.
3. Dolistowska, Małgorzata *Synagoga im. Rabina Samuela Mohilewera w Białymstoku- uwarunkowania formy architektonicznej*, [w:] *Architektura Kultur Lokalnych Pogranicza, Pogranicze Polski, Litwy, Białorusi i Ukrainy* / Red. J. Uścińowicz, Zakład Architektury Użyteczności Publicznej WAPB. – Białystok, 2006.
4. Kubiak, Janusz *Sokółka. Studium historyczno-urbanistyczne do planu zagospodarowania przestrzennego miasta opracowane na zlecenie urzędu powiatowego w Sokółce*, PKZ warszawa. – Warszawa, 1974.
5. Oniszczyk, Jan *Białystok Między Wojnami Opowieść o życiu miasta 1918–1939* / Jan Oniszczyk, Tomasz Wiśniewski. – Łódź: Wydawnictwo Księży Młyn, 2011.
6. Piechotkowie, Maria i Kazimierz *Bramy Nieba Bóżnice Murowane na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej.* – Warszawa: Wydawnictwo Krupski i S-ka, 1999.
7. Piechotkowie, Maria i Kazimierz, *Oppidum Judaeorum Żydzi w przestrzeni miejskiej dawnej Rzeczypospolitej.* – Warszawa: Wydawnictwo Krupski i S-ka, 2004.
8. Piechotkowie, Maria i Kazimierz, *Krajobraz z menorą.* – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 2008.

9. *Pinkas Krynki In memory of the Jewish Community (Księga Pamięci – Krynki)*, edited by: D. Rabin, Published in Tel Aviv by Former Residents of Krynki in Israel and the Diaspora, 1970.

10. *Pinkos Białystok, The Chronicle of Białystok (Księga Pamięci – Białystok)* / Red. A S. Hershberg. – New York: Jewish Historical Association Inc, 1949.

11. Romaniuk, Zbigniew *Żydzi białostoccy do 1915 roku*, „Studia i materiały do dziejów miasta Białegostoku”; red. Henryk Majecki. – Białystok, 2001.

12. Trojnieł, Piotr *Transponowanie Tradycji w architekturze synagog XIX i XX wieku na Podlasiu*: praca doktorska pt. Wydział Architektury Politechniki Gdańskiej, grudzień 2013, promotor prof. J. Uścińowicz.

13. Wiśniewski, Tomasz *Bóżnice Białostoczczyzny*. – Białystok: Dom wydawniczy Dawid, 1992.

14. Wiśniewski, Tomasz *Gmina żydowska w Krynkach* // Białostoczczyzna 1989/3. – S. 7–12.

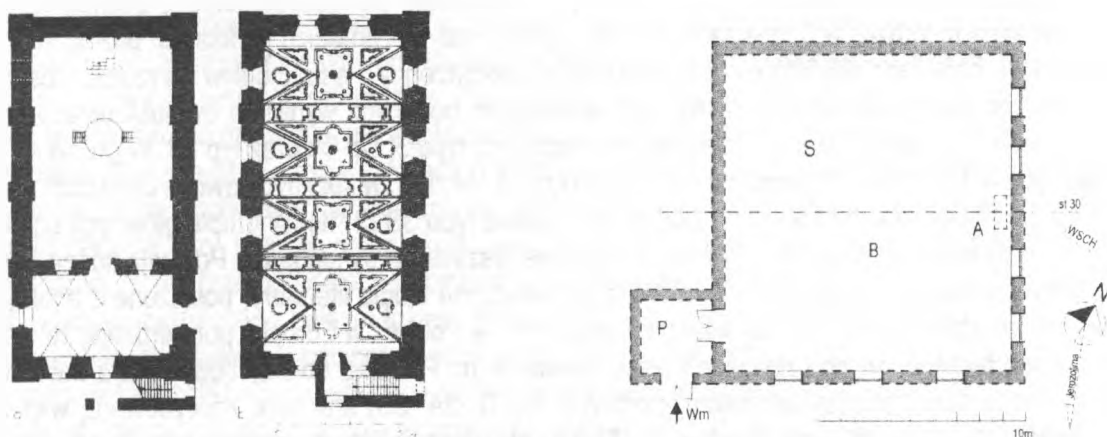
15. Wiśniewski, Tomasz *Twierdza Sewastopolska* // Folks-Sztyme 1988. – N 42.

16. Wiśniewski, Tomasz *Synagoga Cytronów i Citroen* // Tygodnik Białostocki nr 30/1990, 10 marca 1990. – s. 17.

17. Żabicki, Jacek *Leksykon zabytków architektury Mazowsza i Podlasia*. – Warszawa: Wydawnictwo Arkady, 2010.

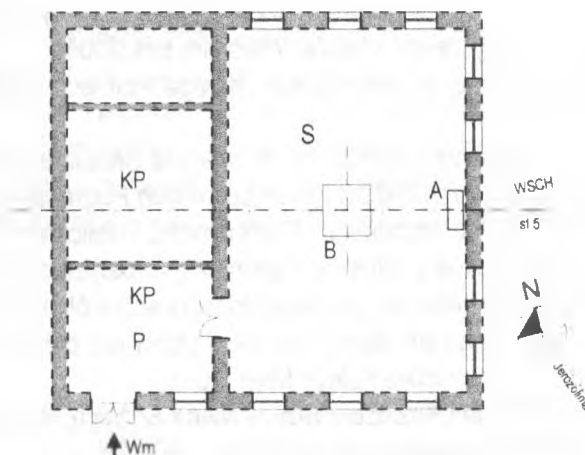
Archiwalia

1. Archiwum Szkoły SP2 w Sokółce
2. Archiwum T. Wiśniewskiego
3. NAHB w Grodnie – Narodowe Archiwum Historyczne Białorusi w Grodnie
4. WUOZ Białystok - Wojewódzki Urząd Ochrony Zabytków w Białymstoku
5. ŻIH – Żydowski Instytut Historyczny w Warszawie

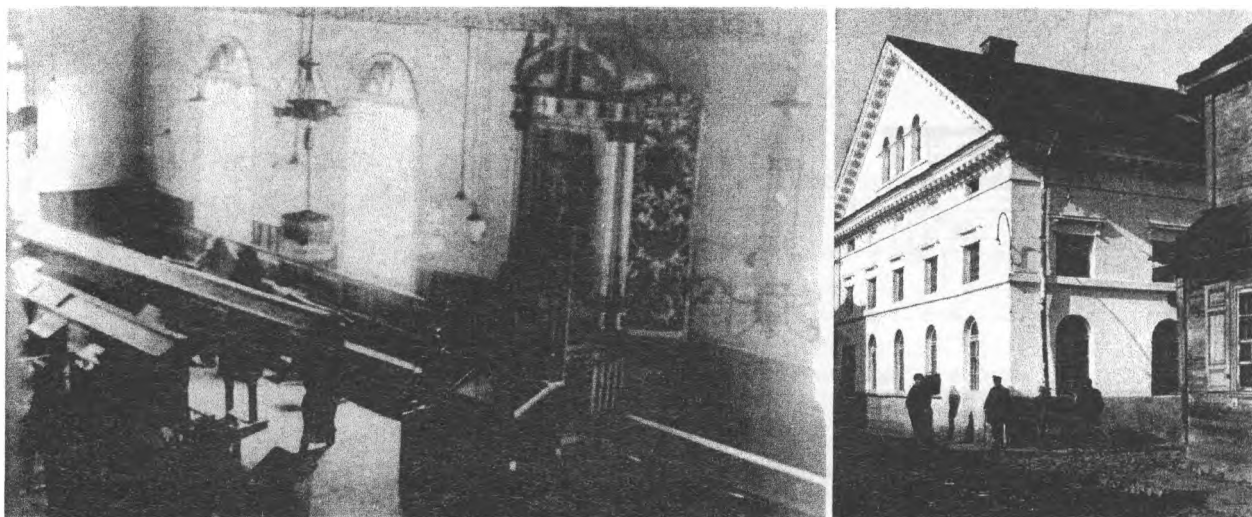

Rysunek 1 – Synagoga Izaaka w Krakowie z 1644r. Rysunek 2 – Bóżnica Nomer Tamid w Białymstoku z ok.1800 r., rzuty, opr. M. i K. Piechotkowie hipotetyczna rekonstrukcja – plan; oprac. autor

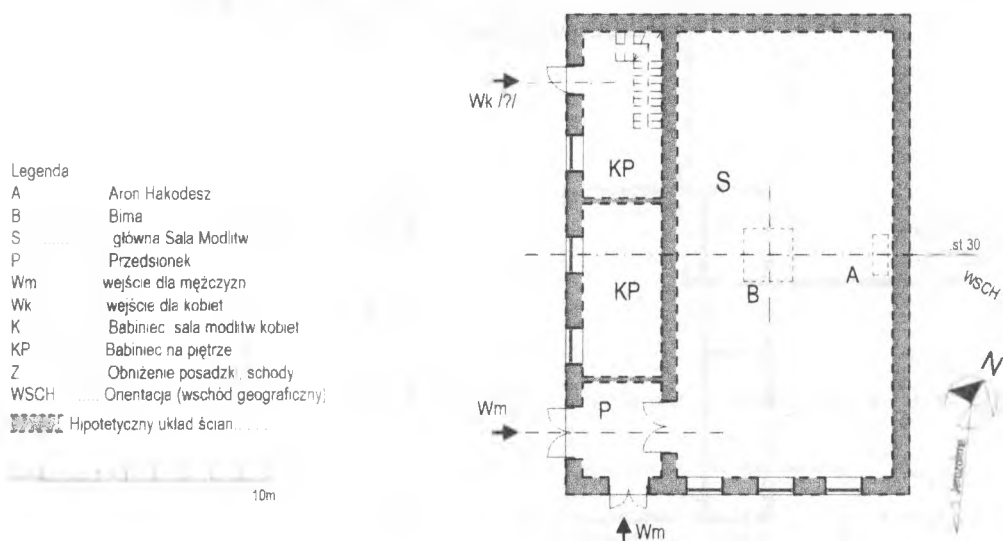
Legenda	
A	Aron Hakodesz
B	Bima
S	główna Sala Modlitw
P	Przedśionek
Wm	wejście dla mężczyzn
Wk	wejście dla kobiet
K	Babiniec sala modlitw kobiet
KP	Babiniec na piętrze
Z	Obniżenie posadzki schody
WSCH	Orientacja (wschód geograficzny)
	Hipotetyczny układ ścian

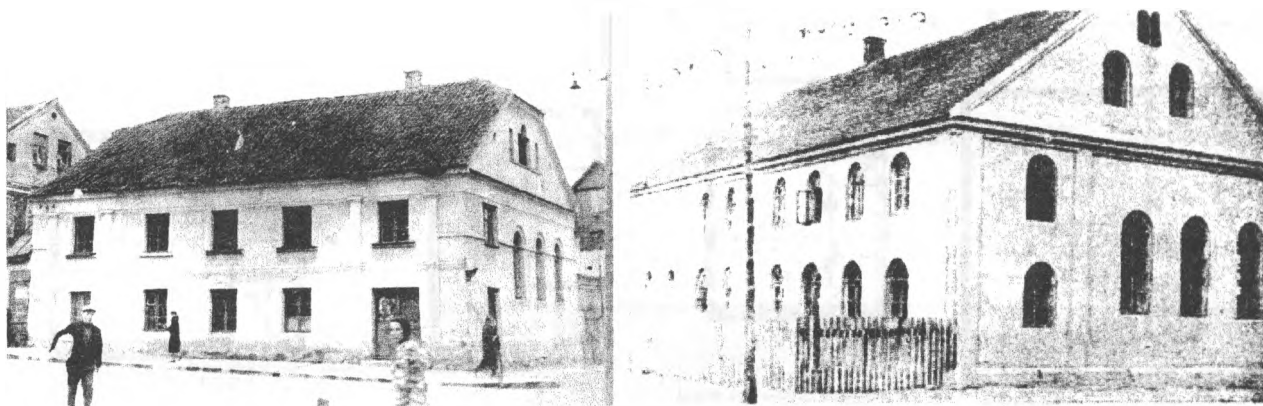
Rysunek 3 – Synagoga Chorszul w Białymstoku z 1834 r., hipotetyczna rekonstrukcja – plan; oprac. autor

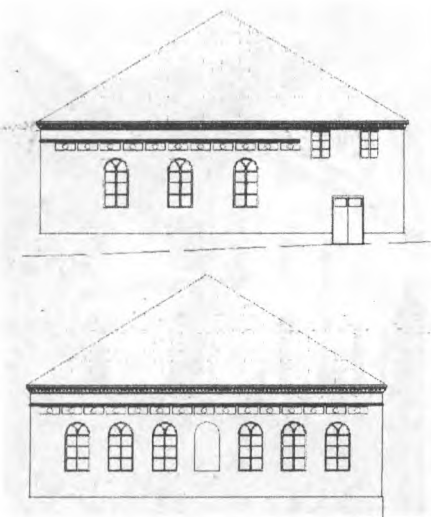
Rysunek – 4,5. Synagoga Chorszul w Białymstoku; wnętrze oraz widok synagogi, fot. archiwum T. Wiśniewskiego

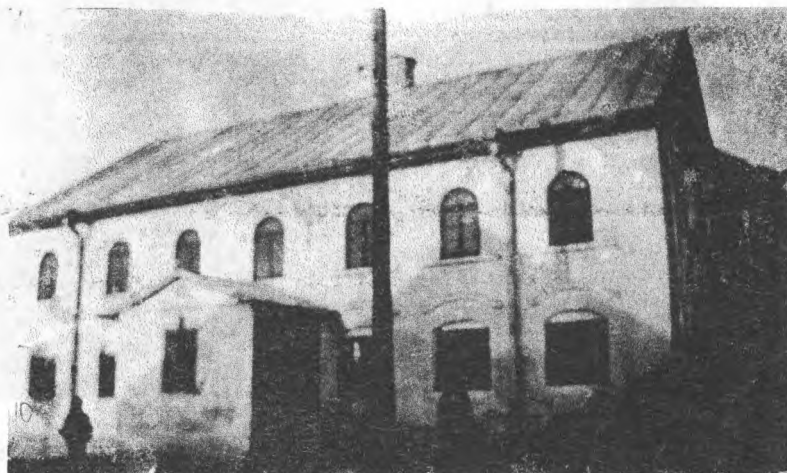
Rysunek 6 – Nowy Bet Midrasz w Białymstoku z 1853 r., hipotetyczna rekonstrukcja – plan; oprac. autor

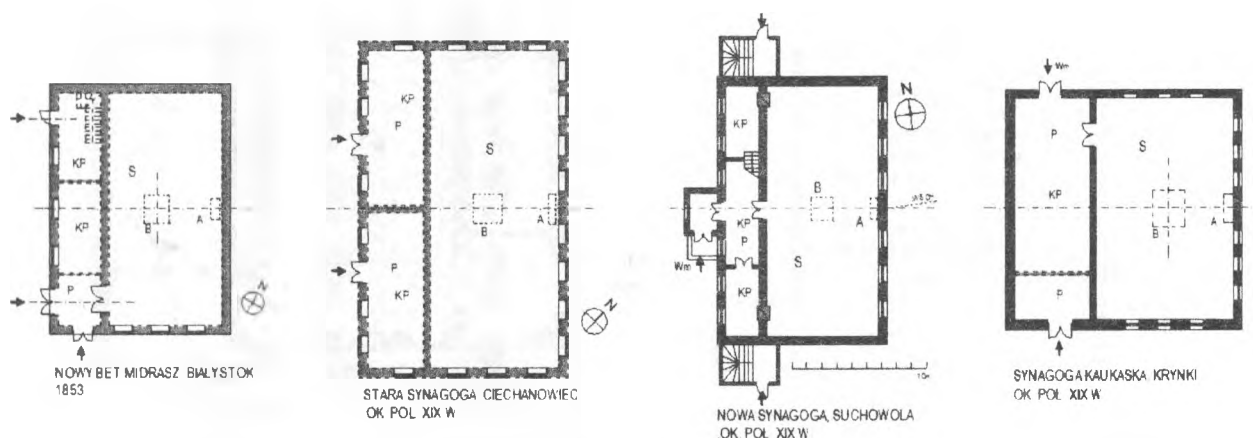
Rysunek 7 – Nowy Bet Midrasz w Białymstoku, z 1853 r., Rysunek 8 – Stara Synagoga w Ciechanowcu fot. zbiory T. Wiśniewskiego stan przed wojną, fot. Księga Pamięci

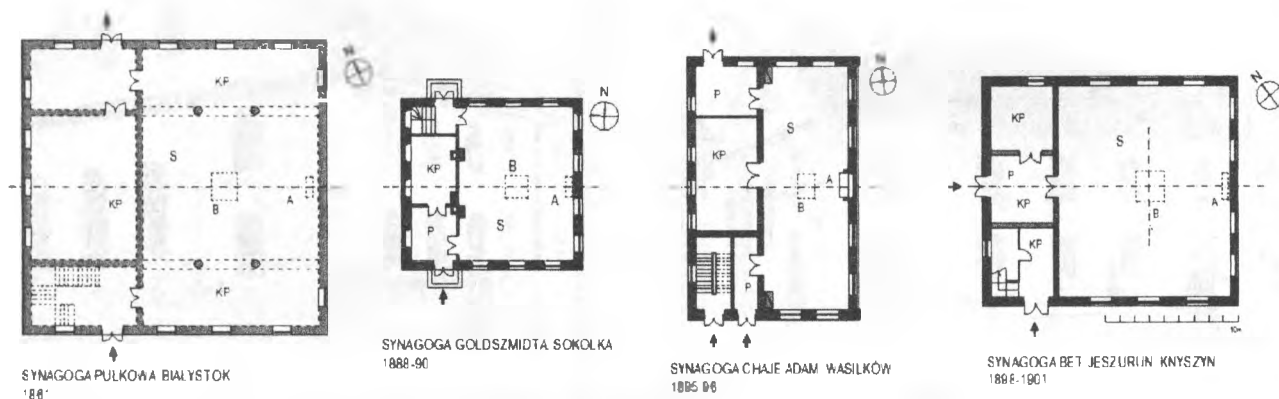
SYNAGOGA KAUKASKA - REKONSTRUKCJA
elewacja wschodnia

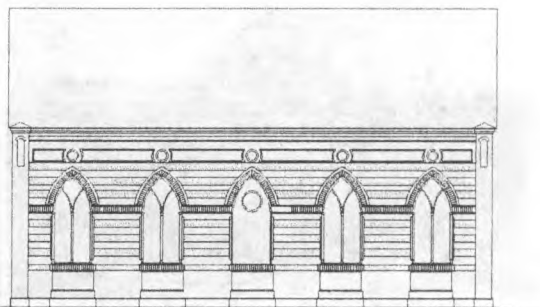
Rysunek 9 – Bóżnica Kaukaska w Krynkach, Rysunek 10 – Nowa Synagoga w Suchowoli, fot. Yad Vashem
rekonstrukcja elewacji, opr. autor

Rysunek 11 – Zestawienie planów synagog o układzie linearnym-poprzecznym z ok. poł XIX w.; oprac. autor

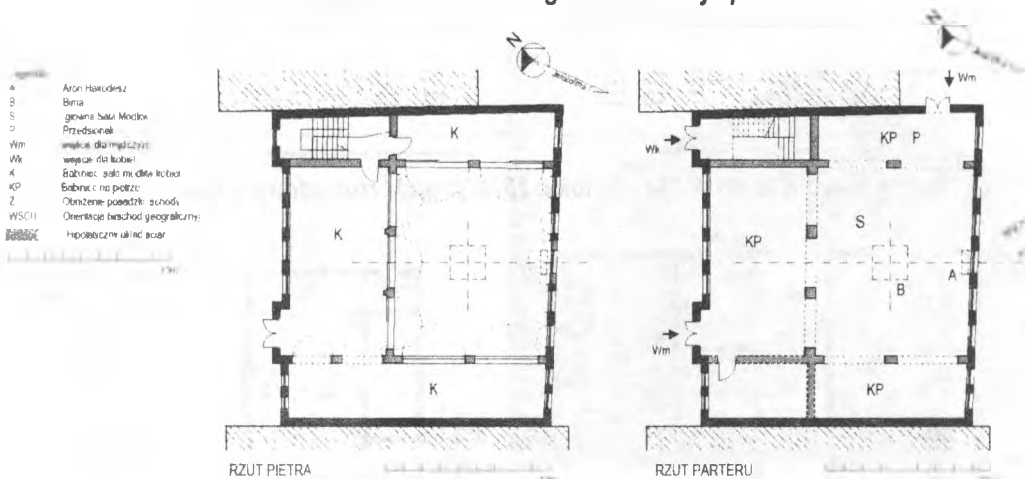

Rysunek 12 – Zestawienie planów synagog o układzie linearnym-poprzecznym w II poł. XIX w.; oprac. autor

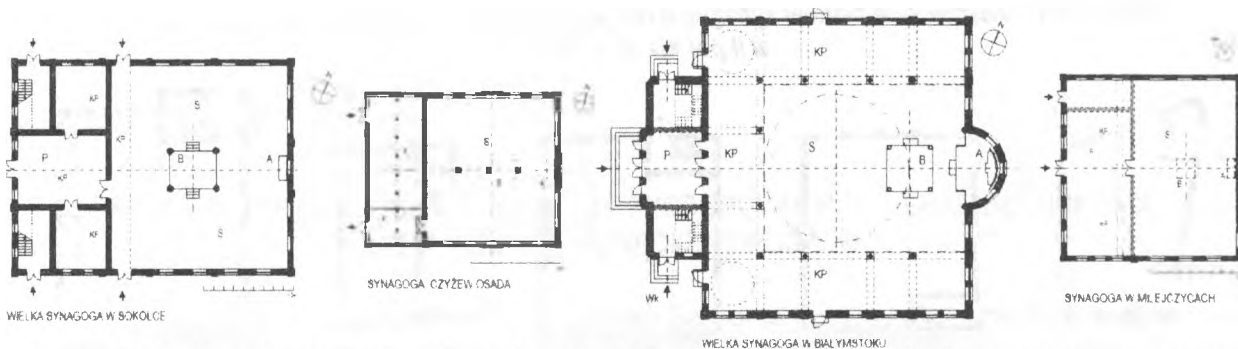

WASILKÓW, SYNAGOGA CHAJE ADAM. EL. WSCHODNIA
PROJEKT 1895

Rysunek 13 – Synagoga Pulkowa w Białymstoku, Rysunek 14 – Synagoga Chaje Adam – rekonstrukcja elewacji
fot. archiwum T. Wiśniewskiego wschodniej opr. autor

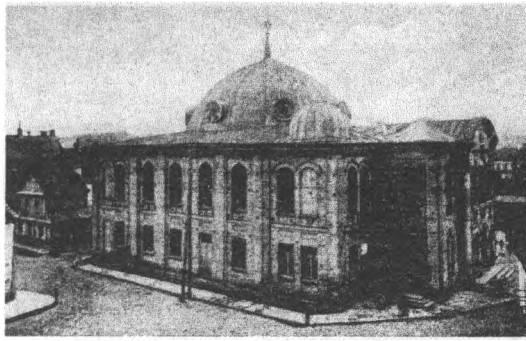
Rysunek 15 – Synagoga Cytronów w Białymstoku z 1936 r., hipotetyczna rekonstrukcja – plan; oprac. Autor

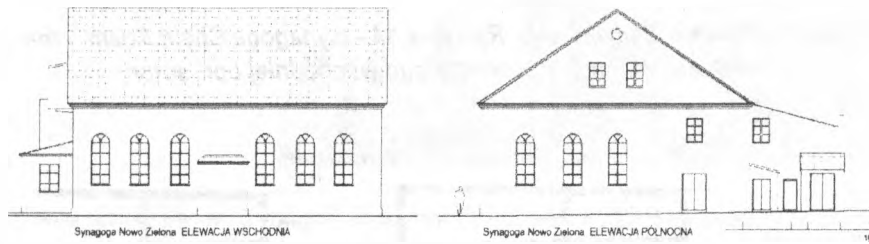
Rysunek 16 – Zestawienie planów głównych podlaskich synagog z końca w. XIX i pocz. XX ; oprac. autor

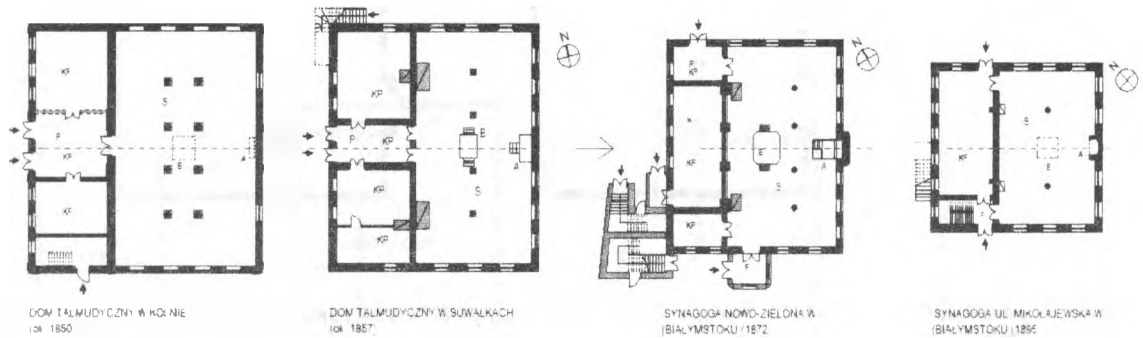
Rysunek 17 – Zestawienie elewacji bocznych głównych synagog na Podlasiu, zbudowanych w tzw. stylu ceglany
Synagoga w Czyżewie (k. XIX w.), Sokółce (ok. 1900), Milejczycach (1927), oprac. autor

Rysunek 18 – Wielka Synagoga w Białymstoku, 1909-1913 Rysunek 19 – Synagoga w Milejczycach, fot. autor, 2011

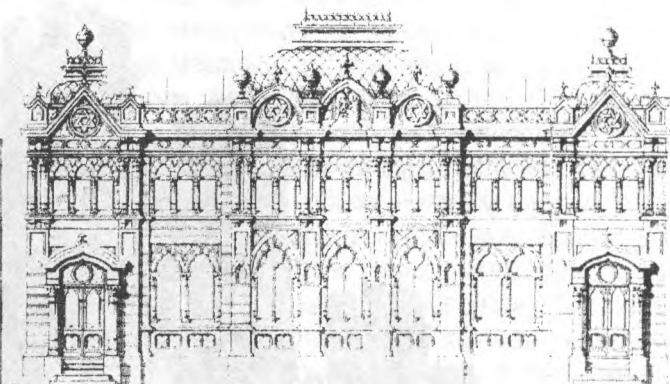
Rysunek 20 – Synagoga Nowo-Zielona w Białymstoku, 1872, projekt rozbudowy w 1907, rekonstrukcja, opr. autor

Rysunek 21 – Zestawienie planów synagog o ukl. linearnym-poprzecznym z podziałem nawowym w II poł XIX w. oprac. autor

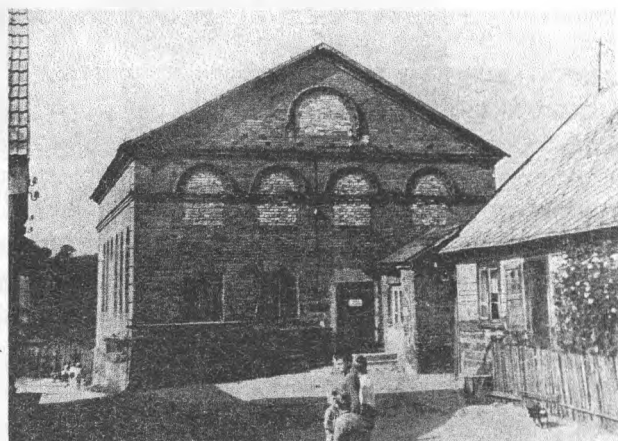
Rysunek 22 – Zestawienie planów synagog o układzie linearnym-poprzecznym z redukcją przedsionka, oprac. autor

Rysunek 23 – Synagoga Piaskowa w Białymstoku, Rysunek 24 – Synagoga Samuela Mohilewera; projekt elewacji Stan obecny, fot. autor frontowej, (oryg. NAHBwG sygn. 8./2/1240)

SYNAGOGA ARGENTYŃSKA PROJEKT 1896
ELEWACJA WSCHODNIA

Rysunek 25 – Synagoga Argentyńska w Białymstoku Rysunek 26 – Synagoga Jatke Kalniz w Augustowie, Projekt elewacji z 1896 r., opr. autor z lat 1925-1928, fot. archiwum ZIH

УДК 691.51

Тур Э.А.

РЕСТАВРАЦИЯ КОССОВСКОГО ДВОРЦА ПУСЛОВСКИХ И РЕШЕНИЕ ВОЗНИКШИХ ПРИ ЭТОМ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ

В двух километрах севернее от маленького городка Беларуси Коссово Ивацевичского района Брестской области располагается дворец Пусловских. Дворец был заложен в 1838 году на западной окраине поселения как загородный усадебный ансамбль с большим парком. Для белорусской архитектуры Коссовский дворец уникален. Он не похож ни на один другой дворцово-парковый комплекс, возводившийся в начале XIX века: в тот период времени на пике популярности был классицизм, а дворец построили в неоготическом стиле – стиле старинных готических замков. Над его проектом работал архитектор Франтишек Яшчольд из Варшавы, а для оформления интерьеров был приглашен итальянский художник Маркони. Единственное в резиденции Пусловских от классицизма – правильная геометрическая форма и симметричная композиция. Ядро – центральный двухэтажный корпус, с ним узкими галереями с высокими стрельчатыми арками соединяются два боковых. Все остальные детали относятся к неоготике. Подражательство художественным стилям прошлых веков отчетливо прослеживается на фасадах. Зубчатые завершения многогранных башенок, оконные и дверные проемы стрельчатого очертания, щелеобразные, наподобие бойниц, прорезы в стенах, карнизы, похожие на крепостные машикули, витражи и другие детали явились искусственным возвращением к архитектурным формам средневековья [1]. Благодаря им дворец очень напоминал средневековые оборонительные замки (рисунок 1).

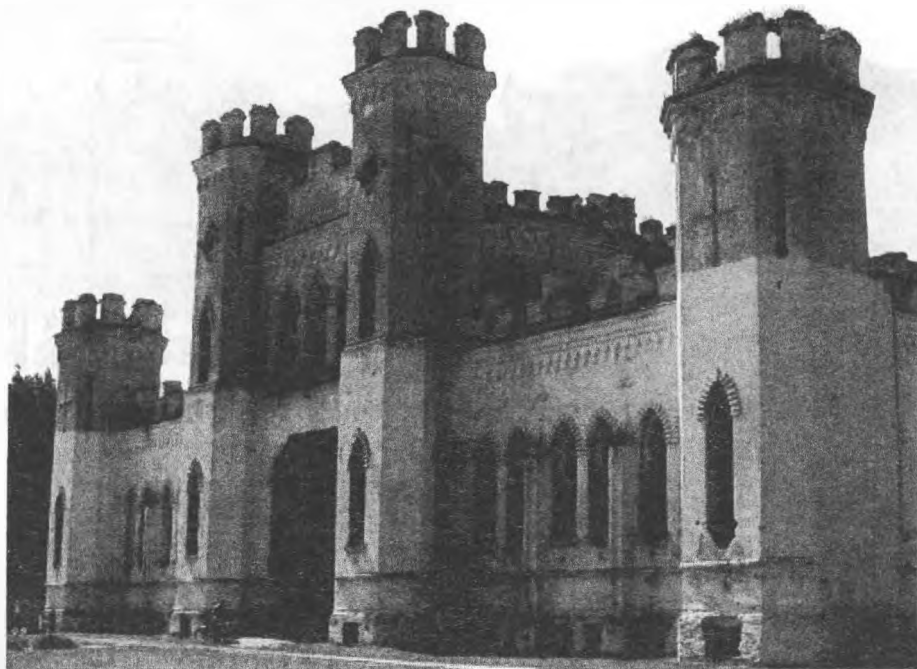

Рисунок 1 – Дворец Пусловских (Коссовский замок)

Замок, располагавшийся на небольшом плато, стал ядром красивейшего террасного парка, в котором росло более 150 видов экзотических растений. На террасах функционировали фонтаны. Характерными атрибутами великолепного парка были скульптуры, выполненные из мрамора и гипса в античном стиле, брамы – охотничья и въездная, а также оранжерея, которая предположительно располагалась в парковой части. В северо-восточной части дворцово-паркового комплекса, на реке Коссовке, имелась водная система из двух водоемов, разделенных дамбой и обсаженных белыми плакучими ивами, с большим островом округлой формы. Само здание и частично парк были обнесены каменной трехметровой стеной с въездной брамой. До настоящего времени парк не сохранился, но предполагается, что по периметру всю усадьбу вместе с плодовым садом окружали липы. Перед дворцом было несколько прогулочных аллей [1]. Неподалёку от дворца находится родовая усадьба Тадеуша Костюшко. В гостях у Пусловских бывали видные люди своего времени: Наполеон Орда, Генрик Сенкевич, Элиза Ажэшка, Юзеф Пилсудский. Благодаря кисти Наполеона Орды известно, как выглядел дворец до революционных и военных потрясений (рисунок 2).

Рисунок 2 – Н. Орда. Усадьба Костюшко (конец XIX века). На заднем плане – Коссовский замок

Над дворцовыми стенами высятся 12 больших башен по числу месяцев в году и 365 маленьких башен по количеству дней в году. Каждая из 12 башен замка символизирует определённый месяц года. Наиболее урожайные – центральные четыре башни – это хлебные месяцы года: май, июнь, июль и август. Во дворце было 132 комнаты, каждая из которых была уникальным произведением искусства.

Замок был выстроен так, что каждый год два с половиной дня солнце освещает полностью одну комнату. Система внутренних проходов и окон позволяет проникать солнечным лучам в каждый уголок замка. Каждая комната дворца – особенная. В белом зале проходили балы, в черном – играли в карты, в розовом – музицировали. Парадный зал был расписан популярным в то время художником Франтишеком Жмуркой. Стены были увешены дорогими гобеленами и коврами. В Коссово размещалась одна из крупнейших коллекций произведений искусства и древностей, принадлежащая роду Пусловских, библиотека, включавшая несколько тысяч томов и старинные рукописи. По углам комнат стояли камины, украшенные резным мрамором и скульптурами. Они, по сути, выполняли декоративную роль, ведь в замке имелось водяное отопление: в подвале в котлах слуги подогревали воду, и она по трубам поступала ко всем помещениям, постепенно отдавая тепло (в подтверждение сказанного: в подвале действительно до настоящего времени сохранился обломок трубы). В части дворца, отведённой под зверинец, жил лев. Было здесь фойе со стеклянным полом, под которым плавали экзотические аквариумные рыбы. Во дворце была библиотека, книжный фонд которой насчитывал около 10 000 книг [1].

Строительство дворца начал глава семьи Казимир Пусловский. После смерти Казимира Пусловского строительство дворца и парка продолжил его сын – Вандалин Пусловский – богатый польский фабрикант. Вандалин Пусловский владел также суконной фабрикой, мельницей и кирпичным заводом. О сказочном богатстве Пусловских ходили легенды. К сожалению, семейное богатство попало в руки к недостойному наследнику. Сын Вандалина Леон проиграл в карты великолепный дворец, построенный предками, аристократу Александрову. После, дворец передавался из рук в руки к разным хозяевам, постепенно утрачивая свое величие и роскошь. Архитектурная жемчужина была продана за долги по дешевке петербургскому купцу. Тот в знак благодарности подарил коссовской церкви колокол, после чего продал дворец в два раза дороже княгине Анне Трубецкой, жене князя Петра Трубецкого. В Первую мировую войну из дворца пропала коллекция редких рукописей, исчезли скульптуры, картины, драгоценности. Очередные владельцы растащили уникальную библиотеку, продали все оставшиеся картины. В настоящее время все ценности дворца считаются бесследно утраченными.

Погибли сад и оранжерея, от которой до наших дней сохранились только роскошные кусты сирени и боярышника, заросли пруды. После вхождения Коссово в состав Польши дворец стал собственностью государства. До 1939 года в нем размещались окружная управа и школа пчеловодов. Дворец погиб в Великую Отечественную войну. Известно, что в годы Второй мировой войны захватчики не тронули дворец. Его подожгли партизаны, чтобы запугать отступающих гитлеровцев. Тогда же в третий раз сгорела и усадьба Костюшко.

После Великой Отечественной войны территория дворцово-паркового комплекса стала собственностью Гослесфонда. Лесники безжалостно обошлись с ландшафтом: засаживали соснами великолепные террасы, вырубали ценные породы деревьев, фольварк – место рождения Тадеуша Костюшко – выпалили. Оставшиеся без присмотра озера обезводились. С годами сосны скрыли дворец от глаз людских, загородили от взоров проезжающих по автодороге из Ружан в Ивацевичи (рисунок 3).

Рисунок 3 – Дворец Пусловских (Коссовский замок), засаженный по периметру соснами

Коссовский дворец является хранителем многих тайн и легенд. Современники утверждали о существовании подземного коридора длиной в 25 километров, который связывал его с Ружанским дворцом. Но известно, что к началу строительства Коссовского дворца ружанские владения уже конфисковали у Сапе-

гов и организовали там ткацкое производство. В настоящее время, когда первый этаж дворца полностью расчистили и провели раскопки, подтвердилось, что нет тут и намека на подземные ходы.

Сегодня Коссовский дворец – средоточие ценнейшего исторического, культурного, архитектурного и градостроительного наследия. В 1999 году на месте бывшего имения был установлен мемориальный камень.

Восстановлено родовое гнездо Тадеуша Костюшко. Накрытый двухъярусной камышовой крышей дом, в точности повторяет изображенное в XIX веке художником Наполеоном Ордой строение на фоне дворца Пусловских (рисунок 1).

В 2008 году началась масштабная реставрация Коссовского замка. Однако задача, стоящая перед художниками-реставраторами, более чем глобальная. Очень велико было мастерство строителей данного шедевра архитектуры, и повторить это великолепие сегодня – достаточно кропотливый и очень затратный труд. Реставрационные работы производит филиал «Брестреставрацияпроект». На втором этапе планируется провести работы по прокладке внутренних инженерных коммуникаций и подготовке интерьеров дворца к отделке. Вторая очередь началась в конце 2013 года. Третий этап включает в себя работы по благоустройству территории дворца и прокладке внешних коммуникаций. При постоянном финансировании все реставрационные работы могут закончиться в 2017 году.

Во время реставрационных работ выяснилось, что изразцы для дворца поставлялись из Австрии, а отопительные системы для парового отопления производились на предприятии местечка Стапорков (Польша). Во дворце нашли клад. Он представлял собой достаточно скромную нумизматическую коллекцию первой половины XIX века. Ее смогут увидеть посетители дворца после завершения реставрации. При производстве строительных реставрационных работ под подошвой фундамента были обнаружены монеты-обереги, которые подтвердили дату строительства – 1838–1843 годы.

К настоящему времени произведены следующие реставрационные строительные работы: укрепление и гидроизоляция фундаментов, устройство перекрытий, завершены кровельные работы. Произведена очистка здания от мусора, его вывезено десятки тонн. Реставрируются фасады здания и его фрагменты. Кроме того, в нынешнем году специалисты приступят к археологическим обследованиям западной брамы памятника архитектуры (обследования восточной брамы уже завершены). С течением времени брамы Коссовского дворца были практически разрушены, и сейчас задача специалистов в том, чтобы в точности определить их габариты и выявить характерные особенности архитектуры. Планируется, что внешний вид замка будет максимально приближен к первоначальному, а интерьеры будут восстановлены строго по сохранившимся описаниям. Небольшую часть замка было решено оставить в нынешнем виде. Оставят и старую печь, которую обнаружили в восточной части дворца. Ее просто закроют стеклом – получится отличный экспонат. Известно, что во дворце разместятся гостиница, кафе, бальный и выставочный залы. Будет восстановлена уникальная парковая зона.

При проведении реставрационных работ возникли серьезные проблемы, для решения которых филиал «Брестреставрацияпроект» обратился к сотрудникам кафедры инженерной экологии и химии Брестского государственного технического университета. В 2009–2010 годах материалами ЗАО «Пралеска-ТМФ» производились отделочные работы на фасаде дворца. Поверхность штукатурного слоя, выполненного на основе сухих смесей «Пралеска», подверглась серьезному биоповреждению. Было выявлено также, что фасады со старой штукатуркой таких биоповреждений не имеют. Выяснилось, что ЗАО «Пралеска-ТМФ», рекомендуя материалы собственного производства для реставрационных работ объектов, представляющих собой историко-культурную ценность, не проводило должных исследований своих материалов на устойчивость к биоповреждениям.

Специалистами кафедры инженерной экологии и химии совместно с Институтом микробиологии НАН Беларуси были проведены работы по микробиологическому обследованию объекта «Дворцово-парковый ансамбль XIX века в г. Коссово Ивацевичского района».

Визуальное обследование строительного объекта выявило наличие на поверхности штукатурного слоя обширных пятен розово-красного, зеленого, черного цвета. Места с наибольшей интенсивностью пигментации напоминали потёки дождевой воды. Внутри штукатурного слоя окраска была равномерной. Пятна зеленого и черного цвета присутствовали также на поверхности новых кладочных растворов. С пигментированных участков были взяты пробы, которые рассеяли в чашки Петри с агаризованной средой Чапека. Во всех пробах был выявлен высокий уровень микробной обсемененности, окраска колоний микроорганизмов соответствовала окраске проб. В пробах с зеленой окраской преобладали микроскопические водоросли рода *Pleurococcus*, в пробах с черной окраской – микроскопические грибы рода *Alternaria*, в пробах с розовой окраской – представители класса *Actinomyces* [2, 3, 4].

Анализ результатов обследования объекта дал основание предположить, что причиной таких масштабных биоповреждений является целый комплекс факторов, а именно: дефекты кровли, отсутствие водосточных труб, отскок дождевой воды, рыхлость нового штукатурного слоя, плохое состояние кирпичной основы. Но главной причиной развития биокоррозии является близость хвойных деревьев, которыми по периметру был обсажен дворец после Великой Отечественной войны [2, 4].

Для ликвидации очагов биоповреждения и принятия мер по предотвращению их появления в дальнейшем были проведены лабораторные и натурные испытания непосредственно на плоскостях фасадов дворца по эффективности различных биозащитных средств по отношению к объектам биоповреждения Коссовского дворца. Наибольший эффект проявили следующие вещества, специально рекомендованные для удаления биологических загрязнений (мхов, грибов, водорослей, плесени) и предотвращения их появления на минеральных строительных материалах, и методы обработки ими фасадов:

- 1) обработка водоразбавляемым фунгицидным, альгицидным и бактерицидным средством «Parmetol DF-35» фирмы-производителя «Schülke & Mayr» (Германия), не содержащим фенола и солей тяжёлых металлов;
- 2) предварительная очистка поверхности специальным экологичным средством, не содержащим активного хлора и солей тяжёлых металлов «Remmers Grünbelag-Entferner» фирмы «Remmers» (Германия) с последующей обработкой бактерицидным, фунгицидным и альгицидным средством, «Remmers Impragnierung BFA» фирмы «Remmers» (Германия), не содержащим фенола, формальдегида и солей тяжёлых металлов.

Кроме того, для окраски фасадов рекомендовано использовать реставрационные лакокрасочные материалы, содержащие альгициды и фунгициды, с гарантией биозащиты предприятия-изготовителя. В частности, а для отделочных работ рекомендуется штукатурная сухая смесь «Тайфун Мастер №28», специально предназначенная для выполнения реставрационных штукатурных работ по основаниям исторических зданий и памятников архитектуры, где требуется применение растворов, не содержащих цементное вяжущее. Проведению штукатурных и окрасочных работ должны предшествовать не только восстановление кровли, но и водосточных систем, а также работы по гидроизоляции здания.

Важнейшей мерой предотвращения биоповреждения фасадов является вырубка выросшего за послевоенные годы соснового леса (который высадили на месте фруктового сада) по всему периметру здания на расстоянии не менее 50 метров от стен дворца. Эта мера позволит избежать обсеменения поверхности фасадов микроорганизмами и развитию биокоррозии минеральных поверхностей.

Дворец Пусловских по праву считается жемчужиной белорусской архитектуры. Недавно специальная комиссия ЮНЕСКО признала его перспективным объектом международного туризма. Вторую жизнь дворец должен обрести после того, как Коссовский дворцово-парковый ансамбль был утвержден в качестве республиканского приоритетного объекта на проведение реставрации и внесен в Государственную инвестиционную программу.

Список цитированных источников

1. Федорук, А.Т. Старинные усадьбы Берестейщины / А.Т. Федорук. – Мн.: БелЭн, 2004. – 576 с.
2. Никитин, Н.К. Химия в реставрации: справ. пособие / М.К. Никитин, Е.П. Мельникова. – Л.: Химия, 1990. – 304 с.
3. Ратинов, В.Б. Химия в строительстве / В.Б. Ратинов, Ф.М. Иванов. – М.: Стройиздат, 1969. – 198 с.
4. Ивлиев, А.А. Реставрационные строительные работы / А.А. Ивлиев, А.А. Калыгин. – М.: ПрофОбр-Издат, 2001. – 272 с.

УДК 693.22.004.18

*Uścínowicz J.**

ZABYTKOWA CERKIEW PRAWOSŁAWNA ZWIASTOWANIA PRZENAJŚWIĘTSZEJ BOGURODZICY W SUPRAŚLU. UWARUNKOWANIA REKONSTRUKCJI

1. Przedmiot projektu i jego uwarunkowania ideowe

Cerkiew monastyczna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu (1503-1511) z jej wspaniałą monumentalną, bizantyjsko-gotycką architekturą i ikonografią wywiedzioną z bizantyjskiego kręgu kultury bałkańskiej połowy XVIw. była świątynią wyjątkową, należąca do najwybitniejszych obiektów architektury i sztuki przedstawieniowej na świecie. Wraz z innymi cerkiewiami z okresu XV-XVIw., tworzyła bardzo nieliczną, odrębną typologicznie grupę świątyń gotycko-bizantyjskich, obronnych, prostokątnych w planie, krzyżowych lub krzyżowo-kopułowych, 4 słupowych (9-półowych), jedno- lub trójabsydialnych, flankowanych czterema wieżami. Ich trójdzielne centryczno-podłużne struktury przestrzenno-liturgiczne, kanoniczne dla cerkwi prawosławnej, ubrane zostały w kostium gotyku. Na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim dotrwało do naszych czasów 6 obiektów, z czego 2 znajdują się w Polsce: w Supraślu i w Kodniu.

* Jerzy Uścínowicz, prof. nzw., dr. hab., inż. arch., Zakład Architektury Kultur Lokalnych, Wydział Architektury Politechniki Białostockiej;

Losy cerkwi w Supraślu wpisują się jednak w tragiczną historię kultury prawosławia. Jej dzieje – od początku XVIIw. aż do jej zburzenia, są świadectwem postępującej neutralizacji i eliminacji wartości sztuki ortodoksji, sztuki, która od misji Apostołów Słowian Św. Św. Cyryla i Metodego, aż do Unii brzeskiej miała w Rzeczypospolitej swoje trwałe miejsce. Współtworzyła ona autochtoniczny rdzeń jej wielonarodowej i wieloreligijnej kultury. Dziś świątynia ta – dzięki ogromnemu wysiłkowi Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego, wielkiej ofiarności wiernych w Polsce i poza jej granicami, a także wszystkich świątłych ludzi dobrej woli – jest obecnie podnoszona z ruin. W swojej zewnętrznej formie architektury stanowi obiekt ukończony. Dokonuje się proces rekonstrukcji jej architektury wnętrza, wystroju i ikonografii.

Proces realizacji projektu rekonstrukcji cerkwi, ujmowany jest przede wszystkim w kategoriach potrzeb zachowania autentyzmu ideowego, popartego metodycznymi badaniami naukowymi oraz potrzebami zachowania prawdy teologicznej, spójności teologiczno-estetycznej wyrazu i wierności historycznej jego formy, jako dziedzictwa wartości kultury duchowej i materialnej Kościoła¹. Rekonstruowany obiekt jest bowiem przede wszystkim obiektem kultu i jego wartością nadrzędną, wymagająca poszanowania i ochrony w przypadku zabytku sztuki sakralnej, jest głównie jego funkcja kultowa. W niej się spełnia jego przeznaczenie zasadnicze. Jest wybitnym dziełem sztuki² ale jest przy tym formą wobec religii służebną, przejściem z poziomu estetyki na poziom religii³

Jest to zgodne z obowiązującą obecnie doktryną konserwatorską. Za autentyzm zabytku rozumie się w niej nie tylko autentyzm jego substancji materialnej, uważanej dawniej za najwyższą wartość godną ochrony, lecz autentyzm przesłania ideowego, autentyzm metod użytych do wykonania struktury zabytku, autentyzm jego form, funkcji, miejsca oddziaływania jako miejsca kultu, odniesień typologicznych, przekazów hierofanicznych itd. Ma to swoje szczególne zastosowanie w kategorii architektury sakralnej, w której nadrzędnym wydaje się nie tyle przekaz materialny, fizyczny lecz duchowo-mistagogiczny, teologiczny, symboliczny, składający się wspólnie na nadrzędną wartość określaną mianem *sacrum*⁴.

Oprócz wspomnianego powyżej kryterium, stanowiącego warunek *sine qua non* spełnienia się sztuki sakralnej w ortodoksji i jej uniwersalnego, teologiczno-kosmologicznego przesłania, starano się także uwzględnić uwarunkowania kultury lokalnej, środowiskowej. Są to wartości wynikające z istnienia samego fenomenu pogranicza chrześcijańskiego Wschodu i Zachodu, pogranicza religijnego, kulturowego, narodowego i etnicznego, pogranicza, które ma w Polsce swoją wielowiekową, bogatą tradycję⁵. W tym przypadku polega to w szczególności na

¹ Zab. ks. prof. Janusz St. Pasierb, *Ochrona zabytków sztuki kościelnej*, wyd. IV poprawione i zaktualizowane, TONZ, Warszawa 2001, s. 16.

² Sztuka ortodoksji była zawsze z natury rzeczą sztuką liturgiczną (Por. bp. Anatolij Kuzniecowa, *Zabytki chrześcijańskiej kultury dawnej Rusi i ich znaczenie teologiczne* (w.) *Chrystus zwyciężył. Wokół Chrztu Rusi Kijowskiej*, praca zbiorowa pod red. J. S. Gajka MIC, W. Hryniewiczza OMI, „Verbinum”, Warszawa 1989, s. 72). Znaczy to tyle, że sama liturgia i ściśle z nią związana cała sfera myśli teologicznej implikowały zastosowanie określonego systemu symbolicznego w wyrażaniu artystycznym. Czy bowiem przekazywana przez „słowo czy przez obraz” - idea teologiczna w swojej istocie była tożsama. Można mówić jedynie o innej formie wyrazu, o innym rozłożeniu akcentów w różnych kulturach i na różnym etapie historii Kościoła. I tak na przykład, jak słusznie stwierdza ks. biskup Anatolij (Kuzniecowa): „Na Rusi w porównaniu do Bizancjum przeważały inne formy wyrażania idei teologicznych. Kościół ruski przemawiał językiem ikonografii i architektury cerkiewnej. Jeśli Bizancjum „teologizowało” w większości słowem, to Rus (a potem Rosja) „teologizowała” głównie przez obraz”. Por. również John Meyendorff, s. 68.

³ Celem sztuki w Kościele ortodoksyjnym w jest przedstawianie rzeczywistości przeobstwowej. Kategoria piękna nie odnosi się w niej do wartości zmysłowych, do wyglądu zewnętrznego ale do piękna „prawdy Bożej” (por. Paul Evdokimov, *L'Orthodoxie*, Delachaux et Niestle S.A. 1959; (polish transl. Jerzy Klinger), Paul Evdokimov, *Prawosławie*, Inst. Wyd. PAX, Warszawa 1964, 1986, p. 242, 251-256, 260; Paul Evdokimov, *L'art de L'icône. Teologie de la beaute*, Brouwer 1970, (polish ed.), *Sztuka ikony - teologia piękna*, „Novum” 1-2/1984, passim). Kryterium zasadniczej oceny tej sztuki leży poza kategoriami estetycznymi, które są jej wartością drugorzędą. Pierwszą są jej wartości nadestetyczne, zbudowane poprzez kategorię teologiczną. Sztuka jest tylko przechodzeniem od wartości estetycznych do wartości teologicznych.

⁴ Teologia ikony wskazała też na rangę ikony, na jej pozycję pośród innych wyobrażeń malarskich o statusie religijnym i nie tylko. Wskazała na nadwartość estetyczną ikony i jej kryterium oceny, które nie należy do estetycznych lecz teologicznych, opisywanego kategoriami sakralności, prawdy, mistyki, metafizyki przed kategorią piękna artystycznego „Kościół prawosławny zawsze walczył nie tyle o piękno co o prawdę...”. Por. Leonid Ouspenski, *La Théologie de l'icône dans l'Eglise orthodoxe*, Les Editions du Cerf 1980; (wyd. polskie) tenże, *Teologia ikony*, Wyd. „W Drodze”, Poznań 1991, (przel. Marta Nurowska); Leonid Uspenski, *Vopros ikonostasa*, „Messager de l'Exarchat du Patriarche Russe en Europe Occidentale” 11/63, z. 44; Barbara Dąb-Kalinowska, *Teologia ikony*, (in:) *Kościół, Wspólnota, Herezje* (ed.) M. Dobkowski, Warszawa 1997, p. 32-46; Władysław Stróżowski, *Wartość artystyczna i nadestetyczna*, (in:) *Sztuka i wartość* Materiały XI seminarium metodologicznego Stowarzyszenia Historyków Sztuki Maria Poprzęcka, Warszawa 1986, p. 43

⁵ Polska leży na terenie kulturowego, religijnego i narodowego pogranicza. Zarówno w historycznych, jak i współczesnych, ostatecznie ukształtowanych granicach terytorialnych, leży na linii przebiegającej aż od Skandynawii po Bałkany, linii, która dzieli Europę na kulturę łacińską, zachodnio-katolicką i na kulturę greko-słowiańską, bizantyjską

Dawniej wzajemne kontakty i próby wymiany wartości były ograniczone. Oba Kościoły, rzymskokatolicki i prawosławny, stanowiły raczej struktury zamknięte. Strzegły swojej integralności dogmatycznej i doktrynalnej. Broniły się też przed przepływem wartości duchowych. Nawet w sferze kultu czy na poziomie sztuki. Przepływ taki mimo wszystko zaistniał, a działo się to niejako wbrew woli tych Kościołów. Było to spontaniczne i żadne bariery, zakazy i nakazy, na nic się tutaj nie zdały.

Przykładem są malowidła rusko-bizantyjskie w gotyckich kościołach w epoce pierwszych Jagiellonów oraz na odwrót gotyckie wpływy w architekturze cerkwi litewskich i ukraińskich XIV-XVI w. Warto tu przypomnieć chociaż te najbardziej spektakularne przykłady.

Pierwszym są kościoły rzymskokatolickie w Lublinie, Sandomierzu, Wiślicy i Krakowie-Wawelu. Ściany wewnętrzne tych gotyckich, zachodnich świątyni fundacji króla Władysława Jagiełły i Kazimierza Jagiellończyka (kaplica Świętego Krzyża na Wawelu), malarze ruscy pokryli wspaniałymi

harmonijnym współtlenieniu gotyckiej, zachodniej w typie rozwiązań stylu architektury - z bizantyjsko-bałkańską ikonografią z połowy XVIw. Ma ona swoje prototypowe, niekiedy pełne, a niekiedy niestety szczątkowe, analogie w 4 pozostałych w Polsce do naszych czasów gotyckich, rzymskokatolickich świątyniach fundacji Jagiellonów w: Lublinie, Sandomierzu, Wiślicy i Krakowie na Wawelu z ich bizantyjsko-ruską ikonografią XVw. Jedyną prawosławną, w swej strukturze liturgiczno-przestrzennej w sposób doskonały zestrojoną z kanonami malarstwa ortodoksyjnego, pozostaje rekonstruowana cerkiew monastyczna ww. Supraślu.

Jej ranga dla kultury polskiej jest ogromna i trudna do przecenienia⁶.

2. Historia klasztoru Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu

Historia monastyru Zwiastowania Najświętszej Marii Panny, sławnej Ławry Supraskiej, sięga 1498r., kiedy to Aleksander Chodkiewicz, wojewoda nowogrodzki i marszałek Wielkiego Księstwa Litewskiego, sprowadza do Gródka mnichów z Ławry Pieczerskiej w Kijowie. Pierwotna lokacja monastyru, blisko gwamej rezydencji magnackiej w Gródku kolidowała z pustelnicznym życiem monastycznym. Dwa lata później, za zgodą swego kłitora - wojewody nowogrodzkiego i marszałka Wielkiego Księstwa Litewskiego - gródecką siedzibę swego życia mnisi opuszczają, szukając miejsca innego, bardziej ustronnego. Znana jest legenda związana ze zmianą lokacji monastyru. W 1500 r. mnisi zrobili drewniany krzyż i lokując w nim częściczkę Życiodajnego Krzyża Chrystusowego puścili go z Gródka rzeką Supraśl (Sprząślą), z intencją wskazania przezeń, w miejscu jego zatrzymania, nowego, mniej intensywnego miejsca ich pobytu⁷. Zgodnie z wolą Bożą krzyż zatrzymał się na uroczysku Suchy Hrud (Sucha Hroda) w Błudowskiej Puszczy, pomiędzy rzekami Grabówką i Brzozówką, dopływami Supraśli, wskazując na nowe miejsce osiedlenia się mnichów. Dało to początek założenia supraskiego monastyru - Ławry Supraskiej⁸.

Monastyr założono na zachód od wskazanego im „przez Boga” miejsca, wzdłuż osi orientującej go kanonicznie ku wschodowi. Na nowym miejscu pobytu zbudowali oni najpierw drewnianą cerkiew św. Jana Teologa (Ewangelisty), patrona ojca Aleksandra Chodkiewicza, lwana, który zginął w niewoli tureckiej. Wyświęcono ją 25 maja 1501r. Wzniesiono ją zapewne po stronie północno-wschodniej dzisiejszego założenia, w pobliżu nadrzecznej skarpy. Tutaj również, obok cerkwi (najprawdopodobniej po jej stronie zachodniej) zbudowano monastyczne cele oraz agapę (refektarz).

Fundatorami monastyru był wspomniany Aleksander Chodkiewicz oraz prawosławny biskup smoleński Józef Sułtan, późniejszy metropolita kijowski. Fundacja ta zostaje pobłogosławiona w 1505r. przez patriarchę konstantynopolańskiego Joachima, za to, że *„założył tę znamienitą cerkiew wielkich kosztów nakładem, a także zabezpieczył środki utrzymania braci zakonnych”*. Specjalnym tomošem patriarcha zatwierdza monastyr, nadając mu stosowne prawa i zabezpieczenia kanoniczne. Józef Sułtan, późniejszy metropolita kijowski, podarował też monasterowi przywiezioną ze Smoleńska kopię cudownej Smoleńskiej Ikony Matki Bożej, która zasłynęła jako

XV-wiecznymi malowidłami wykonanymi według kanonu bizantyjskiego. Są to niewątpliwie jedne z najpiękniejszych na ziemiach polskich przykładów tego typu malowideł. Ich niepowtarzalność i uroda polega właśnie na przenikaniu wartości, na harmonii związku gotyckiej architektury i sztuki ikonicznej.

Drugim przykładem są cerkwie prawosławne w Supraślu, Mołomożekowie i Synkowiczach, wzniesione w XV-XVI wieku. Stanowią one ewenement w historii architektury europejskiej. Są obiektami, w których trójdzielna struktura liturgiczna właściwą dla cerkwi prawosławnej pochodzenia bizantyjsko-ruskiego przywdziano jakby kostium gotyku. Ich formy zewnętrzne i poszczególne ich elementy upodabniają je do kościołów zachodnich, wnętrza są zaś tradycyjnymi 9-połowymi cerkwiemi krzyżowymi lub krzyżowo-kopułowymi, właściwymi dla odprawiania nabożeństw prawosławnych.

⁶ Wyniki przeprowadzonych w latach 2010-2012 kwerend i studiów naukowo-badawczych prowadzonych w kraju i zagranicą (Serbia, Czarnogóra, Bułgaria, Litwa, Białoruś, Ukraina, Rosja, Słowacja, Węgry, Francja, Włochy, Grecja) oraz sformułowane w oparciu o nie hipotezy i główne założenia ideowe i konserwatorskie rekonstrukcji wnętrza katolikonu Zwiastowania NMP w Supraślu zostały wielokrotnie poddawane ocenie i weryfikacji przez wybitnych specjalistów z dziedziny bizantynologii na międzynarodowych konferencjach i sympozjach naukowych m.in. w Sofii, Kijowie, Moskwie, Wilnie, Brześciu, Mińsku, Tokyo, Supraślu, Warszawie, Toruniu, Krakowie. Szczególne znaczenie miało wystąpienie na 22nd International Congress of Byzantine Studies, który odbył się w dniach 22-27 sierpnia 2011r. na Sofia Univeristy „St. Kliment Ohridski” w Sofii, na którym z sukcesem przedstawiono referat pt.: *Byzantine Heritage in Modern Art in Poland. The Orthodox Monastic Church in Suprasl – a Project of Reconstructing the Architecture and Iconography Therein*.

⁷ Jak podaje Mikołaj Dalmatow w 1500r. mnisi „(...) zrobili drewniany krzyż i puścili z Gródka rzeką Supraślą z tą intencją, gdzie na którym miejscu stanie tym się mieli kontentować” (w.): N. Dalmatow, *Suprasl'skij Błagoweščenskij monastyr*, Sankt Petersburg 1892, s. 7

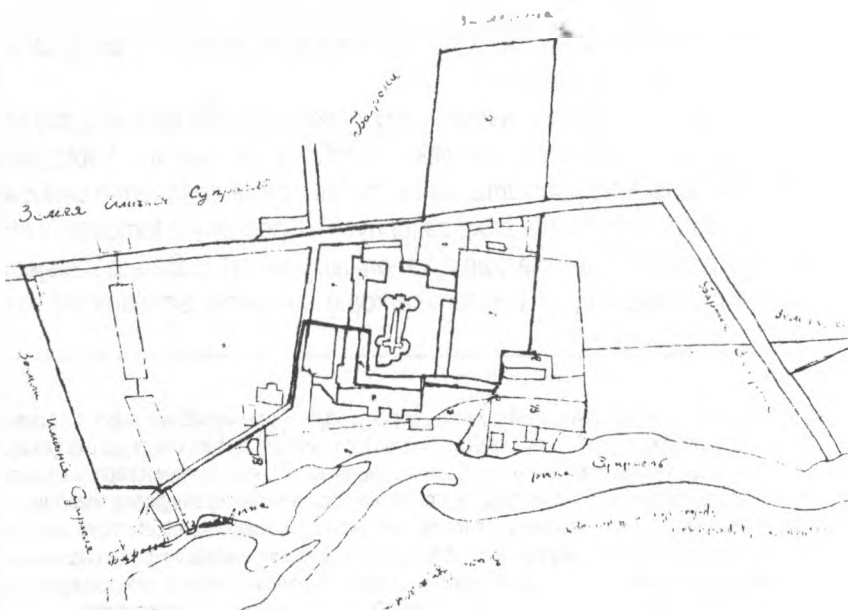
⁸ W kronice klasztoru z połowy XVIII w. czytamy: *„Najprzód roku 1498 w Gródku tę ławrę, albo monastyr fundować zaczął p.m. Aleksander Chodkiewicz wojewoda nowogrodzki i marszałek wielki Wielkiego Księstwa Litewskiego w dobrach swych dziedzicznych, stąd o mil 4, i tam na pierwszym tym funduszu osadził był zakonników zakonu świętego Bazylego Wielkiego, żadnych jeszcze nie czyniąc im zapisów, i pierwszy był superior albo hegumen Paphnutiusz Sieheń. A gdy te miejsce w lat dwie nie spodobało [się] zakonnikom, prosili fundatora, aby na innym spokojniejszym miejscu ich ufundował. Ten pan świątobliwy pozwolił im onego samym upatrywać i obrać. A tak już mając na to od fundatora konsens, zrobili krzyż drewniany i puścili z Gródka rzeką Supraślem tą intencją, gdzie na którym miejscu stanie, tam się mieli kontentować. Jakoż z providencyi Pana Boga na tak pięknym, spokojnym i pożytecznym miejscu nazywającym się Hrudzie w puszczy Błudowskiej, dziedzicznych dobrach tegoż fundatora, pomieniony krzyż przy brzegu rzeki Supraśla znalazłszy, oznajmili fundatorowi, który przeniozszy z Gródka zaczął fundować. Roku 1500 Pafnucjusz Sieheń pierwszy hegumen albo archimandryta ławry supraskiej przeniósł się za wolo fundatora na ten ostrów między dwoma strumieniami rzeczek Grabówki i Berezówki sytuowany, cum communitate sua, gdzie ten pan pobożny miejsce to święte mocno i nieporuszenie ufundował. Wybudowaną na początku cerkiew niewielką pod imieniem św. Jana Ewangelisty ...*

Supraska Ikona Matki Bożej. Aleksander Chodkiewicz bogato wyposażył monaster w materialne dobra i włości. Przez całą jego historię istnienia były one powiększane lub uszczuplane, o czym stanowią dość liczne źródła⁹.

Rysunek 1 – Fragment mapy Litwy z 1613r. sporządzonej przez Tomasza Makowskiego z zaznaczonym umiejscowieniem Gródka Chodkiewiczów i monasteru Zwiastowania NMP w Supraślu¹⁰

Monaster supraski był największym w XVIw. ośrodkiem zakonnym na Ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego. Pierwsza drewniana cerkiew Św. Jana Teologa wybudowana w 1501r. spłonęła w 1545r. W latach 1503-1511 (1510-1512?) wybudowano katolikon - murowaną cerkiew Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy, monumentalną, najwyższą w całym zespole monastycznym budowlę, ulokowaną w nim centralnie, osiowo-symetrycznie, orientowaną na osi wschód-zachód. W cerkwi, prócz głównego hieratejonu, znajdowały się także paraklezjony poświęcone: Św. Teodozjuszowi Pieczerskiemu i Św. Antoniemu oraz Św. Św. Borysowi i Glebowi. Jako że klasztor oraz dobra Chodkiewiczów wchodziły w skład metropolii kijowskiej, poprzez bliskie więzi kłtorów z stolicą metropolitamą, wpłynęło to na kultywowanie w nim tradycji świętych Rusi Kijowskiej, a pośrednio również, poprzez przyjęcie przez nią chrztu z Bizancjum, także tradycji bizantyjsko-balkańskiej. Od początku swojego powstania klasztor utrzymywał ścisłe kontakty z innymi ośrodkami życia monastycznego. Należały do nich: Ławra Kijowsko-Pieczerska, Święta Góra Athos, klasztory serbskie i bułgarskie. W XVIw. monaster odwiedzili m.in. Patriarcha Serbii Gabriel i Patriarcha Konstantynopola Jeremiasz.

Rysunek 2 – Mapa monasteru Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu z 1883 r

⁹ J. Maroszek, *Kalendarium klasztoru Ojców Bazylianów w Supraślu – czasy Aleksandra Chodkiewicza*, Białostocczyzna 1994, nr 2, s. 10.; List Króla Aleksandra do biskupa smoleńskiego Józefa na Topilec, Baciuty i Piszczewo, (w:) N. Dalmatow, *Suprasl'skij Blagoveščenskij monastyr*, Sankt Petersburg 1892, s.11

Zob. następujące źródła.

N. Dalmatow, *Suprasl'skij Blagoveščenskij monastyr*, Sankt Petersburg 1892, s. 2, 10, 83, 164, 169, 224-225, 269, 313-314, 357, 362, 369, 403, 409, 412, 429, 446, 490-491, 523, 538, 571 i in.;

Akty Wileńskie, t.7 (1874), s. 38, 42, 127-128, 436, 439;

Centralne Państwowe Archiwum Historyczne w Grodnie, fond 2, nr 11;

Litovskije Eparchalnyje Wiedomosti 1878, s.162; 1890, nr 39. s. 322-324 oraz 336-337;

Klirowyje Wiedomosti (rękopis) na 1926 g.;

Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, Parafia Prawosławna w Supraślu 1944-1998, sygn. IV/104, s. 80, 90-92, 94, 100, 115-117, 120, 124-125 i inne

¹⁰ Fragment pochodzący z mapy z 1613r. w wydaniu Willema Janszooana Blaeu'a znajdującej się w Herzogin Anna Amalia Bibliotek w Weimarze." (tom II, s. 191) Wydanie amsterdamskie z atlasu *Appendix Theatri A. Orbelli et Atlantis G. Mercatoris.* autorstwa W.J. Blaeu'a, rytownik: Hessel Geritsz, wydawca: Willem Janszoon Blaeu

Rysunek 3 – Widok założenia monastycznego od strony zachodniej (fot. Pietrow, 1864 r.)

Już w II połowie XVI w. klasztor przekształcił się w ważne centrum kulturalne o znaczeniu ogólnosłowiańskim, stając się ośrodkiem myśli teologicznej. Uwidocznilo się to w zbiorach monastycznej biblioteki, ikonografii i architekturze. Poświadcza o tym choćby inwentaryzacja biblioteki klasztornej, która wykazała w 1557r. 200 rękopisów i ksiąg drukowanych. Ale stanowi o tym także bardzo wysoki poziom sztuki przedstawieniowej, którą zrealizowano w okresie pomiędzy cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy, za archimandrii Sergiusza Kimbara.

Rysunek 4 – Widok monastynu od strony północnej, od strony rzeki Supraśl (fot. Pietrow, 1864 r.)

Po dwu powstałych już na jego początku: drewnianej cerkwi Św. Jana Teologa z 1500r. oraz katolikonu Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy wzniesiona została trzecia z kolei świątynia Zmartwychwstania Pańskiego, na powstałych w części południowej od monastynu katakumbach, ze 132 niszami do grzebania ciał mnichów i dobroczyńców monasteru. Wzniesiono ją pomiędzy rokiem. W latach 1545–1577 przeprowadzono także budowę refektarza, kaplicy, kuchni ze spiżarnią, młyna oraz otoczono klasztor murem.

Od poł. XVIIw., po wprowadzeniu do klasztoru unii, a zwłaszcza po wprowadzeniu doń w 1653r. reguły unickiego zakonu bazylianów, wnętrze cerkwi podlegało stałym, większym lub mniejszym, przetworzeniom. Pierwotny ikonostas, będący cennym zabytkiem sztuki ikonograficznej, zamieniony zostaje w 1664r. na barokowy, wyrzeźbiony prawdopodobnie przez gdańskiego snycerza i złotnika Andrzeja Modzelewskiego (?)¹¹. Przy zakładaniu nowej dekoracji stiukowej ścian część fresków cerkwi zostaje zasłonięta, część zamalowana, a część zniszczona (hieratejon). Zmienia się też wystrój świątyni. Powstają m.in. boczne ołtarze, nowa ambona, balkon chóru, organy.

W wieku XIX następuje częściowe odbudowania pierwotnego wystroju świątyni. Proces ten został przerwany w 1915r. wskutek opuszczenia klasztoru przez mnichów podczas tzw. „bieżeństwa” i po przejęciu cerkwi w okresie

¹¹ Autorstwo ikonostasu, zwłaszcza jego części snycerskiej i pozłotniczej, ale także niektórych umieszczonych w nim ikon (poza tymi przeniesionymi ze wcześniejszego ikonostasu z XVIw.) jest sprawą otwartą. Niektóre źródła wileńskie odnoszące się do domniemanego autora ikonostasu jakim był Andrzej Modzelewski mówią o nim jako o wileńskim malarzu a nie snycerzu i pozłotniku

międzywojennym przez zakon salezjanów. Cerkiew niszczone w okresie II wojny światowej – najpierw przez armię radziecką, a po 1941 r. niemiecką – została wysadzona w powietrze 23 lipca 1944 r. Dotrwała ona do lat 80. XX w. w postaci trwałej ruiny. Dnia 3.06.1984r. został położony kamień węgielny pod rekonstrukcję katolikonu – cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy¹². Jest ona rekonstruowana do dnia dzisiejszego.

Wśród innych powstałych w XVI w., po wybudowaniu katolikonu, obiektów należy wymienić cerkiew Zmartwychwstania Pańskiego, zbudowaną nad katakumbami monastycznymi.

W latach 1635–1655 po wschodniej stronie zespołu, wybudowano Pałac Archimandrytów, który pełnił funkcję rezydencjonalną. W pałacu archimandrytów, w jego części centralnej, na osi hieratejonu cerkwi monastycznej, znajdowała się kaplica Zmartwychwstania Pańskiego. Zbudowana była na planie zbliżonym do kwadratu i miała trzy kondygnacje. W okresie tym powstają także inne zabudowania klasztorne, młyn, folusze. W latach 1695–1697 wybudowano murowaną dzwonnice (po pożarze w 1728 odbudowano ją w poł. XVIII w.). Podczas pobytu w klasztorze metropolity Leona Kiszki, od roku 1728, rozpoczęło się wznoszenie korpusu południowego, zachodniego i wschodniego (zostały one później przebudowane w XIX i XX w.). W latach 1708–1764 powstaje większości obiektów mieszkalnych zespołu klasztornego.

W wyniku trzeciego rozbioru Polski klasztor znalazł się w granicach zaboru pruskiego – w Nowych Prusach Wschodnich. Rząd pruski konfiskuje w 1796r. wszystkie majątki klasztorne „(...) ze *wszystkimi budynkami gospodarczymi, a także tartakiem, młynem, filcownią, na rzece Supraśl, młynami, cegielnią, gorzelnią, browarem i papiernią – utworzona została rządowa ferma (...)*”¹³. Kładzie to na długie lata kres rozwojowi Ławry. W 1800r. zezwala on w Supraślu przy monasterze utworzyć parafię: „(...) w *sostaw prichoda pripisano 14 małych seleni (...)* imielos’ 412 dusz”¹⁴. W 1807 r. na mocy Traktatu w Tyłży nastąpiło włączenie Supraśla wraz z Obwodem Białostockim w granice Imperium Rosyjskiego. W 1809 r. pożar strawił dom folwarczny i aż do 1822r. robotnicy folwarku musieli zamieszkiwać w monastycznych celach. W 1807r. w celach został również urządzony szpital wojskowy, który funkcjonował bez żadnego czynszu do 1833r.

W latach 1819–1831 monastyczny majątek był dzierżawiony przez biskupa Lwa Jaworowskiego, za 500 talarów rocznie. W tym okresie wybudowano nową gorzelnię, browar, budynek mieszkalny, stodołę i inne budynki. W okolicy, w uroczysku „Kraśnica” zbudowano karczmę z zajazdem, zaś na uroczysku „Nowo” – dom mieszkalny z zabudowaniami.¹⁵

W 1834r. zawarto kontrakt z Wilhelmem Fryderykiem Zachertem na dzierżawę pomieszczeń monastycznych z przeznaczeniem ich na fabrykę włókiennicza oraz folwark Supraśl. Zajął on wówczas Pałac Archimandrytów wraz z częścią południowego skrzydła klasztoru. Zakonnicy mieszkali wówczas we wschodnim budynku monastycznym. Zajmowali też bramę wjazdową (dzwonnice) oraz część południowego skrzydła monastycznego. Pomiędzy klasztoru i Zachertem powstał spór o przynależność majątkową. Zachert przejął do części folwarcznej zabudowania monastyczne oraz 3 dziesięciny gruntów¹⁶, pozostawiając monasterowi ok. 7 dziesięcin, plac przed cerkwią i zabudowaniami, sad, ogród, murowany korpus monastyczny, drewniany domek ogrodnika, drewniany spichlerz, stajnię i chlew.

Sprawa w sądzie ciągnęła się przez kilkanaście lat, bez rozstrzygnięcia dla monastynu. W 1883r. została zawarta umowa sprzedaży dzierżawionych dóbr. Zachert wszedł w posiadanie Pałacu Archimandrytów i południowego korpusu. Użytkował go wraz z folwarkiem aż do wybuchu II wojny światowej. Nie doszło jednak do likwidacji klasztoru a przyczynił się do tego w znacznej mierze jego przełożony Mikołaj Dalmatów. Uporządkował on archiwum klasztorne, wskrzesił kult Matki Bożej Supraskiej oraz wybudował cerkiew Św. Jana Teologa. Zadbał o odnowienie katolikonu. Dbał też o oświatę miejscowych dzieci. Założył 3 klasową, przymonastyczną szkołkę męską dla chłopców różnych wyznań z Supraśla. Pałac Archimandrytów został w znaczny sposób podczas wojny zniszczony, najbardziej podczas wysadzania w powietrze cerkwi (po wojnie odbudowano go w latach 1969–1972 przeznaczając na filię Muzeum Okręgowego w Białymstoku).

W 1875r., na starym cmentarzu, do starej wieży została dobudowana cerkiew Św. Pantelejmona¹⁷. Został też powiększony sam cmentarz. W 1901 r. wybudowano na nowym cmentarzu cerkiew Św. Jerzego¹⁸.

¹² Zob. dekret (w:) Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, Parafia Prawosławna w Supraślu 1944–1998, sygn. IV/104, s. 11.

¹³ Jak podaje Mikołaj Dalmatów do 1976 r. do monastynu należały okolice wokół Supraśla, w tym place, ziemia orna, łąki i lasy około 2000 dziesięcin, zob. N. Dalmatow *Suprasl'skij Blagoveščenskij monastyr*, Sankt Petersburg 1892, s. 2.

¹⁴ N. Dalmatow, *Suprasl'skij Blagoveščenskij monastyr*, Sankt Petersburg 1892, s. 362.

¹⁵ (Za:) o. Grzegorz Sosna, m. Antonina Troc-Sosna, *Cerkiewna własność ziemska na białostoczczyźnie w XV–XX wieku, Zbiór materiałów, Diecezja warszawsko-bielska i białostocko-gdańska*, Orthdruk, Białystok 2004, s. 676.

¹⁶ N. Dalmatow, *Suprasl'skij Blagoveščenskij monastyr*, Sankt Petersburg 1892, s. 409.

¹⁷ Dnia 1.11.1944 kaplica cmentarna Św. Pantelejmona przeszła na własność Kościoła rzymskokatolickiego; *Litovskije Eparchalnyje Viedomosti* 1878, s. 162;

¹⁸ *Grodnienskiye Eparchalnyje Viedomosti* 1902, s. 43–46

W latach 1853–1854, podczas archimandrii Wikientija (Wincentego) Kurganowicza, do katolikonu dobudowano od strony południowo-wschodniej tzw. „cieplą cerkiew” czyli tak zwany pareklezjon¹⁹. Była to rozbudowa istniejącego diakonikonu (scs. ryznicy). Zajmowała ona wg. źródeł 15 sążni kwadratowych²⁰. Pożądana ze względów użytkowych, poprzez niefortunną formę zewnętrzną, zmieniła jednak wyjątkową architekturę cerkwi. Odprawiano w niej nabożeństwa w dni codzienne, z wyłączeniem dni świątecznych, które jak dotąd były odprawiane w katolikonie. Przybudówka okazała się zbyt mała, nie spełniająca oczekiwanych potrzeb funkcjonowania świątyni pomocniczej. Planowano co prawda jej rozbudowę, ale na szczęście zaniechano realizacji tego pomysłu. Obawiano się zbytniego zawężenia dziedzińca monastycznego oraz zepsucia pięknej bryły katolikonu²¹. To przyspieszyło decyzję o powstaniu kolejnej już, tzw. „cieplej” świątyni pod tym samym wezwaniem w innym miejscu, wskazanym przez przybywającego w 1886r. w supraskim monasterze arcybiskupa Litewskiego i Wileńskiego Aleksego. Miejsce to znajdowało się w istniejącym podówczas sadzie. Dotychczasowej cerkwi „cieplej” przywrócono dawną funkcję pastofornialną katolikonu, przekazując tradycyjne wezwanie Św. Jana Teologa kolejnej, nowopowstającej i ostatniej już z powstałych w obrębie zespołu świątyni. Było to oczywiście nawiązanie do pierwotnej, powstałej w 1501r. świątyni, ufundowanej przez kłitorę klasztoru Chodkiewicza.

Cerkiew Św. Jana Teologa, ostatnia pod tym wezwaniem cerkiew w monasterze wybudowana zastała w latach 1889-1890. Już jednak wcześniej, 4 lipca 1888r. diecezjalne władze udzieliły zgody na budowę tzw. „cieplej” cerkwi i dwóch domów pielgrzyma położonych po stronie zachodniej monasteru. Miały być zbudowane z ofiar dobrowolnych wiernych i ze środków własnych monasteru. Zatwierdzono kosztorysy i plany budowy²².

W 1888r. zbudowano jeden z domów (za 1102 rubli 59 kop.) Przygotowano też materiały budowlane niezbędne do wzniesienia świątyni. Jej budowę rozpoczęto wraz z nastaniem wiosny 1889r. 9 maja 1889r. przy licznych udziałach duchowieństwa i wiernych odbyło się poświęcenie miejsca i kamienia węgielnego pod fundamentami cerkwi. Świątynia została zbudowana w stanie surowym jeszcze w 1889r.²³ Wraz z nastaniem wiosny 1890r. rozpoczęto prace wewnątrz świątyni, kończąc je w okresie lata tego roku. Cerkiew wyświęcono pod wezwaniem Św. Jana Teologa 26 września 1890r. przez arcybiskupa Aleksego²⁴.

Po I wojnie światowej cały monaster przejęty został jako tzw. „mienie pozaborcze”. 8.08.1919r. dokonano zamknięcia i opieczętowania katolikonu Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy, a wszelkie utensylia i wyposażenie ruchome nakazano przenieść do cerkwi Św. Jana Teologa. Nadzór nad cerkwią odąd sprawuje burmistrz Supraśla. Wywołało to liczne oficjalne protesty wiernych i hierarchii oraz pisemne petycje do Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, a później nawet także do Naczelnika Państwa²⁵. Na mocy Rozporządzenia Ministerstwa Rolnictwa i Dóbr Państwowych Obwodu Białostockiego z 21.11.1921 r. (nr 377) Kontroler Majątków Państwowych Obwodu Białostockiego, przekazuje pod zarząd i utrzymanie Okręgowej Dyrekcji Dróg Publicznych w Białymstoku: cerkiew Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy, cerkiew Św. Jana Teologa, bramę murowaną (dzwonnice), oficynę murowaną. Pozostałe budynki, na podstawie aktu przydziału z 9.04.1922 r. i 26.08.1922r. przejął Wydział Powiatowy Sejmiku Białostockiego na pomieszczenia Szkoły Rolniczej. Na polecenie Wojewody z 27.05.1924r. mnisi zostają siłą usunięci z klasztoru.

W 1925r. cerkiew Św. Jana Teologa została zamknięta dla wiernych. W połowie 1926r. trwała wymiana pism pomiędzy Okręgową Dyrekcją Dróg Publicznych w Białymstoku i Wojewódzkim Konserwatorem Zabytków dotycząca remontu. Według starosty cerkiew Św. Jana Teologa należy: „zamknąć tymczasowo przez zabicie

¹⁹ Pareklezjon [gr. pareklesion] - to w kościele bizantyjskim jest to dodana do korpusu głównego świątyni nawa boczna lub oddzielna kaplica (w katolikonach). W języku starocerkiewno-słowiańskim oraz tradycji świątyni ruskich była ona często zwana [придел] i oznaczała równocześnie ołtarz boczny, umiejscowiony w osobnym sanktuarium, oddzielnym od głównego ścianą, od nawy zaś bocznej również ikonostasem z sołeą i amboną. Tak powstała odrębna, boczna nawa była również zorientowana w kierunku wschodnim i stanowiła w pewnym sensie odrębną świątynię.

²⁰ N. Dałmatow, op. cit., s. 442

²¹ Ibidem, s. 442.

²² Jak podają źródła na budowę cerkwi zebrano 10870 rubli 35 kop., a na budowę 2 drewnianych domów pielgrzyma 3531 rubli i 64 kop. Z innych części Rosji przesłano dodatkowo ofiary w ilości 694 rubli 42 kop (za:) N. Dałmatow, op. cit., s. 441-442.

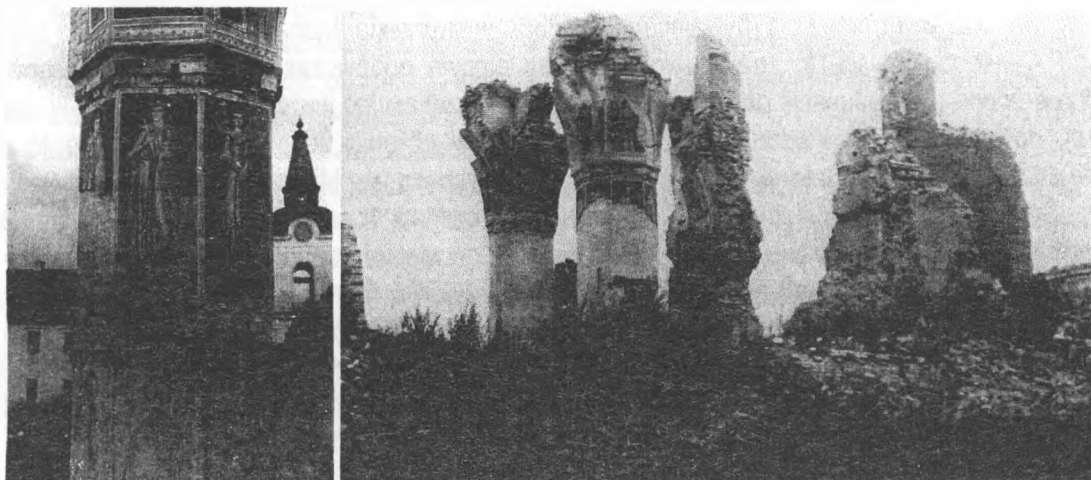
²³ Zamknięto ją w kosztach 5143 rubli 30 kop., z czego ze środków monasteru przeznaczono 3675 rubli i 46 kop., pozostałe z ofiar wiernych (za:) N. Dałmatow, op. cit., s. 441-442.

²⁴ Zanim obiekt ten został ostatecznie po 1958r. odrestaurowany i przejęty ponownie do użytkowania zgodnie z jego sakralnym statusem obiektu kultu, po tragicznych dlań wydarzeniach historii - był przebudowywany, konwertowany, profanowany, niszczony a nawet rozbierany. Z jego dawnych, zabytkowych elementów wystroju wewnętrznego i wyposażenia nic się nie zachowało. Historia nie była dla niego łaskawa.

²⁵ (Za:) o Grzegorz Sosna, m. Antonina Troc-Sosna, *Cerkiewna własność ziemska na białostockim w XV-XX wieku. Zbiór materiałów, Diecezja warszawsko-bielska i białostocko-gdańska*, Orthdruk, Białystok 2004, s. 677-678

drzwi”.²⁶ Również w roku 1926 starosta białostocki S. Zaborowski przyjeżdża do Supraśla i razem z miejscowymi władzami dokonuje oględzin cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy. Cerkiew ta z polecenia starosty zostaje zamknięta na klucz a opiekę nad nim ma sprawować magistrat Supraśla. Starosta dokonuje także oględzin cerkwi św. Jana Teologa i poleca „zamknąć tymczasowo przez zabicie drzwi”.

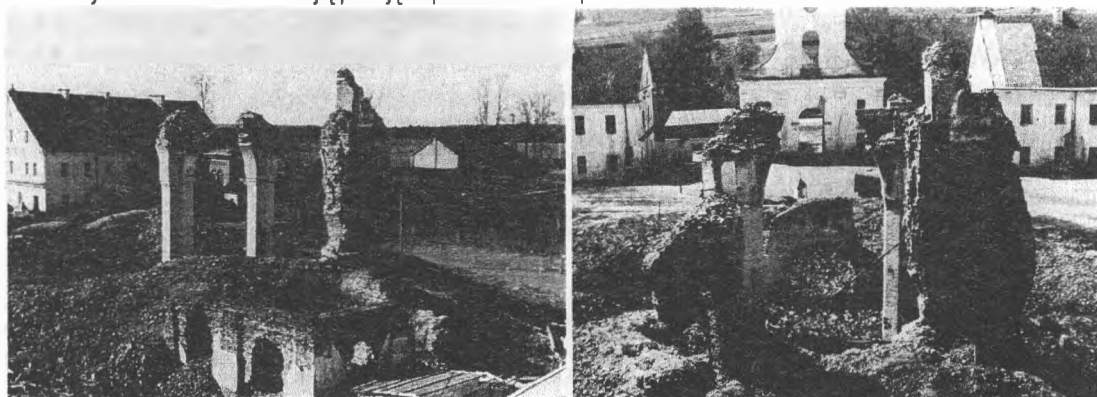
Duchowieństwu prawosławnemu zakazano osiedlania się w Supraślu. Dopiero w 1927r. zezwolono na obsługę duszpasterską w parafii dopuszczając doń duchownego z Wasilkowa²⁷. Nabożeństwa, mogły być sprawowane jednak w kaplicy cmentarnej Św. Jerzego, nie zaś w cerkwi Św. Jana Teologa. W 1935r. zespół monastyczny, decyzją władz administracyjnych, przekazano w dzierżawę zakonowi księży salezjanów, Towarzystwa św. Franciszka Walezego, zajmującego się prowadzeniem szkół dla zaniedbanej młodzieży²⁸.

Rysunek 5, 6 – Ruiny cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy po jej zburzeniu przez Niemców 23.07.1944r. Na słupach ocalałe freski (fot. W.Paszkowski).

W 1937 r. zdjęto z cerkwi prawosławne krzyże i zamieniono ją na salę gimnastyczną (sic!). Cerkiewne utensylia zostają wyniesione z cerkwi i przeniesione do Domu Ludowego w Supraślu.²⁹

Od 17.09.1939 r. aż do czerwca 1941r., klasztor był użytkowany przez Armię Czerwoną. Stał się garnizonem wojskowym. Był stale dewastowany i profanowany (sic!). W cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy urządzono warsztaty (kuźnię), a w cerkwi Św. Jana Teologa – kuchnię i stołówkę. W pomieszczeniach klasztornych zakwaterowano wojsko. W 1941 r., po wycofaniu się wojsk radzieckich i wkroczeniu Niemców, prawosławni, dzięki uporczywym staraniom proboszcza, otrzymali klucze od cerkwi. W 1943 r. powróciło do klasztoru 10 prawosławnych mnichów. Dnia 23.07.1944 r. wycofujący się z tych terenów okupanci niemieccy burzą cerkiew Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy. Ocalałe budynki klasztorne zostają przejęte przez władze państwowe.

Rysunek 7, 8 – Ruiny cerkwi Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy po jej zburzeniu przez Niemców 23.07.1944r. (fot. P. Kosiński 1947)

²⁶ Ibidem, s. 678

²⁷ W 1929 r. udało się uzyskać zgodę na stały pobyt kapłana ks. A. Mularczyka w Supraślu.

²⁸ W 1925 r. dzierżawią oni dwa budynki i 21,2 ha ziemi. Mają zawartą umowę na dzierżawę do 31 marca 1948 roku.

²⁹ Konsystorz Prawosławny w Grodnie oraz Zarząd klasztoru męskiego z siedzibą w Grodnie wytoczyli powództwo przeciwko Skarbowi Państwa i Rzymskokatolickiej Kurii Metropolitalnej w Wilnie.

W tym czasie toczy się ponownie spór o własność klasztoru i jego użytkowanie, o czym stanowi zachowana korespondencja, petycje i wydawane różne decyzje administracyjne³⁰. W dniu 1.06.1945 r. mnisi prawosławni zostają zmuszeni do opuszczenia klasztoru. W dniu 12.07.1945 r. Wojewoda Białostocki informuje Starostę Powiatowego w Białymstoku o korzystnej dla salezjanów decyzji i przekazaniu monasteru w posiadanie Towarzystwa Salezjańskiego w Supraślu³¹. Spór jednak nie ustaje, przybierając na sile. Spowodowane to było ich domaganiem się oddania im w posiadanie cerkwi Św. Jana Teologa³². Cerkiew ta pozostała w użytkowaniu prawosławnej parafii w Supraślu.

Na mocy ustawy z dn. 20.03.1950 r. klasztor przejęty zostaje przez Skarb Państwa. Sporządzono wówczas protokół w sprawie przejęcia nieruchomości monastycznej w Supraślu, dzierżawionej przez ks. ks. Salezjanów (nie podpisany przez właściciela majątku)³³. Na podstawie tego protokołu Prezydium Wojewódzkiej Rady Narodowej w Białymstoku przejmuje całą nieruchomość wraz z zabudowaniami na cele przewidziane ustawą o reformie rolnej. Przekazany zostaje Wydziałowi Szkolenia Kadr Urzędu Wojewódzkiego w Białymstoku. Od tego czasu w budynkach monastycznych mieściły się wszelkiego rodzaju szkoły.

Jedyną pozostałą cerkiew Św. Jana Teologa była obiektem o który zabiegano nadal, starając się ją przejąć w użytkowanie³⁴. W 1954 r. prawosławni zostają jednak zmuszeni do opuszczenia cerkwi³⁵, a w dn. 19.07.1957 r. przystąpiono do jej rozbiórki, o czym donosi PWRN Białymstoku do władz centralnych³⁶. Jest to kuriozalne postanowienie, obciążające moralnie zarówno istniejące władze administracyjne wojewódzkie, partyjne, jak i również ówczesnego Wojewódzkiego Konserwatora Zabytków. Albowiem wcześniej cerkiew ta, na mocy decyzji z dnia 16 lutego 1953 r., zostaje wpisana do rejestru zabytków pod nr: 1889-91, nr rej.: 25 (31). Rozbiórka obiektu trwała 3 dni i w wyniku konsekwentnego uporu proboszcza i wiernych, po interwencji Prawosławnego Metropolity Makarego u centralnych władz państwowych, została ona, na polecenie Urzędu ds. Wyznań, wstrzymana³⁷, a po wielu insynuacjach się interwencjach wiernych³⁸ ruiny świątyni zwrócono właścicielom. Po odbudowie i remoncie

³⁰ Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, Parafia Prawosławna w Supraślu 1944-1998, sygn. IV/104, s. 80, 90-92, 94, 100, 115-117, 120, 124-125 i inne

³¹ Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, Parafia Prawosławna w Supraślu 1944-1998, sygn. IV/104, s. 94

³² Archiwum Akt Nowych w Warszawie Metropolitalne Archiwum Prawosławne, t 1049

³³ Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, Parafia Prawosławna w Supraślu 1944-1998, sygn. IV/104, s. 77-78

³⁴ Charakterystyczne i kuriozalne pod względem motywacji wydaje się opatrzone klauzulą tajności pismo z 6.08.1954r. (L.dz. 135/54) wystosowane przez kierownika szkoły do PWRN w Białymstoku: „(...) w obecnej chwili Ośrodek nasz nie ma absolutnie modelarni i większej sali wykładowej, co moglibyśmy mieć przejęciu cerkwi. Znajdująca się na naszym terenie świątynia i to w ramach naszego obiektu utrudnia nam prowadzenie właściwego wychowania socjalistycznego człowieka, absorbuje uczniów w święta i dniach praktyk religijnych” (zob. Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, Parafia Prawosławna w Supraślu 1944-1998, sygn. IV/104, s. 60). Oficjalnym powodem było też użytkowanie przez wiernych parafii południowego wejścia do świątyni, wiodącego z dziedzińca monastycznego

³⁵ Utensylia zostały przeniesione do kaplicy cmentarnej Św. Jerzego w Supraślu. Z pisma wystosowanego w dn. 24.02.1955r. przez Samodzielnego Referenta do Spraw Wyznań PWRN do Urzędu ds. wyznań w Warszawie wynika, że utensylia te przeniesiono 21.02.1955r. Na prośbę wiernych parafii dokonano także translokacji innych urządzeń w cerkwi, które „oni na własny koszt wykonali (...) takie jak. 1/ piece kaflowe dwa, 2/ schody drewniane (wejście na chór), 3/ żelazne poręcze (które były przed ołtarzem i na chórce. 4/. Na powyższe przedmioty tut Referent wyraził zgodę w porozumieniu z referatem Organizacji Masowych KW PZPR (...). Zgodnie z oświadczeniem w/w w dniu 21.II.55 przedmioty kultu religijnego z cerkwi w Ośrodku Szkolenia Kadr i Mechanizacji Rolnictwa zostały przewiezione do kaplicy na cmentarzu (...)” Kapłani i wierni parafii, oddając świątynię do użytkowania szkole, nawet za cenę jej konwersji na cele niekultowe, chcieli uchronić ją przed zburzeniem. (Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, Parafia Prawosławna w Supraślu 1944-1998, sygn. IV/104, s. 57; Por. W.Makal, Eksmisja parafii prawosławnej z cerkwi Św. Jana Teologa, s.19, passim.)

³⁶ Ibidem, s. 43-44

³⁷ W piśmie z dn. 27.07.1957 do Urzędu do Spraw Wyznań w Warszawie poinformowano, że „w chwili obecnej dach jest już zniesiony całkowicie a na skutek deszczów poważnie zostały uszkodzone tynkowane sufity. Zdaniem tut. Wydziału koszt odbudowy tej cerkwi równałby się kosztowi wybudowania nowej o podobnych rozmiarach świątyni” (sic!). Potencja dalszej rozbiórki obiektu była jednak silniejsza. Urząd do Spraw Wyznań w Białymstoku ponownie kieruje pismo dn. 19.08.1957r. do Urzędu do Spraw Wyznań w Warszawie z prośbą o pozwolenie na dalszą rozbiórkę, motywując wolą przekazania przez szkołę „(...) na rzecz parafii prawosławnej w Supraślu cegły z rozbiórki jej cerkwi, celem pobudowania jej w innym miejscu”. Do pisma była dołączona notatka w której ujawnione były zamiary inwestycyjne Ośrodka Szkoleniowego. W 1957r. wykonana została i zaaprobowana przez władze (zapewne także konserwatorskie, bowiem obiekt wpisany został już 4 lata wcześniej do rejestru zabytków) dokumentacja projektowa przebudowy kaplicy na stołówkę dla młodzieży szkolnej. W notatce mówi się, że Ośrodek „rozpoczął przebudowę obiektu, zrywając dach i obalając krzyże na kaplicy (...)”.

³⁸ Jak informuje dokument (notatka) „(...) Zarząd Rolnictwa wysunął propozycję przeniesienia kaplicy prawosławnej do nieczynnego kościoła ewangelicko-augsburgskiego. Parafianie oświadczyli, że nie chcą cudzej świątyni. Biorąc powyższe pod uwagę, a szczególnie fakt, że ludność jest bardzo podrażniona, że przyjęcie kaplicy w 1954r. było nieprzemyślane przez Wydział do Spraw Wyznań w Białymstoku, a sprawa nie była skontaktowana na miejscu przed powzięciem ostatecznej decyzji proponując: a/ zwrócić przedmiotowy obiekt parafii prawosławnej w stanie obecnym, b/ nie udzielać parafii żadnych dotacji na remont obiektu pozostawiając jej doprowadzenie kaplicy do stanu używalności we własnym zakresie”. 15.01.1958r. sporządzono akt zdawczo-odbiorczy. Jednym z jego warunków było, że: „(...)1/ parafia prawosławna zaadaptuje obiekt na cele kultowe, wykonując osobne wejście do cerkwi od strony północnej (...)”. Parafia te zobowiązania wykonała.

Archiwum Akt Nowych w Warszawie Metropolitalne Archiwum Prawosławne, t 1049, nr 62, s.20-22.. Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, Parafia Prawosławna w Supraślu 1944-1998, sygn. IV/104, s. 30.

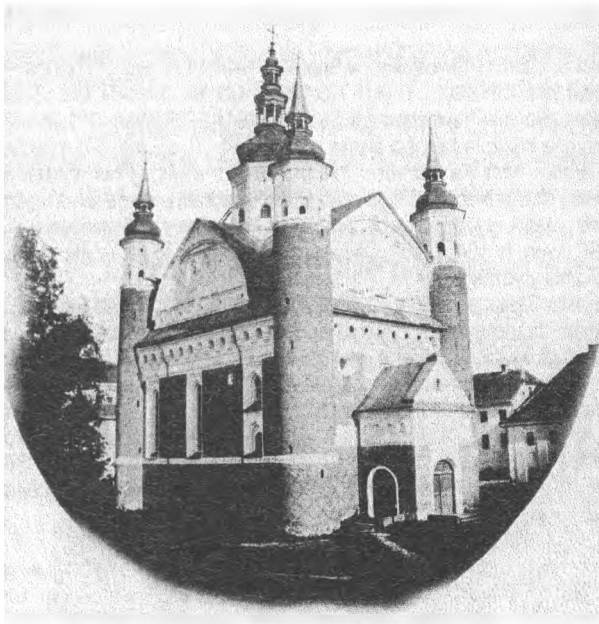
cerkwi odbyło się jej poświęcenie³⁹ w Święto Jana Teologa, dnia 9.10.1958r., przez prawosławnego ordynariusza Diecezji Białostockiej i Gdańskiej - arcybiskupa Tymoteusza oraz dziekana Wiaczesława Rafalskiego. Do lat 90. tj. do chwili przekazania przez władze państwowe zespołu monastycznego Polskiemu Autokefalicznemu Kościołowi Prawosławnemu trwał stopniowe remontowanie i wyposażanie cerkwi.

Dzięki staraniom arcybiskupa Sawy ordynariusza Diecezji Białostocko-Gdańskiej PAKP dnia 3.06.1984 r. został położony kamień węgielny pod rekonstrukcję katolikonu – cerkwi Zwiastowania NMP w Supraślu⁴⁰, która trwa do dnia dzisiejszego. W październiku tego roku został otwarty dom zakonny w budynku parafii, co stało się początkiem odrodzenia życia monastycznego. W 1990 r. w odzyskanym budynku poklasztorowym, przylegającym do cerkwi Św. Jana Teologa reaktywowano Męski Klasztor Prawosławny. Decyzją ówczesnego Szefa Urzędu Rady Ministrów Jana Rokity z 28.09.1993 r. monaster został przekazany prawosławnym. Przeprowadzono wówczas gruntowny remont także w cerkwi Św. Jana Teologa oraz pozostałe budynki klasztorne⁴¹.

3. Katolikon

Cerkiew monastyczna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy jest obiektem szczególnym. W nim ogniskuje się dorobek dziejowy wielu narodów, łączy wiele tradycji i wpływów. Tutaj dochodzi do niespotykanego na taką skalę zetknięcia chrześcijańskich kultur Wschodu i Zachodu. Poprzez prowadzoną już 20. lat jego rekonstrukcję, dokonuje się odbudowa wielopokoleniowego dziedzictwa Kościoła prawosławnego – materialnego i duchowego dowodu podtrzymywania ciągłości dziejów kultury narodów słowiańskich.

Cerkiew supraska, obiekt centralnie położony w całym założeniu monastycznym, tak jak liczne cerkwie Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony, Wołoszczyzny, Mołdawii czy Serbii, zaliczyć należy do grupy świątyń peryferii bizantyjskiej – architektury kulturowego pogranicza chrześcijańskiego Wschodu i Zachodu. Właśnie tutaj powstawały jedne z najciekawszych i nietypowych zarazem dzieł sztuki wschodnio-chrześcijańskiej ortodoksji, o niesłychanej różnorodności i wyrafinowanych formach, łącząc się z ugruntowanymi na stałe w tradycji prawosławia schematami sztuki architektonicznej kręgu bizantyjskiego.

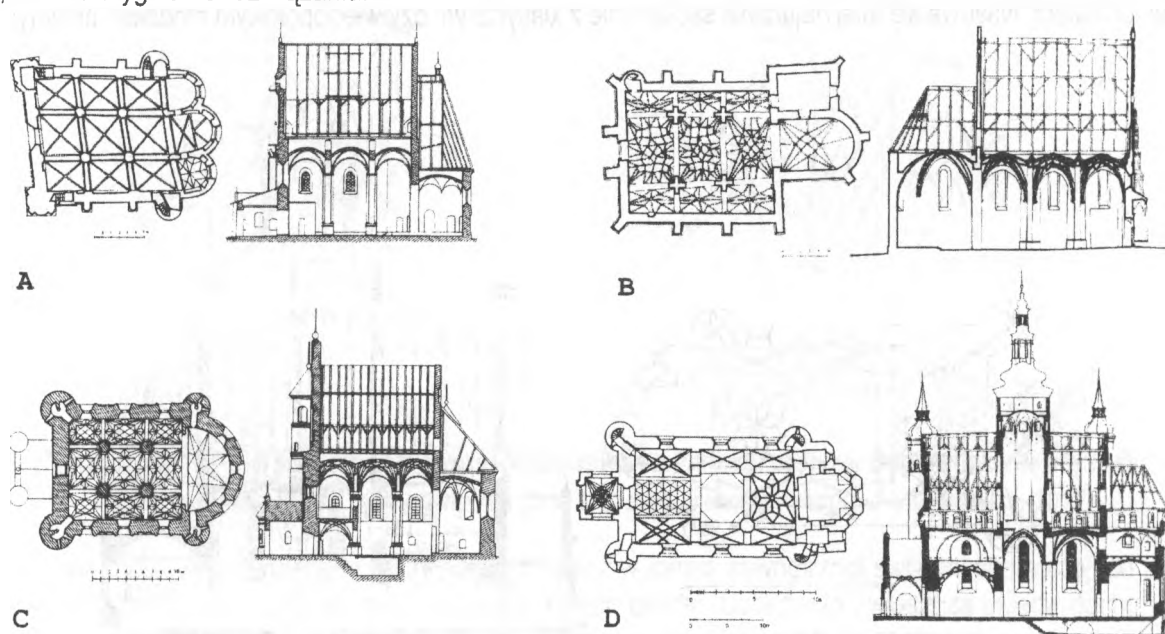
Rysunek 9, 10 – Cerkiew monastyczna Zwiastowania Najświętszej Marii Panny w Supraślu. Widok od strony północno-zachodniej (fot. Pietrow, 1864 r.) i północno-wschodniej (fot. St. Zaborowski).

³⁹ Poświęcenie cerkwi odbyło się w dniu 26.09.1958r., (w.) W. Rafalski, *Cerkownoje torzestwo w m. Supraśl. Cerkownyj wiestnik Organ. Kościoła Prawosławnego w Polsce.* Nr 10-11. Wydanie Warszawskiej Metropolii Prawosławnej, październik-listopad, Warszawa 1958r., s. 7

⁴⁰ Zob. dekret (w.) Archiwum Państwowe w Białymstoku Wydział Spr. Obyw. PUW w Białymstoku, *Parafia Prawosławna w Supraślu 1944-1998*, sygn. IV/104, s. 11.

⁴¹ *Archiwum Diecezjalne w Białymstoku Prawosławnej Diecezji Białostocko-Gdańskiej w Białymstoku, Okólnik z dn. 2.10.1993r. nr 157/93, maszynopis.*

Komponent bizantyjski, zakodowany głównie w układzie strukturalnym budowli opartej o schemat 9. połowej świątyni krzyżowej lub krzyżowo-kopułowej, trójdzielnej, w układzie całej świątyni jak i jej trójasydialnej części, przyswajał tutaj różne konwencje stylistyczne właściwe dla kulturowego klimatu miejsca gdzie powstawał, dając nowe, bardzo oryginalne rozwiązania.

Rysunek 11 – Cerkwie bizantyjsko-gotyckie typu warownego XV-XVII w. - typologia porównawcza. Rzuty i przekroje świątyń. A – cerkiew w Synkowiczach, B – cerkiew w Kodniu; C – cerkiew w Małomożejkwie (Murowance); D – cerkiew Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu.

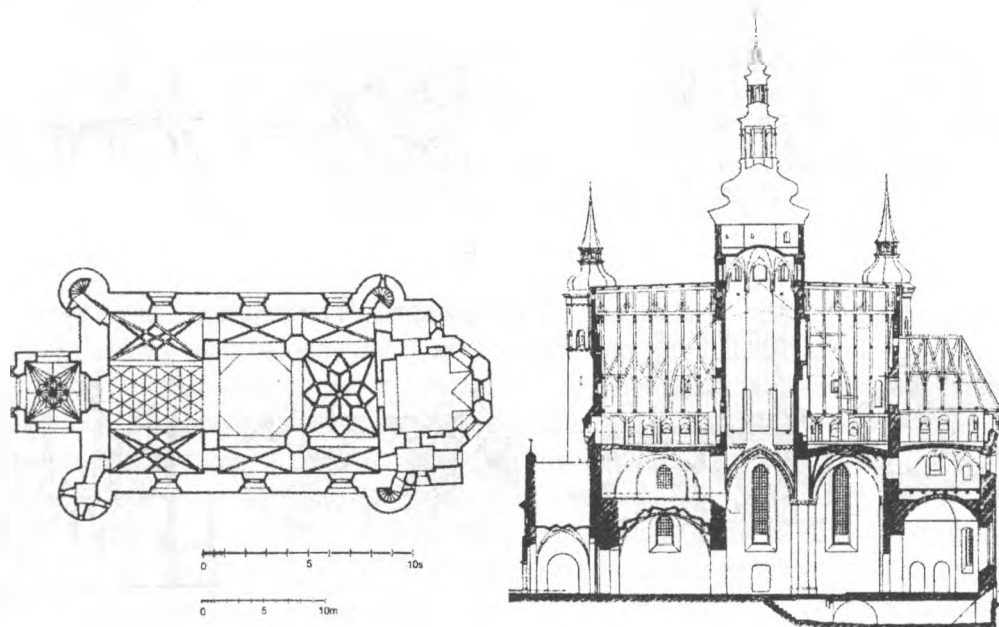
Cerkiew supraska zaliczana jest również do grupy obiektów sakralnych inkastelowanych; jest obiektem obronnym. Niejednokrotnie wymieniana jest ona wespół z cerkiewiami w Małomożejkwie, Synkowiczach, Wilnie (Świętej Trójcy), Nowogródka (Św. Św. Borysa i Gleba), Brześciu (Św. Mikołaja), Kodniu (Świętego Ducha), Posadzie Rybotyckiej, Sutkowcach czy Zimnem. Do grupy świątyń inkastelowanych tych ziem i z tego okresu, należą także kościoły rzymskokatolickie w Komajach i Iszkoldzi oraz zbory ewangelickie w Smorgoniach i Ostaszynie. Obronność ta stała się cechą ponadkonfesjonalną.

W grupie tej należy wyróżnić świątynie o bizantyjsko-gotyckiej proveniencji. Takie obiekty spotykamy na Pińszczyźnie, Podolu (Rohatyn), Wołyniu (Ostróg), jednak tymi najbliższymi genetycznie i stylistycznie, ułożonymi nieopodal Supraśla, są cerkwie w Małomożejkwie (Murowance) i Synkowiczach. Obiekty te dają się ująć w odrębną grupę stylistyczną o podobnym typie architektoniczno-konstrukcyjnym budynku obronnego, bazylikowego, oflankowanego czterema wieżami. Korzeni tego charakterystycznego typu należy poszukiwać w gotyku wileńskim.

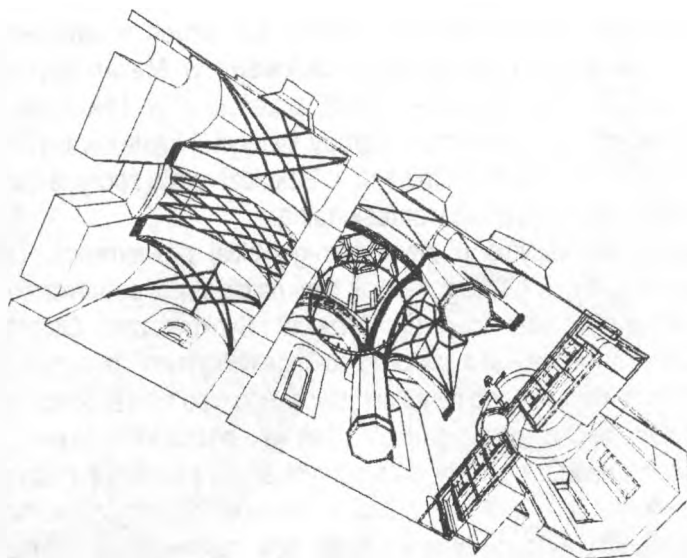
Katholikon supraski jest fenomenem w tej grupie⁴². Tak jak pozostałe cerkwie, ma wiele cech architektury zachodniej, do których niewątpliwie zaliczyć należy: późnogotyckie typy sklepień krzyżowo-żebrowych, kryształowych, gwiaździstych i gwiaździsto-sięciowych, ostrołuki portali i otworów okiennych, wątki murów, charakterystyczne dekoracje rombów, czy choćby użytą do ich budowy cegłę (tzw. palcówkę – o wymiarach 8x15x30 cm). Jest też zbliżona w geometrii planu i podział na trzy nawy i flankowanie prostokątnego rzutu czterema wieżami. Ale na tym ich podobieństwo się kończy. Zasadnicze różnice, występujące w układzie przestrzennym świątyń, a zarysowują się już w ich rozplanowaniu.

⁴² Katholikon był pod względem struktury przestrzennej obiektem trójnawowym w ujęciu poprzecznym i trójdzielnym w ujęciu podłużnym. Składał się z pronaosu, naosu i trójdzielnego sanktuarium, a w nim hieratejonu oraz dwu pastoforiów: prothesis i diakonikonu. Ponad przęsłem środkowym wznosiła się kopuła na wysokim ośmiobocznym tamburze, przewyższającym swą wysokością ponad dwukrotnie wysokość naw bocznych oraz na sferycznych pendentywach, a dalej na 4 łukach, 2 filarach centralnych (od wschodu) i murze chóru (od zachodu). Ponad hieratejonem znajdował się skarbiec, a pod nim i pod środkowym przęsłem naosu – krypta. Sklepienie centralne kopuły było typu półsferycznego z lunetami, hieratejonu – typu sklepienia czeskiego na planie ośmioboku i pastoforiów – typu sklepień czeskich na planie prostokątnym. Przęsło wschodnie naosu było przekryte sklepieniem gwiaździstym na planie gwiazdy ośmioramiennnej, boczne zaś – sklepieniami krzyżowo-żebrowymi. Pronaos miał sklepienia kryształowe w części centralnej zaś gwiaździsto-sięciowe – w polach przyściennych.

Plan cerkwi w Supraślu jest bardziej wydłużony na osi wschód-zachód⁴³. Znacznemu zmniejszeniu uległa szerokość naw bocznych, na rzecz poszerzenia nawy środkowej i zrównania jej szerokości do podłużnych rozpiętości międzysłupowych (co w konsekwencji utworzyło pseudotransept). Miejsce trzynawowej bazyliki zajęła tutaj bazylika o układzie krzyżowo-kopułowym, a więc budowla centralna, stojąca w sprzeczności z gotycką konstrukcją przestrzenną zachodnich katedr. Nasuwa się tutaj naturalnie skojarzenie z klasycznym dziewięciopółowym modelem bizantyjskim.

Rysunek 12, 13 – Cerkiew monastyczna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu. Rzut przyziemia i przekrój podłużny (oprac. na podst. obmiarów i rekonstrukcji P.P. Pokryszkina, 1909 r.)

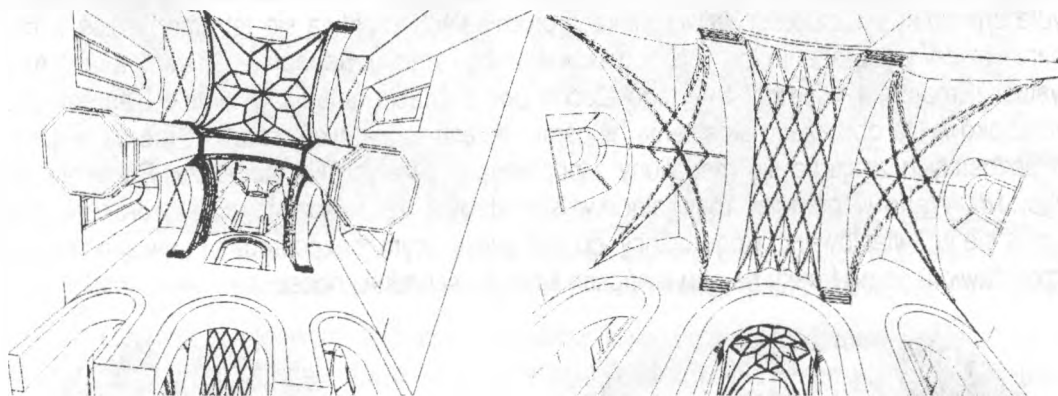

Rysunek 14 – Cerkiew monastyczna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu. Aksonometria (rekonstr.: J.Uścińowicz, 2011)

Dominujący, centralnie położony, bardzo wysoki jak w cerkwiach włoskich XVIw. (w Neamt, Suczawie czy lassach) oktagonalny bęben z kopułą, przy znacznie obniżonym poziomie pozostałych sklepień, daje wyraźnie centralny układ wnętrza, w którym kierunek z zachodu na wschód, od wejścia ku absydzie prezbiterialnej nie jest już tak wyraźnie nakreślony jak w katedrach o układzie bazylikalnym. Panuje tutaj, charakterystyczny dla Wschodu, ruch cyrkularny, wokół jednego wyraźnie zaznaczonego centrum - przestrzeni pod kopułą. Dyspozycja koncentryczna przestrzeni bierze tutaj górę nad jej układem linearnym, który ma miejsce w katedrach romańskich i gotyckich chrześcijańskiego Zachodu.

⁴³ Cerkiew supraska była obiektem orientowanym, z niewielkim odchyleniem prezbiterium ku stronie północnej

Zwraca również uwagę charakterystyczny podział przestrzeni wewnętrznej cerkwi na część: prezbiterialną z trójboczną absydą, naos oraz pronaos (z położonym nad nim chórem). Część ołtarzowa ma tutaj bizantyjski, trójdzielny układ - wyraźnie dominujący hieratejon z bema oraz dwa pastoforia: prothesis i diakonikon – niezbędne do sprawowania liturgii w Cerkwi prawosławnej.

Rysunek 15, 16 – Cerkiew monasteryczna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu. Widok sklepień naosu oraz pronaosu (tzw. trapezy), (rekonstrukcja: J.Uścińowicz, 2011)

Krzyżowo-kopułowy układ wnętrza ujawnia się również w formie zewnętrznej świątyni supraskiej, co znacznie odróżnia ją od pozostałych, podłużnych, czterowieżowych cerkwi. Dotyczy to zwłaszcza układu dachu, którego główny korpus został przecięty poprzecznie przebiegającym przekryciem oraz centralnie położoną 5-tą wieżą, doświetlającą klasycznie podniebienie kopuły świątyni. Pojawienie się jej jest wśród pozostałych obiektów obronnych istotną osobliwością. Dotąd obiektu o takiej dyspozycji przestrzennej w historii architektury nie było.

Wyjątkową wydaje się być ikonografia kathedriki w sposób harmonijny zespolona ze strukturą liturgiczno-przestrzenną świątyni, ikonografia genetycznie wywiedziona z kręgu kultury bałkańskiej XVIw. Nie znamy ikonografii absydy prezbiterialnej cerkwi oraz pastoforiów, bo one zostały bezpowrotnie zniszczone w XVIIw. w czasach unickich monasteru, kiedy to cerkiew traci stopniowo swój pierwotny charakter świątyni prawosławnej. Część unikalnych fresków zostaje wtedy zasłonięta, część zamalowana, a część zniszczona, przy zakładaniu nowej dekoracji stiukowej ścian. Wówczas też świątynia traci pierwotny ikonostas, zamieniony w 1664r. na późnorennesansowy (w właściwie już barokowy) i zmienia się też całkowicie wystrój świątyni, upodabniając do wystroju wewnątrz kościołów łacińskich. Powstają boczne ołtarze, nowa ambona, balkon chóru.

Do naszych czasów przetrwało jedynie 30 fragmentów dawnych fresków, eksponowanych obecnie w supraskim Muzeum Ikon. Stanowią one żywą pamięć o wyjątkowym zespole pobizantyjskich malowideł ściennych poł. XVIw. wykonanych, według Kroniki Ławy Supraskiej, przez artef kierowany przez serbskiego mnicha „Serbina Nektarija Malera”, hipotetycznego autora słynnej hermenei - typikonu (*Типикон еп. Нектарія «от сербьбъскій земли от града Велеса» - до 1584*)⁴⁴. Będzie on w swojej strukturze ikonograficznej oraz swoim stylu, związku z pierwotną architektoniką wnętrza oraz z pierwotnym XVIw. ikonostasem - zrekonstruowany. Planuje się również transfer wybranych spośród ocalałych po zburzeniu świątyni w 1944r. fresków na ich pierwotne miejsce – na słupy, łuki i ściany świątyni. Stanowią one nadal obiekty kultu religijnego, ikony szczególnie czczonych przez prawosławnych świętych i męczenników. Powinny pełnić swoją kultową funkcję również współcześnie. Odpowiednio eksponowane, wyodrębnione spośród pozostałych, współcześnie rekonstruowanych ikon, stanowią żywe świadectwo historii Kościoła w jego misji przemiany i zbawienia świata i człowieka.

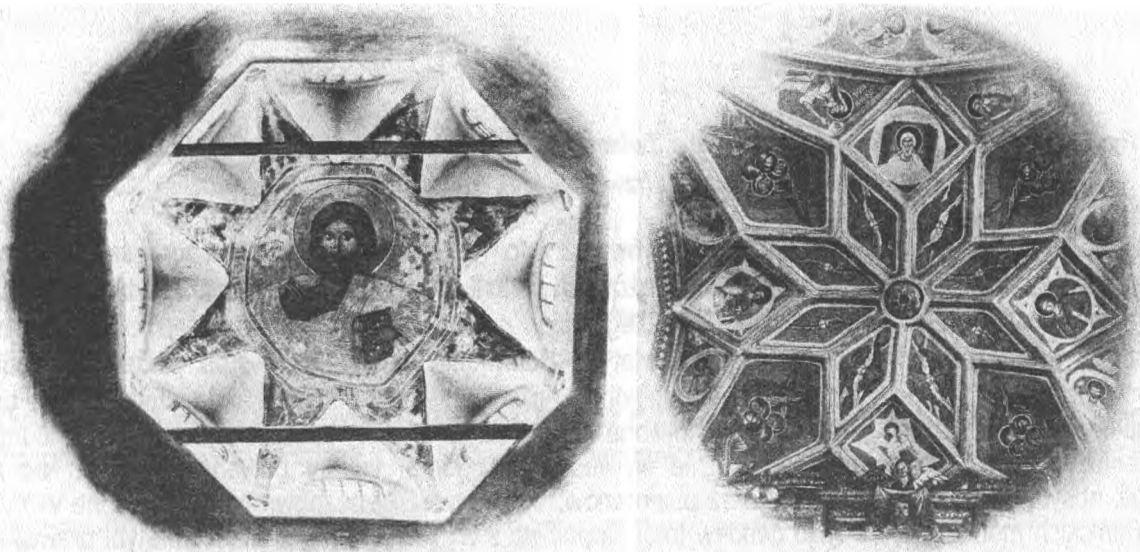
Istotną osobliwością, niespotykaną gdzieindziej na taką skalę, jest syntetyczne zespolenie prawosławnej ikonografii z geometryczną strukturą sklepień, w szczególności kopuły wieńczącej oraz wschodniego sklepienia gwiazdźstego naosu, położonego ponad soleją, przed ikonostasem.

Kopułę wieńczącą stanowi charakterystyczna ośmioramienna⁴⁵ gwiazda uzyskana z przecięcia geometrii

⁴⁴ „Serb Nektarije, malarz” znany jest nie tylko jako autor supraskich ikon i fresków. Słusznie przypisuje mu się także autorstwo podręcznika malarstwa – hermenei. Zob. Петров Н. И. Типикон и церковном и о настенном письме еп. Нектарія из серб. града Велеса 1599; S. Petković, Nektarije Srbin, slikar XVI veka, „Zbornik za likovne umetnosti Matice srpske”, Novi Sad 1972, 8, s. 211-226

⁴⁵ Przypomnijmy też, że ośmiobok, wywodzony z konfiguracji liczbowej 8 jest symbolem doskonałości, nieśmiertelności, zmartwychwstania, „ósmego dnia” – jako dnia zbawienia, nieskończoności, „ósmej sfery niebieskiej”...etc. Jest też uobecnieniem liczby osób uratowanych w Arce Noego, uznanej za prefigurację Kościoła. Jest wreszcie symbolem chrztu, który ściśle wiąże się z życiem, śmiercią i zmartwychwstaniem, mającymi swój praobraz w Chrystusie. Geometria oktagonu oraz figury gwiazdy ośmioramiennej jest niejednokrotnie kojarzona z „Gwiazdą Betlejemską” i Kościołem, który jako „gwiazda przewodnicząca” wskazuje drogę ku zbawieniu – życiu w wieczności „ósmego wieku”, w „ósmym niebie”.

półsferycznej koloty z 8. lunetami, ze wspaniałą ikoną Pantokratora w jej centrum oraz z sześcioskrzydłymi serafinami - w ramionach gwiazd (ryc. 17). Sklepienie wschodnie naosu stanowi natomiast sklepienie gwiaździste, również ośmioramienne, o 24 polach wypełnionych freskami, rozdzielonych przez żebra. Pośrodku, w ośmiu rombach przedstawiono anioły najwyższej triady w porządku hierarchicznym: sześcioskrzydłe serafiny i czteroskrzydłe cherubiny. W czterech czworobokach-promieniach znajdują się tetramorfy; zaś w czworokątach pomiędzy nimi - cztery wyobrażenia: od zachodu Odwiecznego Dnia Sabaotha, Chrystusa-jako Anioła Wielkiej Rady, Chrystusa Emanuela i symbol Świętego Ducha pod postacią gołębia w nimbie i aureoli zbudowanej z dwóch czworoboków. Na obrzeżach sklepienia, w ośmiu polach trójkątnych: serafiny, prorok Izajasz i Ezechiel. W czterech pozostałych znajdują się medaliony z popiersiami świętych Hermolausza, Pantelejmona, Kosmy i Damiana (ryc. 18). Warto wspomnieć rozwijając kwestię ideową, że połączone wizje proroków Izajasza i Ezechiela, realizują się w Zwiastowaniu Bogurodzicy, co jest ewidentnym, bezpośrednim nawiązaniem do wezwania świątyni, przedstawionego na fresku na obu krańcach ściany wschodniej naosu.

Rysunek 17, 19 – Cerkiew monastyczna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu. Kopuła wieńcząca z lunetami oraz gwiaździste sklepienie wschodnie. (fot. Pietrowa, 1864 r.)

Niezwykłe połączenia architektoniki budynku z ikonografią mamy również na jej pozostałych sklepieniach, łukach, gurtach sklepiennych, pendentywach, filarach głównych i ścianach naosu⁴⁶. Hierarchiczny, zstępujący porządek bizantyjskich programów ikonograficznych⁴⁷, który zastosowano w świątyni, zespolił się tutaj z oryginalną tektoniką świątyni krzyżowo-kopułowej w jej oprawie gotyckiej. W odróżnieniu do świątyń łacińskich, w których za czasów Jagiellonów⁴⁸ zrealizowano w XVw. malowidła bizantyjsko-ruskie, gdzie musiało dojść do poważnych modyfikacji tych programów, cerkiew supraska ma układ kanoniczny.

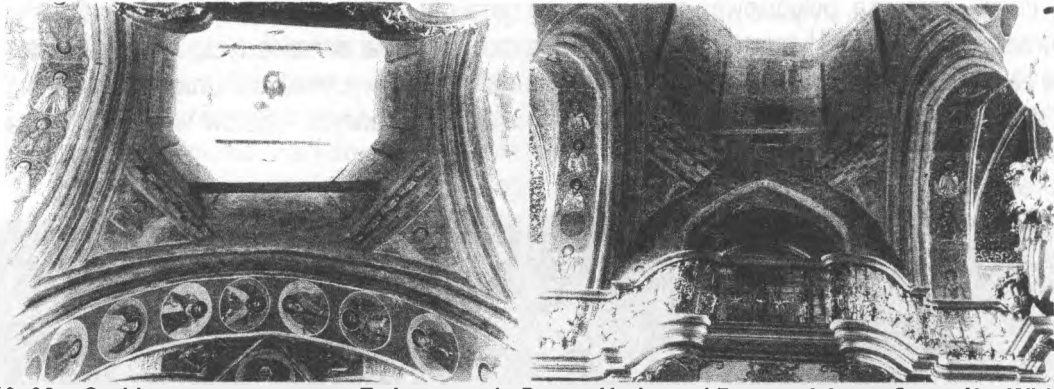
Zob. Jerzy Uścińowicz. *Symbol, archetyp, struktura – hermeneutyka tradycji w architekturze świątyni ortodoksyjnej*. Dział Wydawnictw i Poligrafii Politechniki Białostockiej, Białystok 1998

⁴⁶ Freski w prezbiterium zostały zniszczone niestety po przejęciu klasztoru przez unitów. W 1771r. w prezbiterium, podczas wykonywania dekoracji stiukowej, zbito tynki z malowidłami. Prawdopodobnie również – co można wnosić po analizie programu ikonograficznego świątyni – wyobrażenia scen i postaci występowały także w pastoforiach i na chórze. Taka była tradycja ikonograficzna Kościoła wschodniego.

⁴⁷ W schemacie bizantyjskim cerkiew kopułowa lub krzyżowo-kopułowa prócz najważniejszej funkcji liturgicznej, odzwierciedlała stworzony przez Boga Kosmos. Jej dośrodkowa dyspozycja wyrażała teocentryczny porządek świata. Od centralnej kopuły ku dołowi w porządku hierarchicznym bytów następowały po sobie tematy - ponadczasowe w partii sklepień, poniżej historyczne, ziemskie. Hierarchia szeregowała poszczególne cykle: wydarzeń ewangelicznych, obrazy dotyczące Kościoła i świętych, odnoszących się do chwili obecnej, zwykle związanej z fundatorem. Stałym wątkiem był wątek doksologiczny - wieczna chwała Stwórcy w czaszy kopuły, poniżej w bębnie - prorocy. W nawie cerkwi cykl ewangeliczny, a w sanktuarium tematy eucharystyczne. W najniższych partiach znajdowały się wątki dodatkowe zależne od wezwania i funkcji kościoła.

⁴⁸ Dzięki aktywności fundacyjnej króla Władysława Jagiełły wprowadzono monumentalną ikonografię prawosławną do kaplicy zamkowej Świętej Trójcy w Lublinie. Kaplicy Manackiej i Świętej Trójcy w katedrze krakowskiej, kaplicy opactwa benedyktyńskiego na Łyścu, kolegiaty w Sandomierzu, kolegiaty w Wiślicy czy nawet w archikatedrze w Gnieźnie. Z fundacji Jagiełły zachowały się trzy obiekty: w Lublinie, Sandomierzu i Wiślicy. Z fundacji Kazimierza Jagiellończyka - kaplica Świętego Krzyża na Wawelu. Halowe kolegiaty mają wschodnią dekorację malarską tylko w prezbiteriach. Jedynym wcześniejszym śladem ruskiego malarstwa ściennego była nie zachowana fundacja księcia Konrada Mazowieckiego w kościele Świętej Trójcy w Błoniu.

Por. Kaplica Trójcy Świętej na Zamku Lubelskim. Historia, teologia, sztuka, konserwacja. Materiały sesji zorganizowanej w Muzeum Lubelskim 24-26 kwietnia 1997r. Muzeum Lubelskie w Lublinie 1999 (praca zbiorowa pod red. B.Paprockiej i J.Siła)

Rysunek 19, 20 – Cerkiew monastyczna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu. Widok wnętrza świątyni z freskami partii wieńczącej od strony zachodniej i wschodniej. (stan z 1909r., fot. P.P.Pokryszkina)

Zasadniczym przesłaniem ideowym suparskich fresków było uobecnienie wielkiej tajemnicy Wcielenia. Nawiązywało to w sposób bezpośredni do wezwania świątyni – Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy.

W układzie hierarchicznej struktury ikonografii świątyni suparskiej dominował umieszczony w kopule Pantokrator w otoczeniu bytów subtelnych – głoszących chwałę bożą serafinów (w lunetach) i poniżej nich naprzemiennie umieszczonych już na ścianach podkopułowego bębna cherubinów i aniołów⁴⁹. Poniżej namalowani byli zapowiadający Wcielenie prorocy, apostołowie i ich uczniowie, którzy dostąpili godności biskupiej, a dalej w kolejnym rzędzie tego bębna postaci męczenników, którzy swe ziemskie życie oddali za wiarę i wreszcie biskupi jako przewodnicy i nauczyciele wiemych Kościoła ziemskiego. Poniżej, na żagielkach widniały symbole ewangelistów: lew Św. Jana, orzeł Św. Marka, anioł Św. Mateusza i wół Św. Łukasza.

Wątkiem łączącym program ikonograficzny kopuły i bębna z programem hieratejonu, w którym zapewne ulokowano na ścianach przedstawienie służby Św. Ojców Cerkwi a ponad nią w partii sklepiennej ponad bema – Bogurodzicę Orantę, była wcześniej już przedstawiona ikonografia sklepienia wschodniego naosu – umieszczona w ośmioramiennej gwiazdzie betlejemskiej prorocza zapowiedź i spełnienie się Bożego Wcielenia.

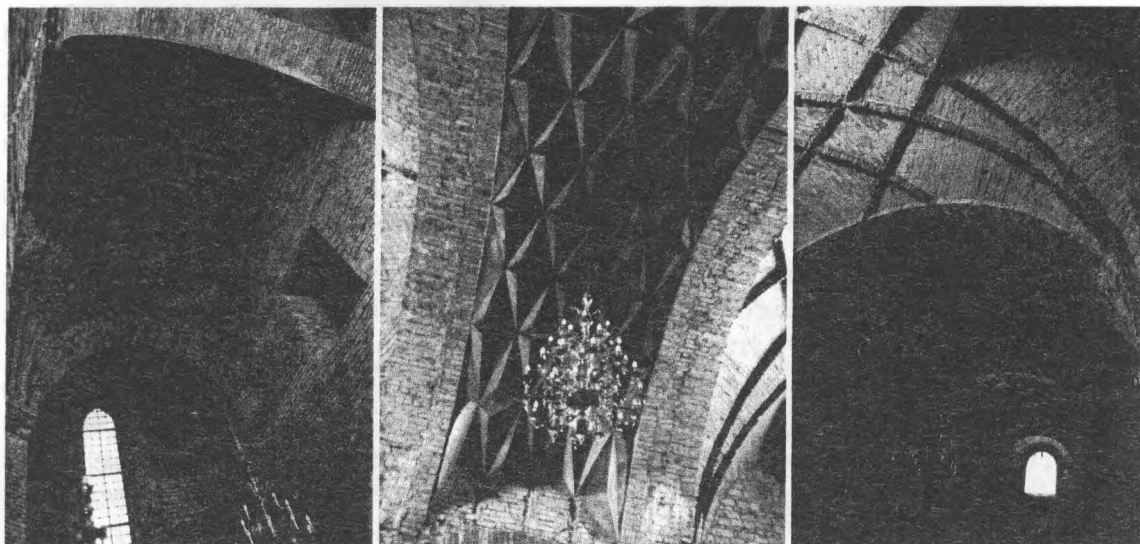
Rysunek 21–24 – Niektóre z ocalałych fresków cerkwi monastycznej Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu – Św. Kallinik, Św. Leoncjusz, Św. Dymitr i Św. Nikita, eksponowane obecnie w Muzeum Ikon (stan z 2011 r., fot. J. Uściniowicz)

⁴⁹ Byty subtelnne traktowane są w teologii ortodoksyjnej jako „drugie światło”, czy też „wtórne światła” i „koncentracja czystego Światła Bożego”. Są bytami świętymi, gdyż żyją w świetle Bożym, są jego nośnikami i stanowią jego odbicie. Por. Paul Evdokimov, *Sztuka ikony - teologia piękna*, (...) „Novum” 1-2/1984, s. 6 oraz tenże, *L'Orthodoxie*, op. cit., s. 258.

Chóry anielskie to tzw. „górne siły”, angelologiczne uobecnienie sił niebiańskich aniołów w ich dziewięciu chórach: Serafinów, Cherubinów, Tronów, Panowań, Zwierzchności, Władzy, Mocy, Archaniołów i Aniołów.

Aniołowie to doskonali wysłannicy i pośrednicy pomiędzy Absolutem i światem stworzonym. Przekazują światłość transcendencji. Jak mówią święci Ojcowie Kościoła, niestworzone światło Łaski Boskiej otrzymujemy właśnie za ich pośrednictwem – skoncentrowanego „drugiego światła” Bożego. Mówi o tym choćby św. Dionizy Areopagita. To siły anielskie jako wtórne czy drugie światła niosą światło Boskiej Łaski, oświecającej i ochraniającej świątynię przed przeniknięciem doń „duchów mroku aniołów upadłych”.

Ściany naosu: północna, południowa i zachodnia ukazywały w dwu rzędach przedstawienia 2 wątków chrystologicznych oraz przedstawienie Hymnu Akatyst. Pierwszy z nich ilustrował ziemskie życie Jezusa Chrystusa w układzie chronologii liturgicznej oraz czytania na dwie niedziele po Jego Zmartwychwstaniu. Drugi natomiast przedstawiał tajemnice i dokonania Wcielenia. Pozostałe partie ścian, łuków sklepiennych i filarów wypełniały postaci świętych i męczenników za wiarę.

Rysunek 25–27 – Wnętrze cerkwi monastycznej Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu. Sklepienie gwiazdźdźiste naosu oraz kryształowe i sieciowe sklepienia pronaosu. Stan istniejący (fot. J.Uściniowicz)

Rysunek 28–30 – Widoki cerkwi monastycznej Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu od strony zachodniej, północnej i wschodniej. Stan istniejący (fot. J.Uściniowicz)

Resume

Rekonstruowana gotycko-bizantyjska, prawosławna cerkiew monastyczna Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu jest świątynią wyjątkową. Jej ranga ustalona przez funkcję sakralną oraz rozwiązanie architektoniczne, ikonograficzne i krajobrazowe, czyni z niego ważny ośrodek kultu i kultury. Stanowi niewątpliwie znak sacrum w przestrzeni miasta i okolicy. Jest obiektem szczególnie cennym nie tylko dla Podlasia i nie tylko dla Polski. Jest ewenementem na skalę światową. Jest symbolem.

Ma ona ogromną wartość historyczną, naukową i artystyczną. Jest bez wątpienia obiektem wybitnym pod względem swojej architektury i pozostałej po nim – choć w formie szczątkowej – ikonografii. Stanowi ważny element monastycznego zespołu sakralnego Klasztoru Męskiego Zwiastowania Przenajświętszej Bogurodzicy w Supraślu - Ławy Supraskiej. Obok Klasztoru Żeńskiego Św. Sw. Marty i Marii na Świętej Górze Grabarce oraz Klasztoru Męskiego Św. Onufrego w Jabłecznej należy on do najważniejszych sanktuariów prawosławnych w Polsce i jednym z najważniejszych centrów pielgrzymkowych położonych na pograniczu polsko-litewsko-białorusko-ukraińskim.

Pełna rekonstrukcja wszystkich dawniej istniejących walorów wnętrza świątyni umożliwi braci zakonnej oraz ogółowi wiernych Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego spełnienie ich podstawowych potrzeb kulturowych. Pozwoli na zrealizowanie ich wieloletnich wysiłków i aspiracji kulturowych i historycznych. Da możliwość odtworzenia utraconego przez nich dziedzictwa, którego źródłem i nośnikiem wartości była przez prawie 5 wieków swojego istnienia. Zainteresowanie obiektem, ilość przybywających tu pielgrzymów z kraju i z zagranicy, ilość zwiedzających ją różnych ważnych delegacji naukowców i turystów – świadczą o wielkiej potrzebie jak najszybszego przywrócenia jego podstawowych funkcji jako obiektu kultu religijnego prawosławia.

УДК 711.73:629.331

Фоменкова С.Ф.

ОРГАНИЗАЦИЯ СТОЯНОК ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются вопросы развития транспортной инфраструктуры на различных исторических этапах и проблема хранения индивидуальных транспортных средств. Анализируются причины и пути возможного решения развития инфраструктуры, связанного с возрастающим уровнем автомобилизации в городах. С ростом автомобилизации стоящие автомобили меняют облик традиционных районов жилой застройки. Попытки придать организованый характер хранению автомобилей сказываются на планировке населенных пунктов. Проблема заключается в нехватке места для движущихся автомобилей; в загрязнении окружающей среды; в больших капитальных вложениях, необходимых для приспособления системы расселения к автомобильным потокам и к местам их парковки. Рост уровня автомобилизации требует увеличения количества мест для временного и постоянного хранения автомобилей. Без решения этой проблемы невозможно формирование комфортной и безопасной среды обитания горожан.

The article examines the issues of development of transport infrastructure at different historic stages and the problem of keeping individual vehicles. It analyzes the reasons and ways of possible solution to infrastructure development connected with the growing level of automobilization in towns and cities. With the automobilization growth the parked automobiles change the appearance of traditional areas of residential building-up. The attempts to add organized character to keeping vehicles tell on the lay-out of inhabited localities. The problem lies in the lack of space for moving vehicles, polluting the environment, big capital investments necessary to adapt the system of settling in new places to vehicle flows and to places of their parking. The growth of automobilization level demands the increase in the number of places for temporary and continuous keeping vehicles. Without the solution to this problem the formation of comfortable and safe environment for townspeople dwelling is impossible.

Введение. Одной из наиболее актуальных градостроительных проблем является перенасыщение городов автомобильным транспортом.

В последние годы в Республике Беларусь резко увеличился уровень автомобилизации населения (за последние 20 лет он вырос в 2–3 раза), что вызвало серьезные транспортные и экологические проблемы. Однако, как свидетельствует опыт европейских стран, уровень автомобилизации населения будет увеличиваться и дальше (в развитых европейских странах он составляет 500 автомобилей на 1000 жителей).

Основная часть. Развитие транспортной инфраструктуры, обслуживающей системы производства, расселения, удовлетворения культурно-бытовых потребностей населения, подразделяется на несколько этапов:

- пешеходные передвижения, простейшие средства (плоты, лодки, вьючные животные);
- колесницы, повозки, простейшие парусные суда;
- кареты, omnibusы, парусники, средства навигации;
- пароходы, железные дороги, паровые трамваи;
- электрические железные дороги, трамваи, метрополитены;
- автомобильный транспорт.

Каждый из указанных этапов датировался конкретным временем и характеризовал достигнутый уровень производства и системы расселения. Уровень транспорта, его возможность перевозить грузы и людей влиял на степень разделения труда, его производительность и способ жизни.

На первых порах транспортная инфраструктура из-за её слабого развития тормозила рост хозяйства и образование централизованных государств. Из старых летописей известны первые проблемы транспорта: чрезвычайная опасность поездок, перевозок на несовершенных средствах (вьючные животные, повозки, лодки); необходимость приспособления к естественным условиям (реки, броды, возможность передвигаться по болотным местам только зимой); малая транспортная подвижность.

Более развитая транспортная система, состоявшая из относительно совершенных карет, парусных судов, сети сухопутных укрепленных покрытиями дорог имела свои трудности: потребность в значительных материальных и людских ресурсах для транспортных работ (дорожное строительство в Римской и Персидской империях), необходимость снабжения все возрастающих городов (Рим, Вавилон и др.), явившаяся причиной появления первых правил движения в Риме, запрещавших въезд с грузами в центр города днём; во времена карет возникли проблемы, связанные с загрязнением окружающей среды (шум колёс, навоз на улицах), передвижения на большие расстояния были труднодоступными, опасными и дискомфортными.

Проблемой было хранение транспортных средств (карет, повозок) и содержание лошадей. Сохранившаяся планировка исторических городов и крепостей показывает, что конюшни соседствовали с жильем. Каретные сараи, конюшни и склады фуража занимали значительную часть территории города. От них освобождались только центральные улицы, площади и дворцовые комплексы. Кареты требовали не меньше места, чем современные автомобили.

Транспортные проблемы, в том числе потребность в стоянках транспортных средств решались при помощи иерархических систем. В зависимости от этого менялись взгляды на организацию движения и его правила. В настоящее время иерархический перечень транспортных средств возглавляет человек, что накладывает отпечаток на развитие транспорта.

Автомобиль является идеальным транспортным средством, обеспечивающим возможность передвижения «от двери до двери» на большие расстояния.

Трудности и проблемы автомобилизации в настоящее время заключаются в следующем: нехватка места для движущихся и стоящих автомобилей; большие капитальные вложения, необходимые для приспособления системы расселения к автомобильным потокам; аварии; недостаток энергетических ресурсов; загрязнение окружающей среды.

В методах решения проблем стоящих автомобилей, очевидны некоторые этапы, определяемые уровнем автомобилизации, ролью отдельных видов транспорта. Все это отражается в идеях планировки, реконструкции городов, методах организации движения. В современных городах оставили след периоды развития автомобильного транспорта.

1. Игнорирование автомобилей в начальной стадии их появления. Делалась попытка ничего не менять в пользу появившегося нового вида транспорта, его распространению и прониканию противопоставить запреты, ограничения.

2. Эйфория от открывающихся возможностей в 20-е годы XX века. Считалось, что приспособление к требованиям автомобилизации по сути дела не потребует коренной реконструкции улично-дорожных сетей, систем расселения. Реконструкция, приспособление дорог к автомобильному движению дает быстрый и большой эффект.

3. Бум строительства дорог, городских магистралей, гаражей в 30–50-е годы. Считалось, что требования автотранспорта в градостроительстве должны учитываться в первую очередь; хотя укрепление транспортной инфраструктуры хоть и дорого, но быстро окупается, создает хорошие предпосылки для развития экономики, культуры. Существовало мнение, что при достаточных ресурсах автомобиль может быть использован всегда и всюду.

4. Разочарование в возможности решить возникшие проблемы только инженерно-строительными мерами в 60-е годы. Сложнейшая дорогостоящая система магистралей, стоянок, гаражей в центрах некоторых городов породила еще более сложные проблемы в крупных и крупнейших городах. Среди них – нехватка энергии, трудности охраны окружающей среды.

5. Трезвая оценка возможностей разных видов транспорта в разумном их сочетании, приоритет в решении вопросов человеку, наиболее эффективно обслуживающему его транспорту (пассажиру и грузовому) в 70–80-е годы. Для этого периода характерны идеи устранения транспорта в местах скопления людей, стремление организовать его работу с наименьшими помехами человеку, сохранить от разрушения все самое ценное в градостроительстве. Быстрый рост автомобилизации порождает новые проблемы и способы их решения.

В городах Белоруссии основным местом постоянного хранения автомобилей являются боксовые гаражи. Большая часть таких гаражей размещается на участках, удаленных от жилья на расстояние, превышающее нормативную доступность. Для временного хранения легковых автомобилей используются открытые стоянки, а также неорганизованные стоянки вблизи жилых зданий. Основными причинами этого являются нехватка организованных стоянок, высокая стоимость платных парковок, нежелание владельцев хранить автомобили далеко от места проживания.

В соответствии с действующим ТКП 45-3.03-227-2010 [1] уровень автомобилизации составляет от 150 до 300 машино-мест на 1000 жителей.

Однако обеспечение владельцев транспортных средств местами для хранения автомобилей по-прежнему остается достаточно сложным. На территориях городов не достаточно места для размещения

стоянок и парковок автомобилей, расположенных в пределах радиуса их доступности. Дефицит территорий для хранения связан с нарушением норм проектирования, так как на территориях, зарезервированных под строительство автомобильных стоянок и парковок, размещают жилые и общественные здания и сооружения. Одной из причин нехватки мест для хранения автомобилей также является дефицит финансовых средств.

С 1 сентября 2009 года вступил в силу указ Президента Республики Беларусь № 427 «Об удешевлении строительства гаражей и автомобильных стоянок», упрощающей процедуру выделения земли, освобождающий от уплаты ряда налогов и сборов.

Практика говорит о том, что размещение на территориях городов жилых и общественных зданий доминирует над интересами владельцев транспортных средств.

Процесс парковки автомобилей имеет специфические особенности. Среди них следует упомянуть трудности выделения территории для стоящего транспорта, взаимодействия стоянок с другими элементами города, обеспечения охраны окружающей среды и безопасности движения. Недостаточный учет этих проблем приводит к нежелательным явлениям – недозволенной «оккупации» зеленых насаждений и тротуаров и игнорированию справедливых запретов.

Одна из серьезных проблем, связанная с паркованием и организацией стоянок, – дорожно-транспортные происшествия (ДТП). Во-первых, особенно опасно паркование вдоль тротуаров. На жилых улицах дети, выбегающие на проезжую часть, становятся жертвами ДТП. Во-вторых, стоящие на улицах автомобили сужают проезжую часть и тем самым уплотняют движение на ее внутренних рядах, вынуждая другие автомобили маневрировать.

На интенсивность использования личного автомобиля влияют: величина города, развитие общественного транспорта и сети магистральных улиц, условия паркования, местные климатические условия, средний заработок жителей, возраст владельцев автомобилей, местные традиции и т.п.

С ростом автомобилизации стоящие автомобили меняют облик традиционных районов жилой застройки. Попытки придать организованный характер хранению автомобилей сказываются на планировке населенных пунктов.

Пользование автомобилями в настоящее время и в будущем связано с решением социальных задач. Обеспечение интересов всех людей, в том числе детей и инвалидов, требует специально оборудованных стоянок автомобилей, позволяющих пользоваться ими людям с ограниченными возможностями передвижения.

В соответствии с действующим техническим кодексом проектирования уровень автомобилизации в Республике Беларусь составляет 150–300 машино-мест на 1000 жителей.

Уровень автомобилизации – величина переменная, что делает проблематичным определение нормативов расчета необходимого количества стояночных мест при проектировании жилых образований. За срок эксплуатации жилища уровень автомобилизации существенно возрастает, оставляя далеко позади расчетные цифры.

Организация сети автостоянок и парковок является важной составной частью общей проблемы градостроительства. В генеральном плане города должно быть установлено полное соответствие между объемом и назначением застройки города, пропускной способностью сети улиц и емкостью автомобильных стоянок и парковок.

В пределах городской черты Бреста не хватает территорий, на которых можно разместить парковки и стоянки для хранения легковых автомобилей. Особенно если принимать во внимание, что места хранения должны быть расположены не далее 800 м от жилых зданий.

Общий дефицит территорий для хранения усугубляется ошибками или сознательным нарушением норм проектировщиками или строителями.

Места хранения автомобилей проектируют по нормам, но не строят одновременно с жилыми домами. После сдачи жилья в эксплуатацию, на территориях, зарезервированных под многоэтажные парковки, строят объекты общественного назначения или новое жилье, а в лучшем случае, открытые стоянки с обеспеченностью машино-местами в десятки раз ниже проектной.

Сегодня, когда городская земля приобрела реальную стоимость, резервирование территорий под развитие транспортной инфраструктуры стало весьма проблематичным, а отсутствие внимания к этой проблеме чревато нарастанием негативных явлений.

В настоящее время в г. Бресте насчитывается 149140 легковых автомобилей личного пользования. Уровень автомобилизации измеряется количеством автомобилей на 1000 жителей. В г. Бресте он равен 517 автомобилям на 1000 жителей.

Естественно, это не предел. Автомобили нужны горожанам, автомобилизация выгодна обществу, так как это является двигателем экономики.

Основную часть организованных мест постоянного хранения автомобилей в г. Бресте составляют боксовые гаражи. Подавляющая часть из них размещается на специально отведенных площадках, удаленных от жилья на расстояние, превышающее нормативную доступность. Также распространенным типом

постоянного хранения автомобилей являются наземные охраняемые открытые стоянки и неорганизованные стоянки в селитебной зоне.

В г. Бресте в микрорайоне «Восток» на улице Гродненской построен двухэтажный паркинг на 50 машино-мест. Двухуровневая парковка призвана помочь освободить дворовые территории от стоящих автомобилей.

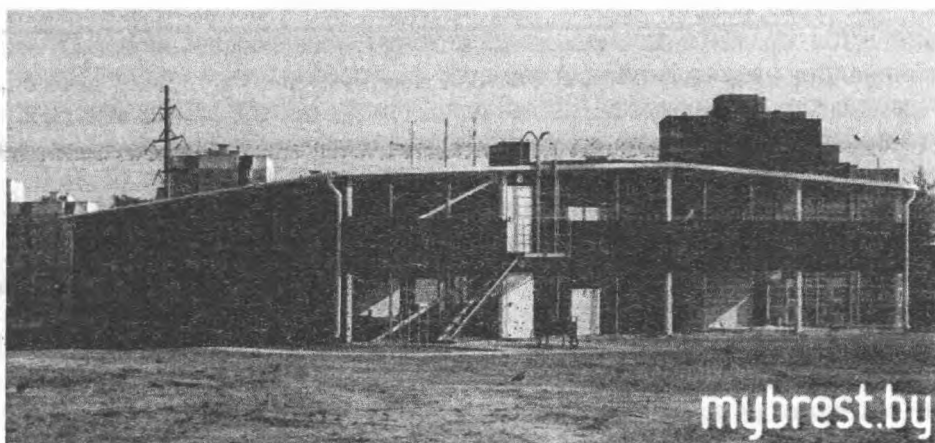

Рисунок 1 – Двухуровневый паркинг в микрорайоне «Восток» по улице Гродненской

В процессе эксплуатации выяснится эффективность нового для городской инфраструктуры объекта. Дальнейшее строительство многоуровневых парковок предполагается осуществлять за счет средств частных инвесторов. Потребность в таких паркингах в городе Бресте очень большая. По современным нормам проектирования количество машино-мест на стоянках и парковках должно соответствовать половине объема вводимых квартир. Проект застройки каждого нового микрорайона должен предусматривать строительство паркингов. В будущем большинство плоскостных стоянок планируется переоборудовать в многоуровневые.

В генеральном плане развития города до 2030 года многоуровневые стоянки запланированы в микрорайонах Вулька-3, Юго-Запад-2, Юго-Запад-3. Во втором Юго-Западном микрорайоне предусмотрено строительство 5 паркингов общей вместимостью 1500 машино-мест.

Запланировано 12 вариантов размещения площадок для переоборудования плоскостных парковок в многоэтажные. Таким образом, количество парковочных мест увеличится в несколько раз.

Заключение. Растущий уровень автомобилизации городов требует увеличения количества мест для временного и постоянного хранения автомобилей. Без этого невозможно формирование комфортной и безопасной среды обитания горожан.

В результате роста автомобилизации автотранспорт стал одним из основных источников загрязнения городской среды. Загрязнение воздушного бассейна многих городов Беларуси достигло уровня, не отвечающего условиям безопасности проживающего населения.

Для решения транспортных проблем и обеспечения эффективной работы транспортных систем городов необходимо размещать автостоянки и парковки в центрах городов, вблизи объектов общественного обслуживания и в жилых районах, отдавая предпочтение строительству подземных и многоэтажных сооружений.

Список цитированных источников

1. ТКП 45-3.03-227-2010 – Введ. 17.12.2010 – Минск: Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, 2010. – 46 с.
 2. Проектирование многоэтажных автостоянок / А.О. Ковалев [и др.] – Москва: Ассоциация строительных вузов (АСВ), 2003. – 213 с.
 3. Шештокас, В.В. Гаражи и стоянки / В.В. Шештокас, В.П. Адамовичус, П.В. Юшкявичус – Москва: Стройиздат, 1984 – 214 с.
 4. ТКП 45-3.01-116-2008. – Введ. 01.01.2010. – Минск: Минстройархитектуры и строительства Республики Беларусь, 2009. – 64 с.
 5. ТКП 45-3.02-25-2005. – Введ. 01.07.2006 – Минск: Минстройархитектуры и строительства Республики Беларусь, 2006. – 40 с.
 6. Иодо, И.А. Основы градостроительства и территориальной планировки / И.А. Иодо, Г.А. Потаев – Минск: Универсалпресс, 2003. – 215 с.
- УДК 711. 73 (476.7)

ТУРИСТСКИЕ РЕСУРСЫ И ИНФРАСТРУКТУРА ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ КОРИДОРОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ТРАНЗИТНОГО ТУРИЗМА В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ

Современные условия развития сети автомобильных и железных дорог приводят к тому, что пути передвижения туристов преимущественно взаимосвязаны с основными транспортно-коммуникационными коридорами, которые представляют собой параллельно проходящие магистральные железнодорожные линии и автомагистрали, зачастую в сочетании с реками, магистральными нефте- и газопроводами, линиями электропередачи и телекоммуникаций, и образуют специфические русла расселения [1]. Сочетание таких коридоров с руслами рек не случайно, так как процесс формирования этой сети начался одновременно с заселением этих территорий людьми. Таким образом, многие города, сельские поселения и природные комплексы, расположенные вдоль транспортных путей Беларуси, обладают значительным туристским потенциалом, который в настоящее время используется недостаточно. Туристские коридоры международного и национального Беларуси значения обычно формируются вдоль основных туристских трасс. Современные туристские коридоры очень часто тесно взаимосвязаны с транспортно-коммуникационными коридорами, развиваясь вместе с основными элементами систем коридоров и практически совпадая друг с другом.

Наличие и характер туристских ресурсов, расположенных в непосредственной близости от элементов транспортно-коммуникационного коридора; плотность и состав туристской инфраструктуры и доступность туристских ресурсов и отдельных элементов туристской инфраструктуры для туристов – эти факторы оказывают значительное влияние на процессы формирования туристских коридоров и развитие различных видов и типов туризма на данных территориях. Эффективность работы системы туристского коридора зависит от целесообразного использования потенциальных туристских ресурсов.

Туристские ресурсы являются составной частью туристских коридоров и представляют собой историко-культурные и природные ценности, размещённые на территории туристского коридора. Туристскими ресурсами могут являться объекты, представляющие ценность международного уровня, являющиеся национальными символами, общепризнанными объектами культуры и истории; объекты, представляющие познавательную ценность и обязательные для изучения; объекты, представляющие ценность и интерес для отдельных типов туристов; объекты, предоставляющие возможность развлечения, отдыха и получения впечатлений, спортивные сооружения; объекты представляющие сезонный интерес, для отдыха и лечения; объекты, связанные с памятными событиями или проведением мероприятий (ежегодные ярмарки, фестивали и т. п.) [7]. Характерно, что туристские ресурсы могут относиться одновременно к различным типам, как например памятники архитектуры и градостроительства могут быть одновременно культурными сооружениями или мемориальными объектами. В свою очередь, часто от функционального использования туристских ресурсов зависит последующая типологическая принадлежность ресурса. Поэтому туристские ресурсы могут менять своё функциональное предназначение со временем.

На территории Беларуси расположены города с древней историей, основанные в IX–XI веках (Полоцк, Гродно, Витебск, Брест, Пинск, Орша, Минск, Несвиж, Туров, Ружаны, Мстиславль и др), сохранились старинные храмы, дворцы и замки, усадебно-парковые комплексы, иногда не имеющие аналогов в других странах. По данным научно-исследовательской работы специалистов из БЕЛНИИГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА, для туристско-экскурсионного показа используется менее 10% историко-культурных памятников, хотя, по экспертным оценкам, в познавательно-экскурсионных целях можно использовать около 2 тыс. объектов [2]. Исследователи подчёркивают важность максимально и комплексно использовать имеющиеся уникальные природные комплексы и памятники архитектуры, истории, самобытные достояния культуры, включая традиционные фестивали, народные праздники и обряды.

Туристские ресурсы классифицируются в соответствии с категорией ценности, которая определяется по Списку историко-культурных ценностей Республики Беларусь для историко-культурных ценностей. Согласно списку, историко-культурные ценности классифицируются на объекты международного (в Беларуси всего 10 объектов, обладающих данной категорией), национального, регионального и местного значения. Плотность размещения туристских ресурсов весьма неравномерна. По большей части туристские ресурсы скапливаются вокруг крупных городов или городов-центров туризма. Значительно уменьшается количество туристских ресурсов к восточным областям республики, что обусловлено историческими причинами (разрушения). Сложно проследить движимые ценности, так как их местонахождение меняется. Наибольшая концентрация туристских ресурсов наблюдается в городе Минске (9 ценностей национального значения, 105 ценностей регионального значения и 201 ценностей местного значения) и окружающих его пространствах (Строчицы (28 ценностей регионального значения)), поэтому при проведении оценки этот факт рассматривался как частный случай. Перспективные центры туризма международного значения

– Минск, Гродно, Брест, Полоцк, Несвиж, Мир, Новогрудок, Слоним; центры национального значения в Брестской области – Кобрин, Ружаны, Жировичи.

Природные ценности достаточно сложно охарактеризовать по плотности размещения их на территориях туристских коридоров. Природно-ландшафтные особенности местности предполагают использование природных ресурсов и особенностей рельефа при организации придорожной зоны линейных элементов транспортно-коммуникационных коридоров для целей туризма. Оценка этих территорий включает такие природно-ландшафтные характеристики, как рельеф, наличие водных ресурсов, наличие зелёных насаждений, видовые точки транспортных магистралей, привлекательность отдельных участков территории туристских коридоров. Рельеф Брестской области достаточно разнообразен. На юго-западной части рельеф равнинный, встречаются заболоченные участки с богатой растительностью. К северо-западу рельеф холмистый, встречаются достаточно резкие перепады рельефа, особенно ближе к городу Барановичи. Растительность на протяжении этого участка достаточно разнообразна по видовому составу, что обусловлено изменениями рельефа. На юго-западной части области располагается Беловежская пуца, которая является национальным достоянием нашей страны, кроме этого, можно указать ландшафтный заказник «Стронга», ландшафтный заказник «Выгоноцанское», Ружанская пуца, Биологический заказник «Бусловка», биологический заказник «Споровский» и другие. Среди водных ресурсов можно выделить озёра Белое, Рогознянское, Свитязь, Колдычевское, Днепро-Бугский канал, реки Мухавец, Ясельда, Щара, Лесная.

Туристская инфраструктура достаточно активно влияет на процесс формирования туристского коридора вдоль транспортно-коммуникационного коридора как целостной системы. Наряду с элементами транспортной инфраструктуры туристского коридора инфраструктура включает в себя элементы туристской инфраструктуры, которые тесно взаимосвязаны и взаимодействуют между собой. Транспортная инфраструктура включает в себя основные транспортные магистрали, опорные города и транспортные развязки. Туристская инфраструктура включает существующие туристские ресурсы и проектируемые объекты притяжения туристов, объекты обслуживания туристов, проживания, технического обслуживания, связи, медицинской помощи, торговли, проката транспортных средств, туристской информации и другие; туристские трассы и маршруты; благоустройство территорий.

По степени развитости туристской инфраструктуры можно выделить туристские коридоры с развитой туристской инфраструктурой (более 10 объектов и/или комплексов обслуживания туристов на 100 км туристского коридора); с относительно развитой инфраструктурой (от 3 до 10 объектов и/или комплексов обслуживания туристов на 100 км коридора); с мало развитой туристской инфраструктурой (менее 3 объектов и/или комплексов обслуживания туристов на 100 км туристского коридора). В крупнейших и крупных городах сконцентрировано большее количество объектов туристской инфраструктуры, чем на мало урбанизированных территориях, в свою очередь туристские ресурсы концентрируются вокруг городов независимо от размера поселения. В небольших городах объекты туристской инфраструктуры чаще всего практически отсутствуют или не удовлетворяют потребностей туристов.

Оптимальная транспортная доступность туристских ресурсов и объектов туристской инфраструктуры определяется путём построения изохронограмм вдоль основных структурных элементов транспортно-коммуникационного коридора, в частности туристских трасс. При расчёте изохронограммы для построения зоны попутного осмотра достопримечательностей на подоснове, содержащей информацию об основных туристских трассах, существующих дорогах, историко-культурных и природных ценностях, а также других объектах притяжения туристов, определяются туристские трассы (обычно они совпадают с основными трассами транспортно-коммуникационного коридора (автомагистралью, железнодорожным или водным путём)), отмечаются основные развязки, отмечается расчётное расстояние оптимального отклонения от основной туристской трассы по дорогам с усовершенствованным покрытием, а также по дорогам с покрытием при условии связи последних с туристскими объектами. Полученные точки соединяются плавными линиями, образуя границы зоны попутного осмотра достопримечательностей. Далее рассматриваются лишь объекты, попадающие в данную область. Оптимальное отклонение от основной транспортной магистрали – 10–15 километров принимается из расчёта средней скорости передвижения туристского автотранспорта (легковой автомобиль – 80 км/ч, туристский автобус – 40 км/ч). Такое отклонение от основной транспортной магистрали по времени составляет 7–10 минут.

Для определения объектов, обладающих оптимальной доступностью для туристов, путешествующих вдоль туристских коридоров, были разработаны изохронограммы вдоль каждого из объектов исследования и были выделены две зоны с различными свойствами: придорожная зона (выделяется в непосредственной близости от линейного элемента туристского коридора, и её ширина зависит от типа линейного элемента) и зона попутного осмотра достопримечательностей (выделяется для автомобильных магистралей и составляет 15 минутную доступность на автомобиле или автобусе от края проезжей части автомагистрали). Границы придорожной зоны выделяются с обеих сторон туристской трассы в составе туристского коридора (табл. 1).

Таблица 1 – Ширина придорожной зоны и зоны попутного осмотра достопримечательностей для различных типов туристских трасс

Для автомагистралей		
Категория магистрали	Ширина придорожной зоны	Ширина зоны попутного осмотра достопримечательностей
Ia	300м	10-15км
Iб-Iв и II	200м	10км
III-IV	100м	-
Для железнодорожных путей		
Название зоны	Ширина придорожной зоны	Радиус зоны попутного осмотра достопримечательностей (вокруг станции)
Расстояние	6-8м	R=5-7 км
Для водных путей		
Название зоны	Ширина придорожной зоны	Радиус зоны попутного осмотра достопримечательностей (вокруг остановок речного транспорта)
Расстояние	50м	R=5-7 км

По данным Белстат, за январь–август 2013 года основные типы транспорта используемые туристами для передвижения по туристскому коридору, – это автомобильный транспорт (автомобиль, туристский автобус, маршрутный транспорт) (925 млн. чел); железнодорожный транспорт (пассажиры поездов, электрички) (67,4 млн. чел.), реже – мотоцикл, велосипед, водный транспорт (пароход, паром) (0,2 млн. чел.).

Для общей оценки туристского потенциала территорий туристских коридоров международного и национального значения в Беларуси были определены показатели плотности размещения туристских ресурсов, развитости туристской инфраструктуры и оптимальная транспортная доступность туристских объектов. Оценка проводилась путём расчёта количества туристских ресурсов и их категории ценности на участках туристских коридоров между опорными точками туристского коридора (чаще всего это крупные города). Были рассмотрены 3 категории ценности туристских ресурсов – 0, 1 и 2. 3 категория не рассматривалась по причине большей равномерности размещения в рассматриваемых зонах. Причиной такой выборки являлось предпочтение туристов к выбору более значимых туристских ресурсов (с точки зрения категории ценности) при выборе объектов – целей посещения. Дополнительно указывались города-центры туризма. Такого рода оценка не является полностью объективной, так как возможны последующие изменения в предпочтениях туристов, однако даёт приблизительное представление о ценности территорий туристских коридоров и указывает степень благоприятности развития туризма и потенциал для увеличения ценности территорий туристских коридоров. В данном исследовании оценка идёт в зависимости от максимальной категории ценности объекта в соответствии со списком историко-культурных ценностей Республики Беларусь [4].

Проведенная оценка существующей туристской инфраструктуры вдоль туристских коридоров позволила выделить участки территории с развитой туристской инфраструктурой (имеющие не менее 10 объектов обслуживания туристов на 100 км туристской трассы) и с малоразвитой туристской инфраструктурой (имеющие менее 10 объектов обслуживания туристов на 100 км туристской трассы). По результатам оценки выделены две группы туристских коридоров: с наиболее ценным туристским потенциалом (в которых расположены историко-культурные и природные ценности международного и национального значения, широко известные, имеющие высокие художественные качества) и туристские коридоры с менее ценным туристским потенциалом (табл. 2).

Данные, представленные в таблице, позволяют выделить участки туристских коридоров международного и национального значения, обладающие наибольшим потенциалом. Если рассматривать приоритетные зоны развития туризма по Брестской области, по данным научно-исследовательской работы специалистов из БЕЛНИИГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА, данными зонами на национальном уровне являются Брестско-Каменецкая, Барановичско-Слонимская туристские зоны [5]. При оценке непосредственно территорий туристских коридоров, приоритетные зоны немного смещены, однако частично захватывают данные участки. На территории Брестской области это участки Брест-Кобрин-Ивацевичи-Барановичи, Брест-Кобрин-Пинск-Лунинец, Брест-Пружаны, Пинск-Ганцевичи-Ляховичи-Барановичи. Следует обратить внимание на узлы – пересечения туристских коридоров, охватывающие не только сам город, но и близлежащие территории – эти элементы обладают значительным потенциалом, так как не только концентрируют туристские ресурсы и объекты туристской инфраструктуры вокруг себя, но и часто являются промежуточными остановками для туристов, путешествующих вдоль туристских трасс. В Брестской области такими узлами являются города Брест, Барановичи, Пинск, Кобрин.

Таблица 2 – Общая оценка туристского потенциала территорий туристских коридоров

№	Наименование туристского коридора	Параметры	Протяжённость, км							
			0	100	200	300	400	500	600	
1	Туристский коридор на основе транспортно-коммуникационного коридора №2 (Брест-Кобрин-Ивацевичи-Барановичи-Столбцы-Минск-Жодино-Борисов-Орша)	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	7405						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	0
			1 кат	0	0	0	0	0	0	0
			2 кат	0	0	0	0	0	0	0
объект	6	11	18	12	4	25				
			Общая протяжённость пассажиропотока: более 1000 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 57 объектов на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 22 объекта на 100 км							
2	Туристский коридор вдоль реки Припять (Брест-Кобрин-Пинск-Лунинец-Микашевичи-Мозырь-Гомель)	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	1275-2440						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	
			1 кат	0	0	0	0	0	0	
			2 кат	0	0	0	0	0	0	
объект	6	14	6	4	8	28				
			Общая протяжённость пассажиропотока: 180-200 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 43 объектов на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 11 объектов на 100 км							
3	Туристский коридор вдоль Национального заповедника "Беловежская пуща" (Брест-Пружаны-Волковыск(Свислочь)-Мосты-Гродно)	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	1180-3894						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	
			1 кат	0	0	0	0	0	0	
			2 кат	0	0	0	0	0	0	
объект	4	9	14	13						
			Общая протяжённость пассажиропотока: 500-200 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 21 объект на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 11 объектов на 100 км							
4	Туристский коридор на основе транспортно-коммуникационного коридора №5 (Пинск(Столин)-Ганцевичи-Клецк(Ляховичи)-Барановичи-Новогрудок(Дятлово)-Березовка-Лида)	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	1412-1887						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	
			1 кат	0	0	0	0	0	0	
			2 кат	0	0	0	0	0	0	
объект	7	4	4	4	10	11	10			
			Общая протяжённость пассажиропотока: 100-200 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 5 объектов на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 21 объект на 100 км							
5	Туристский коридор "Север - Юг" (Давид-городок-Микашевичи-Слуцк-Минск-Логойск(Мядель)-Поставы-Браслав)	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	1713-2420						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	
			1 кат	0	0	0	0	0	0	
			2 кат	4	3(5)	3(30)	4	4	18(11)	3
объект	10	13	10	10	10	11	11			
			Общая протяжённость пассажиропотока: 200-300 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 43 объектов на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 12 объектов на 100 км							
6	Туристский коридор на основе транспортно-коммуникационного коридора №9а (Гомель-Бобруйск-Осиповичи-Марына гора-Минск-Молодечно (Воложин)-Сморгоны(Ошмяны)	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	2862-4321						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	
			1 кат	1	0	0	2(10)	0	0	0
			2 кат	0	0	0	3(135)	0	0	4
объект	13	10	9	10	25	7	9			
			Общая протяжённость пассажиропотока: 400-500 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 30 объектов на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 14 объектов на 100 км							
7	Туристский коридор на основе транспортно-коммуникационного коридора №9 (Гомель-Могилёв-Орша-Витебск)	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	3188-3491						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	
			1 кат	0	0	0	0	0	0	
			2 кат	0	0	0	0	0	0	
объект	23		13		19					
			Общая протяжённость пассажиропотока: 250-300 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 14 объектов на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 11 объектов на 100 км							
8	Туристский коридор вдоль реки Березина(Речица-Бобруйск-Борисов-(Бегомль-Ушачи))	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	1976-2518						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	
			1 кат	0	0	0	0	0	0	
			2 кат	2	0	0	0	0	0	
объект	12		26							
			Общая протяжённость пассажиропотока: 100-150 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 16 объектов на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 14 объектов на 100 км							
9	Туристский коридор вдоль реки Западная Двина (Витебск-Полоцк(Новополоцк)-Верхнедвинск)	Пассажиропоток по транспортным коммуникациям Нациспользование объектов экотуризма Развитость объектов обслуживания	авт/сут	2877-4479						
			0 кат	0	0	0	0	0	0	
			1 кат	0	0	0	0	0	0	
			2 кат	4	0	0	0	0	0	
объект	14	6	8							
			Общая протяжённость пассажиропотока: 400-450 автобусов на 100 км Общая протяжённость туристских объектов: 20 объектов на 100 км Общая протяжённость объектов туристского обслуживания: 11 объектов на 100 км							

При организации туристской инфраструктуры вдоль территорий туристского коридора, в том числе и развития придорожного сервиса вдоль основных автомагистралей в Брестской области, возможно использование данного туристского потенциала, что позволит эффективно развивать различные виды туризма и обеспечить увеличение потоков туристов. Существующие туристские маршруты «по Августовскому каналу» и «по Полесью» представляют ценность для последующего формирования туристской инфраструктуры.

В результате оценки транспортно-коммуникационных коридоров по показателям ценности историко-культурного наследия территорий, attractiveness туристских ресурсов и транспортной доступности ресурсов, можно определить транспортные коридоры, обладающие туристским потенциалом в той мере, чтобы сформировать туристский коридор международного значения. В таблице 3 представлена такая оценка транспортных коридоров.

Таблица 3 – Классификация туристских коридоров по благоприятности условий для развития туризма

Наименование туристского коридора	Ценность историко-культурного наследия территорий	Аттрактивность туристских ресурсов	Транспортная доступность объектов туристского показа	Комплексная оценка
Транспортно-коммуникационный коридор №2 (Брест - Барановичи – Столбцы – Минск – Орша)	***	***	***	***
Транспортно-коммуникационный коридор №9 (Гомель – Могилёв – Витебск)	***	***	***	***
Транспортно-коммуникационный коридор №9а (Гомель – Бобруйск – Минск – Молодечно)	**	**	**	**
Транспортно-коммуникационный коридор №5 (Пинск – Барановичи – Лида)	***	**	**	**
Транспортный коридор вдоль р. Припять (Брест – Пинск – Мозырь – Гомель)	**	**	**	**
Транспортный коридор вдоль р. Западная Двина (Верхнедвинск – Полоцк/Новополоцк – Витебск)	***	***	**	***
Транспортный коридор вдоль р. Березина (Речица – Бобруйск – Борисов – Глубокое – Браслав)	*	*	*	*
Транспортный коридор «Север-Юг» (Туров – Микашевичи – Слуцк – Минск – Мядель – Поставы)	*	**	*	*
Транспортный коридор вдоль Беловежской пуцци (Брест – Каменец – Пружаны – Волковыск – Гродно)	***	***	*	**

При оценке туристского потенциала было замечено, что зачастую размещение туристских комплексов вдоль туристских коридоров хаотично и тяготеет чаще всего к крупным населённым пунктам. Это зачастую нецелесообразно, так как часть объектов в такого рода комплексе используется эпизодически. Также достаточно низкая плотность элементов туристской инфраструктуры, низкий уровень комфорта этих объектов на малоурбанизированных территориях приводит к редким остановкам туристов в пути, снижению интереса туристов во время путешествия по туристскому коридору. Художественная ценность туристских объектов также значительно влияет на развитие туристской инфраструктуры в непосредственной близости от таких объектов. Оригинальные и самобытные объекты пользуются большой популярностью не только у туристов, путешествующих по туристскому коридору, но и у местных жителей для проведения различных мероприятий. При проведении оценки было замечено, что большая часть туристских ресурсов оказывается недоступной для туристов по причине недостаточного информационного сопровождения туристов, а не транспортной доступности этих объектов. Объекты туристской инфраструктуры часто сосредоточены вокруг городов с богатой историей, однако есть и исключения. Некоторые города потеряли своё влияние в экономическом плане и находятся на значительном расстоянии от транспортных связей меж-

дународного и национального значения, однако туристская ценность территорий осталась прежней, что может способствовать развитию туризма на таких участках туристских коридоров. Взаимосвязь точечных элементов туристской инфраструктуры, линейных транспортных структур и зон влияния туристских коридоров имеет достаточно важное значение при формировании туристских коридоров. В точечных объектах, которые представляют собой центры туристско-рекреационной системы Республики Беларусь, возможно сосредоточение объектов обслуживания туристов – расселение, питание, медицинское и бытовое обслуживание, транспортные услуги, объекты досуга и развлечений, музейные и выставочные комплексы, а также туристские фирмы и объекты, предоставляющие экскурсионное обслуживание.

Формирование туристских коридоров позволяет создать систему туристского обслуживания, охватывающую территории туристских коридоров и включающую как различные компактные поселения, так и малоурбанизированные территории, позволяя максимально эффективную работу системы при наименьшей затрате средств на содержание объектов туристской инфраструктуры. При обеспечении необходимого состава туристских комплексов, разнообразии типов объектов, многофункциональности туристских объектов и территории, при комплексной организации информационного сопровождения туристов и архитектурно-ландшафтном обустройстве придорожных территорий туристских коридоров возможно привлечение большего количества иностранных туристов, а также возникновение интереса местных жителей к путешествию по туристским коридорам.

Список цитированных источников

1. Государственная схема комплексной территориальной организации Республики Беларусь: Основные положения. – Мн.: Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, 2007. – 70 с.
2. Провести исследования и разработать Схему территориальной организации туризма и отдыха Республики Беларусь: отчёт о НИР (Рук. Сахарова С.П.). – Мн.: УП «БелНИИградостроительства, 2000. – 80 с.
3. Стаускас, В.П. Градостроительная организация районов и центров отдыха. – Л.: Стройиздат, Ленинградское отделение, 1977. – 164 с.
4. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. Раздзел I: Гісторыка-культурныя каштоўнасці, якія знаходзяцца на тэрыторыі Рэспублікі Беларусь, Брэсцкая вобласць, 2009. – 390 с.
5. Провести исследования и разработать Схему территориальной организации туризма и отдыха Республики Беларусь: отчёт о НИР (Рук. Сахарова С.П.). – Мн.: УП «БелНИИградостроительства, 2000. – 80 с.
6. Туристско-рекреационный потенциал транзитно-туристской зоны «Брест – Барановичи – граница области» / П.И. Головкин, Е.Т. Колендо // Архитектура и строительство. - Минск: 2008. – №10 (197). – С. 42-45
7. Сардаров, А.С. Архитектура автомобильных дорог. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Транспорт, 1993. – 272 с.
8. Потаев, Г.А. Преобразование и развитие городов – центров туризма / Г.А. Потаев.– Минск: БНТУ, 2010. –227 с.

УДК 711.455

Шидловская Л.А.

ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Одним из основных направлений развития туризма в Беларуси является туризм на особо охраняемых природных территориях. «Особо охраняемые природные территории (ООПТ)– участки земли (включая атмосферный воздух над ними и недра) с уникальными, эталонными или иными ценными природными комплексами и объектами, имеющими особое экологическое, научное, историко-культурное, эстетическое и иное значение, изъятые полностью или частично из хозяйственного оборота, в отношении которых установлен особый режим охраны и использования» [1].

По состоянию на 03.03.2014 г. в систему ООПТ Беларуси входит 1187 объектов национального и местного значения, в том числе: один заповедник, 4 национальных парка, 334 заказника (85 республиканского и 249 местного значения) и 848 памятников природы (302 республиканского и 546 местного значения). При этом общая площадь ООПТ составляет 16130,15 тыс. га, или 7,7 % от площади Беларуси.

Категории и виды особо охраняемых природных территорий определяются в зависимости от особенностей природных комплексов и объектов, подлежащих особой охране, установленного режима охраны и использования, а также уровня государственного управления их функционированием. Законодательно на территории Беларуси устанавливаются следующие категории особо охраняемых природных территорий: заповедник; национальный парк; заказник; памятник природы.

В данной статье хотелось бы уделить внимание заказникам республиканского значения, которые находятся в перечне рекомендованных Министерством природных ресурсов и охраны окружающей среды РБ как перспективных для развития туризма на ООПТ.

В зависимости от особенностей природных комплексов и объектов, подлежащих особой охране, заказники подразделяются на следующие виды:

- ландшафтные или комплексные, предназначенные для сохранения и восстановления ценных природных ландшафтов и комплексов;
- биологические (ботанические, зоологические), предназначенные для сохранения и восстановления редких, исчезающих, а также ценных в экологическом, научном, хозяйственном и культурном отношении растений, животных или отдельных особо ценных участков леса;
- водно-болотные, предназначенные для сохранения водно-болотных угодий, имеющих особое значение главным образом в качестве мест обитания водоплавающих птиц, в том числе в период миграции;
- гидрологические (болотные, озерные, речные), предназначенные для сохранения и восстановления ценных водных объектов и связанных с ними экологических систем;
- геологические, предназначенные для сохранения ценных объектов или комплексов неживой природы;
- палеонтологические, предназначенные для сохранения ископаемых природных объектов и их комплексов.

Таблица 1 - Количественное распределение видов заказников по областям РБ

Область	Виды заказников, в зависимости от природных комплексов		
	ландшафтные	биологические	гидрологические
Минская	6	15	-
Витебская	7	4	11
Гомельская	5	6	-
Могилевская	1	-	2
Гродненская	8	5	1
Брестская	8	8	1

Наряду с заповедником и национальными парками, заказники обладают высоким потенциалом для организации туризма, ряд из которых имеет международный статус, являясь объектами всемирного наследия, биосферными резерватами ЮНЕСКО, Рамсарскими территориями, ключевыми орнитологическими территориями, ключевыми ботаническими территориями, территориями, отмеченными Дипломом Совета Европы. Для сохранения уникального природного потенциала заказников, а также для развития в них туризма создаются структуры управления. Создание государственного природоохранного учреждения (ГПУ) закреплено в Национальной программе развития туризма в Республике Беларусь на 2006 – 2010 гг., и в основные задачи данных структур входят охрана территории, формирование планов и реализация мероприятий по сохранению природных комплексов, наблюдения за состоянием экосистем, а также организация инфраструктуры и ведение туризма.

В целях развития экологического туризма на ООПТ Министерством природы и природных ресурсов Республики Беларусь при разработке проекта Государственной программы развития системы особо охраняемых природных территорий Республики Беларусь на 2008 – 2014 гг. включен раздел «Создание условий для развития туризма на ООПТ». Мероприятия, планируемые для реализации данного раздела программы, направлены на приобретение технических средств, обновление туристско-спортивного инвентаря и снаряжения, открытие новых пунктов проката, расширение перечня и объемов оказываемых услуг, разработку и обустройство туристических маршрутов, введение в эксплуатацию и благоустройство новых объектов туризма и отдыха, обустройство демонстрационных вольеров для диких животных, создание информационных центров и т. д. В настоящее время разработаны и изданы буклеты о туристическом потенциале ООПТ РБ, на территориях заказников обеспечивается разработка и обустройство экологических троп, проведение экскурсий для учащихся учреждений образования.

Во многих заказниках создаются инфраструктурные объекты для развития туризма. Например, экологические тропы созданы в заказниках «Споровский», «Выгонощанское», «Красный Бор», «Сорочанские озера». Зоны отдыха, санатории, экологические центры, агроусадьбы имеются на территории таких заказников, как «Прибужское полесье», «Стронга», «Споровский», «Ружанская пуца», «Выгонощанское», «Красный Бор», «Швакшты», «Озеры», «Выдрица». Разработанные туристические маршруты (пешие, конные, велосипедные) существуют в заказниках «Споровский», «Освейский», «Сорочанские озера», «Смычок», «Днепро-Сожский», «Селява». Некоторые объекты являются центрами общественных мероприятий: чемпионаты по сенокосению, туристические слеты и т.д.

Многие из перечисленных объектов расположены в регионах, имеющих большой культурный и исторический потенциал. Рядом с республиканским биологическим заказником «Ружанская пуца» сохранились памятники архитектуры: дворцовый комплекс Сапегов в Ружанах, замок Пусловских в Коссово, усадьба-музей Тадеуша Костюшки, православная святыня Беларуси – Жировичский Успенский монастырь; территории региона, где находится республиканский ландшафтный заказник «Выгонощанское», сохранились архитектурные памятники (Огинский канал, Дворец Пусловских, усадьба Костюшко); рядом с республиканским ландшафтным заказником «Свитязянский» находится замок в Новогрудке, дом-музей Мицкевича; большое количество памятников Великой Отечественной войны расположено в районе республиканского ландшафтного заказника «Липичанская пуца». Многие объекты имеют инженерную, дорожную инфраструктуру, некоторые расположены в зоне трансъевропейского коммуникационного коридора Париж-Москва.

Однако существуют и проблемы организации туризма на особо охраняемых природных территориях: деятельность множества пользователей (государственные природоохранные учреждения, лесные хозяйства и охотничьи хозяйства) и отсутствие системного подхода к формированию туристической инфраструктуры на данных территориях.

Нерегулируемое посещение уникальных природных комплексов оказывает весьма негативное воздействие на природу: уничтожаются редкие растения, бесконтрольно вырубаются деревья, загрязняются водоемы, вытаптывается почва, скапливается большое количество мусора в лесах, на берегах рек и водоемов вследствие необорудованности туристских маршрутов, мест дневок и ночевок, мест под кострище и для отходов. Вне зависимости от методов управления туризмом его приоритетными задачами должны быть создание развитой туристской инфраструктуры, охрана природных ландшафтов и улучшение качества жизни местного населения.

Современная инфраструктура ООПТ должна обеспечивать достойный уровень проживания, питания, санитарии, транспорта и безопасности туристам. Ключевая задача туристической инфраструктуры ООПТ – обеспечение туристов такими услугами, которые более всего отвечают их запросам, и при этом свести к минимуму негативное воздействие на природные комплексы. Высокий уровень сервиса стимулирует большее использование ООПТ людьми и определяет характер этого использования. Всегда, когда это возможно, объекты инфраструктуры должны способствовать пониманию посетителями ценностей данной ООПТ.

Для формирования туристической инфраструктуры важно учитывать ряд факторов:

- Человеческий фактор – количество посетителей (единичные, групповые посещения), время их пребывания (сезонность), социальный статус (дети, подростки, взрослые, люди с ограниченными возможностями);
- Ресурс ООПТ и характерных особенностей территории: культурные, экологические (сезонное использование и всесезонное);
- Транспортная доступность, воздействие транспорта (начиная с туристских коридоров и заканчивая созданием дорожно-тропиночной сети внутри ООПТ);
- Функциональная насыщенность объектами туризма (санатории, детские оздоровительные лагеря, дома отдыха, пансионаты, гостиницы, туристические базы и лагеря, трейлерные кемпинги, кемпинги, боткемпинги, лесные хижины, дома охотника);
- Наличие объектов на сопредельных территориях и эффективность их использования;
- Информативность.

Во многом эти факторы обуславливают друг друга, что позволяет формировать «экологичную» туристическую инфраструктуру, которая будет учитывать требования туристов и минимизировать негативное влияние на природные комплексы. «Конечно, красоту родной природы нужно пропагандировать и показывать. Но открытость ООПТ для людей не означает открытости их территории. Для общения и сотрудничества с людьми должен быть открыт научный и эколого-просветительский потенциал ООПТ как учреждения, а для демонстрации красот природы использоваться лишь незначительная часть их территории в виде визит-центров, музеев природы, отдельных экологических троп и экскурсионных маршрутов вдоль заповедных границ.

Некоторые виды туризма можно сделать минимально влияющими на охраняемые природные комплексы и максимально полезными для поднятия имиджа ООПТ и латания бюджетных дыр, а можно, погнавшись за сиюминутной выгодой и упустив контроль, превратить туризм в монстра и могильщика заповедных принципов» [2].

Возможно рассмотрение отдельных близкорасположенных ООПТ для организации туристической инфраструктуры в виде агломерации. При этом крупные инфраструктурные объекты, необходимые туристам (кемпинги, туристические базы, лагеря и т.д.), располагаются на сопредельных территориях, тем самым снижая и контролируя нагрузки на ООПТ.

В будущем возможна корректировка туристических маршрутов Республики Беларусь с учетом такого подхода. Так, при посещении культурно-исторических мест имеется возможность посещения ООПТ. Например, посещение дворца Пусловских («Коссовский Замок») и усадьбы Костюшко в Коссово Брестской области Ивацевичского района можно организовать с посещением рядом находящихся заказников республиканского значения «Выгонощанское» и «Споровский». На территории заказников существуют объекты рекреационной инфраструктуры: экологический центр, оборудована экологическая тропа, разработаны экологические маршруты. На базе заказника «Споровский» ежегодно проводится чемпионат по ручному сенокосению. Оба заказника являются водно-болотными угодьями, имеющим международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, ключевыми орнитологическими территориями.

В целом же можно отметить положительную тенденцию развития туризма на особо охраняемых природных территориях Беларуси, где ежегодно увеличивается поток туристов, создаются разнообразные программы пребывания, ведется информационная работа и происходит постепенная реконструкция инфраструктуры.

Список цитированных источников

1. ОБ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ: ЗАКОН РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ 20 октября 1994 г. N 3335-XII (в ред. Законов Республики Беларусь от 23.05.2000 N 396-3, от 29.06.2006 N 137-3, от 07.05.2007 N 212-3)

2. Бриних, В.А. Организация туризма в заповедниках: право на жизнь [Электронный ресурс]. – <http://www.apus.ru/site.xp/049050053049124049051054048055.html>

УДК 726:03.727(476.7)

Ширяева Л.А.

ПОИСКИ СТИЛЯ В ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННОМ РЕШЕНИИ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В Г. БРЕСТЕ

Начало XX века ознаменовалось в городе строительством зданий общественного предназначения. Самому большому городу губернии и четвертому в Белоруссии после Витебска, Могилева, и Минска, в основном деревянному, была необходима новая архитектура. А пожары 1895 года, когда было уничтожено 1228 домов центральной части города, и 1901 года, когда огонь уничтожил центральную торговую и более богатую часть с гостиним двором и 655 домами, сыграли роль катализатора в формировании новой застройки из кирпича. После разрушительных пожаров востребованность в жилье еще больше увеличилась. Город отстраивали всем миром и достаточно быстро, собирая средства на восстановление. «Необходимо отметить о необычайно щедрой отзывчивости, проявленной другими городами к несчастным погорельцам. Пожертвования сыпались как из рога изобилия и деньгами и натурой. ... Во всяком случае, оба пожара весьма способствовали украшению города» [1, с.183]. Такое утверждение о быстром темпе строительства и качестве архитектурных сооружений в городе можно объяснить и рядом других причин, одной из которых является демографический рост населения связанный с улучшением экономической ситуации в стране. Так, по данным всероссийской переписи населения, 1897 года, в Бресте насчитывалось 46 565 человек, а к 1912 году эта цифра увеличилась до 57 068 тысяч [1, с.184].

Другой причиной ускоренного темпа строительства является особое месторасположение города, находящегося рядом с важнейшим стратегическим объектом – Брестской крепостью, бытовая и военная жизнь которой во многом зависела от ремесленно – промышленных предприятий города. Они размещались в планировочной структуре Бреста без предварительного плана, вокруг жилой застройки, как в поселении, так и за его пределами [2,с.75]. Для работников различных гильзовых и бумажных мануфактур утративших жилье, требовалось скорейшее его восстановление. Еще одним объектом, дававшим работу сотням жителей города, являлась железнодорожная станция «Брест пассажирский» со зданием вокзала, депо и мастерскими. Казенных квартир на брестском железнодорожном узле не хватало, поэтому многим работникам приходилось снимать его в городе в зависимости от заработной платы. Выбор был достаточный – от дешевого жилья до комфортабельной квартиры, стоимость которой составляла примерно 50 рублей в месяц [3,с.24].

Постепенно отстраивались улицы, образуя в линейном развитии ансамбль, в котором выдерживался единый ритм, соизмеряемый с масштабом застройки. Карнизы последовательно переходили один в другой, хотя их элементы могли быть различны. Парадность застройки создавалась за счет количества деталей, наполняющих фасады зданий. Декоративность начинает преобладать над внутренней целостностью. Синтаксис ансамбля, предполагавшего правила сочетания форм и элементов, постепенно заменился цитатами из архитектурных деталей различных исторических стилей, вставленных в текст фасадов. Но такое представление будет достаточно категорично и выражать поверхностный, беглый взгляд на качественные изменения в поиске нового стиля. Цельность и общность характерная для ансамблей предшествовавшего классицизма, в период эклектики несла качественно иной характер. Зодчие использовали особый метод прочтения архитектурных первоисточников, который был свойственен только им в этот период времени. Они накладывали печать общности на разнообразную застройку, которая долгое время считалась синонимом стилистической пестроты. Но эта общность была качественно иной, чем ансамблевая застройка первой половины XIX столетия. Внутренняя близость в восприятии природы и трактовка архитектурной формы в художественном мышлении зодчих, была тесно связана с более широкими эстетическими воззрениями эпохи и неминуемо приводила к тому, что украшения в различных стилях, которыми отделялись фасады, принципиально гораздо меньше отличались друг от друга, нежели сооружения различных мастеров русского классицизма.

Интерес к отточенной декоративности фасада также связан с той ролью, которую играла архитектура наряду с литературой и изобразительным искусством в XIX веке. Архитектор, как прикладник, больше относился в то время к ремесленнику, чем к мастеру высокого жанра [4,с.106]. Но это давало иные преимущества в решении задач эстетизации жизни, в которой обитает человек. Здесь как бы складывалась площадка, на которой соединялись польза и красота и где также осуществлялся переход от принципов XIX века, от эстетизации истории – к новым принципам эстетизации современности. Эту идею особенности и своеобразия стиля как такового выразил Д.С. Лихачев «Художники не должны выражать содержание времени, они должны, прежде всего, давать времени содержание» [6,с.20]. Характерно, что эти качества эклектики обычно не осознавались современниками. Имитации самых различных стилей, соседствующих рядом на одной улице, представлялись им образцами разных эпох, сообщающими городу необходимое разнообразие художественных впечатлений, и часто архитектор, решая практические задачи оформления фасадов декоративными элементами, выражал представления об эстетических вкусах средней массы горожан. В линейной застройке улиц, не очень протяженных в масштабе всего города, продолжалась традиция средневековой застройки, где каждый дом мог быть интереснее другого, тем самым претендуя на особую роль в общем повествовании художественного текста квартала. Отсюда отдельно взятый фасад можно рассматривать, исходя из подобных построений, как картинную плоскость, на которой каждый архитектурный элемент имеет особую значимость. Из-за этого становится понятным, почему провинциальный архитектор с особым усердием относился к рисунку лепнины декоративно - пластического ковра здания, стараясь показать свою причастность к сословию художника или скульптора, при этом используя плоскость фасада как большое полотно, а детали как части геометрической скульптуры.

Исходя из необходимости приспособиться к более сложным решениям задач, обусловленным местом расположения объектов, зодчие становились все более изобретательными в поисках «оптимальных решений», иногда не имеющих прецедентов в истории архитектуры и, в свою очередь, придающих городу совершенно новый характер. В календаре-справочнике «Брест» за 1913 год читаем: «На месте прежних

деревянных хибарок выросли каменные двухэтажные дома красивой, во многих случаях стильной архитектуры: на месте прежних лавчонок, в особенности на главной Шоссейной улице» (позднее проспект Александра I-го, в советское время Московская, сегодня проспект П.М. Машерова) [1,с.183]. Её не зря стали называть «Невский проспект» из-за широкого бульвара и множества различных магазинчиков, расположенных в первых этажах домов, витрины которых старательно оформлялись, поддерживая «парижский шик» (рис.1). Здесь можно было купить товары не только местного производства, но и мебель, одежду, драгоценности [5 с.116]. Вместо замкнутых «в себе», свободно поставленных цельных объемов классических зданий, составлявших единые художественные ансамбли на основе строгого соподчинения, получали все большее распространение новые сооружения, отличавшиеся своего рода равнозначностью по отношению к городскому пространству. При этом были выработаны такие приемы, которые позволяли в любых условиях создавать замкнутый в себе архитектурный организм, не противопоставляя его другим и оставляя возможности для дальнейшего уплотнения городской застройки.

Невозможность предугадать характер этой застройки, целиком зависящей от частного строительства, случайность расположения отдельных свободных участков и их произвольная форма заставили архитекторов почти целиком отказаться от тех традиционных приемов, которые еще тяготели к ориентации зданий на отдельные улицы и перспективы улиц. Это в свою очередь привело к отказу от ярко выраженных композиционных акцентов в построении фасадов зданий. Характер последних стал определяться, прежде всего, изменившейся внутренней структурой сооружений и их местом в рядовой застройке улиц. Ярким примером таких архитектурно-планировочных решений является сохранившаяся застройка по ул. К. Маркса (Медовая, Славянская, Зыгмунтовская), образующая ансамбль, по своей нарядности и изысканности элементов напоминающий парадный стиль ампира. Отточенность декоративного решения фасадов не уступала губернским и столичным постройкам, и звучала камерно, светло, тонко - пластично в высоте застройки, ограниченной двумя и тремя этажами. На улице размещались дома частных горожан, достаточно богатых, чтобы позволить себе строить их с многофункциональным назначением. Ярким примером является сохранившееся здание на углу современных улиц Карла Маркса и Буденного, которое было построено в 1888 году известным брестским купцом Ароном Фогелем и являлось своеобразным культурным центром города. В одном крыле располагалась гостиница «Бристоль», в другом – ресторан, а на втором этаже – зимний театр. Фасад здания украшен классическими ордерными элементами, лепниной, гирляндами, сандриками на фигурных кронштейнах, а в настоящее время в нём расположен Брестский областной краеведческий музей.

В рассматриваемый период времени наиболее важным в градостроительном решении остаются городские площади: Дворянская, площадь Гостиного двора, Соборная, Думская (теперешняя площадь Свободы). Последняя из них называлась еще и Ратушной, на ней находились административные здания городского суда, казначейства, ратуша и дума. Ещё одной из важных градостроительных точек являлась территория, примыкающая к Дворянской площади, на которой размещалась деревянная Братская Свято-Николаевская церковь, так же как и город, пострадавшая от пожара. В 1900 году Святейшим Синодом был утвержден её новый проект, а чуть позднее, по указаниям архитектора Училищного совета при Святейшем Синоде – Козлова, план был расширен и, благодаря поддержке гродненского губернатора П.А. Столыпина, городской думой была выделена дополнительная площадь размером 720 квадратных сажений для дальнейшего строительства. Свято-Николаевский храм был закончен и торжественно освящен 6 декабря 1906 года [7,с.68]. Площадь, принадлежащая храму, была сопряжена с Дворянской площадью, и градостроительная логика застройки требовала пространственной поддержки в виде строительства не менее важного по функции и объемно-пространственному решению сооружения, находящегося в рядом лежащем квартале.

Таким зданием, абсолютно востребованным для нормальной гражданской жизни жителей и несущим функцию учебного заведения, становится мужская гимназия (ныне – второй учебный корпус Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина) (рис.4). Начало организации строительства было положено в 1902 году, когда в городе стал вопрос о недостатке классов для мужской прогимназии, которая набирала темп роста, завоевывая себе из года в год один класс [1,с.189]. Власти города начинают вести переписку с Гродненской губернской администрацией, обсуждая эскизы и чертежи планов гимназии. Так, Брестская Городская управа отправляет письмо от 7 июля 1902 года в Гродненское управление по строительному отделению, где сообщается: «Вследствие предложения его Сиятельства, бывшего Гродненского губернатора князя Урисова, от 25 января за №1200, Городская Управа получила указания от местного

педагогического совета Брестской прогимназии, относительно составления проекта плана здания для брестской гимназии, и просила гражданского инженера Г. Павлова о выработке и присылке эскиза этого здания». Можно предположить, в результате исследования архивных материалов, что для проектирования гражданских сооружений в уездных провинциальных городах привлекались инженеры, возможно, имеющие малый опыт архитектурного проектирования. Об этом свидетельствует достаточно долгая переписка с Гродненским губернским правлением, которое дает большое количество серьезных замечаний. По этой причине проект неоднократно переделывался и подвергался изменениям. Но и сегодня многие проекты до момента согласования проходят несколько этапов, и время их окончательного утверждения может затянуться на долгие годы, и в начале прошлого столетия проектная документация подлежала тщательной проверке в вышележащих инстанциях. Так, представленный на рассмотрение в Гродно очередной эскиз здания гимназии возвращается 1-го мая 1902 года назад с пометками архитектора Виленского учебного округа. Его предложено изменить с учетом указанных замечаний, и дано указание о его переделке. Согласование проекта нужно было получить и у коменданта Брест-Литовской крепости и свою резолюцию он ставит 17-го июня №2249: «На возведение в 49 квартале Кобринского, города Бреста форштата каменного 2-х этажного здания для мужской гимназии с его стороны препятствий не встречается» [10, л.1].

В оформлении проектной документации в тот период времени существовали свои правила, и их выполнение четко контролировалось, не глядя на то, что работы у городского архитектора было достаточно. Интересно, что сто лет назад они были похожи на те, которые выполняют архитекторы сегодня. На одном из приложений гродненский архитектор Сорока карандашом даёт описание невыполненных на чертежах архитектурно-конструктивных решений. Читаем его замечания: «Чертежи представлены не на формате и не наклеены на коленкор, нет разрезов, нет ситуационного плана, не показана конструкция крыши, не указано расположение дымовых труб и балок. Квартира директора распланирована не достаточно, отопление рисовального, музыкального класса не достаточно» [10, л.2]. Особое удивление вызывает большой перечень невыполненных работ и отсутствие важного чертежа фасада гимназии по Николаевской улице (Куйбышева). Проект с устраненными замечаниями вновь отправляется в Гродно, и его рассматривает рангом выше губернский архитектор П. Плотников. В новых замечаниях он демонстрирует высокий профессионализм и ответственность. Его пометки на чертежах оставлены красными чернилами, складывается ассоциация проверкой со школьной тетради с контрольным заданием. Читаем его замечания от 25 июля 1902 года: «Проектирование на плане I-го этажа выходов из коридора прямо на двор нельзя допустить. Квартира директора на указанном пространстве могла быть распланирована с гораздо большими удобствами (ни в одну комнату нельзя попасть, не проходя через кабинеты!). Стены, отделяющие коридоры от классов тонкие и не выдержат распора сводов. Не показана конструкция крыши и количество разрывов для такого здания со столькими лестницами недостаточно» [10, л.2]. Строительная переписка с уточнением и исправлением замечаний продолжалась до 6 сентября 1902 года, пока в протоколе Строительного отделения Гродненского губернского правления, подписанном губернским инженером, губернским архитектором П. Плотниковым и младшим архитектором Л. Жаворонковым, не были записаны еще восемь значительных замечаний, одно из которых указывает на то, что «фасады должны быть разработаны в масштабе». При этом Строительный отдел не «нашёл возможным утвердить» представленный в 2-х экземплярах проект и вернул его в Брестскую городскую управу.

Переписка с согласованиями приобрела затяжной характер, и чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, находится интересное решение, которое исполняет Попечитель Виленского учебного округа, отправляя письмо прошение Его Превосходительству П.А. Столыпину №2026 от 12 февраля 1903 года. В нём он указывает на затянувшийся срок утверждения проекта и просит назначить торг на постройку здания, а также оказать содействие в скорейшем рассмотрении в Строительном отделении Гродненского губернского правления плана и сметы на постройку здания гимназии. Вероятно, письмо было рассмотрено и приняты меры к исполнению распоряжения высокопоставленного лица и уже 31 марта 1903 года Брестский городской голова отчитывается в письме Гродненскому губернскому правлению о том, что проект исправлен гражданским инженером Сорокою и представляется на утверждение. Оно состоялось в начале мая и в протоколе Строительного отделения Гродненского губернского правления, наконец читаем: «Брестский Городской Голова, при отношении от 31 марта сего года за №101, представил в Губернское Правление на рассмотрение и утверждение проект на постройку каменного здания для мужской гимназии в

городе Бресте. По рассмотрению проекта в Строительном Отделении таковой оказался составленный в архитектурном отношении правильно, поэтому строительное Отделение полагает, что сделанные на нем соответственные подписи представить на утверждение г-на Губернатора, а копию проекта препроводить Брестскому Городскому Голове». На приложенных чертежах читаем от руки написанный текст о том, что проект был рассмотрен и одобрен по протоколу Строительного отделения Гродненского губернского правления от 2 мая 1903 года № 625, и ниже долгожданные подписи исполняющего дела губернатора, губернского инженера и губернского архитектора Плотникова [10, л.8 -10,13]. Строительство здания начинается разворачиваться, а 25 сентября 1904 года получает название «Его Императорского Высочества Цесаревича Алексея Николаевича полная мужская гимназия» и только в 1905 году заканчивается, раскрывая двери новых классных комнат для учащихся [1, с.189].

Специфические условия все более плотной застройки в городе предопределили не только габариты фасада сооружения, но и рисунок его плана, и особенности объемно-пространственного построения. Архитектор «вдвигает» здание в толщу квартала, выходя главным фасадом на улицу Дворянскую (Мицкевича 28), занимая площадь участка между улицами Миллионной (Советская) и Николаевской (Куйбышева), Гимназическим переулком (улица 9 Января), заполняя всё свободное пространство, словно растекаясь по нему и уходя в глубину своим правым и левым крылом [10, л.17]. Такое размещение здания диктовалось необходимостью приспособиться к сложному решению задачи, обусловленной необычным местом расположения объекта напротив строящегося храма и его общественной функцией. Планировка четырех классных комнат для 40 учеников и двух для 30 учеников первого этажа, определила линейное развитие главного фасада. Парадный вход располагался по центру плана, разделяя симметрично левое административное крыло от правого учебного, которое на ширину гимнастического зала было длиннее и имело отдельный боковой вход для учителей. Квартира инспектора имела отдельный вход и включала гостиную, спальню, столовую, кабинет, кухню, детскую, ванную комнату, совмещенную с туалетом. Над ней на втором этаже размещалась квартира директора (рис.8).

Еще одну задачу, которую необходимо было решить проектировщику – это вписать постройку в сложившийся стереотип представления о стиле, связанный с соответствием фасадов существующим образцам. В это время главенствующим становится так называемый «кирпичный стиль», получивший широкое распространение в строительстве не только в Европе, но и в Российской империи (рис.5). Несколько десятилетий назад ушел в прошлое указ о государственном диктате в области архитектуры, отмененный в 1858 году. Он освобождал застройщиков от необходимости следовать утвержденным образцовым проектам эпохи Николая I, который приветствовал так называемый «военно-гражданский» стиль, но его влияние ощущалось в выборе художественного образа при проектировании вплоть до конца XIX века [8, с.110]. «Кирпичный стиль» становится широко распространенным во многих городах Северо-Западного края, что позволяло применять его практически в любых постройках.

Необходимо отметить и ряд других причин использования названного стиля. Одной из них является совершенно иная природа регулярной планировки города XIX века в отличие от других уездных городов, планируемых по классическим образцам того времени. Рационализм и прагматизм военных специалистов Инженерной команды, проектирующих поселение, находящееся в 2-х километрах от цитадели, сказались и на особом языке, которым были названы районы нового Брест-Литовска. Это Кобринский и Волынский форштаты, [с нем. Vorstadt предместье] – поселение, находящееся вне города или крепости. Сухо повоенному и четко сложилась регулярная планировка Кобринского форштата, отдаленно напоминая идеальные города эпохи Просвещения, без претензий создать гармоничную, исполненную торжественности и патетики композицию планировки [9, с.114]. Главным сооружением, накладывающим свой отпечаток на все типы жилых и общественных зданий в городе, становится Крепость, выстроенная по образцовым технологиям того времени из красного кирпича, имеющего самую высокую марку качества. Отсюда становится понятным, что «кирпичный стиль» города сложился как отклик на военную архитектуру цитадели, имевшую специфические детали, заимствованные из оборонительных сооружений средневековья с характерными элементами: башнями, зубцами, тяжелыми ступенчатыми кронштейнами. Именно первый проект оформления ворот кольцевой казармы, с башенками и амбразурами, предложенный архитектором А. Идзковским, и определил впоследствии средневековую стилистику решения Холмских ворот [4, с.106].

Ещё одним сооружением, повлиявшим на стиль кирпичной архитектуры города конца XIX века и ставшим высококачественным образцом для подражания в элементах украшения фасадов зданий города, было здание центрального вокзала, торжественно открытого 28 мая 1886 года. Его формы изысканно утонченны в духе позднего романтизма и не традиционны по своему стилю (рис.2). Его архитектура не похожа на пышные европейские вокзалы того времени. Композиционным центром здания являлась башня-ризалит с легкими арочными поясами, поддерживающими карниз, заканчивающийся зубцами и ажурным аттиком (рис.3). Три арочных портала, продолжая линию пилонов, завершаются узкими башенками. Облик вокзала соответствовал архитектурному образу загадочного романского замка, который перекликается с более интересным по форме и построенным в августе 1894 в Беловежской пуще Охотничьим дворцом, запроектированным Н. де Рошфором. Нештукатуренный кирпич быстро стал визитной карточкой многих доходных домов и особняков, служебных зданий и промышленных предприятий. В застройке Бреста сохранились жилые дома по улицам: К. Маркса №70, 11 (Вознесенской, Медовой), Комсомольской (Славянской), жилой дом по ул. Дзержинского №30, 21 (Кривой), здание современной стоматологической поликлиники по ул. Пушкинской 23, здание Управления Брестского отделения железной дороги.

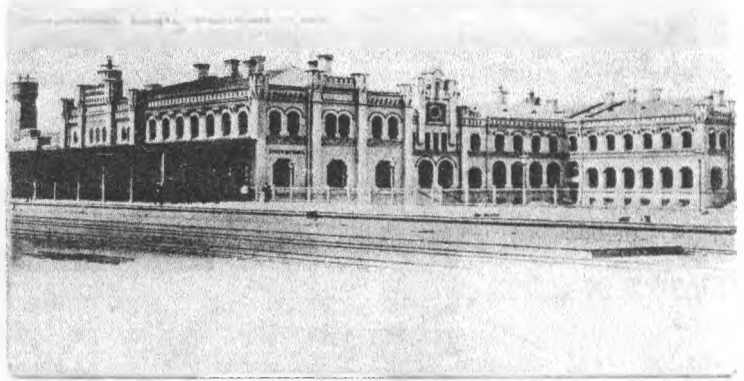
Архитектор и инженер города становились все более изобретательными в поисках «оптимальных решений», придающих застройке совершенно новый характер. Так складывался и искался особый стиль застройки провинциального Бреста. В отличие от губернского Гродно, где архитектурное оформление фасадов соответствовало юридическому статусу города и выполнялось более разнообразным, пышным, собранным в едином стилевом решении, в Бресте рациональный оттенок в образном решении фасадов присутствовал явно из-за особой социальной ступени, на которой находился провинциальный архитектор. Он занимал в структуре административного подчинения губернскому авторитету самое низкое место, согласованное с общеимперским механизмом управления и не имел больших возможностей в оригинальных решениях из-за ступенчатой системы согласования стадий проекта. Но художественная выразительность достигалась в здании гимназии за счёт использования высококачественного лицевого и лекального кирпича широкой цветовой гаммы, без оштукатуривания фасадных стен. Архитектурный образ опирается на смешение элементов романской архитектуры и классических элементов предшествующего эклектике стиля Николаевской эпохи. Главный фасад фланкирован одинаковыми по решению с основным ризалитом частями и имеет ступенчатый ритм завершаясь в центре и на краях треугольными аттиками. По высоте фасад разделен вертикальными пилонами, имитирующими контрфорсы, которые завершаются элементами, напоминающими башенки и ступенчатые средневековые зубцы (рис.6). Боковые фасады декорированы кирпичными арками, фронтонами, нишами (рис.7). Второй этаж заканчивается тяжелым карнизом на кронштейнах. Ритм всех фасадов строится на чередовании лучковых оконных проемов и лопаток в простенках. Парадная лестница своим объемом уходит далеко в дворовую часть и имеет полукруглые завершения, перекликаясь с таким же очертанием в левом и правом крыле. Строгий сухой геометрический рисунок кирпичной эклектики сменяется плавной линией, говоря о приходе нового стиля модерн, затейливый и неповторимый орнамент которого ещё фрагментами сохранился в изразцовой напольной плитке около главного входа в корпус Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

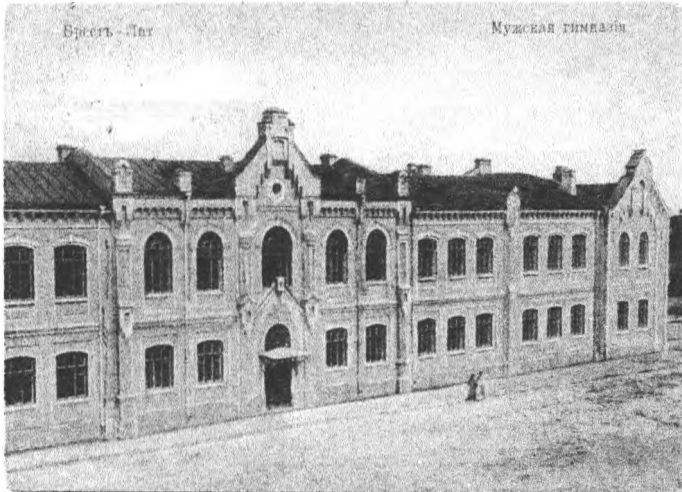
Рисундук 1 – Улица Шоссейная и Белостоцкая. Открытка к. XIX - нач. XX века

**Рисунок 2 – Парадный портал
Брестского вокзала**

**Рисунок 3 – Боковой фасад Брестского вокзала.
Открытка к. XIX - нач. XX века**

**Рисунок 4 – Мужская гимназия.
Открытка к. XIX - нач. XX века**

**Рисунок 5 – Корпуса механического
завода К. Зигеля в Петербурге**

Главный фасад по Шверманской улице

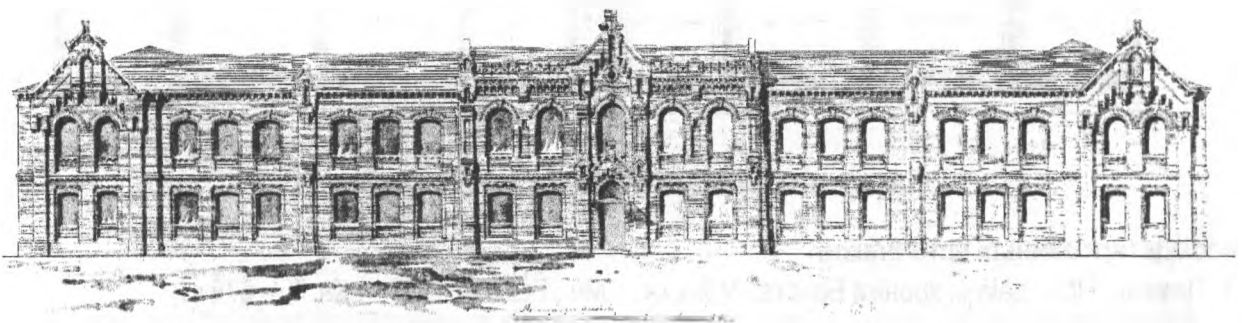

Рисунок 6 – Проект главного фасада мужской гимназии, 1903 г.

Проект реставрации и отделки по проекту
 архитектора Владимира Владимировича
 Березова 1911 года, его здание зал № 35
 в мае 2, 1983 года.

№ 2 Тираспольская ул.

Судебный участок № 12

Учебный корпус № 1

Строительная фирма

Фасад по Миллионной улице

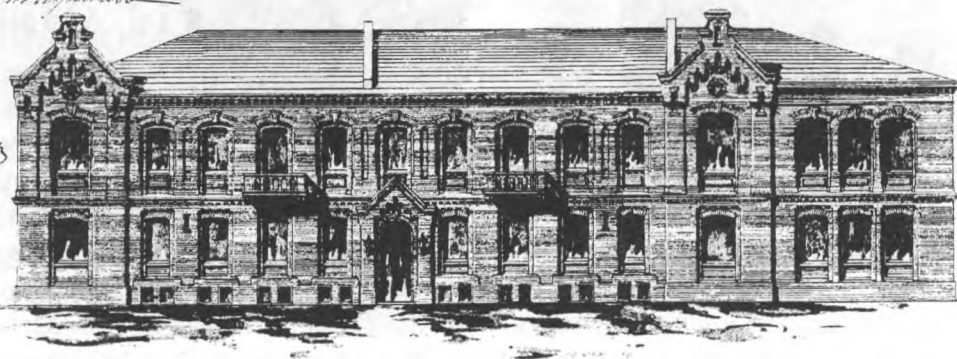

Рисунок 7 – Боковой фасад по улице Миллионной

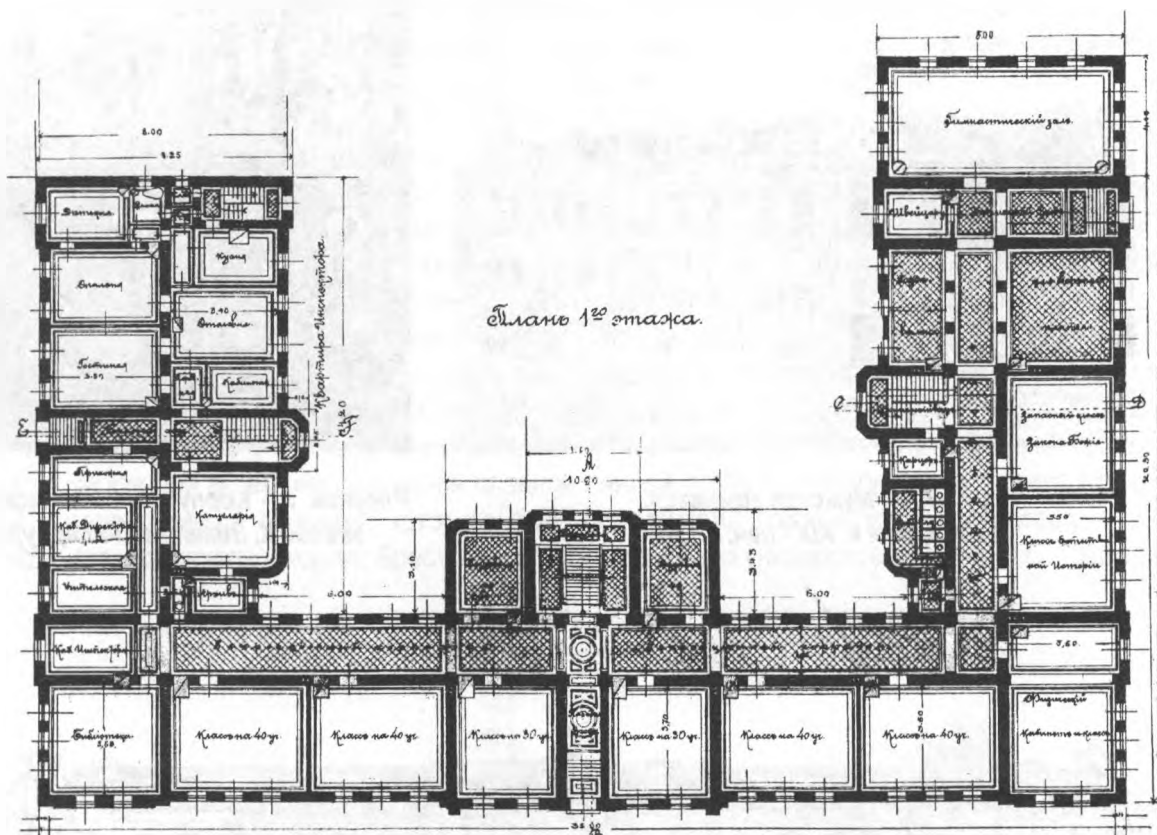

Рисунок 8 – План первого этажа мужской гимназии

Список цитированных источников

1. Памяць: Гіст.- дакум. хроніка Брэста. У 2-х кн. – Мн.: БЕЛТА, 1997. – Кн. 1. – 576 с.
2. Купрейчик Л.В. Формирование промышленной инфраструктуры города Бреста / Л.В. Купрейчик // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно-туристское использование: материалы II Международной научно-практической конференции, Брест, 29 – 30 апреля 2010 / БрГТУ. – Брест, 2010. – 175 с.

3. Муфель, И.Б. Брестский железнодорожный вокзал – западные ворота страны / Игорь Борисович Муфель, Савва Тихонович Шпудейко – Мн.: УП «Энциклопедикс», 2005. – 132 с.
4. Ширяева, Л.А. Особенности архитектурного декора брестской эклектики / Л.А Ширяева // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно – туристское использование: материалы III Международной научно-практической конференции, Брест, 29 – 30 апреля 2012 / БрГТУ. – Брест, 2012. – 175 с.
5. Курков, И.Н. Брестчина: легенды, события, люди / Илья Курков. – Мн.: Медиафакт, 2005. – 272 с.
6. Сарабьянов, Д.В. Стиль Модерн. – М.: – Искусство, 1989. – 294 с.
7. Восович, С.М. Брестская Братская Свято-Николаевская церковь в конце XIX – начале XX в. / С.М. Восович // Архитектурное наследие Прибужского региона. Сохранение и культурно – туристское использование: материалы II Международной научно-практической конференции, Брест, 29 – 30 апреля 2012 / БрГТУ. – Брест, 2012. – 175 с.
8. Русская художественная культура второй половины XIX века / В.Г. Кисунько, М.Н. Бойко, Л.З. Корабельникова [и др.]. – М.: Наука, 1988. – 388 с.
9. Морозов, В.А. История архитектуры Беларуси. Эпоха классицизма: учебное пособие / В.Ф. Морозов. – Мн.: БНТУ, 2006. – 152 с.
10. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. – Ф.8. – Оп.2. – Д.1567.

СОДЕРЖАНИЕ

Бакша Е.Б. ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ АРХИТЕКТУРНОЙ РЕНОВАЦИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ Г. БРЕСТА В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ	3
Босак В.Н., Басов С.В., Тур Э.А. ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЙ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ	7
Вавернюк И.И. АРХИТЕКТУРА СИНАГОВ И ИУДЕЙСКИХ МОЛИТВЕННЫХ ДОМОВ БРЕСТА (1921-1939)	10
Власюк Н.Н., Жминько М.М. АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ РЕСТАВРАЦИИ ОДНОГО ИЗ БРЕСТСКИХ ОБЪЕКТОВ	16
Воробей Ал-др. В. АНАЛИЗ АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНОЙ ПЛАСТИКИ ОКОННЫХ ОБРАМПЕНИЙ ЖИЛЬЯ ГОРОДА БРЕСТА	19
Гарник М.А. ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛАНДШАФТА И ИНТЕРЬЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ	23
Годун А.И. ПАНЕЛЬНЫЙ ДОМ – ЖИЛЬЕ ХХІ ВЕКА?	26
Гусець Е.Ј. ARCHITEKTURA OKRESU REALIZMU SOCJALISTYCZNEGO W PRZESTRZENI MIEJSKIEJ BIALEGOSTOKU I GRODNA	29
Давидюк Э.А. ВОПРОСЫ ВОССОЗДАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ	37
Дранец И.Л. РАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМЕНЕНИЕ КЛЕЕНОЙ ДРЕВЕСИНЫ В МАЛОЭТАЖНЫХ ЖИЛЫХ ЗДАНИЯХ С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА И ТРЕБОВАНИЙ ТКП EN 1995-1-1 (ЕВРОКОД 5)	40
Залесская Г.Л. ИНДУСТРИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ: ПУТИ ТРАНСФОРМАЦИИ	45
Карелина В.И. ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ВЪЕЗДОВ В ГОРОДА	47
Кароза А.И. ТЕРРИТОРИЯ ТУРИСТСКИХ КОМПЛЕКСОВ, ФОРМИРУЕМЫХ НА ОСНОВЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ	52
Климук Н.А. ОБЪЕКТЫ ПИЩЕВКУСОВОЙ ОТРАСЛИ ПРОИЗВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ЗАПАДНОГО РЕГИОНА БЕЛАРУСИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ	56
Коняев Н.В. ИССЛЕДОВАНИЕ ОБЪЕМНО-ПЛАНИРОВОЧНОГО И КОНСТРУКТИВНОГО РЕШЕНИЯ ЗДАНИЯ КОНЮШНИ В ИМЕНИИ ЗЕЛЕНЕВИЧИ В Д. ЗЕЛЕНЕВИЧИ (ПРУЖАНСКИЙ РАЙОН)	59
Корольчук Д., Устинович Е. МАЛЫЕ ГОРОДА ПОЛЬШИ – ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ ПРОСТРАНСТВА	70
Лапко А.А. ОПТИМИЗАЦИЯ ПРИМОСТОВОГО ПРОСТРАНСТВА СРЕДСТВАМИ АРХИТЕКТУРНО-ГРАДОСТРОИТЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО РЕГИОНА ПОЛЬШИ	75
Ляшук Д.А. ПРОБЛЕМА СИНХРОННОСТИ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ НАСЕЛЕНИЯ НОВЫХ МИКРОРАЙОНОВ НА ПРИМЕРЕ ЮЗМР-3 В Г. БРЕСТЕ	85

Мазаник А.В.	ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ОБЩЕЖИТИЙ	89
Морозова Е.Б., Долинина О.Е	ПРОМЫШЛЕННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА БЕЛОРУССКОГО ГОРОДА КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	93
Морозов В.Ф.	АРХИТЕКТУРНАЯ СТИЛИСТИКА ДВОРЦОВ И УСАДЕБ БЕЛАРУСИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ	100
Нитицкая Е.Е.	СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ БЛАГОУСТРОЙСТВА ЖИЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ	110
Ожешковская И.Н., Кривцова А.А.	РЕКОНСТРУКЦИЯ ДЕРЕВНИ БЫТЕНЬ БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	112
Ондра Т.В.	СОХРАНЯЕМ ИСТОРИЮ ГОРОДА БРЕСТА ВМЕСТЕ	117
Ланченко Т.А.	ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ БЕЛАРУСИ	122
Рачкевич Т.Е., Протасова Ю.А.	ФОРМИРОВАНИЕ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ ЖИЛЫХ ОБРАЗОВАНИЙ	127
Teterycz-Dorosz M.	PRZEKSZTAŁCENIA OBIEKTÓW SAKRALNYCH PÓŁNOCNO – WSCHODNICH TERENÓW POLSKI – OBRAZEM POSZANOWANIA DZIEDZICTWA KULTUROWEGO	132
Trojnieł P.	UKŁAD LINEARNY-POPZECZNY W MUROWANYCH SYNAGOGACH NA PODLASIU W XIX I XX WIEKU	136
Тур Э.А.	РЕСТАВРАЦИЯ КОССОВСКОГО ДВОРЦА ПУСЛОВСКИХ И РЕШЕНИЕ ВОЗНИКШИХ ПРИ ЭТОМ ТЕХНИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ	151
Uścińowicz J.	ZABYTKOWA CERKIEW PRAWOSŁAWNA ZWIASTOWANIA PRZENAJŚWIĘTSZEJ BOGURODZICY W SUPRAŚLU. UWARUNKOWANIA REKONSTRUKCJI	155
Фоменкова С.Ф.	ОРГАНИЗАЦИЯ СТОЯНОК ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	171
Харькова-Тумащук Л.Б.	ТУРИСТСКИЕ РЕСУРСЫ И ИНФРАСТРУКТУРА ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННЫХ КОРИДОРОВ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ТРАНЗИТНОГО ТУРИЗМА В БРЕСТСКОЙ ОБЛАСТИ	175
Шидловская Л.А.	ФОРМИРОВАНИЕ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ	180
Ширяева Л.А.	ПОИСКИ СТИЛЯ В ОБЪЕМНО-ПРОСТРАНСТВЕННОМ РЕШЕНИИ МУЖСКОЙ ГИМНАЗИИ В Г. БРЕСТЕ	183

Научное издание

**АРХИТЕКТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРИБУЖСКОГО РЕГИОНА.
ПРОБЛЕМЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
V МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Под общей редакцией доктора архитектуры, профессора В.Ф. Морозова

Ответственный за выпуск: **Панченко Т.А.**

Редактор: **Боровикова Е.А.**

Компьютерная верстка: **Боровикова Е.А.**

Корректор: **Никитчик Е.В.**

ISBN 978-985-493-294-1

Издательство БрГТУ.

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных
изданий № 1/235 от 24.03.2014 г.

Подписано к печати 15.05.2014 г. Бумага «Снегурочка».

Усл. п.л. 22.55. Уч.-изд.л. 24.25. Формат 60x84 1/8.

Гарнитура Arial Narrow. Тираж 100 экз. Заказ № 369.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Брестский государственный технический университет».
224017, г. Брест, ул. Московская, 267.